

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 2 (61) 2026

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 2 (61) 2026

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в электронном каталоге «Почта России» ПД037.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминова** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the electronic catalog "Russian Post" PD037.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhoviykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	8
Лингвистика	
<i>Горшунов Ю.В.</i> Заимствования из языков Индостана и Южной Азии (по материалам художественных произведений англоязычных авторов на примере обозначений человека).....	9
<i>Бугакова Н.Б., Дегтев Д.Н.</i> Жаргонные номинации спецтехники: о некоторых способах словообразования.....	16
<i>Кузнецова Т.Н.</i> Проектирование речевых моделей в профессиональной среде: как минимизировать нежелательные смыслы.....	23
<i>Черемохина Д.А., Ли К.К.</i> Категория аттрактивности в речевом жанре научной статьи.....	31
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Ананьина М.А.</i> Лингвокогнитивные и лингвoseмиотические аспекты исследования аллюзивных антропонимов (на материале современной британской прозы).....	43
<i>Олейникова О.Н.</i> Иноязычные вкрапления в автобиографической прозе К.И. Чуковского и их функции.....	52
<i>Триморук Е.Д.</i> Эволюция символов тени и зеркала в лирике М.И. Цветаевой.....	59
<i>Арзамова О.В.</i> Вставные конструкции в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин»: пространство разрыва.....	65
<i>Спешилова В.П.</i> Художественный психологизм в изображении подростка в прозе А.Г. Алексина 1950-х годов (на материале сборника «Необычайные похождения Севы Котлова»).....	73
<i>Денисова М.А.</i> Функции говорящих имён в произведениях современной детской литературы.....	83
<i>Губанов С.А.</i> Когнитивная эпитетация в поэтических текстах М. Цветаевой: эпитет <i>злой</i>	92
К 205-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского	
<i>Вохминцева А.В.</i> Лексема <i>благородный</i> и ее производные в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».....	99
Лингвокультурология	
<i>Чернигова И.В.</i> О современных тенденциях французской национальной аксиосферы (на материале анкетирования).....	105
<i>Скуридина С.А., Овсиенко Д.Л.</i> Пчелы в русской лингвокультуре (на материале русских народных и современных загадок).....	116
<i>Попова Е.А., Лабан М.Л.Ю.</i> Русская Африка, русская Сахара, русский Нил... (африканские коннотативные топонимы как часть русского культурно-языкового пространства).....	125
<i>Недоступова Л.В.</i> Язык стола: еда и напитки в зеркале говора Воронежской области.....	140
Межкультурная коммуникация	
<i>Цяньюй Чэнь</i> Экологическая тема в русской детской литературе и ее рецепция в Китае.....	149
Концептология	
<i>Бочарова И.М., Волкова Е.А., Черноусова И.Д.</i> Проблема российско-европейского взаимодействия в контексте межкультурной коммуникации: анализ идей представителей русской религиозной философии.....	157
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Трубицина Н.А., Дубова Д.И.</i> Информационная перегрузка XXI века: инфоксикация, девальвация языка и критический фильтр как необходимый навык мышления.....	167
<i>Смагина В.С., Кузьминых Е.О.</i> Роль визуальных элементов в современных новостных материалах: креативность как фактор доверия и внимания.....	174
<i>Скуридина С.А., Райм А.С.</i> Российские медиаплощадки и форматы обсуждения костюма.....	184
<i>Бугакова Н.Б., Рыцарев М.Д.</i> Журналистские методы в художественном кино: теоретические основы и особенности использования в советской культуре 1970-1990-х годов.....	194
<i>Кузьминых Е.О., Сабинина Д.А., Гаврилова В.С.</i> Формирование и развитие имиджа артиста как ключевой фактор коммуникации с аудиторией в социальных медиа.....	203
<i>Скуридина С.А., Русявый И.А.</i> Электронная музыка 1990-х годов в рецепции российских СМИ.....	213
<i>Быстрова А.А.</i> Просветительские новые медиа: анализ контента и специализированного инструментария.....	220

Язык СМИ

Грицай Л.А. Цифровая агрессия в комментариях пользователей на платформе ДЗЕН: особенности коммуникации, причины и формы проявления..... 229

Мифтахова О.В. Тактико-стратегические характеристики аргументативного дискурса как компонента американской политической коммуникации..... 238

События, обзоры, рецензии

Соколова М.Г. Текст в фокусе современной лингвистики: итоги VIII Всероссийской с международным участием научной конференции «Текст: лингвистический, литературоведческий, коммуникативный и методический аспекты»..... 245

Лысова О.Ю., Осипова Н.Д. Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка: методологический семинар научной школы Е.П. Иванян..... 254

Бугакова Н.Б. Итоги VII Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, ВГТУ, 15–17 апреля 2026 года)..... 264

Правила оформления статей..... 269

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	8
Linguistics	
<i>Gorshunov Y. V.</i> Borrowings from Hindustani and South Asian languages (based on English-speaking authors' fiction, exemplifying designations of humans).....	9
<i>Bugakova N.B., Degtev D.N.</i> Jargony denominations for special-purpose equipment: on some word-formation methods.....	16
<i>Kuznetsova T.N.</i> Designing speech models in a professional environment: how to minimize unwanted meanings.....	23
<i>Cheremokhina D.A., Lee K.K.</i> The category of attractiveness in the speech genre of a scientific article.....	31
Literary text: aspects of study	
<i>Ananyina M.A.</i> Linguocognitive and linguistic-semiotic aspects of studying allusive anthroponyms (based on contemporary British prose).....	43
<i>Oleynikova O.N.</i> Foreign language inclusions in I.K. Chukovsky's autobiographical prose and their functions.....	52
<i>Trimoruk E.D.</i> the evolution of the symbols of shadow and mirror in M.I. Tsvetaeva's lyrics.....	59
<i>Arzyamova O.V.</i> Inserted constructions in E.G. Vodolazkon's novel "Chagin": the space of breakdown.....	65
<i>Speshilova V.P.</i> Artistic psychologism in the portrayal of a teenager in A.G. Aleksin's prose of the 1950s (based on the collection "The extraordinary adventures of Seva Kotlov").....	73
<i>Denisova M.A.</i> Functions of speaking names in modern children's literature.....	83
<i>Gubanov S.A.</i> Cognitive epithetation in M. Tsvetaeva's poetic texts: the epithet <i>evil</i>	92
On the 205th anniversary of F.M. Dostoevsky	
<i>Vokhmintseva A.V.</i> The lexeme <i>noble</i> and its derivatives in the novel: "The brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky.....	99
Language and culture studies	
<i>Chernigova I.V.</i> On the issue of contemporary trends in the French national axiosphere (based on survey data).....	105
<i>Skuridina S.A., Ovsienko D.L.</i> Bees in Russian linguoculture (based on the material of Russian folk and modern riddles).....	116
<i>Popova E.A., Laban M.L.Yu.</i> Russian Africa, Russian Sahara, Russian Nile... (African connotative toponyms as part of the Russian cultural and linguistic space).....	125
<i>Nedostupova L.V.</i> Table language: food and drinks in the mirror of the Voronezh region's dialogue.....	140
Intercultural communication	
<i>Qianyu Chen</i> Ecological theme in Russian literature for children and its reception in China.....	149
Concept studies	
<i>Bocharova I.M., Volkova E.A., Chernousova I.D.</i> The Problem of Russian-European Interaction in the Context of Intercultural Communication: An Analysis of the Ideas of Russian Religious Philosophers.....	157
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Trubitsina N. A., Dubova D.I.</i> Information Overload in the 21st Century: Infoxication, Language Devaluation, and Critical Thinking as a Necessary Skill.....	167
<i>Smagina V.S., Kuzminykh E.O.</i> The role of visual elements in contemporary news materials: creativity as a driver of trust and attention.....	174
<i>Skuridina S.A., Raym A.S.</i> Russian media platforms and formats for discussing costume.....	184
<i>Bugakova N.B., Rytsarev M.D.</i> Journalistic methods in feature cinema: theoretical foundations and specifics of use in Soviet culture of the 1970-1990s.....	194
<i>Kuzminykh E.O., Sabinina D.A., Gavrilova V.S.</i> Formation and development of the artist's image as a key factor in communication with the audience in social media.....	203
<i>Skuridina S.A., Rusiavyi I.A.</i> Electronic music of the 1990s in Russian mass media.....	213
<i>Bystrova A.A.</i> Educational new media: content analysis and specialized tools.....	220

Language of mass media

<i>Gritsai L.A.</i> Digital aggression in user comments on the ZEN platform: features of communication, causes and forms of manifestation.....	229
<i>Miftakhova O.V.</i> Tactical and strategic characteristics of argumentative discourse as a component of American political communication.....	238

Events and reviews

<i>Sokolova M.G.</i> Text in the focus of modern linguistics: results of the VIII All-Russian scientific conference with international participation “Text: linguistic, literary, communicative and methodological aspects”.....	245
<i>Lysova O.Yu., Osipova N.D.</i> Topical issues in the study and teaching of the Russian language: methodological seminar of the E.P. Ivanyan scientific school.....	254
<i>Bugakova N.B.</i> Results of the VII scientific conference “Linguistic and cultural universals in the global space” (Voronezh, VSTU, April 15-17, 2026).....	264

<i>Layout of the articles</i>	269
--	-----

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей шестьдесят первый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II «Аспекты изучения художественного текста», III – «К 205-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

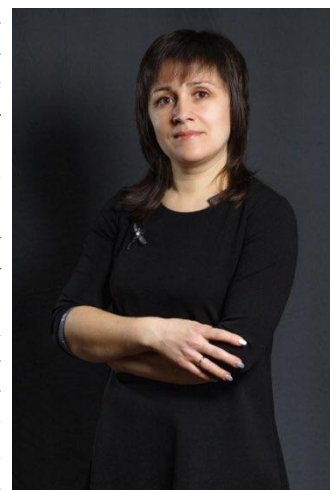
Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 30 научных работ. Раздел «Лингвистика» включает статьи, представляющие в лингвистическом, социокультурном и этнокультурном аспектах заимствования из языков Индостана и Южной Азии в английский язык (Ю.В. Горшунов), анализирующие некоторые способы образования номинаций специального транспортного обслуживания и механизмов (Н.Б. Бугакова, Д.Н. Дегтев), выявляющие речевые риски в профессиональной коммуникации (Т.Н. Кузнецова) и речевые особенности жанра научной статьи в условиях цифровизации науки (Д.А. Чермохина, К.К. Ли). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, рассматривающие характеристики аллюзивного антропонима на материале произведений современных британских писателей (М.А. Ананьина), иноязычные вкрапления в автобиографической прозе К.И. Чуковского (О.Н. Олейникова), эволюцию символов тени и зеркала в лирике М.И. Цветаевой 1910–1920-х годов (Е.Д. Триморук), вставные конструкции в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин», (О.В. Арязмова), формы, приемы и средства психологического изображения в сборнике ранних повестей А.Г. Алексина «Необычайные похождения Севы Котлова» (В.П. Спешилова), функции говорящих имён собственных в произведениях для детей и подростков (М.А. Денисова), когнитивную эпитетацию в поэтических текстах М. Цветаевой (С.А. Губанов). В разделе «К 205-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» приведен комплексный анализ лексемы *благородный* в последнем романе Ф.М. Достоевского (А.В. Вохминцева). В разделе «Лингвокультурология» рассматривается национальная ценностная картина мира на основе данных, полученных в результате анкетирования представителей французской лингвокультуры (И.В. Чернигова), образ пчелы в русской лингвокультуре (С.А. Скуридина, Д.Л. Овсиенко), коннотативные топонимы русского языка, восходящие к названиям крупных географических объектов Африканского континента (Е.А. Попова, М.Л.Ю. Лабан), особенности сельской кухни в одном из сел Воронежской области (Л.В. Недоступова). В разделе «Межкультурная коммуникация» рассматриваются произведения В. Бианки, О. Бундура и М. Пришвина, посвященные теме природы и предназначенные для детской и подростковой аудитории (Чэнь Цяньюй). Раздел «Концептология» включает работу о противостоянии России и коллективного Запада (И.М. Бочарова, Е.А. Волкова, И.Д. Черноусова). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» выявляются проблемы информационной перегрузки в XXI веке (Н.А. Трубицина, Д.И. Дубова), проводится комплексный анализ роли визуальных элементов в современных новостных материалах (В.С. Смагина, Е.О. Кузьминых), рассматривается место костюма персонажа в современной российской медиасреде (С.А. Скуридина, А.С. Райм), анализируется трансформация журналистских методов в игровом кино СССР 1970–1990-х годов (Н.Б. Бугакова, М.Д. Рыщарев), описываются особенности формирования и трансформации имиджа бренда артиста в условиях развития социальных медиа (Е.О. Кузьминых, Д.А. Сабина, В.С. Гаврилова), роль российских СМИ в формировании публичного образа электронной музыки в 1990-е годы (С.А. Скуридина, И.А. Русявый), трансформация просветительской среды под влиянием новых цифровых технологий (А.А. Быстрова). Раздел «Язык СМИ» рассказывает о цифровой агрессии в пользовательских комментариях на платформе Дзен (Л.А. Грицай), о тактико-стратегических механизмах аргументативной политической коммуникации (О.В. Мифтахова). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги VIII Всероссийской с международным участием научной конференции «Текст: лингвистический, литературоведческий, коммуникативный и методический аспекты» (М.Г. Соколова), традиционного методологического семинара «Динамические процессы в лексике и грамматике» (О.Ю. Лысова, Н.Д. Осипова), VII Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Н.Б. Бугакова).

Содержащиеся в выпуске 2 (61) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.111

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.001

*Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
романо-германской филологии
Горшунов Ю.В.
Бирск, Россия,
e-mail: gorshunov_@rambler.ru*

*Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology,
Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology
Yu.V. Gorshunov
Birsk, Russia
e-mail: gorshunov_@rambler.ru*

Ю.В. Горшунов

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКОВ ИНДОСТАНА И ЮЖНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ НА ПРИМЕРЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА)

Цель настоящей статьи – выявить и представить в лингвистическом, социокультурном и этнокультурном аспектах заимствования из языков Индостана и Южной Азии в английский язык, отражающие реалии культуры, быта, религии и др., отобранные из художественных произведений англоязычных авторов. Актуальность темы исследования определяется тем фактом, что в результате миграционных процессов, в Великобритании значительно выросло число людей, говорящих на языках народов Индостана, заимствования из которых начинают играть ощутимую роль в английском языке. Методы исследования определяются целью и задачами работы. Основной метод – описательный – реализован в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ и семантическую интерпретацию. Заявленная тема освещается на примерах заимствованных слов и выражений из урду и хинди. Основными источниками заимствований послужили романы английской писательницы А. Кристи, некоторые персонажи которых – бывшие колониальные чиновники и военные, и роман современного писателя пакистанского происхождения Нади-ма Аслама «Карты для заблудившихся влюбленных», в котором иммигранты прибыли из Пакистана, Индии, Бангладеш, Шри Ланки и говорят на языках Индостана и Южной Азии. В романе Н. Аслама отражены бытовые, религиозные, культурные, этнические и другие реалии Субконтинента и Южной Азии, используемые и сохраняемые в укладе жизни переселенцев из Пакистана и Индии. В статье акцент сделан на обозначения человека, включая инвективы. Словам и выражениям из языков Индостана и Южной Азии (в основном, урду и хинди) дан надлежащий лингвистический, социокультурный и этнокультурный комментарий.

Ключевые слова: заимствование (процесс), заимствование (результат), хинди, урду, Индостан, Южная Азия, инвективные обозначения человека

Y. V. Gorshunov

BORROWINGS FROM HINDUSTANI AND SOUTH ASIAN LANGUAGES (BASED ON ENGLISH-SPEAKING AUTHORS' FICTION, EXEMPLIFYING DESIGNATIONS OF HUMANS

The purpose of the article is to identify and present, in linguistic, sociocultural, and ethnocultural aspects, borrowings from the languages of Hindustan and South Asia into the English language, representing cultural, everyday, religious, and other aspects, selected from English-speaking authors' fiction. The relevance of this research topic is determined by the fact that, as a result of migration, the number of people speaking Hindustani languages in the UK has

increased significantly, and borrowings from these languages are beginning to play a significant role in the English language. The research methods are determined by the aim and objectives of the work. The primary method — descriptive — is implemented through the systematization, generalization, and interpretation of linguistic material. Linguistic methods include contextual analysis and semantic interpretation. The stated topic is illustrated through the examples of loanwords and expressions from Urdu and Hindi. The main sources of borrowings were the novels of the English writer A. Christie, some of whose characters are former colonial officials and military personnel, and the novel "Maps for Lost Lovers" by the contemporary Pakistani writer Nadeem Aslam, in which immigrants arrive from Pakistan, India, Bangladesh, and Sri Lanka and speak the languages of Hindustan and South Asia. Aslam's novel reflects the everyday, religious, cultural, ethnic, and other realities of the Subcontinent and South Asia, used and preserved in the lifestyle of immigrants from Pakistan and India. The article focuses on human designations, including invective.

Keywords: borrowing (process), borrowing (result), Hindi, Urdu, Hindustan, South Asia, invective designations of a person

Тема заимствований в английском и русском языках неоднократно привлекала внимание исследователей на рубеже веков и в первые два десятилетия нашего века [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9]. Она входила в наше исследовательское поле [10], [11], [12], [13], однако заимствования из языков народов Индостана и Южной Азии не получили должного освещения. Они обойдены вниманием авторитетными учебниками по истории английского языка и лексикологии за авторством В.Д. Аракина [14], [15], И.В. Арнольд [16], Т.А. Расторгуевой [17] и др., так как, по утверждению В.Д. Аракина, заимствования из языков народов Азии, Африки и Америки в новоанглийский период. были малочисленны и не имели особого значения в пополнении словаря, однако сведения о заимствованиях из восточных языков находим в авторитетных трудах Н.Н. Амосовой [18] и В.П. Секирина [19]. Обращение к словарям неологизмов [20], [21] выявило два десятка заимствований, из которых треть приходится на названия стран и регионов и этнонимы. В популярной книге В.И. Заботкиной по новой лексике современного английского языка отмечена новая тенденция роста заимствований из африканских и азиатских языков, но заимствования из языков Индостана не отмечены [22; с. 20-21].

В данной статье, посвященной заимствованиям из языков народов Индостана и Южной Азии, акцент сделан на обозначения человека. Заимствования в новоанглийский период (XVI - XX века) из языков народов Азии, Африки и Америки особого значения в пополнении словарного состава английского языка не имели и потому не отражены в упомянутых выше работах В.Д. Аракина. Тем не менее, начиная с XVII века в результате колонизации Англией неевропейских земель и создания промышленных и торговых компаний в Китае, Японии и Индии, английский язык стал обогащаться новыми словами из китайского, японского и языков народов Индии. [18], [19], [23]. Джон Шиерд приводит в качестве примеров заимствованных слов из санскрита слова *avatar*, *karma*, *nirvana*, *swastika*, *yoga* [23; с. 279]. В результате прямых контактов и активности Ост-Индской компании были заимствованы *sahib*, *nabob*, *rajah*, *guree*, *serou*, *soolie* и др., которые сразу же придают тексту восточный колорит. Он отмечает, что хронологически одними из первых общеизвестных слов, заимствованных в XVII веке, были *bungalow*, *chintz*, *cot*, *dungaree*, *mongoose*, *nabob*, *punch*, *sahib* и др. [23; с. 279]. Создатели Британской империи в Индии открыли для себя *teak*, *curry*, *mongooses* (тик, карри и мангусты) [24; с. 17].

Примеры хорошо освоенных заимствований из индийских языков приводит Е.В. Курицкая: *bungalow* – бунгало, одноэтажный летний дом с верандой (от названия провинции Бенгалия в Индии; от бенгальского *bangalah*); *cashmere* – кашемир, шерстяная пряжа из козьего пуха (от хинди *Cashmere*, Кашмир, область на северо-западе полуострова Индостан, где разводят особую породу коз); *nirvana* – нирвана, состояние полного покоя (от санскритского *nirvāna* (нирвана, угасание); *guree* – рупия, денежная единица Индии (от хинди *gūriyah* серебро, серебряная монета; от санскр. *gūrua* красивый, серебро). [4; с. 51]. Слово *bungalow* заслуживает особого комментария. Английские переселенцы и колониальные чиновники обычно селились в бунгало, или бенгало (англ. в *bungalow* ← *хинди* *banglā*) [25; с. 131], представляющее собой жилую одноэтажную по-

стройку с верандой по периметру, с соломенной крышей, защищавшей его обитателей от палящего солнца в тропических странах [26; с 98], главным образом в Индии и Малайзии. Вероятно, на образование этого слова оказало влияние слово *low* (низкий), так как в большинстве случаев остальные дома были двухэтажными.

Анализ заимствованных слов и иноязычных вкраплений в текстах англоязычных авторов, описывающих уклад жизни переселенцев из Южной Азии и Индостана в Англии и воспоминания бывших английских служащих в колониальной Индии, позволил сгруппировать их тематически и охарактеризовать в социокультурном аспекте. В силу небольшого формата данной статьи ограничимся описанием слов, обозначающих человека.

Помимо упомянутых выше *sahib*, *nabob*, *raj*, *rajah*, *serou*, *coolie*, приведем примеры наименований из рассказов и повестей А. Кристи, в которых бывшие колониальные чиновники и служащие характеризуются как *pukka sahib*, *wallah*, *police wallah*, *doctor wallah* и под., либо сами персонажи используют данные слова в своей речи, описывая свои былые заслуги или охоту в джунглях. Так, о майоре Палгрейве в романе «Карибская тайна» Кристи пишет: «His roving and curious eye was essentially a snobbish eye – Arthur Jackson was not a **pukka sahib** – Major Palgrave would not have glanced at him twice». [27, с. 35]. (Перевод: «Его блуждающий и любопытный взгляд был, по сути, снобистским – Артур Джексон не был **истинным джентльменом** – майор Палгрейв даже не взглянул бы на него дважды».)

Происходящий из хинди колониальный сленговый термин **pukka sahib** (пукка сахиб) означает «настоящий, достойный господин» или «истинный джентльмен». Словарь английского языка и культуры так комментирует прилагательное **pukka**: «*especially IndE & PakE* 1 good; of high quality 2 real; GENUINE 3 *humor* stiff and formal (from the fixed social manners supposed to be typical of the British in India during the period of British rule there». [28; с. 1081]. Брайан Локетт отмечает, что слово проникло в английский язык в начале XVIII века и образовалось из индийского *pakka*, означавшего «зрелый», «готовый», «приготовленный» [26; с. 419]. Термин использовался в Британской Индии для описания белых европейцев, часто подчеркивая их высокомерное, «отстраненное», но «безупречное» поведение и высокое положение. Слово **walla(h)** употреблялось, когда речь шла о человеке, ответственном за какую-либо работу или занятom определенной деятельностью, обычно интерпретировалось в значении **fellow** (a person in the same position, involved in the same activity, or otherwise associated with another – лицо, занимающее ту же должность, участвующее в той же деятельности или иным образом связанное с другим лицом. Словарь английского языка и культуры, комментируя слово **walla(h)**, отмечает региональную отнесенность *IndE & PakE* и указывает на выполнение человеком указанного вида работы или указанных обязанностей или услуг. [28, с. 1498]. В романах А. Кристи оно применяется к полицейским и врачам. «There speaks the **police wallah!** Can't you forget that you're a policeman now that you've retired into private life?» [29; с.19]. (Перевод: «Клянусь, это говорит полицейский-профессионал! Неужели ты не можешь забыть, что ты полицейский, теперь, когда ушел на пенсию и живешь частной жизнью?») Бывший офицер британской армии в Индии Келвин Холлидей также писал: «I suppose these **doctor wallahs** know their business». [30; с. 110]. (Перевод: «Полагаю, эти врачи знают своё дело».)

Помимо освоенных и зафиксированных в словарях слов из языков Индостана (в первую очередь из санскрита, хинди и урду) в современном романе Н. Аслама «Карты для влюбленных» лексические обозначения человека, часто в негативном контексте, не претендуют на лексикографическую фиксацию и вряд ли будут одобрены обществом в силу своей вульгарности и инвективности, но важны для понимания конфликтных ситуаций и отношений между персонажами.

Так, телефонную угрозу, предназначенную Шамасу и содержащую оскорбительное **behan chod**, выслушала его жена Каукаб: «The first time there was that dry sand-like static for several seconds before the line was dead but the second time someone spoke, a man saying incoherently – shouting almost – that, 'I want you to stay away from my wife! And 'We may be divorced but she's still mine, you **behan chod!**» [31, с. 207]. (Перевод: «В первый раз несколько секунд стоял сухой, похожий на песок, статический шум, после чего связь оборвалась, но во второй раз кто-то заговорил, мужчина невнятно,

почти крича, произнес: «Я хочу, чтобы ты держался подальше от моей жены!» и «Мы, может быть, и разведены, но она все еще моя, ты, сука, дрянь! (дословно, «кобель, трахающий сестру»). Ему же предназначалась и другая инвектива: «Leave her honour intact. Make no mistake: I lived in England and have friends there and so I can easily have your bones broken, you *dalla*» [31, с. 207]. (Перевод: «Оставь её честь нетронутой. Не заблуждайся: я жил в Англии и у меня там есть друзья, так что я легко могу переломать тебе кости, ты, сводник»). В данном контексте *dalla* используется как оскорбление, означающее «сводник» или «сутенер».

Два брата Чанды испытывают глубокое унижения от того, что она была дважды разведена и сожительствовала с Джугну: «And there was deeper humiliation too: the word *sala* – ‘brother-in-law’ – was a term of abuse all over the Subcontinent: to call someone *sala* was to say, ‘I fuck your sister and you can’t do anything about it!’; ‘You can’t stop me from trying my manhood on one of your women!’ What could be more humiliating to men who had been brought up to defend their women’s honour above all else? A man’s brother-in-law was a swear-word made flesh, and frustratingly, he had to accept it» [31; с. 346-347]. (Перевод: «Их достоинство оскорбляло слово «*sala*» — «зять» («шурин»). Оно было ругательством по всему Индийскому субконтиненту: назвать кого-то «сала» означало сказать: «Я трахаю твою сестру, и ты ничего не можешь с этим поделать!»; «Ты не помешаешь мне испытать мою мужественность на одной из твоих женщин!» Что могло быть более унижительным для мужчин, воспитанных в духе защиты чести своих женщин превыше всего? Слово «зять» было словесной пощечиной, и, что хуже всего, он вынужден был принять ее».)

Одно из обозначений женщин в колониальном контексте представлено словом *ayah* (айя). В Индии или других бывших британских территориях *ayah* – няня-туземка, служанка из местных жителей. Героиня романа «*Sleeping Murder*» («Спящий убийца») А. Кристи провела детство в Индии: «Do you remember a nurse – or an *ayah*?» «Not an *ayah* – Nannie. I remember Nannie because she stayed for some time – until I was five years old» [30, с. 37]. (Перевод: «Вы помните кормилицу или няню-туземку?» «Не служанку-туземку, а няню. Я помню няню, потому что она оставалась у меня некоторое время – до пяти лет».)

По отношению к женщинам мужчины-мусульмане в пылу гнева употребляют инвективы *haramzadi* («сволочь, негодяй(ка)» на урду; «шлюха» на хинди); *kanjri* – «колдующая женщина, танцовщица» → «проститутка» на урду; *kutia* – «сука», «собака» на урду и хинди; *badmash kutia* «негодяй(ка)» на хинди и на урду и другие оскорбительные обозначения: «Despite understanding his discomfort, there are, however, times when Shamas imagines Chanda’s father physically preventing his wife from revealing some important bit of evidence. He imagines violence. *Keep your mouth shut! This woman is a complete haramzadi! The kanjri woman didn’t say anything when it was time for her to speak and raise her badmash kutia daughter properly and now she cannot hold her tongue!*» [31; с. 139]. (Перевод: «Несмотря на понимание его дискомфорта, Шамас иногда представляет, как отец Чанды физически препятствует жене раскрыть какую-то важную улику. Он воображает насилие. *Держи рот на замке! Эта женщина — настоящая харамзоди! Женщина-канджери ничего не сказала, когда пришло время говорить и правильно воспитывать свою непутевую дочь (крутую сучку), и теперь она не может держать язык за зубами!*»)

Примечательно, что в список заимствований в словарь Oxford Advanced Learner’s Dictionary в марте 2022 года было добавлено значительное количество слов и выражений из индийского английского (10 слов, т.е. более трети из заимствований!), которые связаны с темой «Семья и отношения» и являются обозначениями человека. Английский язык не отличается избыточностью подобного вокабуляра. Теперь наряду с традиционными словами “uncle” (дядя), “aunt” (тетя), в словарь включены следующие лексические единицы: “chachi” (тетя, жена брата отца), “maasi” (тетя, сестра матери), “mami” (тетя, жена брата матери), “masa” (дядя, муж сестры матери), “maasa” (дядя, брат матери) и т.д. К названиям родственников, появившихся в результате брака и обозначающихся в английском при помощи «сдержанного» in-law, были добавлены “jama” (муж дочери) и “shohar” (муж женщины) [32, с. 1955].

Подведем итоги настоящего исследования. В статье нами представлены заимствования из языков народов Индостана и Южной Азии, отражающие реалии культуры, быта, религии и др., отобранные из художественных произведений англоязычных авторов.

В романах английской писательницы А. Кристи, персонажи которых – бывшие колониальные чиновники и военные, приводятся их воспоминания и рассказы о жизни и службе в колониях Англии. В данных произведениях акцент сделан на обозначения человека колониальной эпохи, например, *sahib*, *pukka sahib*, *wallah*, *police wallah*, *doctor wallah*, *ayah*. Относясь к колониальному периоду, эти заимствования явно устарели и утратили свою актуальность.

В романе современного писателя пакистанского происхождения Надима Аслама «Карты для влюбленных» персонажи – иммигранты, прибывшие в Великобританию из Пакистана, Индии, Бангладеш, Шри Ланки. Они говорят на языках Индостана и Южной Азии. Словам и выражениям из языков Индостана и Южной Азии (в основном, урду и хинди) был дан надлежащий лингвистический, социокультурный и этнокультурный комментарий. Они отражают важные для переселенцев бытовые, религиозные, культурные, этнические и другие реалии Субконтинента и Южной Азии, межличностные и межэтнические отношения.

В романе Н. Аслама фигурируют инвективные обозначения человека: *dalla*, *sala*, *haramzadi*, *kutia*, *badmash* и др. Многочисленные инвективные обозначения, ассоциируемые с конфликтными межличностными и межэтническими отношениями, вряд ли имеют шанс закрепления в английском языке по причине вульгарности в отличие от названий родственников. Большую вероятность вхождения имеют этнографические бытовые реалии, отражающие предметы национальной одежды, кулинарные и гастрономические пристрастия (восточную кухню), заслуживающие специального исследования.

Библиографический список

1. Абакумова И.А., Гарбуз Е.С. Заимствования в английском языке // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106-3. С. 124-126.
2. Зинчук Е. А. Немецкие заимствования в лексической системе современного английского языка // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 4. С. 110-116.
3. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002а. № 6. С. 27-36.
4. Курицкая Е.В. Этимология заимствований в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 47-52.
5. Мирзаянова Р.Ф., Болотова Е.В. Восточные лексические заимствования в современном английском языке // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. №3. С. 635-640.
6. Урысон Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 79-82.
7. Шарафутдинов Г.Р. К вопросу иноязычных заимствований в английском языке // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2025. С. 288-290.
8. Шевелева А.О. Восточноазиатские заимствования в английском языке. // Филология и лингвистика в современном научном и образовательном пространстве. 2021. № 8. С. 332–342.
9. Tarev B.V. Lexical borrowings: linguistic and didactic aspects. In: Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2012. Т. 5. № 7. С. 944-950.
10. Горшунов Ю.В. Арабский след в английском языке // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 451-456.
11. Горшунов Ю.В. Французские заимствования в английском языке на исходе XX века // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 3. С. 902-909.

12. Горшунов Ю.В. Немецкие слова в английском языке: заимствования 20 века // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. №2. С. 467-472.
13. Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Отношение к идеалам и ценностям ислама в романе Надима Аслама “Maps for Lost Lovers” // XII Международная научно-практическая конференция «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», 23-24 октября 2019, Уфа. С. 107-112.
14. Аракин В.Д. Очерки по истории английского языка. Учпедгиз, 1955. 346 с.
15. Аракин В.Д. История английского языка. 2- изд. М.: Физматлит, 2003. 272с.
16. Арнольд. И.В. Лексикология современного английского языка. М: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959. 351 с.
17. Расторгуева Т.А. История английского языка. М.: Высшая школа, 1983. 347 с. (На англ. яз.)
18. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 218 с.
19. Секирин В.П. Заимствования в английском языке. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. 152 с.
20. Грин Д. Словарь новых слов / Green Jonathon. Dictionary of New Words. М.: Вече, Персей, 1996. 352 с.
21. Дополнение к Большому англо-русскому словарю: около 12000 слов / И.Р. Гальперин, А.В. Петрова, Э.М. Медникова и др. М.: Русский язык, 1980. 432 с.
22. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
23. Sheard J. A. The Words We Use. Andre Deutch. 1970. 344 p.
24. Claiborne, Robert. English – Its Life and Time. Bloomsbury, 1994. 113 p.
25. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 856 с.
26. Локетт, Б. Английский язык: вчера, сегодня и завтра. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. - Медиа, 2005. 602, [6] с.
27. Christie, Agatha. A Caribbean Mystery. Harper Collins, 2016. 230 p.
28. Longman Dictionary of English Language and Culture: Longman, 1999. 1568 p.
29. Christie, Agatha. Murder is easy. Pan Books, 1976. 190 p.
30. Christie, Agatha. Sleeping Murder. 6th printing, 1977. 296 p.
31. Aslam, Nadeem. Maps for Lost Lovers. Faber&Faber, 2004. 369 p.
32. Шевелева И.А., Митина А.О. Способы пополнения словарного состава английского языка в 2021 и 2022 гг. (на материале электронного словаря “Oxford Advanced Learner’s Dictionary”): словообразовательные и лексико-семантические особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 6. С. 1954-1958.

References

1. Abakumova I.A., Garbuz E.S. Borrowings in the English Language // Trends in the Development of Science and Education. 2024. Vol. 106-3. P. 124-126.
2. Zinchuk E. A. German borrowings in the lexical system of the modern English language // Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication. 2013. Vol. 4. P. 110-116.
3. Krysin L.P. Lexical borrowing and calques in the Russian language in recent decades // Issues of linguistics. 2002. Vol. 6. P. 27-36.
4. Kuritskaya E.V. Etymology of Borrowings in Modern English // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov, 2019. Vol. 12. Iss. 3. P. 47-52.

5. Mirzazanova R.F., Bolotova E.V. Eastern Lexical Borrowings in Modern English // *Bulletin of Bashkir University*. 2020. Vol. 25. Iss. 3. P. 635–640.
6. Uryson E.V. Linguistic Picture of the World and Lexical Borrowings // *Issues of linguistics*. 1999. Vol. 6. P. 79–82.
7. Sharafutdinov G.R. On the Issue of Foreign-Language Borrowings in English // *Education, Innovation, and Research as a Resource for Community Development. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Cheboksary, 2025. P. 288–290.
8. Sheveleva A.O. East Asian borrowings in the English language. // *Philology and linguistics in the modern scientific and educational space*. 2021. Vol. 8. P. 332–342.
9. Tarev B.V. Lexical borrowings: linguistic and didactic aspects.: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2012. Vol. 5. Iss. 7. P. 944–950.
10. Gorshunov Y.V. The Arabic trace in the English language // *Bulletin of Bashkir University*. 2018. Vol. 23. Iss. 2. P. 451–456.
11. Gorshunov Y.V. French borrowings in English at the end of the 20th century // *Bulletin of Bashkir University*. 2018. Vol. 23. Iss. 3. Pp. 902-909.
12. Gorshunov Y.V. German words in the English language: borrowings of the 20th century // *Bulletin of Bashkir University*. 2021. Vol. 26. Iss. 2. P. 467-472.
13. Gorshunov Y.V., Gorshunova E.Y. Attitude to the ideals and values of Islam in the novel by Nadim Aslam “Maps for Lost Lovers” // *XII International Scientific and Practical Conference “Ideals and Values of Islam in the Educational Space of the 21st Century”*, October 23-24, 2019, Ufa. P. 107-112.
14. Arakin V.D. *Essays on the history of the English language*. Moscow, 1955. 346 p.
15. Arakin V.D. *History of the English Language*. 2nd ed. Moscow, 2003. 272 p.
16. Arnold. I.V. *Lexicology of the Modern English Language*. Moscow, 1959. 351 p.
17. Rastorgueva T.A. *History of the English Language*. Moscow, 1983. 347 p.
18. Amosova N.N. *Etymological Foundations of the Vocabulary of the Modern English Language*. Moscow: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1956. 218 p.
19. Sekirin V.P. *Borrowings in the English Language*. Kyiv, 1964. 152 p.
20. Green, J. *Dictionary of New Words*. Moscow, 1996. 352 p.
21. *Supplement to the Comprehensive English-Russian Dictionary: about 12,000 words* / I.R. Galperin, A.V. Petrova, E.M. Mednikova, et al. Moscow, 1980. 432 p.
22. Zabotkina V.I. *New Lexicon of Modern English*. Moscow, 1989. 126 p.
23. Sheard, J. A., *The Words We Use*. Andre Deutch, 1970. 344 p.
24. Claiborne, Robert. *English – Its Life and Time*. Bloomsbury, 1994. 113 p.
25. Krysin L.P. *Explanatory Dictionary of Foreign-Language Words*. Moscow, 2002. 856 p.
26. Lockett, B. *English: Yesterday, Today, and Tomorrow*. 2nd ed. Moscow, 2005. 602, [6] p.
27. Christie, Agatha. *A Caribbean Mystery*. Harper Collins, 2016. 230 p.
28. *Longman Dictionary of English Language and Culture*: Longman, 1999. 1568 p.
29. Christie, Agatha. *Murder is easy*. Pan Books, 1976. 190 p.
30. Christie, Agatha. *Sleeping Murder*. 6th printing, 1977. 296 p.
31. Aslam, Nadeem. *Maps for Lost Lovers*. Faber&Faber, 2004. 369 p.
32. Sheveleva, I.A., Mitina, A.O. Ways to Replenish the English Vocabulary in 2021 and 2022 (based on the electronic dictionary “Oxford Advanced Learner’s Dictionary”): word-formation and lexical-semantic features // *Philological sciences. Theoretical and practical issues*. 2022. Vol. 15. Iss. 6. P. 1954-1958.

УДК 629.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.002

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

кандидат технических наук,
доцент кафедры строительной техники и
инженерной механики им. профессора
Н.А. Ульянова
Дегтев Д.Н.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-910-349-9644
e-mail: dm.degtev.79@mail.ru

Candidate of Technical Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department of
Construction Machinery and Engineering
Mechanics named after Professor N.A.
Ulyanov,
Degtev D.N.
Russia, Voronezh, tel. +7-910-349-9644
e-mail: dm.degtev.79@mail.ru

Н.Б. Бугакова, Д.Н. Дегтев

ЖАРГОННЫЕ НОМИНАЦИИ СПЕЦТЕХНИКИ: О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена исследованию некоторых способов образования номинаций специального транспортного оборудования и механизмов, широко используемых в профессиональной среде строителей, дорожников, коммунальщиков и представителей смежных профессий, а также особенностей словообразовательных процессов, лежащих в основе появления и распространения жаргонных наименований спецтехники в профессиональной среде. В работе сообщается о некоторых колебаниях в терминологическом аппарате, приводятся разные точки зрения относительно терминов *жаргон*, *социолект*, обосновывается выбор термина, используемого в данном исследовании. Рассматриваются основные типы лексического творчества рабочих коллективов, создающих собственный профессиональный жаргон и наименования, часто отличающиеся выразительностью и эмоциональностью. Исследование проводится методом лингвистического анализа существующих обозначений, выявляются закономерности и особенности процессов словообразования, характерные для сферы эксплуатации спецтехники. Особое внимание уделено основным методам формирования неофициальных терминов, активно используемых работниками строительной отрасли, дорожной службы и иных сфер, тесно взаимодействующих со специальными машинами и оборудованием. Проведён сравнительный анализ подходов к формированию номинаций спецтехники, выявлены доминирующие тенденции и стилистические характеристики подобных образований. Проведённое исследование позволяет говорить о наличии ряда продуктивных и регулярных процессов, формирующих систему жаргонных наименований спецтехники. Среди них отметим метафорический перенос, субстантивацию, эпонимию и пр. Автор приходит к выводу, что эти приёмы позволяют эффективно организовывать профессиональное общение и обеспечивать комфортное взаимодействие работников со сложной техникой. Проведённое исследование показало, что профессиональный жаргон представляет собой важный аспект культурного и языкового наследия трудовых коллективов.

Ключевые слова: спецтехника, жаргонная номинация, словообразование, профессионализм, специальная техника.

N.B. Bugakova, D.N. Degtev

JARGONY DENOMINATIONS FOR SPECIAL-PURPOSE EQUIPMENT: ON SOME WORD-FORMATION METHODS

This article examines some methods of denomination for specialized transport equipment and mechanisms widely used by construction, road construction, utility workers, and related professionals, as well as the specifics of the word-formation processes underlying the emergence and spread of jargon names for specialized equipment within the professional community. The paper reports on some fluctuations in terminology, presents different perspectives on the terms jargon and sociolect, and justifies the choice of term used in this study. It examines the main types of lexical creativity among work teams, who create their own professional jargon and names, often characterized by expressiveness and emotionality. The study utilizes a linguistic analysis of existing designations, identifying patterns and features of word-formation processes characteristic of the operation of specialized equipment. Particular attention is paid to the main methods of forming informal terms actively used by workers in the construction industry, road services, and other sectors closely interacting with specialized machinery and equipment. A comparative analysis of approaches to the formation of special-purpose equipment nominations is conducted, identifying dominant trends and stylistic characteristics of such formations. The study suggests the presence of a number of productive and regular processes that shape the system of slang terms for special-purpose equipment. These include metaphorical transfer, substantiation, eponymy, and others. The author concludes that these techniques enable effective professional communication and ensure comfortable interaction between workers and complex machinery. The study demonstrated that professional jargon is an important aspect of the cultural and linguistic heritage of work teams.

Keywords: special-purpose equipment, slang nomination, word formation, professionalism, special-purpose equipment.

В предлагаемом исследовании предпринимается попытка рассмотреть жаргонные номинации спецтехники с точки зрения словообразования. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом исследователей к жаргонам и социолектам, который возникает, по нашему мнению, в связи с тем, что «само понятие «социолект» является многозначным и представляет собой определённую сложность для исследователей» [1, с. 7]. В частности, социолект может рассматриваться как «совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной – в пределах той или иной подсистемы национального языка» [2, с. 49]. Отмечается, что социолект определяется «своим отношением к говорящему, он является функцией того, кем является говорящий» [3, р. 157].

Н.Г. Епифанцева и А.Ю. Назарова сообщают, что «социолект является социальной разновидностью языка, которая выражена на всех языковых уровнях (фонетико-фонологическом, лексическом, грамматическом) и используется только очень сплочёнными социальными общностями, члены которых рассматривают социолект как маркер своей идентичности» [1, с. 13].

Обращаясь ранее в своих исследованиях к теме жаргонов [4; 5], мы отмечали, что существует «деление жаргонов на классово-прослоечные, производственные, молодежные, жаргоны группировок людей по интересам и увлечениям» [4, с. 111].

И.П. Лапинская и А.К. Затонская, рассматривая взаимодействие социальных подсистем в русском языке, отмечают, что применение профессиональных языков характерно «в более зрелом возрасте, когда начинают трудовую деятельность; этими жаргонами пользуются долгие годы, т.е. все время работы» [6, с. 139], а «активно пользуются компьютером, ... посещают тренажерные залы, работают в студенческие каникулы вожатыми, становятся фанатами футбола» в молодом возрасте [там же]. Это обстоятельство, по мнению исследователей, свидетельствует о непосредственной взаимосвязи возраста говорящего и используемой им разновидности национального языка.

Отдельно следует отметить, что наименования спецтехники, выступающие предметом настоящего исследования, могут быть отнесены к профессиональной лексике, однако критерии однозначного отнесения тех или иных лексем к профессионализмам или жаргонизмам в

современном языкознании не являются общепризнанными. Например, Н.М. Гладкая профессиональные жаргонизмы называет не более, чем разновидностью профессионализмов [7].

Учитывая это обстоятельство, в данной работе считаем более целесообразным использование термина *жаргон*, под которым, вслед за Т.А. Агаевой, будем понимать «устоявшиеся выражения, доступные для понимания определённого круга лиц» [8, с. 429].

Некоторые особенности различных профессиональных жаргонов рассматривались в разное время учеными. Так, в частности, А.Б. Иванова анализирует номинацию лиц в русском профессиональном железнодорожном жаргоне [9], Ю.И. Апарина, А.С. Павлова и А.А. Чистик обращаются к рассмотрению профессионального жаргона учителя иностранного языка [10], М.И. Солнышкина и О.А. Морозова выявляют особенности словарного состава профессионального нефтяного жаргона [11] и др. Однако особенности словообразования жаргонных номинаций спецтехники до настоящего времени не становились предметом исследования ученых, что обуславливает новизну данной работы.

Очевидно, что в настоящее время спецтехника играет важную роль в современной инфраструктуре строительства, дорожного хозяйства, коммунальных служб и сельского хозяйства. Большое количество разновидностей используемой в этих сферах техники требует оперативного обращения с названиями и типами моделей среди работников соответствующих отраслей. В этой связи рабочие коллективы формируют специфический жаргон, упрощенный вариант профессионального языка, состоящий из устойчивых выражений, разговорных форм и собственных изобретенных наименований. Использование такого жаргона облегчает коммуникацию, повышает эффективность взаимодействия и создает своеобразную субкультуру внутри профессиональных сообществ.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей и путей возникновения специальных наименований, позволяющих рабочим быстро обмениваться информацией относительно типов и видов спецтехники. Методами исследования выступают метод лингвокультурного анализа, наблюдение и систематизация. Нами были рассмотрены устоявшиеся формы наименований спецтехники, зафиксированные в повседневном профессиональном общении, изучены способы формирования жаргонных наименований.

Одним из самых продуктивных способов словообразования в русском языке является суффиксальный способ, который доминирует и при образовании жаргонных номинаций спецтехники. Примечательно, что суффиксы добавляются к уже существующим номинациям, образованным при помощи аббревиации. Так, в сфере жилищно-коммунальных услуг в любое время активно используются комбинированные дорожные машины, именуемые аббревиатурой КДМ, под которой понимается автомобиль на специальном шасси, с возможностью установки оборудования различных типов для содержания дорог в чистоте. Специалисты, работающие на такой технике, обозначают ее лексемой *КДМка*, образованной при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* от рассматриваемой аббревиатуры. Отметим, что в настоящее время аббревиатура КДМ имеет и другое значение: оборудование, предназначенное для содержания дорог в чистоте, устанавливается на шасси автомобилей, произведенных на Курганском заводе дорожных машин, в связи с чем на самих автомобилях имеется надпись КурганДорМаш, формирующая аббревиатуру КДМ. Таким образом, аббревиатура КДМ может выступать также эпонимом, от которого суффиксальным способом образуется жаргонная номинация *КДМка*.

Среди основных способов образования жаргонных номинаций спецтехники отметим метафорический перенос. О метафоре как одном из способов образования жаргонных номинаций можно говорить, например, относительно лексемы *миксер*, используемой для обозначения автобетоносмесителей – грузовых автомобилей, оборудованных вращающейся ёмкостью для перевозки бетона. Очевидно, перенос значения осуществляется на основании сходства осуществляемых процессов: миксер как устройство для приготовления пищи предназначен для того, чтобы смешивать компоненты до создания однородной массы; миксер (ав-

тобетоносмеситель) может использоваться как для приготовления бетонной смеси, так и для ее транспортировки, в процессе которой вращение обеспечивает однородность перевозимой бетонной смеси. Отметим, что несмотря на то, что как установки для смешивания, так и шасси автобетоносмесителей могут быть разных марок, их названия не участвуют в формировании жаргонной номинации.

При помощи метафорического переноса образуется номинация *петушок*, используемая для обозначения одноковшового неполноповоротного экскаватора. Примечательно, что этот жаргонизм сформировался как название экскаватора ЭО-2621, который начали производить в 1967 году на экскаваторных заводах в Киеве, Златоусте и Саранске на базе шасси колёсных тракторов ЮМЗ-6 и МТЗ-82.

Лексема *петушок* образована при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-ок* от лексемы *петух*, под которой понимается, в соответствии с лексикографическими данными, «домашняя птица, самец кур, с красным гребнем на голове и шпорами на ногах | Самец некоторых других птиц из породы куриных» [12]. Известно, что отличительной внешней особенностью петуха является крупный гребень, а также пышное хвостовое оперение. На основе сходства формы хвостового оперения и ковша экскаватора, закрепленного на задней части трактора, и возник метафорический перенос, в результате которого в настоящее время одноковшовые неполноповоротные колесные экскаваторы любых марок (JCB, Hitachi, Komatsu, Caterpillar и пр.) называют *петушками* (иногда можно встретить употребление полной формы *петух*). Полагаем, употребление диминутива для обозначения таких единиц спецтехники обусловлено небольшими размерами и малой грузоподъемностью этих машин. Таким образом, в случае образования данной номинации можно говорить о последовательной реализации двух способов словообразования: метафорическом переносе и суффиксальном способе.

Примечательно, что экскаваторы тех же марок, но с другими техническими характеристиками (гусеничные полноповоротные тяжелого и среднего класса) именуется в соответствии с цифрами в официальном названии. Так, например, экскаватор Caterpillar 330C-L получает номинацию в форме порядкового числительного *триста тридцатый*, экскаваторы Hyundai R300LC-9S, DEVELON DX300LCA-7M, Hitachi ZX300-5A называют *трехсотыми* вне зависимости от марки. Здесь в качестве способа словообразования выступает субстантивация, поскольку порядковые числительные начинают выполнять функцию имен существительных. Полагаем, образование подобных номинаций обусловлено необходимостью обозначить, во-первых, габариты техники, что важно при ее транспортировке, а во-вторых, информировать о технических возможностях экскаватора: очевидно, техника на гусеничном ходу отличается большей проходимостью, грузоподъемностью, соответственно, используется при выполнении иного спектра работ, нежели колесные «петушки».

В качестве одного из способов словообразования жаргонных номинаций спецтехники отметим явление эпонимии. Под этим термином будем понимать переход имени собственного в разряд нарицательных. Так, например, лексема *Gomaco* в литературном языке выступает названием корпорации, которая производит продукцию для приготовления и укладки бетонных смесей, применяемую на строительстве магистралей, аэродромов, бетонных ограждений и ирригационных каналов. *Gomaco* выпускает различные бетоноукладчики (плоского покрытия, монолитных профилей), машины для текстурирования и нанесения раствора и др. Жаргонизм *Гамака* употребляется для обозначения любой техники этой корпорации, причем, кроме эпонимии, при образовании этого жаргонизма имеет место переход имени существительного из категории среднего рода в категорию женского рода. Безударные *о* при произнесении лексемы *Gomaco* редуцируются в *а*, в результате чего слово, получив окончание *-а*, звучит как существительное женского рода, и, соответственно, получает все грамматические характеристики существительного 1 склонения, в частности, изменяется по числам и падежам. По такому же принципу образуется жаргонизм *Кобелка*, образованный от эпонима

Kobelco, обозначающего технику, производимую японской корпорацией Kobelco Construction Machinery. Известно, что эта корпорация занимается разработкой и выпуском гидравлических гусеничных экскаваторов массой от 0,95 до 48 тонн, мини-экскаваторов, а также разных видов кранов. Примечательно, что техника Kobelco, как и техника Gomaco, именуется эпонимом; здесь не используются жаргонизмы, представляющие собой порядковые числительные, хотя в названии техники содержатся цифры.

О явлении эпонимии как способе образования новых слов необходимо говорить и в случае формирования жаргонных номинаций, используемых для обозначения техники Амкодор. Известно, что под этой маркой белорусской машиностроительной компанией производится спецтехника различного предназначения: дорожно-строительные машины, торфодобывающие, сельскохозяйственные и т.п. Вся техника этой марки получает именование *Амкодор* вне зависимости от того, где и для чего применяется, и назначение конкретной единицы техники, обозначаемой жаргонизмом *Амкодор*, может быть определено только в конкретной ситуации; так, если речь идет о выравнивании грунта, его перемещении и т.п., то номинация *Амкодор*, скорее всего, применена для обозначения автогрейдера (например, AMKODOR G160-01/G161).

Отметим жаргонные номинации, возникающие на основе фонетического сходства. Так, грузовые автомобили марки *Shaanxi*, выпускаемые в Китае, получают номинацию *Шансон*, очевидно, в связи с возникающим созвучием с лексемой *шансон*, под которой традиционно понимается музыкальный жанр. Возможно образование жаргонных номинаций в соответствии со страной-производителем: так, для обозначения грузовых автомобилей, в частности, производимых в КНР, может применяться лексема *китаец*, что обусловлено, на наш взгляд, некоторыми трудностями чтения и произношения китайских названий (*Shacman*, *Hongyan* и т.п.).

Завершая исследование, отметим, что жаргонные номинации спецтехники выполняют важные коммуникативные функции в среде профессионалов, работающих с такими машинами, в частности, облегчают понимание и передачу важной информации о состоянии и особенностях эксплуатации машин. Именно благодаря активному употреблению этих терминов обеспечивается эффективная передача опыта между сотрудниками разного уровня квалификации и опыта. Кроме того, некоторые термины несут в себе элемент юмора и игры, создавая благоприятную атмосферу в трудовом коллективе. Подобная практика способствует повышению мотивации персонала и развитию чувства общности и сплочённости команды.

Проведённое исследование подтверждает наличие ряда продуктивных и регулярных процессов, формирующих систему жаргонных наименований спецтехники. Среди них отметим метафорический перенос, субстантивацию, эпонимию и пр. Эти приёмы позволяют эффективно организовывать профессиональное общение и обеспечивать комфортное взаимодействие работников со сложной техникой. Таким образом, проведенное исследование показало, что профессиональный жаргон представляет собой важный аспект культурного и языкового наследия трудовых коллективов. Используемые способы словообразования демонстрируют креативность рабочих и способствуют созданию эффективного инструмента коммуникации в рамках трудового процесса. Понимание особенностей словообразования жаргонных номинаций позволяет глубже проникнуть в суть социально-культурных явлений, происходящих в современных производственных сообществах и обогатить знание о механизмах живой речи и процессах развития естественного языка.

Библиографический список

1. Епифанцева Н.Г., Назарова А.Ю. Онтологический статус понятия «социолект» (на примере британского социолекта “Posh”) // Вестник Московского государственного област-

ного университета. Серия: лингвистика. 2022. № 5. С. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-6-14.

2. Очиллова А. Сниженная лексика в современном русском языке // *Scientific progress*. 2022. Т. 3. № 1. С. 47–51, с. 49].

3. Halliday M. A. C. *Language as Social Semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold, 1978. Pp. 157.

4. Подвигина Н.Б. К вопросу о некоторых лексических особенностях профессионального жаргона водителей- дальнотойщиков // *Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики*. 2012. № 1. С. 110-115.

5. Бугакова Н.Б., Сулемина О.В. Лексика отдельных профессиональных групп (на материале жаргона водителей) // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 10 (10). С. 41-46.

6. Лапинская И.П., Затонская А.К. Взаимодействие социальных подсистем в русском языке // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 139-141.

7. Гладкая Н.М. Лингвистическая структура и стилистические функции профессиональных жаргонизмов: дис. канд. филолог. наук: 10.02.19 (теория языка). М.: МГУ, 1977. 155 с.

8. Агаева Т.А. Понятие «сленг» и его особенности // *Экономика, управление и финансы в цифровом обществе: материалы международных научно-практических конференций (Курск, 05–06 апреля 2022 года)*. Курск: Курский институт кооперации, 2022. С. 429–432.

9. Иванова А.Б. Номинация лиц в русском профессиональном железнодорожном жаргоне // *Russian Linguistic Bulletin*, 2023. № 7 (43). С. 1-4. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.37>

10. Апарина Ю.И., Павлова А.С. и Чистик А.А. Профессиональный жаргон учителя иностранного языка // *Современное педагогическое образование*, 2021. №2. С. 97-100.

11. Солнышкина М.И., Морозова О.А. Состав и микроструктура словаря профессионального жаргона (на материале словаря русского профессионального нефтяного жаргона) // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*, 2006. №3. С. 91-96.

12. Ушаков Д.Н. *Большой толковый словарь современного русского языка*. М.: «Альта-Принт», 2007. С. 685.

Referecens

1. Epifantseva N.G., Nazarova A.Yu. Ontological status of the concept "sociolect" (on the example of the British sociolect "Posh") // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2022. No. 5. pp. 6–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-5-6-14.

2. Ochilova A. Reduced vocabulary in modern Russian // *Scientific progress*. 2022. Vol. 3. No. 1. pp. 47–51, p. 49].

3. Halliday M.A.C. *Language as Social Semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold, 1978. pp. 157.

4. Podvigina N.B. On Some Lexical Features of the Professional Jargon of Long-Distance Truck Drivers // *Current Issues in German, Romance, and Russian Studies*. 2012. No. 1. pp. 110-115.

5. Bugakova N.B., Sulemina O.V. Vocabulary of Certain Professional Groups (Based on Drivers' Jargon) // *Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2013. No. 10 (10). pp. 41-46.

6. Lapinskaya I.P., Zatonskaya A.K. Interaction of Social Subsystems in the Russian Language // *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. Tambov: Gramota, 2016. No. 3(57): in 2 parts. Part 1. pp. 139-141
7. Gladkaya N.M. Linguistic structure and stylistic functions of professional jargon: diss. cand. philological sciences: 10.02.19 (language theory). Moscow: Moscow State University, 1977. 155 p.
8. Agaeva T.A. The concept of "slang" and its features // *Economy, management and finance in a digital society: materials of international scientific and practical conferences (Kursk, April 5-6, 2022)*. Kursk: Kursk Institute of Cooperation, 2022. pp. 429-432.
9. Ivanova A.B. Nomination of persons in Russian professional railway jargon // *Russian Linguistic Bulletin*, 2023. No. 7 (43). Pp. 1-4. DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.43.37>
10. Aparina Yu.I., Pavlova A.S. and Chistik A.A. Professional jargon of a foreign language teacher // *Modern pedagogical education*, 2021. No. 2. Pp. 97-100.
11. Solnyshkina M.I., Morozova O.A. Composition and microstructure of the vocabulary of professional jargon (based on the dictionary of Russian professional oil jargon) // *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*, 2006. No. 3. P. 91-96.
12. Ushakov D.N. Comprehensive explanatory dictionary of the modern Russian language. M.: Alta-Print, 2007. P. 685.

УДК 81'33

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.003

*Институт Высшей школы государственного
управления, Президентская Академия,
ведущий специалист
Кузнецова Т.Н.
Россия, г. Челябинск,
e-mail: tktrener@mail.ru*

*Institute of the Higher School of Public Admin-
istration, Presidential Academy,
Lead Specialist
Kuznetsova T.N.
Russia, Chelyabinsk
e-mail: tktrener@mail.ru*

Т.Н. Кузнецова

ПРОЕКТИРОВАНИЕ РЕЧЕВЫХ МОДЕЛЕЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ: КАК МИНИМИЗИРОВАТЬ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛЫ

Статья посвящена анализу речевых рисков в профессиональной коммуникации с позиций семантики, прагматики и теории языкового сознания. Профессиональная коммуникация рассматривается как процесс актуального смыслообразования, зависящий от ментальных моделей, ожиданий и коммуникативного опыта участников взаимодействия. Особое внимание уделяется феномену коммуникативно нежелательных высказываний, которые обладают повышенным риском негативного прагматического эффекта и могут провоцировать конфликт, снижать доверие или исказить коммуникативный замысел говорящего. Коммуникативно нежелательные высказывания представляют собой устойчивые речевые формулы профессионального дискурса, которые обладают неблагоприятным прагматическим эффектом и могут восприниматься адресатом как отказ, упрек, обесценивание или дистанцирование вне зависимости от исходного намерения говорящего. Использование таких формулировок снижает уровень доверия и нарушает эффективность профессионального взаимодействия. Специфика подобных высказываний заключается в том, что их провокационный характер определяется не только контекстом и интонацией, но и особенностями восприятия адресата – его речевым и социальным опытом, а также ожиданиями, связанными с профессиональной ролью представителя организации. Речевые риски возникают в тех случаях, когда прагматическое действие высказывания, его семантическая структура и ролевая позиция говорящего не согласуются с актуальным смысловым полем адресата. В статье предлагается трехуровневая модель анализа речевых рисков, основанная на оценке прагматического эффекта высказывания, его семантической прозрачности и соответствия профессиональной роли говорящего. В ходе анализа выделены критерии, позволяющие относить отдельные формулировки к потенциально конфликтующим, с учетом расхождения мотивов общения, ментальных моделей ситуации, ролевых ожиданий и прагматических последствий речи. Показано, что данные критерии могут использоваться как методологическая основа для анализа и проектирования речевых моделей в профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, речевые риски, коммуникативно нежелательные высказывания, прагматический эффект речи, семантическая прозрачность, ролевое соответствие.

T.N. Kuznetsova

DESIGNING SPEECH MODELS IN A PROFESSIONAL ENVIRONMENT: HOW TO MINIMIZE UNWANTED MEANINGS

The article is devoted to the analysis of speech risks in professional communication from the standpoint of semantics, pragmatics and theory of linguistic consciousness. Professional communication is considered as a process of actual semantic formation, depending on the mental models, expectations and communicative experience of the participants in the interaction. Special attention is paid to the phenomenon of communicatively undesirable statements, which have an increased risk of negative pragmatic effect and can provoke conflict, reduce trust or distort the speaker's communicative intent. Communicatively undesirable utterances are stable speech formulas of professional discourse that have an unfavorable pragmatic effect and can be perceived by the addressee as rejection, rebuke, devaluation or distancing, regardless of the speaker's original intention. The use of such formulations reduces the level of trust and

disrupts the effectiveness of professional interaction. The specificity of such statements lies in the fact that their provocative nature is determined not only by the context and intonation, but also by the peculiarities of the recipient's perception – his speech and social experience, as well as expectations related to the professional role of the representative of the organization. Speech risks arise in cases where the pragmatic action of an utterance, its semantic structure and the speaker's role position are inconsistent with the addressee's actual semantic field. The article proposes a three-level model of speech risk analysis based on an assessment of the pragmatic effect of an utterance, its semantic transparency and compliance with the professional role of the speaker. In the course of the analysis, criteria were identified that make it possible to classify individual formulations as potentially conflictual, taking into account the divergence of communication motives, mental models of the situation, role expectations and the pragmatic consequences of speech. It is shown that these criteria can be used as a methodological basis for the analysis and design of speech models in professional communication.

Keywords: professional communication, speech risks, communicatively undesirable statements, pragmatic effect of speech, semantic transparency, role matching.

В данной статье сфокусируем внимание на идентификации коммуникативно нежелательных высказываний в рамках профессиональной деятельности, связанной с обслуживанием клиентов. Е.В. Харченко, российский психолингвист, считает, что в контексте сервисной составляющей общения ключевым фактором успеха является способность человека эффективно управлять своим речевым поведением в профессиональной среде: «... это в первую очередь относится к областям повышенной речевой ответственности, в которых умение общаться предполагается как основное и необходимое условие успеха профессиональной деятельности. Здесь должны работать профессиональные коммуникаторы, к которым мы относим специалистов, имеющих многообразные варианты речевого поведения и осознанно отбирающих их в зависимости от ситуации для достижения поставленных целей» [1; с.4].

В профессиональной среде эффективность взаимодействия с клиентами во многом определяется качеством речевых моделей, применяемых специалистами. Коммуникативно нежелательные высказывания – это устойчивые речевые формулы, обладающие негативным прагматическим потенциалом, способные независимо от намерений говорящего вызывать у адресата чувство отказа, обвинения или обесценивания, что снижает эффективность профессиональной коммуникации. Разработка и внедрение адекватных речевых моделей позволяет минимизировать такие негативные эффекты, что является ключевой задачей в современных сервисных и институциональных практиках.

Е.В. Харченко отмечает, что успешное профессиональное общение в областях с повышенной речевой ответственностью требует способности специалиста осознанно управлять своим речевым поведением и выбирать стратегии в зависимости от ситуации [1].

Таким образом, проектирование речевых моделей в профессиональной среде должно включать анализ потенциально конфликтогенных формул, адаптацию языка под эмоциональный и социальный контекст, обучение сотрудников распознаванию и корректировке нежелательных высказываний, а также использование предсказательных стратегий для снижения риска негативного восприятия. При этом особое внимание следует уделять эмотивности – «способности языковых единиц отражать переживания человека по поводу определённого явления действительности» [2; с.50]. Именно через эмотивные элементы фразы могут приобретать для адресата позитивное или негативное значение.

В разных сферах профессионального общения существует свой негласный или официально закреплённый перечень слов и выражений, способных вызвать негативную реакцию, усугубить конфликт или снизить уровень доверия клиента. Например: *это не ко мне // почему вы не принесли / не прочитали / не спросили // к сожалению, здесь я ничем помочь не могу.*

Коммуникативно нежелательные высказывания – это устойчивые речевые формулы профессионального дискурса, обладающие негативным прагматическим потенциалом и способные, независимо от намерений говорящего, вызывать у адресата ощущение отказа,

обвинения, обесценивания или дистанцирования, что приводит к снижению эффективности профессионального взаимодействия.

Для анализа таких высказываний эффективно использовать метод моделирования, который, как указывает М.Ф. Панкина в статье «Моделирование как метод познания в лингвистике», имеет важное познавательное и практическое значение для подобных исследований [3; с. 98]. Моделирование позволяет выделить структурные признаки коммуникативно нежелательных высказываний, определить условия, при которых они приобретают конфликтогенный характер, а также разработать корректирующие речевые модели, способствующие минимизации негативных коммуникативных эффектов в профессиональном взаимодействии.

Разработка и внедрение адекватных речевых моделей позволяет минимизировать негативные эффекты высказываний в ситуациях профессионального общения, что является ключевой задачей в современных сервисных и институциональных практиках.

Ловушка коммуникативно нежелательных высказываний в том, что они становятся провокационными не только в зависимости от контекста или интонации, с которой они произносятся, но и от восприятия клиента, его речевого и социального опыта, а также ожиданий от формата профессионального общения со стороны специалистов организации. Формирование у сотрудников профессиональных навыков распознавания и исключения из речи потенциально конфликтогенных высказываний можно рассматривать как элемент развития коммуникативной компетентности – способности осознанно выстраивать речевые стратегии с учетом социального и эмоционального контекста общения.

Рассмотрим примеры речевых формул с повышенной конфликтной нагрузкой и разберем, каким образом они приобретают нежелательный смысл в коммуникативной ситуации профессионального общения.

Сам(а) удивляюсь, как так получилось, никогда такого не было.

Высказывание отражает растерянность специалиста, а также попытку снять с себя ответственность за сложившуюся проблемную ситуацию. Клиент воспринимает фразу как признание некомпетентности, что подрывает доверие к специалисту, и усложняет дальнейшее общение. А.А. Леонтьев, отечественный психолингвист, автор теории речевой деятельности (ТРД), в своих исследованиях делает акцент на том, что речевое действие – это реализация внутреннего мотива и целей через языковые средства [4]. В данном случае коммуникант демонстрирует несоответствие мотива (*успокоить клиента*) и выбранных языковых средств (*самооправдание*). Модель ситуации в сознании сотрудника – «*непредвиденная ошибка, я не виноват*», тогда как модель клиента – «*проблема, требующая решения и ответственности*». Как отмечает Е.Ф. Тарасов, отечественный лингвист, «речь (выбор альтернативных речевых вариантов, вариативность речи) зависит не собственно от обстановки, а от модели этой обстановки, которая формируется у коммуниканта... В психологии и психолингвистике между ситуацией общения и речью «помещается» сознание человека, отображающего, моделирующего эту обстановку» [5; с. 17]. Таким образом, несоответствие моделей восприятия сотрудника и клиента иллюстрирует, как различия в интерпретации ситуации могут приводить к нежелательным смысловым нагрузкам высказываний и усложнять профессиональное общение.

Я тут ничем помочь не могу.

Фраза вызывает у клиента чувство беспомощности и изоляции. Она блокирует коммуникацию, лишает собеседника надежды на решение и демонстрирует нежелание включаться в совместное действие. В терминах ТРД ситуацию можно обозначить как разрушение мотивационно-целевого компонента речевого действия. Цель речи (помочь, направить, сохранить контакт) заменяется на защитную позицию специалиста (отстраниться). В результате деятельность теряет предметную направленность:

высказывание не ориентировано на преобразование ситуации, а только на сохранение внутреннего комфорта говорящего.

Я только консультирую, расчеты по оплате делает программа.

Фраза формально корректна, но как речевая модель в ситуации профессионального общения неэффективна. Высказывание «исключает» присутствие человека в коммуникации. Клиент ожидает не техническое объяснение, он хочет получить вовлеченность специалиста и помощь. Вместо этого ему предоставляют только информацию, при этом клиент не всегда знает и понимает, что с ней делать. Речевая деятельность здесь не выполняет своей функции опосредования социального действия. Сотрудник использует инструментальную модель общения («сообщить информацию»), а не сервисную («влиять на эмоциональное состояние и поведение клиента»).

Это уже не ко мне, а к руководству компании.

Говорящий переводит ответственность «вверх» по иерархии, создавая у клиента ощущение бюрократической стены. Формулировка демонстрирует отсутствие сопричастности и подрывает чувство доверия к организации в целом. В рамках концепции ТРД это пример рассогласования между мотивом и целью действия: мотив профессионального общения предполагает достижение совместного результата, но речевое действие фактически направлено на разрыв коммуникации. Модель ситуации у сотрудника – «я не уполномочен», тогда как у клиента – «вы – представитель компании, значит, вы отвечаете». Различие когнитивных моделей участников коммуникации ведет к конфликту смыслов.

Все приведенные высказывания демонстрируют одно общее свойство: они формируются неосознанно, в результате неадекватной модели ситуации общения, существующей в сознании сотрудника.

В ходе анализа влияния различных высказываний на развитие коммуникативной ситуации мы сформировали несколько критериев, которые применяем для идентификации потенциально конфликтных и провокационных формулировок в ходе разработки речевых моделей профессионального общения:

1. Несоответствие мотива и речевого действия. Высказывание является *стоп-фразой*, если не выражает подлинный коммуникативный мотив, а служит для психологической защиты говорящего (самооправдание, уход от ответственности, демонстрация формальной вежливости). Согласно ТРД А. А. Леонтьева, эффективность речевого действия определяется соответствием мотива говорящего и цели высказывания [4].

2. Расхождение между когнитивными моделями ситуации у коммуникантов. По Е. Ф. Тарасову, речь зависит не от реальной ситуации, а от ее ментальной модели [6]. В профессиональной коммуникации несовпадение этих моделей ведет к коммуникативным сбоям. Так, фраза попадает в категорию нежелательных и рекомендованных к исключению из стандарта или переформулировке, если есть вероятность, что модель ситуации, существующая в сознании говорящего, не совпадает с моделью слушающего, что может вызывать искажение смысла или отрицательную интерпретацию.

3. Негативная прагматическая направленность. Высказывание, создающее эмоциональное или когнитивное напряжение, снижает качество профессиональной коммуникации. Как правило, формулировка имеет негативный прагматический эффект, когда усиливает тревогу, обиду, недоверие или чувство беспомощности у клиента, даже если формально она семантически корректна.

4. Нарушение принципа социально-ролевой адекватности. Профессиональное общение – это деятельность в рамках определенных социальных ролей. Согласно А. А. Леонтьеву, эффективность речевого действия определяется соответствием внутреннего мотива и коммуникативной цели [4], а по Е. Ф. Тарасову – согласованностью высказывания с ментальной моделью ситуации, формируемой у коммуниканта, в нашем случае – клиента [6]. Формулировка

может дать негативный прагматический эффект, если она выходит за пределы ожидаемой речевой роли (например, специалист демонстрирует личные эмоции, шутит, обесценивает клиента или дистанцируется от профессиональной позиции вместо ожидаемых клиентом поддержки и эмпатии). Такое несоответствие разрушает структуру взаимодействия и снижает доверие.

5. Отсутствие деятельностной направленности речи. Фраза относится к нежелательным, если она не ведет к решению коммуникативной задачи (не предлагает действий, не открывает диалог, не снижает напряжение). В ТРД речь – это форма деятельности, направленная на преобразование ситуации [7]. Если высказывание не способствует продуктивному развитию диалога, оно теряет смысловую и социальную функцию.

6. Снижение эмпатийного и перцептивного контакта. Высказывание может рассматриваться как потенциально конфликтное, если оно нарушает эмоциональную связь с собеседником и не учитывает его состояние или потребности. В психолингвистической теории коммуникации подчеркивается, что взаимодействие происходит через взаимное отражение сознаний участников: «Общность сознаний коммуникантов никогда не бывает полной, т.к. сознание, будучи продуктом деятельностного присвоения этнической культуры, уникально как по содержанию, так и по объему, отображая индивидуальный жизненный путь каждого субъекта сознания» [6; с. 15]. При отсутствии эмпатийного восприятия происходит утрата этой «общности сознаний», что ведет к искажению смыслов и возникновению конфликтов.

7. Семантическая или интонационная двусмысленность. Фраза может быть воспринята как ироничная, саркастическая или равнодушная из-за выбора слов, интонации или контекста, даже если замысел был нейтральным. Восприятие смысла опирается не только на вербальную форму, но и на просодические и контекстуальные признаки. Двусмысленные конструкции вызывают когнитивное напряжение и снижают доверие.

Исходя из позиции Е. Ф. Тарасова, содержание мыслей, возникающих при восприятии речевых сообщений, конструируется участниками общения ситуативно, в контексте конкретного коммуникативного взаимодействия [8]. Это означает, что профессиональная коммуникация представляет собой процесс актуального смыслообразования, а не передачу заранее заданных значений. В этом ключе, как отмечает А. А. Леонтьев, эффективность речевого воздействия определяется способностью говорящего учитывать текущее смысловое поле адресата и прогнозировать те смысловые изменения, которые возникнут у реципиента в результате коммуникации [9]. Игнорирование этого принципа становится одной из основных причин речевых рисков: высказывания могут быть интерпретированы не так, как предполагал специалист, что приводит к искажению смысла и снижению эффективности коммуникации. Речевой риск возникает в тех случаях, когда высказывание запускает у адресата интерпретации, не совпадающие с коммуникативным замыслом говорящего. Следовательно, управление прагматическим эффектом, семантической прозрачностью и ролевым соответствием выступает ключевым механизмом профилактики коммуникативных сбоев.

1. Проверка прагматического эффекта высказывания предполагает анализ того, какой отклик оно вызывает у адресата, независимо от субъективных намерений говорящего. В профессиональной коммуникации принципиально важно учитывать не только семантическое содержание высказывания, но и его прагматический и поведенческий эффект. Е. Ф. Тарасов отмечает: «Речевое общение можно рассматривать как процесс взаимного управления общающимися внешним и внутренним коммуникативным и посткоммуникативным поведением» [10; с. 36]. В этом случае речевой риск возникает тогда, когда управление становится неосознанным или неконтролируемым, например, когда высказывание прагматически считается как отказ, упрек или уход от ответственности.

В профессиональном общении одно и то же высказывание может выполнять различные функции: информировать, отказывать, обвинять, дистанцироваться, демонстрировать власть или, напротив, поддержку. Например, формула «это не ко мне» может выражать передачу

ответственности, однако часто воспринимается как отказ от помощи или нежелание вовлекаться в проблему клиента. Проверка прагматического эффекта позволяет выявить подобные расхождения между намерением и интерпретацией и направлена на осознанный выбор формулировок, минимизирующих развитие конфликта и поддерживающих корпоративный формат общения.

2. Контроль семантической прозрачности связан с обеспечением однозначности и понятности смысла высказывания для адресата профессиональной коммуникации. Это значит, что клиент без дополнительных когнитивных усилий может реконструировать намерение сотрудника и правильно интерпретировать содержание сообщения.

В профессиональной среде источниками семантической непрозрачности часто становятся канцеляризм или вопросы и высказывания с обвинением (*Почему вы...?*). Такие конструкции могут быть формально корректными, но при этом порождать дополнительные смыслы, не запланированные специалистом: ощущение давления, упрека или сомнения в компетентности клиента.

Контроль семантической прозрачности предполагает осознанную проверку того, не содержит ли высказывание скрытых оценок, неоднозначных отсылок или логических пробелов, которые адресат будет вынужден заполнять самостоятельно. В условиях стресса или конфликта клиент, как правило, интерпретирует такие формулировки в негативном ключе. Поэтому прозрачность смысла становится не только лингвистическим, но и этическим требованием профессионального общения.

3. Поддержание ролевого соответствия означает согласование речевого поведения специалиста с ожиданиями, нормами и функциями его профессиональной роли. Каждая институциональная роль – сотрудник службы поддержки, оператор контактного центра, продавец, государственный служащий – предполагает определенный репертуар допустимых речевых стратегий и формулировок.

Нарушение ролевого соответствия часто проявляется в смещении ответственности на адресата, избыточной директивности, эмоциональной отстраненности или, наоборот, неуместной фамильярности. Например, вопрос *«почему вы не прочитали инструкцию?»* формально апеллирует к фактам, но позиционирует специалиста как контролирующую сторону, а клиента – как того, кто «виноват» и должен признать ошибку, что противоречит модели сервисного профессионального общения. Удерживать профессиональную позицию даже в условиях эмоционального напряжения и конфликтного запроса сотруднику помогут речевые модели, ориентированные на партнерскую позицию с клиентом и демонстрирующие готовность помочь. Таким образом, ролевое соответствие выступает механизмом стабилизации коммуникации и формирования доверия.

Чек-лист оценки высказываний нужен, чтобы заранее выявить и минимизировать риск неправильного понимания или негативной реакции на сказанное. Он помогает проверить содержание, структуру и эмоциональный оттенок высказывания, чтобы избежать двусмысленности, обесценивания или конфликта. Использование такого инструмента делает общение более понятным, конструктивным и профессиональным.

1. Проверка прагматического эффекта: каким образом высказывание воздействует на адресата.

Индикаторы оценки:

- Высказывание не воспринимается адресатом как отказ, обвинение или дистанцирование.
- Формулировка поддерживает совместный формат взаимодействия: *мы с вами поступим так // давайте посмотрим варианты.*
- Речевая стратегия снижает, а не усиливает эмоциональное напряжение.
- Намерение говорящего считывается однозначно и совпадает с ожидаемой профессиональной функцией.
- Высказывание не содержит скрытой критики или угрозы.

2. Контроль семантической прозрачности: насколько ясно и однозначно передается смысл.

Индикаторы оценки:

- Высказывание не содержит скрытых обвинительных или оценочных суждения.
- Все слова и конструкции понятны адресату; если исключение профессиональных терминов искажает смысл высказывания, то дается пояснение для клиента.
- Формулировка не предполагает негативных пресуппозиций: *вы должны были знать// очевидно, что...*
- Причинно-следственные связи выражены явно, без смысловых разрывов.
- Адресату не требуется догадываться о намерениях или позиции специалиста.

3. Поддержание ролевого соответствия: насколько сотрудник остается в рамках своей профессиональной позиции.

Индикаторы оценки:

- Формулировка отражает ответственность и компетентность специалиста, а не перекладывает ее на клиента.
- Речевая позиция соответствует институциональной роли (консультант, помощник, представитель организации).
- Отсутствует назидательный, обвинительный или избыточно директивный тон.
- Ограничения и правила обозначаются корректно и логично.
- Речь поддерживает доверие к организации и ее представителю.

Чек-лист помогает говорящему заранее оценить, как его сообщение может быть понято адресатом, и скорректировать его так, чтобы избежать непонимания или двусмысленности, негативной реакции клиента и снижения эффективности общения из-за некорректной формулировки.

Таким образом, проектирование речевых моделей в профессиональной среде предполагает разработку стандартизированных вариантов коммуникации, которые учитывают возможные интерпретации, эмоциональные реакции и ожидания адресата. Такой подход позволяет заранее оценить варианты фраз по критериям минимизации конфликтной нагрузки, корректировать содержание и форму высказываний.

Анализ профессиональной коммуникации показывает, что речевые риски возникают, когда высказывание, независимо от намерений говорящего, прагматически функционирует как отказ, упрек или форма дистанцирования. В таких ситуациях адресат реагирует не на буквальный смысл фразы, а на ее коммуникативное действие, что приводит к росту напряжения, снижению доверия и повышению вероятности конфликта.

Дополнительным источником речевого риска является семантическая непрозрачность высказывания. Неоднозначные формулировки, скрытые пресуппозиции и имплицитные оценки создают условия, при которых адресат вынужден самостоятельно «доставать» смысл сообщения. В условиях институционального общения и асимметрии ролей такие смысловые «пустоты» чаще всего интерпретируются в негативном ключе, что усиливает вероятность коммуникативного сбоя.

Эффективное проектирование речевых моделей возможно благодаря интеграции теоретических знаний о функционировании речи с практическими инструментами анализа и самопроверки. Такой подход включает оценку семантической прозрачности, проверку соответствия профессиональной роли и прогнозирование коммуникативных эффектов, что в итоге снижает вероятность нежелательных смыслов, повышает доверие и обеспечивает более конструктивное взаимодействие в профессиональной среде.

Библиографический список

1. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.
2. Крючкова Т.М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 1. С. 48-51.
3. Панкина М.Ф. Моделирование как метод познания в лингвистике // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 1. С.98-102.
4. Леонтьев А.А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 368 с.
5. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарвич; отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1979. 328 с.
6. Тарасов Е.Ф. Дополнительные модели речевого общения (к постановке проблемы) // Организационная психолингвистика. 2020. № 3 (11). С. 10-21.
7. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 384 с.
8. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 24-33.
9. Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 100-123.
10. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. Вып.2. С. 34-47.

References

1. Kharchenko, E., & V., N. Models of Speech Behavior in Professional Communication. Chelyabinsk: SUSU Publishing House, 2003. 336 p.
2. Kryuchkova T.M. The Concept of Expressiveness in Contemporary Linguistics // Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series «Linguistics and Intercultural Communication». 2006, No. 1. P. 48-51.
3. Pankina M.F. Modeling as a Method of Cognition in Linguistics // Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series «Linguistics and Intercultural Communication». 2006, No. 1. P. 98-102.
4. Leontiev, A. Fundamentals of the Theory of Speech Activity. Moscow: Nauka, 1974. 368 p.
5. Tarasov, F. N. Towards the Construction of the Theory of Speech Communication // Theoretical and Applied Problems of Speech Communication / Yu. N. Sorokin, F. N. Tarasov, A. N. Shakhnarovich; ed. by A. A. Leontiev. Moscow: Nauka, 1979. Pp. 328.
6. Tarasov, F. N. Additional Models of Speech Communication (for Problem Statement) // Organizational Psycholinguistics. 2020. No. 3 (11). Pp. 10-21.
7. Leontiev, A. N. Language, Speech, Speech Activity. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 384 p.
8. Tarasov, F. N. Actual Problems of Linguistic Consciousness // Linguistic Consciousness and the Image of the World / ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2000. Pp. 24–33.
9. Leontiev, A. N. Communication as an Object of Psychological Research // Methodological Problems of Social Psychology. Moscow: Nauka Publ., 1975. Pp. 100-123.
10. Tarasov, F. N. Linguistic Consciousness // Questions of Psycholinguistics. 2004. Issue 2. Pp. 34–47.

УДК 81'23'42

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.004

*Белгородский государственный националь-
ный исследовательский университет (НИУ
«БелГУ»)*

*Канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и русской литературы*

Черемохина Д.А.

Россия, г. Белгород

тел. 89524341941

e-mail: cheremohina@bsuedu.ru

Belgorod National Research University,

*Associate Professor of the Department of
Russian Language and Russian Literature,
Cheremokhina D.A.,*

Russia, Belgorod,

Tel. 89524341941

e-mail: Cheremohina@bsuedu.ru

*Канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и русской литературы*

Ли К.К.

Россия, г. Белгород

тел. 89511551577

e-mail: stebunova@bsuedu.ru

*Associate Professor of the Department of
Russian Language and Russian Literature,
Lee K.K.,*

Russia, Belgorod,

Tel. 89511551577

e-mail: stebunova@bsuedu.ru

Д.А. Черемохина, К.К. Ли

КАТЕГОРИЯ АТТРАКТИВНОСТИ В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

В статье рассматриваются речевые особенности жанра научной статьи в условиях цифровизации науки. Показано, что переход научного знания в сетевую среду усиливает значимость таких текстовых категорий, как диалогичность и аттрактивность, не только сохраняющих образную и аргументированную силу языка в век ИИ, но и актуализирующих новые жанровые приоритеты, связанные с цитируемостью, видимостью и коммуникативной эффективностью текста. Актуальность исследования определяется необходимостью изучения языковых параметров научной статьи, которые обеспечивают востребованность этого жанра в новых коммуникативных условиях. В качестве эмпирической базы использованы труды профессора И.И. Чумак-Жунь, рассматриваемые как образцовые тексты современной гуманитарной прозы, которые демонстрируют преемственность научных поколений – от научной школы профессора, д.ф.н., заслуженного деятеля науки РФ Н.Ф. Алефиренко до сотрудничества с молодыми коллегами и учениками. Цель работы состоит в описании устойчивых моделей аттрактивности и в определении ключевых аттракторов, вовлекающих читателя в диалог с автором. Применяются методы наблюдения, классификации, дискурс-анализа, а также анализа и синтеза. В результате выделены четыре группы аттракторов: людические (игровые приемы), стилистические (выразительные средства), интертекстуальные (цитаты, аллюзии) и перформативные (диалогизация, вопросно-ответные формы). Делается вывод, что данные аттракторы, как правило, взаимодействуют и контаминируются, в совокупности обеспечивая высокий уровень вовлеченности адресата. Научная статья как жанр демонстрирует тенденцию сохранения «живого» изложения и активного использования элементов художественной выразительности.

Ключевые слова: аттрактивность, диалогичность, аттрактор, научный текст, научная статья, научный дискурс.

D.A. Cheremokhina, K.K. Lee

THE CATEGORY OF ATTRACTIVENESS IN THE SPEECH GENRE OF A SCIENTIFIC ARTICLE

This article examines the linguistic characteristics of the scientific article genre in the context of the digitalization of science. It is shown that the transition of scientific knowledge to the online environment enhances the significance of textual categories such as dialogicity and attractiveness, which not only preserve the figurative and argumentative power of language in the age of AI but also actualize new genre priorities related to citation, visibility, and commu-

nicative effectiveness of the text. The relevance of the study is determined by the need to study the linguistic parameters of scientific articles that ensure their relevance in new communication conditions. The empirical basis is the works of Professor I. I. Chumak-Zhun, considered exemplary texts of modern humanities prose, demonstrating the continuity of scientific generations – from the scientific school of Professor, Doctor of Philosophy, Honored Scientist of the Russian Federation N. F. Alefirenko to collaboration with young colleagues and students. The aim of this study is to describe consistent patterns of attractiveness and identify key attractors that engage readers in dialogue with the author. Methods of observation, classification, discourse analysis, and analysis and synthesis are employed. Four groups of attractors are identified: ludic (game mechanics), stylistic (figures of speech), intertextual (quotations, allusions), and performative (dialogization, question-and-answer forms). It is concluded that these attractors tend to interact and contaminate, collectively ensuring a high level of reader engagement. The scientific article as a genre demonstrates a tendency to maintain a "lively" presentation and actively utilize elements of artistic expression.

Keywords: attractiveness, dialogicity, attractor, scientific text, scientific article, scientific discourse.

История науки берет свое начало еще в Античности, но только в начале XVIII века вырабатываются определенные черты в изложении научной информации. Внимание к систематическому описанию наблюдений и логическому обоснованию выводов становится основополагающим требованием научной деятельности. Сегодня мы становимся свидетелями процесса цифровизации науки и ее постепенного перехода в новое академическое пространство, создаваемое в сети Интернет. Однако отметим, что и в традиционном, и в новом цифровом формате ключевым способом научной коммуникации выступает научная статья. Вслед за Е.А. Кожемякиным и Т.В. Дубровской под научной статьей мы понимаем «устойчивый тип текста с присущими композиционными и содержательными характеристиками (инвариант), выполняющий закрепленные за ним функции систематизации и распространения знания в сфере научных социокультурных практик посредством традиционной печатной формы или цифровых технологий» [1; с. 68].

Известно, что в начале становления стиля в XVIII в. научные труды были очень близки художественным. В процессе развития стилевых норм постепенно формировалось убеждение, что объективность научного стиля должна быть неразрывно связана с сухостью изложения и отсутствием элементов художественности. С этим утверждением нельзя согласиться в полной мере, поскольку русская научная коммуникация всегда отличалась живостью языка, отражающего остроту научной мысли. Именно живой стиль научной прозы, воплощенный в ясной постановке проблемы и в приемах аргументации, не только обеспечивает доступность знаний, но и вовлекает читателя в процесс научного исследования.

Сегодня, когда наука вошла в новый этап развития, связанный с цифровизацией, наблюдается ускорение процессов научной коммуникации, появляются новые задачи и в области труда ученого: повышение цитируемости и других наукометрических показателей, привлечение внимания к исследованию, доступность изложения материала статей. В условиях роста объемов данных и расширения мультимодальных форм представления знания возможны риски снижения качества научной прозы. В век искусственного интеллекта данная проблема не ограничивается лишь «планом содержания»: становится важно сохранять образную и аргументированную силу языка, чтобы текст научной статьи оставался понятным, запоминающимся и обеспечивал дальнейшее развитие отечественной науки.

Цель нашего исследования состоит в изучении языковых особенностей жанра современной научной статьи сквозь призму категории аттрактивности, которая определяет привлекательность научного текста для читателя. Исследование направлено на выявление того, какие языковые средства усиливают вовлекающие характеристики текста без ущерба для его точности, повторяемости и воспроизводимости. Мы рассматриваем аттрактивность как комплекс свойств, включающий коммуникативную эффективность, эстетическую выразительность и адаптивность к целевой аудитории, и анализируем их взаимосвязь в пространстве научной статьи.

Материалом нашего исследования являются тексты научных статей, автором или одним из авторов которых является профессор, доктор филологических наук Ирина Ивановна

Чумак-Жунь. Нами были отобраны 40 научных публикаций, проиндексированных в электронной научной библиотеке Elibrary в период с 2020 по 2026 года. При анализе исключены тезисы конференций, монографии, диссертации и словарь. Объектом нашего исследовательского внимания выступали научные статьи, опубликованные как в ведущих российских и зарубежных журналах, так и в сборниках трудов научных конференций. Мы уверены, что наблюдение за реализацией основных категорий текста статьи должно проводиться на эталонных письменных образцах, автор которых владеет не только знаниями норм русского литературного языка, но и чувством языкового стиля. Научное творчество И.И. Чумак-Жунь отличается глубоким пониманием современных процессов в языке, вниманием к слову как инструменту и объекту познания, а также научной смелостью и изысканностью в выражении научных идей. Кроме того, выбор материала исследования обусловлен еще несколькими факторами. Во-первых, И.И. Чумак-Жунь представляет поколение учёных, перешедших от традиционного бумажного формата к цифровому варианту научных публикаций, что позволяет проследить эволюцию научного дискурса в условиях цифровизации. Во-вторых, как ученица доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Н.Ф. Алефиренко, она активно сотрудничает с молодыми авторами – своими учениками и коллегами, продолжая научные традиции классической лингвистической школы. В отобранном корпусе проявляется преемственность поколений, что обеспечивает объективное выявление ключевых черт речевого жанра научной статьи сквозь призму категории аттрактивности.

Поскольку объектом нашего исследования выступает научный текст, то мы использовали методы текстоцентрического и лингвоцентрического подходов к его анализу. На первом этапе исследования мы отобрали языковые маркеры аттрактивности, классифицировали их и описали их основные особенности. На втором этапе мы применяли методы дискурс-анализа для определения особенностей функционирования аттракторов и их обусловленности контекстом публикации. На третьем этапе исследования были выявлены устойчивые модели аттрактивности для научного дискурса исследуемого автора и сделаны выводы о тенденциях развития речевого жанра научной статьи в целом.

Эффективность научной статьи в значительной степени обеспечивается реализацией ряда ключевых текстовых категорий, таких, как информативность, когерентность, диалогичность и аттрактивность. Эти категории выступают фундаментальными механизмами, структурирующими дискурс и обеспечивающими его рецептивность.

Изучение научного текста в аспекте его диалогичности продолжает идеи М.М. Бахтина о двусторонней направленности высказывания. Научный текст в таком случае является средством диалога: с одной стороны, он обуславливает общение автора с читателем, а с другой, – может вызвать у читателя собственные идеи, которые он воплотит в другом тексте. М.Н. Кожина определяет диалогичность как «выраженное в тексте средствами языка взаимодействие общающихся, понимаемое как соотношение двух или более смысловых позиций, как учет адресата (в широком смысле, в том числе и второго Я), отраженный в речи, а также эксплицитированные в тексте признаки собственно диалога» [2; с. 36]. На наш взгляд, подобное взаимодействие автора и читателя в пространстве научной статьи – это не столько результат определенных социокультурных, технических и парадигмальных изменений, которые уже отмечаются исследователями на различных уровнях организации текста [1, 3, 4, 5 и др.], сколько фундаментальные свойства, возникшие еще в риториках античных ораторов и эволюционировавшие в цифровой среде.

Диалогичность научного текста становится важным фактором, обеспечивающим автору успешность и определенный научный статус. Аттрактивность, в свою очередь, усиливает этот эффект, превращая текст научной статьи в пространство взаимодействия. «Автор научной прозы стремится привлечь внимание потенциальных читателей к своему открытию, новой идее и т.д., используя для этого, в том числе, и языковые элементы, обладающие эмо-

циональностью. Несмотря на глубокие функциональные различия художественного и научного мышления, художественного и научного стилей речи, между ними существует много общего. Творческое вдохновение имеет один и тот же характер и в науке, и в поэзии» [6; с. 293]. На наш взгляд, категория аттрактивности «преображает» современный научный текст за счет интеграции с элементами художественного стиля, задающими вектор взаимодействия с читателем и определяющими степень привлекательности текста.

Механизм аттракции обеспечивается специальными инструментами – аттракторами, которые позволяют вовлечь читателя в активную научную коммуникацию. Аттрактор – важный термин синергетической теории языка, в которой язык рассматривается как самоорганизующаяся система. При таком подходе, под аттрактором понимается некая точка, которая прерывает привычное, инерционное течение коммуникации в определенном дискурсе [7, 8]. Е.Ф. Серебренникова и А.А. Орсова отмечают, что основным способом такого «прерывания семантической когерентности и создания момента необходимости пересечения границы ожидаемого является задаваемая, конструируемая в тексте/дискурсе некоторая аномальность, создающая эффект неопределенности, непонятности, неожиданности, необычности, нелогичности» [9; с. 341]. Нарушение существующих в сознании адресата ожиданий посредством аттракторов исследователь называет «эффектом Н». Представим классификацию аттракторов, создающих «эффект Н», с опорой на современные тенденции в области научного дискурса.

Первая группа аттракторов основана на «конструировании людического аспекта» [9; с. 342]. В научном дискурсе этот аспект опирается на игровую природу текста и в силу присущей научному стилю строгости и объективности не развлекает, а увлекает адресата, погружая его в научный диалог. Стратегии людической аттрактивности в анализируемом дискурсе профессора И.И. Чумак-Жунь реализуются через языковую игру со значениями многозначного слова (каламбуры), употребление и трансформацию фразеологизмов и прецедентных феноменов. Мы выделили немало подобных примеров, которые пронизывают разные структурные части как самой научной статьи (от названия и эпиграфа до основного текста и заключения), так и ее предтекстовых элементов.

Например, в статье Я.А. Фрикке, И.И. Чумак-Жунь «К вопросу о внутренней форме поэтического именованя: рождение свертхтекста» прием языковой игры используется в аннотации. Авторы пишут: «Поэтический текст, выражающий попытку автора *«остановить» прекрасные мгновения* (курсив наш – Д.Ч.) бытия и запечатлеть их именованя «в свете смысла и умной гармонии» (А.Ф. Лосев) средствами ритмомелодической и просодической организации вербального, прежде всего, синтаксического, пространства, несет на себе печать синергии поэтической индивидуальности и Высшей воли Творца» [10; с. 74]. Подобные аллюзии к известным произведениям классической литературы создают позитивный эмоциональный фон, привлекают внимание и интригуют читателя, еще не знакомившегося с текстом статьи. Обратим также внимание на книжный фразеологизм *несет на себе печать*, который своей стилистической окраской определяет дальнейший характер изложения – строгий, академически грамотный и объективный.

В статье «Поэтическая дискурсивная формация: границы и сущность» людическая стратегия аттрактивности связана с обыгрыванием фразеологизмов, репрезентирующих в русском языке представления о границах. К таким устойчивым единицам относят сочетания *выходить за рамки, загонять в рамки, держать себя в рамках*. Так, характеризуя текст как исследовательский объект, И.И. Чумак-Жунь отмечает, что «он оказывается «зажатым» в рамки традиционной лингвистики», а понятие дискурса, по выражению ученого, позволяет «выйти за рамки традиционно понимаемой «чистой лингвистики» [11; с. 23]. Семантика фразеологизма позволяет визуализировать мысль автора, а элемент трансформации (ср. *быть в рамках – быть зажатым в рамках*) делает описываемый объект исследования более динамичным, что позволяет повысить аттрактивность текста, стимулируя интерес читателя.

Приведем еще один пример аттракторов, выполняющих людическую функцию. В статье «Концептуальное пространство русских фольклорных колыбельных песен: лексико-семантический аспект» (Чумак-Жунь И.И., Саенко М.И.) прием языковой игры используется во введении: «Обратимся к такому, на первый взгляд, прозрачному, но при ближайшем рассмотрении многослойному и *разношерстному* (и в прямом, и в переносном смысле) фольклорному образу-концепту, как «Кот»» (курсив наш – Д.Ч.) [12; с. 516]. В данном случае нас привлекает прилагательное, которое авторы используют для характеристики фольклорного образа-концепта «Кот». В основном значение («Различающийся по цвету шерсти, с шерстью разного цвета; разномастный») лексема соотносится с денотатом, стоящим за образом, а переносное значение («Неодинакового цвета, вида, состава и т.п.; неоднородный») уже относится к самому концепту, отличающемуся многослойностью и неоднородностью. Подобный каламбур создает эффект неожиданности, привлекает и увлекает читателя в дальнейший диалог с автором. Особенно это важно в сильной позиции текста – во введении, где происходит знакомство с проблемой и тезисом статьи.

Таким образом, языковые приемы игры выступают средством аттрактивности, вовлекая читателя в диалог с автором. Именно они создают баланс между информативностью и эстетикой художественности как важной чертой современного научного текста.

Несмотря на то, что традиционно стилистика научного текста отличается строгостью норм: привычным кажется отсутствие эмоций, монотонность и сухость изложения, в современном научном дискурсе стилистические инструменты языка (при грамотном их использовании) не нарушают академичность изложения, а, напротив, усиливают ее, подчеркивая ключевые идеи и делая текст динамичным и привлекательным для читателя. Отметим, что в анализируемом дискурсе И.И. Чумак-Жунь стилистическая группа аттракторов самая многочисленная. Использование средств выразительности (эпитетов, метафор, сравнений) в соответствии с принципом «мерности» позволяет исследователю избежать стилистической избыточности и использовать стилистические ресурсы в качестве аттракторов, создающих «эффект Н».

Около 85% от всех средств выразительности в проанализированных текстах отводится метафорам, оживляющим научный текст. Метафора выступает отражением когнитивной карты ученого и во многом обусловлена его научными интересами. Поскольку в работах И.И. Чумак-Жунь основным объектом изучения является текст с точки зрения лингвистики, то ряд метафор характеризует современное состояние науки в свете антропоцентризма: «*лицо современных гуманитарных исследований*» [11; с. 22], «*научная парадигма направляет вектор развития лингвистики*» [13; с. 99] и др.

Наряду с приведенными примерами, в которых метафора стала уже достаточно привычной и устойчивой, в научном дискурсе И.И. Чумак-Жунь можно обнаружить и авторские средства выразительности, использованные для создания более точной концепции текста и подчеркивающие индивидуальность стиля ученого. К числу таких метафор отнесем: «эти три признака ... *открыли шлюз* для потока исследований», «в цикле Ланы Ясновой «Мой Высоцкий» создается *сложный узор из прецедентных имен*» [14; с. 230]; «связываются в виде *поэтической паутины*» [15; с. 279]; «проблема ... является для русистики весьма актуальной в силу ее *скрытой турбулентности*» [16; с. 7]; «разгадку природы аксиологической коннотации славянских этнонимов следует искать в *анналах этнолингвистики*», «этнофолизмы, выражающие агрессию, нередко становятся *детонаторами прикрытой и явной неприязни*» [17; с. 180] и др. (курсив наш – Д.Ч.). Эти авторские метафоры характеризуются высокой степенью образности, позволяющей иллюстрировать и оживлять научные представления. Так, с помощью метафоры «открыть шлюз для потока исследований» И.И. Чумак-Жунь подчеркивает стихийный характер научного прогресса, а метафоры типа «поэтическая паутина» или «сложный узор из прецедентных имен» делают акцент на структурной сложности исследуемого дискурса. Особый интерес представляют метафоры, заимствованные из сферы фи-

зики и психологии: «скрытая турбулентность» проблемы в русистике передает хаотичность и нестабильность языковых явлений, скрытых под поверхностью текста, а «детонаторы неприязни» моделирует этнофолизмы как триггеры социолингвистических конфликтов. Историко-мифологическая («анналы этнолингвистики») и сенсорная («погружение в поэтический дискурс») образность дополняют картину, усиливая эвристический потенциал языка.

Таким образом, метафоры формируют особый тип научной образности, позволяющей сочетать академическую точность и художественную выразительность слова.

К числу стилистических средств на уровне лексики мы относим сравнения (7%) и эпитеты (8%), которые так же, как метафоры, участвуют в усилении привлекательности и выразительности научного текста. В статье «Особенности формирования сверхтекстового слоя в творчестве О.Э. Мандельштама» И.И. Чумак-Жунь и И.П. Зайцева говорят о «*неугасающем интересе*» (эпитет) к поэтическому дискурсу О.Э. Мандельштама [18; с. 614]; в другой работе – «Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зиминой и А.С. Спирина)» исследователь использует сравнение «*Язык, подобно зеркалу*, отражает и фиксирует не только мысли, но и поступки людей» [19; с. 127]. В первом случае эпитет повышает научный пафос текста, задает проблемный тон повествованию, а во втором – аттрактивность конструируется на классическом сравнении языка и зеркала, повышающем эмоциональную притягательность и легкость восприятия текста.

Аттрактивность научного текста может достигаться также за счет выразительности синтаксических конструкций. Например, в одной из статей И.И. Чумак-Жунь пишет: «Концепт и понятие, дискурс и текст, идиолект и идиостиль, значение и смысл - определение одного из этих «парных терминов» чуть ли не автоматически предполагает уточнение сущности другого. Столь же знаковой, как и неоднозначной номинацией в современных лингвистических штудиях является прецедентное имя» [14; с. 227]. Перечисление парных терминов, основанное на принципе параллелизма, где каждое новое звено ряда усиливает предыдущее за счет антонимии и синонимии, формирует особую ритмичность и побуждает читателя к рефлексии. Сравнительный оборот (*столь... как и*) создает интригу через противопоставление (*знаковая-неоднозначная*) и подводит читателя к основному объекту изучения в статье – прецедентному имени.

Таким образом, лексико-грамматические средства стилистической выразительности «оживляют» научный текст и позволяют конструировать дискурс, в котором форма усиливает содержание, формируя аттрактивность.

К третьей группе мы отнесли аттракторы, основанные на установке и поддержании связи с научной и литературной традицией. Установка на научную традицию (через эпиграфы, цитацию, терминологию) усиливает доверие читателя к тексту и создает эффект преемственности, что особенно важно для научного дискурса. Аллюзии к художественной литературе добавляют тексту эстетический компонент, превращающий сухой анализ в культурный диалог. Обращение исследователя к художественной литературе в данном случае может также объясняться сферой научных интересов исследователя, но в целом можно считать данную тенденцию актуальной для научного гуманитарного дискурса.

Так, в статье «Прецедентность как способ организации дискурсивного пространства: имя собственное в поэзии Ланы Ясновой» И.И. Чумак-Жунь использует два эпиграфа. Первый – «Лирические героини рождаются иначе - свои гены они наследуют от любимых поэтов и их героев (Лана Яснова)» – иллюстрирует преемственность и метафоризирует лирическую генеалогию. Второй – «Они живут почти как Ваши дети, Где в каждой клетке – ДНК отца (Лана Яснова – Высоцкому (о своих стихах))» [14; с. 227] – усиливает аттрактивность, уточняя, что генеалогия текстов поэтессы берет свое начало в творчестве В. Высоцкого. Через интертекстуальность исследователь включает читателя в диалог двух поэтических эпох, демонстрируя цикличность времени и преемственность поколений. В другой статье И.И. Чу-

мак-Жунь в качестве эпитафии приводит слова песни Н. Добронравова: «В детстве оставлены давние друзья, Жизнь – это плавание в дальние края, Песни прощальные, гавани дальние, В жизни у каждого сказка своя» [20; с. 213]. Этот эпитафия притягивает читателя и заставляет ощутить ностальгию, а метафора плаванья побуждает его к деконструкции образа-символа паруса, вынесенного в заглавие – сильную позицию текста. Оба примера создают эмоциональный настрой, порождают ассоциации и заряжают читателя на восприятие текста статьи.

Фундаментальным инструментом верификации и выражения преемственности научного знания выступает цитация. С помощью цитат исследователь выстраивает аргументацию, поддерживает логику повествования и отдает дань той научной школе, в рамках которой работает. Часто цитация обусловлена нормами научного этикета. Однако в некоторых случаях цитаты конструируют аттрактивность текста: они выступают теми узловыми точками, которые фокусируют внимание читателя и создают эмоциональный фон для научного рассуждения. Порождая своеобразный эстетический дисбаланс между академичностью и художественностью, цитаты становятся важными аттракторами, которые, как правило, располагаются в сильных позициях текста – введении или заключении. Рассмотрим примеры из работ И.И. Чумак-Жунь и ее соавторов.

В статье «Лингвокультурологические особенности концептов ‘Свой’ и ‘Чужой’ в поэтическом идиолекте Б.А. Ахмадулиной» (И.И. Чумак-Жунь, Е.С. Хомякова) введение открывается ссылкой на слова Б.Л. Пастернака: «Здесь уместно сослаться на Б. Л. Пастернака, который, размышляя об оригинальности и новаторстве Шопена, главным считал не его «несходство с соперниками», а его «сходство с природой, с которой он писал... Шопен смотрел на свою жизнь как на орудие познания всякой жизни на свете...» [21; с. 127]. Эта цитата органично вплетается в анализ идиолекста Б. Ахмадулиной, иллюстрируя концептуальную близость своего и чужого сквозь призму природы творчества.

Задаёт тон повествованию и цитата ««Зрелище жизни великого человека есть всегда прекрасное зрелище: оно возвышает душу, мирит с жизнью, возбуждает деятельность», – этими словами В.Г. Белинский завершает свой критический очерк, который был посвящен жизнеописанию М.В. Ломоносова, опубликованному К.А. Полевым в 1836 году» [22; с. 234], с которой начинается статья И.И. Чумак-Жунь «Личность П.П. Семенова-Тян-Шанского в зеркале биографического дискурса: генетика научной романтики». Эти слова, завершающие очерк Белинского, идеально задают тон биографическому дискурсу: они романтизируют образ ученого, подчеркивая генетику «научной романтики» и мотивируя читателя к сопереживанию.

В статье «Прагматико-педагогический потенциал коммуникативного пространства народной колыбельной песни» (И.И. Чумак-Жунь, М.И. Саенко) цитата находится в заключении: Ролан Быков писал: «Колыбельная песня – это то, что устанавливает глубинную связь между матерью и ребенком. Колыбельная песня входит в кодовую систему прикосновений, всего того, что называется системой досознательных отношений, чрезвычайно важных, закладывающих основу будущей нравственности» [23; с. 115]. Эти слова не только подводят итог размышлениям автора, но и эмоционально усиливают финал, делают его более запоминающимся.

Можно заметить, что размещение цитат в «сильных» позициях текста демонстрирует их прагматическую функцию: во введении они мотивируют и настраивают на восприятие текста, а в заключении – обобщают и вдохновляют на новые размышления, делают текст более выразительным и идейно насыщенным.

Еще одним средством аттрактивности в данной группе текстов выступают термины. Принято считать – и мы с этим полностью согласны, – что терминологичность является важным свойством научного текста, обеспечивающим его точность и системность. Однако в некоторых случаях термины превращаются в настоящие аттракторы, привлекая внимание читателя своей новизной и неожиданностью. Речь идет о тех примерах, когда авторы заимст-

вуют термины из смежных или отдаленных областей знания, создавая эффект когнитивного диссонанса и усиливая выразительность текста.

Так, например, в статье И.И. Чумак-Жунь и О.О. Акифьевой «Цветообраз в индивидуально-авторской картине мира поэта: внутренняя форма знака и поэтический контекст» вводится понятие *оси ЭГО*: «Так как поэтическое повествование всегда выстраивается по оси Эго, то любой из дискурсивных факторов играет роль как при кодировании, так и при декодировании поэтической информации» [15; с. 228]. Заимствованный из психоанализа (З. Фрейд) термин «Эго» здесь обретает лингвистическую окраску, привлекая внимание к механизму поэтического восприятия.

Еще один пример – использование терминов из философии: «Функциональная лингвистика оказалась тем научным направлением, которое уделяет первостепенное внимание преломлению в практике речевого употребления *языковых корпускул* как единиц дискурса их основного *демиурга* – языковой личности *Homo Verbalis*, говорящего, реализующего свои определенные коммуникативные установки в акте речи благодаря актуализации его составляющих – адресанта, адресата и блока закодированной в языке информации» [24; с. 546]. Термины «корпускул» и «демиург» (из философии Платона) не только обогащают терминологический аппарат, но и выступают аттракторами, вызывая ассоциативный резонанс и подчеркивая креативность языковой личности как творца дискурса. Обратим также внимание на латинское вкрапление «*Homo Verbalis*» (аналогично «*Homo sapiens*»), которое входит в особую группу научных аттракторов, создающих «эффект Н» за счет своей выразительности и культурного подтекста. На наш взгляд, включение подобных элементов решает две коммуникативные задачи: с одной стороны, определяет компетентность адресата, способного «расшифровать» информацию, а с другой, – привлекает его внимание, заостряя фокус на ключевом понятии фрагмента. Наблюдаем подобный прием аттрактивности и в уже упомянутой выше статье И.И. Чумак-Жунь «Личность П.П. Семенова-Тян-Шанского в зеркале биографического дискурса: генетика научной романтики»: «Да и сам высокопрофессиональный уровень серии «ЖЗЛ» издательства «Молодая гвардия», где вышла биография ученого, не предполагал иного решения задачи, кроме как соответствующего принципу: «*Noblesse oblige*»» [22; с. 234]. Французская идиома, которая переводится как «дворянство обязывает», подчеркивает этический императив биографического дискурса, а ее интернациональность делает текст более изысканным и запоминающимся. Такие вкрапления интернациональных терминов повышают аттрактивность текста, сочетая научную составляющую с культурным подтекстом и стимулируя читателя к межъязыковым ассоциациям.

Подводя промежуточный итог нашим рассуждениям об аттрактивности научной статьи, отметим, что поддержание связи с научной и литературно-культурной традицией – не пассивная отсылка читателя к другому тексту, это важный механизм, порождающий интертекстуальные ассоциации и вовлекающий читателя в научный диалог.

Е.Ф. Серебренникова и А.А. Орсоева, анализируя аттрактивность политического дискурса, к числу наиболее частотных реализаций перформативного аттрактора относят квестив: «Конструирование путем вопрошания воплощает прямое обращение к адресату с призывом ответить, выразить свое мнение, то есть не остаться равнодушным, принять участие в обсуждении проблемы» [9; с. 347]. Это утверждение можно отнести и к научному дискурсу, в котором вопросно-ответная форма становится важным способом поддержания диалога, а значит может быть отнесена к механизмам аттрактивности. Такая форма, которая в нашем исследовании включается в четвертую группу, активно используется на разных уровнях текста, усиливая вовлеченность читателя. Мы выделили три формы квестива в научном дискурсе.

Во-первых, это устойчивые формулы типа «К вопросу о...» в названиях научных публикаций. В анализируемом дискурсе И.И. Чумак-Жунь эти номинации (например, «К вопросу о дискурсивном перекодировании в художественном тексте» или «К вопросу о внутрен-

ней форме поэтического именованя: рождение сверхтекста») указывают на нерешенную проблему и мотивируют адресата погрузиться в текст за совместным поиском ответа.

Во-вторых, это открытый вопрос в названии научной публикации (например, примере «Поэтический дискурс: выход в эстетическо-эвристическое измерение языка?»). Знак вопроса усиливает перформативность, представляя научный текст как площадку для дискуссии, в которой читатель может принять активное участие.

В-третьих, это вопросно-ответные формы внутри текста. Например, в статье «Поэтическая дискурсивная формация: границы и сущность» представлена такая классическая форма квестива: «Но о какой спецификации знаний — и вообще, о каких знаниях можно говорить, когда речь заходит, например, о дискурсе поэтическом? Понятие знание вообще в данном случае относительно, так как для поэзии характерно особое языковое измерение — это речь, конечно, «не для знаний»» [11; с. 25]. Вопрос провоцирует паузу и ожидание, а немедленный ответ автора моделирует диалог, снижая дистанцию между текстом и читателем, усиливая эмоциональную фиксацию на теме и в целом повышая аттрактивность текста.

Таким образом, перформативный аттрактор выступает важным механизмом вовлечения читателя, он не только привлекает внимание к тексту, но и превращает пассивное чтение в интерактивный процесс.

В ходе анализа категории аттрактивности в речевом жанре научной статьи мы выделили четыре ключевые группы аттракторов, которые определяют притягательную силу современного научного гуманитарного текста: людические аттракторы (игровые приемы в языке), стилистические аттракторы (средства выразительности языка), интертекстуальные аттракторы (отсылки к классике, аллюзии, создающие диалог научных школ и культур) и перформативные аттракторы (вопросно-ответные формы, вовлекающие адресата в диалог с автором). Перечисленные аттракторы редко функционируют изолированно: чаще всего вовлечение читателя достигается путем контаминации групп. Например, средства выразительности могут усиливать интертекстуальный эффект, а перформативный аттрактор может подкрепляться перформативностью.

Все это подтверждает мысль о том, что аттрактивность представляет собой важную черту современного жанра научной статьи. Однако цифровизация не создает эту категорию заново, а усиливает ее роль, подтверждая устойчивость языковых механизмов коммуникации в гиперсвязанном мире. В современных условиях реализация аттрактивности и диалогичности не только оптимизирует рецептивность текста, но и обеспечивает его конкурентоспособность, способствуя переходу научного дискурса от монолога к полифоническому взаимодействию в речевом жанре научной статьи.

Библиографический список

1. Кожемякин Е.А., Дубровская Т.В. Жанр научной статьи в Интернете: структурно-семиотическая трансформация // *Жанры речи*. 2024. Т. 19. № 1(41). С. 66-78.
2. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. Гос. Уни-т. Им. А.М. Горького, 1986. 91 с.
3. Рохлина Е.К. Изменения в современной русской научной прозе: жанр научной статьи (Часть 1) // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2022. № 2. С. 126-138.
4. Шапкина Е.В. Сопоставительное изучение структуры научной статьи: категория ретроспекции // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 21. № 4. С. 31-37.
5. Шапкина Е.В. Культурная специфика жанра научной статьи: категория авторитетности // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Лингвистика. 2024. Т. 21. № 1. С. 13-18.

6. Филоненко Т.А. Аттрактивные заголовки в научной речи // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 6-2. С. 290-296.
7. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Стебунова К.К. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 2. С. 313-338.
8. Герман И.А. Лингвосинергетика: Монография. Барнаул : Алт. акад. экономики и права, 2000. 166 с.
9. Серебренникова Е.Ф., Орsoева А.А. Конструирование событийности медийного дискурса посредством системы аттракторов (на материале русского и южнокорейского медийных пространств) // ТЯиМК. 2023. №1 (48). С. 338-351.
10. Фрикке Я.А., Чумак-Жунь И.И. К вопросу о внутренней форме поэтического именованья: рождение сверхтекста // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 4. С. 74-79.
11. Чумак-Жунь И.И. Поэтическая дискурсивная формация: границы и сущность // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей V Международного симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля "Великое русское слово". В 2-х томах, Симферополь, 08–12 июня 2021 года / Отв. редактор Е.Я. Титаренко. Том 2. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. С. 22-28.
12. Чумак-Жунь И.И., Саенко М.И. Концептуальное пространство русских фольклорных колыбельных песен: лексико-семантический аспект // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : Материалы пятнадцатой Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка, Владимир, 26–28 сентября 2023 года. Владимир, 2023. С. 515-519.
13. Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В., Саенко М.И. Лингвопрагматические и лингвокультурные аспекты детского фольклорного текста // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 1. С. 98-107.
14. Чумак-Жунь И.И. Прецедентность как способ организации дискурсивного пространства: имя собственное в поэзии Ланы Ясновой // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства : Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Белгород, 14–15 мая 2020 года. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2020. С. 226-230.
15. Чумак-Жунь И.И., Акифьева О.О. Цветообраз в индивидуально-авторской картине мира поэта: внутренняя форма знака и поэтический контекст // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : Сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Н.Ф. Алефиренко, Белгород, 17–19 сентября 2021 года. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2021. С. 277-282.
16. Абдельхамид С.А.М., Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. Речевые акты и русский текстопорождающий дискурс // Русистика. 2023. Т. 21. № 1. С. 7-17.
17. Алефиренко Н.Ф., Чумак-Жунь И.И. Аксиологические коннотации славянских этнонимов // Русин. 2023. № 72. С. 178-195.
18. Чумак-Жунь, И.И. Зайцева И.П. Особенности формирования сверхтекстового слоя в творчестве О.Э. Мандельштама // Русистика. 2025. Т. 23, № 4. С. 613-627.
19. Чумак-Жунь И.И. Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Зимины и А.С. Спирина) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 3(15). С. 125-134.
20. Чумак-Жунь И.И. Алые паруса vs парус одинокий: образ как источник порождения метафоры и символа // Русский язык в поликультурном мире : VII Международный симпози-

ум : сборник научных статей : в 2 т., Ялта, 08–12 июня 2023 года. Том II. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2023. С. 213-219.

21. Чумак-Жунь И.И., Хомякова Е.С. Лингвокультурологические особенности концептов 'Свой' и 'Чужой' в поэтическом идиолекте Б. А. Ахмадуллиной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 126-133.

22. Чумак-Жунь И.И. Личность П.П. Семенова-Тян-Шанского в зеркале биографического дискурса: генетика научной романтики // VII Семеновские чтения: наследие П.П. Семенова-Тян-Шанского и современная наука : Материалы Международной научной конференции. К 195-летию со дня рождения П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, 20–21 мая 2022 года. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 234-237.

23. Чумак-Жунь И.И., Саенко М.И. Прагматико-педагогический потенциал коммуникативного пространства народной колыбельной песни // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2021. №1. С. 116-118.

24. Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В. Лингвопрагматические компоненты текстов народно-поэтического дискурса (на материале текстов народных заговоров) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. №4. С. 545-553.

References

1.Kozhemiakin E.A., Dubrovskaja T.V. Genre of a scientific article on the Internet: Structural and semiotic transformation // *Speech Genres*. 2024. V. 19. № 1(41). Pp. 66-78.

2.Kozhina M.N. On the Dialogical Nature of Written Scientific Speech: A Study Guide for a Special Course. Perm, 1986. 91 p.

3.Rokhlina E.K. Shifts and transformations in Russian scientific prose: The genre of an article (Part 1) // *Philological sciences. Scientific essays of higher education*. 2022. № 2. Pp. 126-138.

4.Shapkina E.V. The comparative study of scientific article structure: the category of retrospection // *Bulletin of the South Ural state university. Series: Linguistics*. 2024. V. 21. № 4. Pp. 31-37.

5.Shapkina E.V. Cultural specifics of academic writing genre: category of authority // *Bulletin of the South Ural state university. Series: Linguistics*. 2024. V. 21. № 1. Pp. 13-18.

6.Filonenko T.A. Attractive scientific discourse headings // *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2008. V. 10. № 6-2. Pp. 290-296.

7.Alefirenko N.F., Nurtazina M.B., Stebunova K.K. In search of cognitive and linguistic methodology for discourse studies // *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021. 18 (2). Pp. 313–338.

8.German I.A. *Linguosinergetics: a Monograph*. Barnaul, Alt. akad. ekonomiki i prava, 2000. 166 p.

9.Serebrennikova E.F., Orsoeva A.A. Constructing media discourse eventivity through a system of attractors (based on Russian and South Korean media spaces) // *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2023. №1 (48). Pp. 338-351.

10.Frikke Ia. A., Chumak-Zhun' I.I. The issue of the internal form of poetic naming: birth of supertext // *Pyatigorsk State University Bulletin*. 2020. № 4. Pp. 74-79.

11.Chumak-Zhun' I.I. Poetic discursive formation: Borders and essence. In: *Collection of scientific articles of the V International Symposium included in the program of the International Festival "The Great Russian Word"*. In 2 volumes, Simferopol, June 08–12, V. 2, Simferopol, 2021. Pp. 22-28.

12.Chumak-Zhun' I.I., Saenko M.I. The conceptual space of russian folk lullabies: the lexico-semantic aspect. In: *Language Categories and Units: The Syntagmatic Aspect: Proceedings of the*

Fifteenth International Scientific Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the Department of Russian Language, Vladimir, September 26–28, 2023. Pp. 515-519.

13. Chumak-Zhun I. I., Kovaleva S.V., Saenko M.I. Linguopragmatic and linguocultural aspects of a children's folklore text // *Research Result. Social Studies and Humanities*. 2022. 8(1). Pp. 98-107.

14. Chumak-Zhun I. I. Precedence as a way of organizing discursive space: proper names in the poetry of Lana Yasnova. In: *Language and Culture of the Region as Components of the Educational Space: Collection of Articles from the III International Scientific and Practical Conference*, Belgorod, May 14-15, 2020. Pp. 226-230.

15. Chumak-Zhun I. I., Akifeva O. O. Color Image in the Individual Author's Worldview of a Poet: The Internal Form of a Sign and the Poetic Context. In: *Language Images: Linguocreative Symbols of Ethnocultural Spirituality: Collection of Scientific Papers Based on the Results of the 5th International Scientific Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor N.F. Alefirenko*, Belgorod, September 17–19, 2021. Pp. 277-282.

16. Abdelkhamid S.A.M., Alefirenko N.F., Chumak-Zhun I.I. Speech acts and Russian text! generating discourse // *Russian Language Studies*. 2023, 21(1). Pp. 7–17.

17. Alefirenko N.F., Chumak-Zhun' I.I. Axiological connotations of Slavic ethnonyms // *Rusin*. 2023. № 72. Pp. 178-195.

18. Chumak-Zhun' I.I., Zaitseva I.P. Features of the formation of a supertext layer in the works of O.E. Mandelstam // *Russian Language Studies*. 2025. 23(4). Pp. 613–627.

19. Chumak-Zhun I.I. Deixis as a reflection of a naive worldview in a lexicographic source (based on the explanatory dictionary «the proverbs and sayings of the Russian people» by V.I. Zimin and A.S. Spirin) // *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*. 2023. Issue 3 (15). Pp. 125–134.

20. Chumak-Zhun I.I. Scarlet Sails vs. The Lonely Sail: An Image as a Source of Metaphor and Symbol. In: *Russian Language in a Multicultural World: VII International Symposium: Collection of Scientific Articles: in 2 Volumes, V. II*, Yalta, June 08–12, 2023. Pp. 213-219.

21. Chumak-Zhun I.I., Khomyakova E.S. Linguistic and cultural features of the concepts 'own' and 'alien' in the poetic idiolect of B. A. Akhmadulina // *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. №4. Pp. 126–133.

22. Chumak-Zhun I.I. The Personality of P.P. Semyonov-Tyan-Shansky in the Mirror of Biographical Discourse: The Genetics of Scientific Romance. In: *VII Semyonov Readings: The Legacy of P.P. Semyonov-Tyan-Shansky and Modern Science: Proceedings of the International Scientific Conference. Dedicated to the 195th Anniversary of the Birth of P.P. Semyonov-Tyan-Shansky*, Lipetsk, May 20–21, 2022. Pp. 234-237.

23. Chumak-Zhun I.I., Saenko M.I. The Pragmatic and Pedagogical Potential of the Communicative Space in Folk Lullaby // *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki*. 2021. V. 163. №1. Pp. 109–118.

24. Chumak-Zhun' I.I., Kovaleva S.V. Linguopragmatic Components of the Texts of Folkpoetic Discourse (Based on the Texts of Folk Spells) // *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2021. 41 (1). Pp. 545–553.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.111

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.005

ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Канд. филол. наук, доцент кафедры германской филологии

Ананьина М.А.

Россия, г. Екатеринбург,

тел. 8(912)6374801

e-mail: ananinama@yandex.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia, B. N. Yeltsin

The chair of Germanic languages

PhD, associate professor

Ananyina M.A.

Russia, Yekaterinburg,

8(912)6374801

e-mail: ananinama@yandex.ru

М.А. Ананьина

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ПРОЗЫ)

В статье рассматриваются лингвокогнитивные и лингвосомиотические характеристики аллюзивного антропонима на материале произведений современных британских писателей N. Hornby “A Long Way Down”, Ph. Gregory “The Constant Princess”, R. Winn “The Salt Path”, M. Haig “The Midnight Library”, K. Ishiguro “Nocturnes” и R. Rendell “Portobello”. Предмет исследования составили аллюзивные антропонимы как средства репрезентации аллюзивных антропонимических концептов в аспекте профилируемых в контексте когнитивных признаков и культурно-семиотических пространств, к которым они апеллируют. Цель работы заключается в выявлении фокусируемых аллюзивными антропонимическими концептами признаков, определении их номинативной плотности, выявлении концептов, способных профилировать несколько признаков в контексте, анализе нескольких концептов в одном контексте с точки зрения их культурно-семиотической отнесенности. В работе задействованы методы контекстуального и количественного анализа для идентификации и подсчета выборки аллюзивных антропонимов, концептуального анализа – для исследования одного или нескольких профилируемых концептами признаков, методы лингвосомиотического и сопоставительного анализа для изучения степени однородности или разнородности культурно-семиотических пространств, объединяющих несколько концептов в одном контексте. Результаты работы показали, что наибольшей номинативной плотностью обладают когнитивные признаки «авторитетный философ», «музыкант» и «гениальный поэт, писатель, писательница». Многопризнаковыми аллюзивными антропонимическими концептами являются VOLTAIRE и DICKENS, профилирующие несколько признаков в контекстах. Из семи выявленных смешанных аллюзивных антропонимических концептов преобладают концепты, объединенные однородными культурно-семиотическими пространствами. Установлено, что аллюзивные антропонимические концепты с различной культурно-семиотической отнесенностью обладают большим стилистическим и прагматическим потенциалом. Полученные результаты представляются возможным использовать в курсах по стилистике английского языка, когнитивной лингвистике, интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: аллюзивный антропоним, аллюзивный антропонимический концепт, лингвосомиотика аллюзивного антропонима, когнитивные исследования аллюзивного антропонима, современная британская литература

M.A. Ananyina

LINGUOCOGNITIVE AND LINGUISTIC-SEMIOTIC ASPECTS OF STUDYING ALLUSIVE ANTHROPONYMS (BASED ON CONTEMPORARY BRITISH PROSE)

The article examines the linguocognitive and linguistic-semiotic characteristics of allusive anthroponyms based on works by contemporary British writers: N. Hornby's "A Long Way Down", Ph. Gregory's "The Constant Princess", R. Winn's "The Salt Path", M. Haig's "The Midnight Library", K. Ishiguro's "Nocturnes" and R. Rendell's "Portobello". The subject of the study consists of allusive anthroponyms as means of representing allusive anthroponymic concepts in terms of profiled cognitive features and cultural-semiotic spaces to which they refer. The purpose of the study is to identify features focused by allusive anthroponymic concepts, to determine their nominative density, to reveal concepts capable of profiling multiple features in context, and to analyze multiple concepts within a single context from the perspective of their cultural-semiotic reference. The study employs methods of contextual and quantitative analysis to identify and quantify a sample of allusive anthroponyms, conceptual analysis to investigate one or more features profiled by concepts, and methods of linguistic-semiotic and comparative analysis to examine the degree of homogeneity or heterogeneity of cultural-semiotic spaces that unite multiple concepts in a single context. The results of the study revealed that the cognitive features "authoritative philosopher", "musician", and "genius poet, writer, woman-writer" exhibit the highest nominative density. Multi-feature allusive anthroponymic concepts include VOLTAIRE and DICKENS, which profile several features in their contexts. Among the seven identified mixed allusive anthroponymic concepts, those unified by homogeneous cultural-semiotic spaces predominate. It has been established that allusive anthroponymic concepts with varying cultural-semiotic reference possess greater stylistic and pragmatic potential. The obtained results can be used in courses on English stylistics, cognitive linguistics, and interpretation of literary texts.

Keywords: allusive anthroponym, allusive anthroponymic concept, linguosemiotics of allusive anthroponym, cognitive studies of allusive anthroponym, contemporary British literature.

Исследование имен собственных находится в центре внимания многих ученых, таких, как А.В. Суперанская, Ю.Н. Караулов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Е.А. Нахимова, Г.Г. Слышкин и др. Прецедентное имя привлекает внимание филологов своей культурно-исторической отнесенностью, наличием энциклопедической информации, промежуточным положением между проприальной лексикой и апеллятивами, значимым местом в когнитивной базе национального лингвокультурного сообщества, культурно-семиотической значимостью.

Данное исследование направлено на изучение когнитивной и семиотической природы аллюзивного антропонима, который рассматривается как разновидность прецедентного имени. Рассмотрим основные теоретические положения современной теории прецедентности, которые могут быть применены в нашей работе.

Современные исследования прецедентности и прецедентных имен проводятся в разных направлениях. Среди актуальных вопросов выделяются проблемы маркированности прецедентных имен, культурно-исторического потенциала данных онимов, функций, выполняемых данными знаками в разных типах дискурса. Кроме того, изучаются когнитивные характеристики прецедентных имен, культурно-семиотические пространства референции, семантические сдвиги, динамизм значений, синтаксическая сочетаемость, особенности использования данных феноменов в поликодовых текстах. Е.Ю. Позднякова рассматривает функционирование прецедентных имен в сфере коммерческой номинации и вслед за И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым выявляет прецедентность на международном, национально-культурном, социально-культурном и субъективном уровнях [1; с. 34]. Международный уровень превалирует над остальными. Для нашего исследования важной представляется мысль о том, что появление прецедентного имени связано с включением его в интерпретационную деятельность человека [1; с. 35]. В этом проявляется динамизм аллюзивных антропонимов и способность профилировать несколько признаков в разных контекстах. В тексте имена собственные обогащаются в концептуальном плане, получают возможность стать прецедентными. Е.Ю. Позднякова понимает любое прецедентное имя как «речевой акт номинатора», способствующий инициации разговора, благодаря своей интенциональности, мотивированности

и целенаправленности. Имя собственное рассматривается широко как «свернутый текст-компрессив» [1; с. 36].

Словообразовательный потенциал прецедентного имени исследуется в работе А.Г. Захаровой. Исследуются отпрецедентные номинации в современном английском языке, словообразовательный аспект сочетается с концептуальным анализом. В основе семантических сдвигов дериватов лежат процессы метафоризации, дефокусирования [2; с. 57]. Данные процессы следует учитывать в процессе образования актуальных смыслов концептов аллюзивного антропонима в тексте. По мнению А.Г. Захаровой, контекст играет важную роль в формировании значения прецедентного имени, поскольку он направляет вектор дешифровки значения производных отпрецедентных номинаций [2; с. 58]. Данная мысль объясняет динамизм аллюзивного антропонима как концепта.

В.М. Волова, К.С. Опарина, Е.В. Ракова рассматривают когнитивные механизмы образования прецедентных смыслов, основным из которых является метафоризация, или аллюзивный механизм [3]. Прецедентные антропонимы способны апеллировать к прецедентному тексту, прецедентной ситуации, национально детерминированному минимизированному представлению. Кроме того, семантические сдвиги данных знаков способны формировать новый концепт через известный, выражать эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету через прецедентный образ и ассоциации имени [3; с. 363]. В исследовании Я. Ли подчеркиваются те же, что и в приведенных выше работах, механизмы взаимодействия имени с контекстом, в результате которого происходит обогащение и формирование концепта прецедентного имени, но на материале современных СМИ [4]. Смысловые сдвиги так же рассматриваются в работе И.А. Бубновой, Д.В. Подрезовой, которые считают прецедентное имя, наряду с другими видами прецедентности, единицами, отражающими специфику национального характера [5; с. 7]. Прецедентные имена представляют глубинные слои национального языкового сознания, ценности лингвокультурного сообщества, цели и мотивы поведения человека. Прецедентные имена обладают смысловыми сдвигами, способствуют созданию новых смыслов и ценностей. Индивидуальные представления о содержании прецедентного имени определяются интеллектуальными особенностями личности [5; с. 7].

Е.В. Петрова исследует прецедентные имена с позиций когнитивной лингвистики и рассматривает данные знаки как сложный ментальный конструкт, составляющий основу когнитивной базы лингвокультурного сообщества [6; с. 120]. В качестве метода используется когнитивная матрица, содержащая семь концептуальных областей осмысления, включающих внешность; характер; поведение; чувства; деятельность; результат деятельности; прецедентное высказывание; прецедентную ситуацию и прецедентный текст [6; с. 121]. Важным является понятие профилируемого когнитивного признака, на который указывает контекст предложения или высказывания [там же]. В другой работе исследователь рассматривает прецедентное имя как концепт, ядерное содержание которого представлено двумя тематическими областями, обозначающими живую и неживую природу [7; с. 44]. В нашей выборке данный факт так же находит подтверждение, поскольку аллюзивные антропонимы профилируют признаки как одушевленных, так и неодушевленных предметов.

Ю.М. Разумовская так же применяет когнитивно-матричный анализ для описания когнитивных преобразований смысла прецедентного имени. В качестве ядра у прецедентного имени исследователь рассматривает концепт ЛИЧНОСТЬ [8]. По мнению ученого, именно данный концепт определяет семантику прецедентного имени. Важнейшей среди выполняемых прецедентным именем функций считается текстообразующая [там же]. Данный подход позволяет рассмотреть прецедентное имя как составную часть более общего концепта, что может быть применено в нашей работе для анализа типов аллюзивных антропонимических концептов.

Важной для нашего исследования является работа И.В. Крюковой, в которой рассматриваются синтагматические возможности имен собственных с признаками прецедентности

[9]. Автор приходит к выводу о том, что различные атрибутивные сочетания прецедентного имени с местоимениями разных разрядов придают различные эмотивные оттенки значения прецедентного имени в контексте [там же]. Исследуемые нами аллюзивные антропонимы представляют собой один из этапов становления прецедентного имени, поскольку данные аллюзивные антропонимы используются в первичной номинативной функции в сравнительных конструкциях, а также в авторских рассуждениях и отступлениях.

А.В. Кремнева считает первичным для актуализации прецедентного имени концептуальную метонимию и метафору, при ведущей роли метонимии [10]. Прецедентное имя является синкретным знаком, который выполняет индексальную и символическую функции. Прецедентные имена имеют синкретный семиотический статус, их значение носит эмерджентный, контекстуальный характер [10; с. 48-49]. Таким образом, во всех исследованиях подчеркивается возможность семантических сдвигов в значении прецедентного имени, возможность концептуального обогащения в контексте, наличие метонимических и метафорических механизмов переосмысления значения данных знаков. Семиотичность прецедентного имени, суггестивность способствуют созданию поликодового текста, особенно ярко это проявляется в рекламе, которая становится более выразительной и запоминающейся, благодаря прецедентным онимам [13].

В нашем исследовании мы использовали в качестве материала романы современных британских авторов N. Hornby "A Long Way Down", Ph. Gregory "The Constant Princess", R. Winn "The Salt Path", M. Haig "The Midnight Library", K. Ishiguro "Nocturnes", R. Rendell "Portobello", из которых было отобрано 109 аллюзивных антропонимов. Данные единицы были проанализированы в качестве репрезентантов аллюзивных антропонимических концептов с точки зрения профилируемых когнитивных признаков, культурно-исторической отнесенности, способности одного концепта фокусировать несколько признаков в контекстах, аксиологической окрашенности и культурно-семиотической отнесенности пространств референции. Было выделено 18 когнитивных признаков, профилируемых аллюзивными антропонимическими концептами в выборке. Самыми номинативно плотными явились такие признаки, как

«авторитетный философ» (репрезентированный именами Wilde, Oscar [14; с. 24], Wilde [14; с. 26], Confucious [15; с. 8], Henry David Thoreau [15; с. 104], David Hume [15; с. 139], Immanuel Kant [15; с. 177], Aristotle [15; с. 194], Plato [15; с. 234] и другие),

«музыкант» (репрезентированный именами Ringo [14; с. 27], Jonathan Richman [14; с. 45], Elvis [14; с. 54], James Brown [14; с. 54], Mick Jagger [14; с. 147], Dylan, Springsteen [14; с. 216], Chopin [15; с. 162], Leonard Cohen [15; с. 201], the Simon & Garfunkel [15; с. 235] и другие),

«гениальный поэт, писатель, писательница» (репрезентированный антропонимами Shakespeare [14; с. 122], Dickens [14; с. 215], Catherine Cookson [14; с. 239], Bertrand Russell [15; с. 234], Bronte [15; с. 73], Sylvia Plath [15; с. 112], Robert Frost [15; с. 194], Emily Dickinson [15; с. 212], Daphne du Maurier [15; с. 199], Falkner [16; с. 239] и другие),

«красивый мужчина» (репрезентирован антропонимами Michelangelo's statue of David [17; с. 249], captain Hook [16; с. 245], Matt Damon [14; с. 125], Pacino [14; с. 245]).

Следующие признаки обладают меньшей номинативной плотностью: признак «известный актер», репрезентированный семью аллюзивными антропонимами (Warren Beatty [18; с. 5], Ryan Bailey (2 раза повторяется) [15; с. 17], the Ryan Bailey (4 раза повторяется) [15; с. 167]). Признак «авторитетный политик» представлен семью именами (Bush [14, с. 47], Tony Blair [14; с. 65], Nelson Mandela [14; с. 149], John Major [14; с. 239], Boabdil [19; с. 110], Kissinger [18; с. 5], a King Arthur [19; с. 114]). Признак «красивая, умная женщина» репрезентирован шестью именами (Paris Hilton [17; с. 129-130], Emma Noble [14; с. 239], Tilly Trotter [14; с. 239], Mary Ann Shaughnessy [14; с. 239], Jane Eyre [15; с. 73], the Mermaid of Zennor [16; с. 156]). Когнитивный признак «известный ученый» репрезентирован аллюзивными антропонимами Erwin Schrödinger [15; с. 146], Darwin [15; с. 168], Newton [15; с. 169], Julia Kristeva

[15; с. 234], Rachel Carson [15; с. 235]. Признаки «известный художник» (Rubens, Tintoretto [15; с. 36]) и «самоубийца» (Virginia Woolf, Nick Drake [14; с. 25]) представлены двумя аллюзивными именами.

Остальные признаки «высокий и худой мужчина» (Voltaire [17; с. 36]), «галантливый киноcritик» (Pauline Kael [14; с. 227]), «преступник» (Butch Cassidy [14; с. 227]), «мужчина с характерной внешностью» (Dickensian [15; с. 43]), «фотографии фриков» (Diane Arbus [14; с. 49]), «глупый фильм» (Sandra Bullock [14; с. 142]), «характерная мелодия» (the Captain Pugwash [16; с. 71]), «болезнь» (nemesis [16; с. 75]) представлены одним аллюзивным антропонимом и обладают самой низкой номинативной плотностью. Таким образом, в рассматриваемой выборке значимыми являются духовные ценности, принадлежность к философам, музыкантам, поэтам, писателям. Кроме того, ценностью обладает красивая мужская внешность.

Что касается источников аллюзивных отсылок, то наблюдается тенденция использования имен реальных исторических лиц, к которым принадлежат имена философов Voltaire, Confucius, Thoreau, Sartre, Lao Tzu, Hume, Erwin Schrödinger, Heidegger, Camus, Plato, Aristotle, Emerson, Kant, Butler, Arendt. Среди реальных лиц много писателей, поэтов (Dickens, Shakespeare, O. Wilde, Pauline Kael, Sylvia Plath, Catherine Cookson, Bronte, Woolf, Russell, Frost, Leonard Cohen, Emily Dickinson, Daphne du Maurier, Falkner), художников, скульпторов (Tintoretto, Michelangelo, Rubens), музыкантов (Bob Dylan, Elvis, Curt Cobain, Chopin, Scott Joplin, John Legend, Frank Ocean, Rex Orange Country, Jonathan Richman, Ringo, Mick Jagger, James Brown), актеров и актрис (Ryan Bailey, Matt Damon, Sandra Bullock, Emma Noble, Warren Beatty), мифологических персонажей (nemesis), а также героев других художественных произведений (Captain Hook, Jane Eyre, Tilly Trotter). Рекуррентными в выборке явились аллюзивные антропонимы Matt Damon и Henry David Thoreau, повторяющиеся шесть раз в одном произведении и обозначающие известного современного американского актера, режиссера и сценариста Мэтта Дэймона и американского писателя, философа, публициста, натуралиста и поэта XIX века Генри Торо. По два раза в одном произведении повторяются имена французского писателя и философа-экзистенциалиста Камю (Camus), греческого философа Платона (Plato), немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера (Heidegger), английского поэта, драматурга-гуманиста У. Шекспира (Shakespeare), английского философа, логика и математика, Лауреата Нобелевской премии Бертрана Рассела (Bertrand Russell), американского поэта, воспевавшего красоту американской природы, Роберта Фроста (Robert Frost) и английского писателя Ч. Диккенса (Dickens).

Аллюзивные антропонимические концепты, актуализирующие разные признаки одного концепта, мы называем многопризнаковыми. В рассматриваемой выборке к таким концептам относятся концепты, вербализованные аллюзивными антропонимами Voltaire с вариантом Volts и Dickens с вариантом Dickensian. Концепт VOLTAIRE профилирует признак «высокий и худой мужчина» в романе R. Rendell “Portobello” [17; с. 36]. В романе M. Haig “The Midnight Library” он актуализируется в виде варианта Volts и фокусирует признак «авторитетный философ» [15; с. 275]. Концепт DICKENS в произведении N. Hornby “A Long Way Down” профилирует признак «гениальный писатель» [14; с. 215]. В романе M. Haig “The Midnight Library” он актуализируется в виде варианта Dickensian и профилирует признак «мужчина с характерной внешностью» [15; с. 43]. В отрывке речь идет о бакенбардах Диккенса.

В выборке было выделено 7 контекстов, в которых реализуются два и более аллюзивных антропонимических концептов, номинанты которых расположены в одном предложении. Такие концепты получили название смешанных. Они были проанализированы с точки зрения соотносящихся с ними культурно-семиотических пространств. В 4 случаях из 7 культурно-семиотические пространства являются однородными, в 2 случаях – диффузными, частично пересекающимися пространствами, и в одном случае – разными культурно-семиотическими пространствами. Следующий пример иллюстрирует количественно преобладающий случай принадлежности аллюзивных антропонимических концептов одному культур-

но-семиотическому пространству: “He had studied Art History and put his in-depth knowledge of *Rubens* and *Tintoretto* to incredible use by becoming head of PR for a brand of protein flapjacks” [15; с. 36]. В переводе К. Чистопольской: «Он изучал историю искусства и, используя глубокое знание *Рубенса* и *Тинторетто*, стал главой пиар-отдела для бренда протеиновых батончиков» [12; с. 11]. Контекст содержит иронию, заключающуюся в том, что персонаж Дэн хорошо разбирается в искусстве, и в качестве примеров приводятся имена фламандского живописца Рубенса и итальянского живописца Позднего Возрождения Тинторетто, живших и творивших в XVI – начале XVII веков. Данные имена символизируют выдающееся искусство, обладание знаниями о нем является ценным, однако герой устроился на работу по продвижению протеиновых лепешек, таким образом, эти глубокие знания оказались не востребованы. Мы считаем, что за приведенными аллюзивными антропонимами стоят одинаковые культурно-семиотические пространства. Различия в деталях между двумя концептами сглаживаются, оба имени выступают как символы высокого, подлинного искусства.

Рассмотрим второй пример: “Of course. In this life she’d never have done a Philosophy degree. While her root self had been reading the works of *Thoreau* and *Lao Tzu* and *Sartre* in a stinky student flat in Bristol, her current self had been standing on Olympic podiums in Beijing” [15; с. 104–105]. В переводе: «Ну конечно. В этой жизни она не оканчивала философский. Это в осевой жизни она читала труды *Торо*, *Лао-цзы* и *Сартра* в вонючей студенческой квартирке в Бристоле, а ее местная версия стояла на олимпийских пьедесталах в Пекине» [12; с. 37]. Нора, персонаж романа, увлекается философией, среди ее любимых книг указаны произведения американского философа XIX века Генри Торо, китайского философа, основателя даосизма Лао-Цзы и французского философа и писателя XX века Жана-Поля Сартра. Три имени объединены общей деятельностью в области философии, но их творчество протекало в разные исторические периоды и в географически разных местах, поэтому мы относим данные концепты к диффузным, частично пересекающимся структурам. Временное и культурно-историческое различие создает особую стилистическую напряженность текста и приводит к более выразительному эффекту, чем в вышеприведенном случае реализации однородных культурно-семиотических пространств.

Наиболее редким в выборке является контекст с аллюзивными антропонимическими концептами, апеллирующими к разным культурно-семиотическим пространствам. Приведем пример: “New Year’s Eve was a night for sentimental losers. It was my own stupid fault. Of course there’d be a low-rent crowd up there. I should have picked a classier date – like March 28th, when *Virginia Woolf* took her walk into the river, or *Nick Drake* November 25th” [14; с. 25]. В переводе А. Степанова: «Новогодняя ночь – это время сентиментальных неудачников. Ничего удивительного, что здесь собралось столько всякой швали. Что ж, сам виноват. Надо было выбрать другой, более значимый день – 28 марта, когда утопилась *Вирджиния Вульф*, или 25 ноября, когда покончил с собой *Ник Дрейк*» [11; с. 17]. Выделенные имена вербализуют концепты, апеллирующие к образу *Вирджинии Вульф*, английской писательницы модернистского направления, автору романов, эссе, а также к образу *Николаеса Родни («Нику») Дрейку*, британскому певцу и автору песен, известных печальными, сумрачными мотивами, исполняемыми под акустическую гитару. Профилируемыми признаками в данном контексте являются известность, талант и тот факт, что оба человека покончили жизнь самоубийством: В. Вульф утопилась в реке Оуз, а Ник Дрейк умер от передозировки антидепрессантов, прописанных ему вследствие депрессии, от которой молодой человек страдал. Считается, что это было самоубийство, но это не доказано. Актуализируемые концепты относятся к различным культурно-семиотическим пространствам – Вульф и Дрейк объединяет их историческая родина и творческая деятельность, которая, однако, протекала в разных сферах – литературе и музыке. Принадлежность имен к разным семитическим пространствам создает напряженность восприятия текста, в результате которого персонаж становится на один творческий уровень с В. Вульф и Н. Дрейком. Ирония состоит в том, что они, как и персонаж, решили совершить са-

моубийство. Семиотическое различие приводит к выраженному стилистическому экспрессивному эффекту и созданию ярких иронических коннотаций.

Оценочные коннотации, выражаемые аллюзивными антропонимическими концептами в рассматриваемой выборке, являются положительными и отрицательными, в основном связанными с установленными в культуре оценками. Положительная оценка характерна для 92% случаев использования аллюзивных антропонимических концептов, и 8% случаев имеют отрицательные коннотации в связи с закрепленностью в культуре или в связи с выражением личной отрицательной оценки героями данных образов (непопулярные военные действия Буша, а также имя грабителя Butch Cassidy, Nemesis, Captain Hook, the Ryan Bailey of the movies и т.д.). Положительно оцениваются признаки женской красоты, положительные герои и героини произведений, знаменитые художники и их творения, поэты и писатели, знаменитые философы, музыканты, актеры, политики.

Таким образом, профилируемыми признаками концептов аллюзивных антропонимов в рассматриваемой выборке из произведений современной британской литературы являются «авторитетный философ», «музыкант», «гениальный поэт, писатель, писательница» и «красивый мужчина». Данные признаки обладают наибольшей номинативной плотностью и свидетельствуют о важности искусства и внешней привлекательности в картине мира современных жителей Британии. Основными источниками аллюзивных отсылок являются реальные исторические лица, включая философов, писателей, поэтов, художников, скульпторов, музыкантов, актеров и актрис. Кроме того, незначительную по количеству группу составляют мифологические персонажи и герои других художественных произведений. Были выявлены рекуррентные аллюзивные антропонимы, повторяющиеся несколько раз в одном художественном тексте. Аллюзивные антропонимические концепты обладают особым динамизмом, обеспечивающим возможность появления многопризнаковых концептов, к которым мы отнесли VOLTAIRE и DICKENS. Данные концепты способны профилировать разные признаки в контекстах. В 7 отрывках выделены смешанные аллюзивные антропонимические концепты, актуализируемые в одном контексте с другим или другими концептами. Большинство из них характеризуются отнесенностью к одинаковому культурно-семиотическому пространству или являются диффузными, принадлежащими к частично пересекающимся семиотическим пространствам. В выборке наиболее редким случаем явился контекст с аллюзивными антропонимическими концептами, принадлежащими различным культурно-семиотическим пространствам. Данный случай характеризуется яркой экспрессивностью, эмотивностью, ироничностью вследствие пространственных различий, которые замечает читатель.

Библиографический список

1. Позднякова Е.Ю. Имя собственное в контексте теории прецедентности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23. № 2. С. 31-38.
2. Захарова А.Г. Специфика новых английских отпрецедентных имен с позиций концептуального подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4 (885). С. 53-58.
3. Volova V.M., Oparina K.S., Rakova E.V. Precedent proper names (the source domain “Politics”) functioning in contemporary English news media texts // *Philology. Theory & Practice*. 2025. Vol. 18. Iss. 1. P. 359-365.
4. Ли Я. Прецедентное имя и его коннотации // *Litera*. 2020. № 4. С. 30-36.
5. Бубнова И.А., Подрезова Д.В. Прецедентное имя в индивидуальном языковом сознании как символ национально-культурных ценностей // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 1. С. 5-13.

6. Петрова Е.В. Концептуальные области осмысления в матричной структуре прецедентного имени // Язык и культура в эпоху глобализации : сборник научных статей по итогам Второй всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 27–28 октября 2022 года / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2022. С. 120-124.
7. Петрова Е.В. Когнитивный потенциал прецедентности имени собственного // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Т. 16, № 4(50). С. 38-46.
8. Разумовская Ю.М. Когнитивный подход к изучению прецедентных имён в медиасфере (на материале русского и французского языков) // *Неофилология*. 2022. Т. 8. № 3. С. 540-548.
9. Крюкова И.В. Прецедентные имена с определителями-местоимениями как средство эмоциональной оценки // *Верхневолжский филологический вестник*. 2024. № 2(37). С. 149-156.
10. Кремнева А.В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2019. № 4. С. 46-53.
11. Хорнби Н. Долгое падение / Пер. с англ. Андрея Степанова. 2024. 318 с. URL: <https://biblioteka-online.org/book/dolgoe-padenie> (дата обращения: 02.02.2026).
12. Хэйг М. Полночная библиотека / Пер. с англ. Ксении Чистопольской. Москва: ООО «Издательство Лайвбук», 2021. 102 с. URL: <https://biblioteka-online.org/book/polnochnaia-biblioteka/reader> (дата обращения: 02.02.2026).
13. Aliūkaitė D., Amankevičiūtė S. Precedent texts in advertisements // *Lietuvių kalba*. 2009. No. 3. P. 1-24.
14. Hornby N. *A Long Way Down*. London: Penguin Books, 2014. 259 p.
15. Haig M. *The Midnight Library*. Edinburgh: Canongate Books. 288 p.
16. Winn R. *The Salt Path*. UK: Penguin Books, 2019. 275 p.
17. Rendell R. *Portobello*. London: Arrow Books, 2009. 376 p.
18. Ishiguro K. *Nocturnes. Five Stories of Music and Nightfall*. London: Faber and Faber Limited, 2010. 231 p.
19. Gregory Ph. *The Constant Princess*. London: Harper Collins Publishers, 2011. 490 p.

References

1. Pozdnjakova E.J. Proper name in the context of the theory of precedent // *Bulletin of NSU. Series: History and Philology*. 2024. Vol. 23. Iss. 2. P. 31-38.
2. Zaharova A.G. Specificity of new English derivatives from precedent names from the standpoint of conceptual approach. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2024. Vol. 4 (885). P. 53-58.
3. Volova V.M., Oparina K.S., Rakova E.V. Precedent proper names (the source domain “Politics”) functioning in contemporary English news media texts // *Philology. Theory & Practice*. 2025. Vol. 18. Iss. 1. P. 359-365.
4. Li Ja. Precedent name and its connotations // *Litera*. 2020. Vol. 4. P. 30-36.
5. Bubnova I.A., Podrezova D.V. A precedent name in individual linguistic consciousness as a symbol of national and cultural values // *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2017. Vol. 14. Iss. 1. P. 5-13.
6. Petrova E.V. Conceptual Areas of Understanding in the Matrix Structure of a Precedent Name // *Language and Culture in the Era of Globalization: A Collection of Scientific Articles from the Second All-Russian (National) Scientific Conference with International Participation, St.-Petersburg, October 27-28, 2022 / St.-Petersburg State University of Economics*. 2022. P. 120-124.
7. Petrova E.V. Cognitive potential of proper name precedence // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2020. Vol. 16. No 4(50). P. 38-46.

8. Razumovskaya Y.M. Cognitive approach to the study of precedent names in media discourse (based on the material of Russian and French) // *Neophilology*. 2022. Vol. 8. Iss. 3. P. 540-548.
9. Kryukova I.V. Precedent names with pronoun determiners as a means of emotional evaluation // *Verhnevolzhsky philological bulletin*. 2024. Vol. 2(37). P. 149-156.
10. Kremneva A.V. The precedent name as a syncretic semiotic sign and its culture-related character // *Issues of cognitive linguistics*. 2019. Vol. 4. P. 46-53.
11. Hornby N. *A Long Way Down* / transl. from English by Andrej Stepanov. 318 s. URL: <https://biblioteka-online.org/book/dolgoe-padenie> (accessed on 02.02.2026).
12. Haig M. *The Midnight Library* / Transl. from English by Ksenija Chistopol'skaja. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Lajvbuk», 2021. 102 s. URL: <https://biblioteka-online.org/book/polnocnaia-biblioteka/reader> (accessed on 02.02.2026).
13. Aliūkaitė D., Amankevičiūtė S. Precedent texts in advertisements // *Lithuanian language*. 2009. No. 3. P. 1-24.
14. Hornby N. *A Long Way Down*. London: Penguin Books, 2014. 259 p.
15. Haig M. *The Midnight Library*. Edinburgh: Canongate Books. 288 p.
16. Winn R. *The Salt Path*. UK: Penguin Books, 2019. 275 p.
17. Rendell R. *Portobello*. London: Arrow Books, 2009. 376 p.
18. Ishiguro K. *Nocturnes. Five Stories of Music and Nightfall*. London: Faber and Faber Limited, 2010. 231 p.
19. Gregory Ph. *The Constant Princess*. London: Harper Collins Publishers, 2011. 490 p.

УДК 81'33

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.006

Воронежский институт МВД Российской Федерации

*Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of
Internal Affairs of the Russian Federation*

*Cand. Philolog. Sci., Docent of the
Department of Russian and Foreign
Languages
Russia, Voronezh, +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru*

О.Н. Олейникова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ К.И. ЧУКОВСКОГО И ИХ ФУНКЦИИ

В статье представлены результаты анализа иноязычных вкраплений в автобиографической прозе выдающегося литератора и учёного-филолога К.И. Чуковского. Научная новизна публикации определяется тем, что исследований иноязычных вкраплений, введённых этим автором в текст автобиографической художественной прозы, и особенностей их функционирования в её текстах нет. При исследовании иноязычных вкраплений использовались разнообразные методы, в том числе сплошной выборки речевых единиц, описательный, сравнительный и другие, а также контекстуальный анализ, классификация материала. Описаны полные и частичные вкрапления нескольких типов из украинского, старославянского, латинского, французского, английского, итальянского языков. Обращено внимание на причины ввода в тексты иноязычных вкраплений и связанность выбора автором их типов с художественными целями и задачами. Определены функции иноязычных вкраплений в исследованном материале: номинативная, гонорическая, косвенной характеристики персонажей и др. Доказано, что иноязычные вкрапления из некоторых языков подчёркивают национальный и местный колорит текста. Объяснён выбор К.И. Чуковским способов ввода иноязычных вкраплений в текст. Большое внимание уделено выбору автором русской или исконной графики при вводе иноязычных вкраплений в текст, и этот выбор объяснён. Также доказано, что выбор русской графики большей части введённых автором иноязычных вкраплений связан с изменением социокультурной ситуации в стране, а также с изменениями в школьных программах. Обращено внимание на понимание К.И. Чуковским необходимости ориентироваться при выборе способа оформления иноязычных вкраплений на их восприятие подростками как потенциальными читателями его автобиографической прозы.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, автобиографическая проза, иноязычные вкрапления, исконная графика, функции иноязычных вкраплений, типы вкраплений.

O.N. Oleynikova

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN K.I. CHUKOVSKY'S AUTOBIOGRAPHICAL PROSE AND THEIR FUNCTIONS

The article presents the results of an analysis of foreign-language inclusions in the autobiographical prose of the outstanding writer and philologist K.I. Chukovsky. The scientific novelty of the publication is determined by the fact that there are no studies of foreign-language inclusions introduced by this author into the text of autobiographical fiction and the peculiarities of their functioning in her texts. Various methods were used in the study of foreign language inclusions, including continuous sampling of speech units, descriptive, comparative, and others, as well as contextual analysis and classification of the material. Full and partial inclusions of several types from Ukrainian, Old Slavonic, Latin, French, English, and Italian are described. Attention is drawn to the reasons for the introduction of foreign-language inclusions into texts and the connection of the author's choice of their types with artistic goals and objectives. The functions of foreign language inclusions in the studied material are determined: nominative, honorific, indirect characterization, etc. It is proved that foreign language inclusions from some languages accentuate the national and local color of the text. K.I. Chukovsky's choice of ways to introduce foreign language inclusions into the text is explained. Much at-

tention is paid to the author's choice of Russian or native graphics when introducing foreign language inclusions into the text, and this choice is unexplained. It is also proved that the choice of Russian graphics for most of the foreign language inclusions introduced by the author is associated with a change in the socio-cultural situation in the country, as well as with changes in the country's school curricula. Attention is paid to the understanding of K.I. Chukovsky needs to focus on the perception of teenagers as potential readers of his autobiographical prose when choosing a way to design foreign-language inclusions.

Keywords: K.I. Chukovsky, autobiographical prose, foreign language inclusions, native graphics, functions of foreign language inclusions, types of inclusions.

Интерес языковедов к исследованию функционирования иноязычных вкраплений в текстах разных стилей авторов, создававших их в различные периоды развития русской речи, то растёт, то несколько затихает. Тем не менее исследования этого речевого явления продолжают вестись, что закономерно: «иноязычные вкрапления являются неотъемлемой стилистической чертой художественной литературы XIX – начала XX в. И требуют взвешенной и справедливой оценки филологов» [1, с. 72]. К этому высказыванию можно добавить, что и в течение всего XX века, а не только в его начале, и в XXI веке иноязычные вкрапления разных типов вводились и вводятся в тексты иностранцами, продуцирующими контаминированную русскую речь, и носителями русского языка, что отражается в письменных текстах всех стилей и даёт широкое поле исследований языковедам, занимающимся вопросами стилистики, влиянием социокультурной ситуации на языковую ситуацию в стране, историей русской литературной речи, вопросами языкового контактирования, билингвизма и др.

Автор приведённого выше высказывания исследовал, как французские вкрапления успешно выполняли в определённый период эвфемистическую функцию, которая «заключается в употреблении иноязычных вкраплений в потоке русской речи с целью смягчения или замены грубого или неуместного, с точки зрения этикета, слова или словосочетания» [1, с. 70]. Об этой функции иноязычных вкраплений упоминали и другие учёные (В.В. Андреев, Н.С. Арапова, С. Видлак, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, Е.П. Сеничкина). Появились работы о создании эффекта остранения текста (термин В.Б. Шкловского) с использованием иноязычных вкраплений [2]. Иноязычные вкрапления рассматриваются как дискурсивное явление [3]. Это относительно новые направления изучения иноязычных вкраплений в работах учёных, описывающих функции иноязычных вкраплений в текстах художественного стиля.

При описании результатов исследования функционирования иноязычных вкраплений необходимо снова и снова напоминать, что представляет собой иноязычное вкрапление, и чётко обозначать его границы как в языке, так и в речи, так как разные авторы к иноязычным вкраплениям относят явления, различные с точки зрения их функционирования и путей проникновения в речь билингвов и полилингвов с разными типами двуязычия индивида (чистым, смешанным, возрастным) или социума (полным, частичным, активным, пассивным, нормативным, ненормативным, целевым, бытовым, массовым, групповым, социально-бытовым, сплошным). Признаком иноязычных вкраплений является то, что «иноязычные вкрапления представляют собой незамкнутый, открытый ряд явлений в принявшей их речи, он может быть пополнен в любой момент (билингвом или полилингвом) из любого иностранного языка, известного ему» [4, с. 22-23]. Иноязычные вкрапления не являются фактами русского языка, но представляют собой факты речи билингвов/полилингвов разных типов (см. выше), в том числе русскоязычных людей, иначе носителей русского языка. Иноязычные вкрапления же мы, вслед за Ю.Т. Листровой-Правдой, понимаем как слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты (без ограничений по объёму) на иностранном языке, вставленные в текст на русском языке без изменений или с теми или иными изменениями, в том числе их исконной графики [см., напр., 4].

Ввод в тексты разных стилей и жанров иноязычных вкраплений К.И. Чуковским представляется интересным, так как он был полилингвом, а также филологом широчайшего диапазона: журналистом, публицистом, критиком, детским поэтом и переводчиком англоязыч-

ной литературы, создателем теории перевода, редактором, литературоведом, исследователем творчества Н.А. Некрасова и литературной эпохи XIX в. и Серебряного века. Выдающийся деятель отечественной культуры, К.И. Чуковский стал третьим, после В.А. Жуковского и И.С. Тургенева, литератором нашей страны, удостоенным степени Honoriscause Оксфордского университета. Сама языковая личность К.И. Чуковского привлекает исследователей [5]. Именно он ввёл в обиход выражение «тяготение к иностранным словам», имеющее отрицательную коннотацию.

Иноязычные вкрапления из разных языков, введённые К.И. Чуковским в тексты, уже частично исследованы. Например, описано функционирование иноязычных вкраплений в текстах публицистического стиля на примере лондонской корреспонденции этого автора и разговорного стиля на примере текстов писем, воспоминаний, дневников [6, 7, 8]. Данная статья представляет собой попытку описать и проанализировать ввод К.И. Чуковским иноязычных вкраплений в текст художественного стиля речи.

К.И. Чуковский часто описывал факты своей биографии и давал им оценку в дневниках, письмах, воспоминаниях. Но цельным автобиографическим прозаическим художественным произведением является одно. Его обычно называют повестью, реже романом. Произведение было написано в 1938 году. Как многие творения К.И. Чуковского, эта, по нашему мнению, всё же повесть, была раскритикована. Но, как часто было с книгами этого автора, повесть стала очень популярной, и уже через год была переиздана и выдержала 19 изданий, не считая публикации в электронном издании. Сначала автобиографическое произведение называлось «Гимназия. Воспоминания детства» [9]. Перед каждым прижизненным переизданием автор перечитывал текст, иногда вносил небольшие поправки. В 1961 году Чуковский переработал текст, изменил название повести. С этого года она стала называться «Серебряный герб» [10, т. 2].

К.И. Чуковский ввёл в текст этого произведения вкрапления из украинского, французского, английского, церковнославянского, итальянского и латинского языков. Материалом исследования и стали все эти вкрапления, введённые К.И. Чуковским как в речь персонажей повести, так и повествователя. В процессе анализа вкраплений использовались методы сплошной выборки, классификации материала, описательный и сравнительный методы и другие, а также контекстуальный анализ функционирования речевых единиц в тексте художественного автобиографического произведения.

Чаще всего на страницах повести можно обнаружить украинские вкрапления, которые выполняют в тексте произведения разные функции. Например, автор вводит в текст повести украинские вкрапления для речевой характеристики одного из главных персонажей произведения – матери главного героя, которая «так стеснялась своей прекрасной украинской речи, что при посторонних предпочитала молчать» [10, т. 2, с. 435]; «говорила она по-южному, певуче и мягко, наполовину по-украински, наполовину по-русски» [10, т. 2, с. 436]. Большая часть украинских вкраплений представляет собой отдельные слова и выражения, вставленные в русскую речь как самого персонажа, так и героя, от лица которого идёт повествование. Например: «Оказалось, он совсем не такой «ледащо», каким мама сочла его в первое время» [10, т. 2, с. 435]; «Но мне почему-то нравилось, когда вместо «шея» она говорила «шыя», вместо «умойся» – «умыйся», вместо «грязный» – «замурзанный», вместо «воробей» – «горобец» [10, т. 2, с. 437]. Сестра героя повести, отличница, пытается переучить мать. «Ах, мама, ты опять сказала «цибуля»! Надо говорить не цибуля, а лук!» Косвенным образом описанная автором бытовая, семейная ситуация отражает языковую ситуацию в стране. Только в 1905 г. Академия наук в Петербурге признала украинский язык самостоятельным языком. А кодификация этого языка, проходившая в три этапа, закончилась в 1928 г. результатами, которые не устроили как многих учёных, так и носителей языка. И Коля Корнейчуков, и Маруся Корнейчукова следовали тому, чему учили в гимназии, поэтому и дочь переучивала мать, воспринимая украинские слова как неправильные, диалектные. К.И. Чуковский долго был

убеждён, что украинский язык, которым он свободно владел, не является самостоятельным языком, но изменил потом свою точку зрения.

Украинские вкрапления К.И. Чуковский ввёл только в русской графике, примером чего являются цитаты из украинских песен: «Ночью, когда она мыла наш погреб или белила кухню короткой мочальной кистью, она сама для себя, в такт работе, напевала грудным, низким голосом: «Ой, за гаем, за гаем», «Ой, пид вишнею, пид черешнею» [10, т. 2, с. 437]. В виде частичного вкрапления в русской графике автор ввёл в текст отрывок из украинской стихотворной сказки [10, т. 2, с. 440]. Но в текстах других стилей и жанров К.И. Чуковский в подобной стандартной речевой ситуации вводил полные украинские вкрапления, например в статьях о теории перевода, в письмах, воспоминаниях и др. [7, 8, 10, т. 3-15].

Украинские вкрапления используются и для создания эффекта национальной окрашенности текста, а именно украинского колорита как в описании жизни отдельной семьи, так и Одессы, где разворачивается действие повести. Неполный массовый бытовой русско-украинский билингвизм Одессы автор повести отражает, передавая, например, рёв толпы частичными вкраплениями в русской графике и смешением слов двух языков, так называемым суржилом: «Вот хороба! Не хочет уважить отцу! – негодуют в толпе на Зюю» [10, т. 2, с. 472]. Ещё один пример: «От как худо дитю без батька!» [10, т. 2, с. 517]. В обоих примерах передано нарушение графических, лексических, грамматических норм русского языка (неправильный выбор падежных окончаний). В следующем примере дана макароническая речь, которая благодаря близости двух восточнославянских языков таковой не воспринимается, и эффекта комичности, для создания которого она обычно продуцируется, не возникает: «Тут полиции не требуется, – возражает он ласковым голосом. – Батько лупцуе дытыну, щоб була розумнийше. Какая ж тут полиция? На то он и батько» [10, т. 2, с. 473]. В одном случае К.И. Чуковский счёл необходимым дать перевод украинского вкрапления («Ой, как ты вырос, нивроку!») [10, т. 2, с. 481].

Большое количество украинских вкраплений в тексте «Серебряного герба» связано также с автобиографичностью повести. В семье Корнейчуковых говорили попеременно по-русски и по-украински.

Иноязычные вкрапления из других языков малочисленны, но также выполняют в тексте произведения определённые функции. Конечно, пока мальчик Коля Корнейчуков не был исключён из гимназии, он, как и все учащиеся, посещал уроки Закона Божьего, где предполагалось изучение церковнославянского языка, на котором велись богослужения в православной церкви России. Вкрапления из этого языка тоже даны в русской графике, например, русской графикой написана молитва, которую нужно было читать после уроков: «Благодарим тебя, создателю, яко сподобил нас еси благодати твоя во еже внимати учению» [10, т. 2, с. 483]. Для создания комического эффекта в речи персонажа К.И. Чуковский использует смесь русских слов с церковнославянскими, то есть создаёт макароническую речь: «Аще кто не хочет получить по-гречески кол, да похитит у родителей полтинник и скроется в вертепе Дракон-ди-ди!» [10, т. 2, с. 483]. Расхожее в определённый период российской истории выражение К.И. Чуковский тоже передаёт в виде частичного церковнославянского вкрапления: «В бозе почившим» называли тогда царя Александра III, того самого, что скончался два года назад» [10, т. 2, с. 494]. Вкрапления из церковнославянского языка являются своего рода иллюстрацией одной из сторон учебного процесса в гимназии, как и латинские вкрапления.

Они немногочисленны. Одно из них используется в гонорической функции. Чуковский пишет об учителе латыни: «... он будет после каждого ответа кивать мне румяной своей головой и приговаривать «бене» («бене» – по-латыни «хорошо») [10, т. 2 с. 453]. Учитель выражается на престижном во времена детства К.И. Чуковского языке, на «учёном» языке. Это же вкрапление напоминает о преподаваемом им предмете. Оно указано в словаре А.М. Бабакина и В.В. Шендецова как употреблявшееся в речи носителей русского языка без перевода [11, т. 1, с. 165]. К.И. Чуковский не случайно переводит это вкрапление, пишет его русской

графикой, какито, что цитату из знаменитого в античной литературе стихотворения он оформляет в виде частичного вкрапления тоже русской графикой [10, т. 2, с. 500]. Социум влияет на частоту ввода в текст, особенно художественного стиля, предназначенный для подростков, иноязычных вкраплений, а также их объём и тип. Автор ориентируется на своих потенциальных читателей, обучавшихся в советских школах, из учебных планов которых латынь была исключена. К эффекту остранения, для создания которого авторы художественных произведений иногда используют иноязычные вкрапления, К.И. Чуковский в этом тексте не стремился.

Устаревшее название заболевания, восходящее к латыни (*influere* – проникать), попавшее в речь русскоязычных через итальянский язык (*influenza*), тоже дано в русской графике. «Спасла меня, как это ни странно, инфлюэнца – тяжёлая болезнь, которая теперь чаще называется: грипп» [10, т. 2, с. 518]. Возможно, это слово на некоторое время входило в русский язык как заимствование.

В текст повести введены и французские вкрапления. Без них было бы затруднительно передать многоязыкий колорит Одессы, где французский не только изучался в гимназиях. В городе была небольшая диаспора франкофонов.

Характеризуя отрицательно учителя французского языка м-сье Ляна, К.И. Чуковский использует полное французское вкрапление (редкость для текста повести!): «Впрочем, нет: одно французское слово мы все знаем твёрдо. А именно: что Лян (*l'âne*) – это осёл» [10, т. 2, с. 448]. Игру слов К.И. Чуковский часто демонстрировал в текстах разных стилей речи, создавая её с использованием иноязычных вкраплений [см., напр., 7]. Обращение к мужчине *monsieur* автор передал русской графикой, по аналогии с французским языком редуцировав его. По-французски *m-r*, *m-eur*, в тексте К.И. Чуковского – м-сье [11, т. 2, с. 892]. Это редкое словоупотребление. В тексте повести оно имеет чаще нейтральное значение, указывая на национальность и гражданство учителя, но иногда воспринимается как ироничное и даже презрительное, в отличие от «мадам», как из уважения окружающие называли, например, мать героя «Серебряного герба» и других женщин относительно высокого социального статуса. Французский язык в годы детства К.И. Чуковского продолжал оставаться престижным языком, особенно для богатой, но малообразованной части пёстрого многоязычного населения Одессы, как и всей страны.

Контаминированное вкрапление может представлять собой слово, выступающее в нерусском звуковом оформлении, что передаётся на письме отклонением от обычной графической формы русского языка. Например: «Самое имя его «Валентин» она произносит особенным голосом, на французский манер: «Валэнтэн. – Валэнтэн ещё спит. Он у меня такой неврастеник (она говорит «нэврастэник»)» [10, т. 2, с. 469]. Русская речь на французский манер выполняет гонорическую функцию, схожую с «престижной», отличающуюся от последней тем, что она проявляется только в речи того или иного персонажа для его речевой характеристики, но не в речи автора.

В гонорической функции используется и английское слово. «Ему совестно, что она его мать, что она такая толстая, что у неё бородавки, что она зовёт его «бэби» и «солнышко» [10, т. 2, с. 469]. Этим английским словом обычно называют младенцев, в данном тексте подражающая знающим входящий в моду английский язык мать так обращается к подростку.

Второе полное вкрапление, то есть вставленный в текст самостоятельный отрезок речи на иностранном языке, введённое К.И. Чуковским в текст повести, из английского языка. Герой повести, исключённый из гимназии, пытается самостоятельно изучить английский язык и сдать этот предмет экстерном. Чуковский пишет: «I look. My book. I look at my book». И так далее – строчек тридцать или сорок подряд» [10, т. 2, с. 506]. На наш взгляд, автор специально вводит полное вкрапление. Интуиция, особый дар художника слова подсказали Чуковскому, что исконная графика данного примера формирует у читателя уверенность, что герой

повести обязательно изучит и сдаст английский язык. Ведь мини-текст уже написан им по-английски. Других полных вкраплений в тексте повести нет.

В него включены нулевые английские вкрапления, представляющие собой «обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включённый в оригинальную русскую речь» [4, с. 36]. К.И. Чуковский счёл необходимым для облегчения чтения повести подростками конца 30–60-х годов прошлого века перевести английские фразы на русский язык с указанием, что они написаны по-английски, а не давать их в виде полных или частичных вкраплений других типов, ориентируясь на потенциальных читателей.

Итак, К.И. Чуковский обычно следовавший сложившейся в XIX веке традиции использовать исконную графику для оформления иноязычных вкраплений, предпочёл русскую графику в данном произведении [6, 7, 8]. На наш взгляд, это имеет свои причины. Повесть адресована детям среднего школьного возраста. Её первое издание было напечатано в 1938 году, в период, когда уже давно латынь и церковнославянский в советских школах не преподавались, а французский преподавался в отдельных средних учебных заведениях. Иноязычные вкрапления на латинице создали бы эффект остранения, который в данной повести был совсем не нужен, что прекрасно понимал К.И. Чуковский, знаток детского восприятия мира.

Иноязычные вкрапления в тексте повести «Серебряный герб» выполняют разнообразные функции. Кроме номинативной, вкрапления передают национальную окрашенность текста и местный колорит, являются средством дополнительной характеристики персонажей художественного текста, выполняют гонорическую и иллюстративную функции, используются для создания «игры слов» и комического эффекта и др.

Библиографический список

1. Андреев В.В. О смягчающей функции французских варваризмов в художественной речи XIX – начала XX в. // Москва: Портал «О литературе». Дата обновления: 26 февраля 2008. URL:<https://literary.ru/literari.ru/readme/php?subaction=showfull&id=1204029533&archive=120532454> (дата обращения: 08.09.2025).
2. Разумовская В.А. Полилингвальный художественный текст: остранение и перевод // Теория и практика перевода. 2023. Т.20. № 1. С. 17-29.
3. Новоженова З.Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия: филология, педагогика, психология. Вып. 8. 2012. С. 37-42.
4. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, Издательство Воронежского государственного университета, 1986. 144с.
5. Трипольская Т.А. Языковая личность К.И. Чуковского: моделирование эмоционально-оценочной картины мира // Вопросы психолингвистики. 2015. №25. С. 205-217.
6. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в лондонской корреспонденции К.И. Чуковского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 4(55). С. 98-103.
7. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорного стиля К.И. Чуковского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 1. С. 36-40.
8. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в воспоминаниях К.И. Чуковского о современниках // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. №2(57). С. 74-84.
9. Чуковский К.И. Гимназия. Воспоминания детства. Изд-во детской литературы. М.-Л., 1938. 123 с.

10. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. / Сост., коммент. Е. Чуковская. - 2-ое изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012-2013.

11. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3-х т. СПб. 1994.

References

1. Andreev V.V. On the softening function of French barbarisms in the artistic speech of the nineteenth and early twentieth centuries // Moscow: Portal "About Literature". Date of update: February 26, 2008.

URL:<https://literary.ru/literari.ru/readme/php?subaction=showfull&id=1204029533&archive=120532454> (date of reference: 09/08/2025).

2. Razumovskaya V.A. Multilingual literary text: removal and translation // Theory and practice of translation. 2023. Vol. 20. No. 1. pp. 17-29.

3. Novozhenova Z.L. Foreign language inclusions as a discursive phenomenon: the Russian word in a foreign text // Bulletin of the Baltic Federal University named after I.Kant. Series: philology, pedagogy, psychology. Issue 8. 2012. pp. 37-42.

4. Listrova-Pravda Yu.T. Selection and use of foreign-language inclusions in Russian literary speech of the 19th century. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 1986. 144c.

5. Tripolskaya T.A. The linguistic personality of K.I. Chukovsky: modeling the emotional-evaluative picture of the world // Questions of psycholinguistics. 2015. No. 25. pp. 205-217.

6. Oleinikova O.N. Foreign language inclusions in the London correspondence of N.I. Chukovsky // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. No. 4(55). pp. 98-103.

7. Oleinikova O.N. Foreign-language inclusions in the texts of the conversational style of N.I. Chukovsky // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2024. No. 1. pp. 36-40.

8. Oleinikova O.N. Foreign-language inclusions in K.I. Chukovsky's memoirs of contemporaries // Actual issues of modern philology and journalism. 2025. No. 2(57). pp. 74-84.

9. Chukovsky K.I. Gymnasium. Childhood memories. Publishing house of children's literature. M.-L. 1938. 123s.

10. Chukovsky K.I. Collected works: In 15 volumes / Comp., comment. E. Chukovskaya. 2nd ed., electronic, ispr. M., FTM Agency, Ltd., 2012-2013.

11. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Dictionary of foreign language expressions and words used in Russian without translation: In 3 volumes St. Petersburg. 1994.

УДК 821.161.1-1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.007

ПГУ им. Т.Г. Шевченко
старший преподаватель кафедры русской
филологии
Триморук Е.Д.
Молдова, г. Тирасполь
e-mail: trener200686@mail.ru

T. G. Shevchenko State University
Senior Lecturer, Department of Russian Philology
Trimoruk E.D.
Tiraspol, Moldova
e-mail: trener200686@mail.ru

Е.Д. Триморук

ЭВОЛЮЦИЯ СИМВОЛОВ ТЕНИ И ЗЕРКАЛА В ЛИРИКЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Статья посвящена исследованию эволюции символов тени и зеркала в лирике М.И. Цветаевой 1910–1920-х годов. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью динамики трансформации данных образов в поэтическом мире Цветаевой. Цель исследования – проследить эволюцию символов тени и зеркала от конкретно-предметного к метафизическому уровню осмысления, выявить их роль в формировании художественного сознания лирической героини. Методологическую основу составляют мотивный анализ, философско-символический подход (А.Ф. Лосев, Ф. Шеллинг, А.Н. Уайтхед) и концепция архетипа Тени К.Г. Юнга. Материалом послужили поэтические тексты М.И. Цветаевой, содержащие лексемы «тень», «зеркало», «лик». Результаты исследования показывают, что символы тени и зеркала проходят путь от визуального отражения к онтологической категории. В раннем творчестве (1910–1916) зеркало функционирует как граница между видимым и невидимым, а тень – как символ глубинного измерения личности. Кульминацией развития образа становится формула «тень от чьей-то тени» (1916), указывающая на кризис идентичности. После 1916 года происходит интериоризация зеркальности: она перестает требовать прямого названия и проявляется в синтаксических структурах текста. Основные выводы: символы тени и зеркала у М.И. Цветаевой коррелируют с архетипом Тени К.Г. Юнга; их эволюция отражает движение от личностной рефлексии к метафизическому осмыслению бытия; зеркальность становится структурным принципом организации поэтического текста. Значение результатов для последующих исследований состоит в возможности применения предложенной методологии к анализу других символических рядов в творчестве поэтов Серебряного века.

Ключевые слова: символ, мотив, тень, зеркало, архетип, лирическая героиня, рефлексия, метафизика, интериоризация, Марина Цветаева

E.D. Trimoruk

THE EVOLUTION OF THE SYMBOLS OF SHADOW AND MIRROR IN M.I. TSVETAEVA'S LYRICS

The article examines the evolution of the symbols of shadow and mirror in M.I. Tsvetaeva's lyrics of the 1910s–1920s. The relevance of the work is due to insufficient study of the dynamics of transformation of these images in Tsvetaeva's poetic world. The purpose of the study is to trace the evolution of the symbols of shadow and mirror from the concrete-object to the metaphysical level of comprehension, to reveal their role in the formation of the artistic consciousness of the lyrical heroine. The methodological basis consists of motif analysis, philosophical-symbolic approach (A.F. Losev, F. Schelling, A.N. Whitehead) and C.G. Jung's concept of the Shadow archetype. The material was M.I. Tsvetaeva's poetic texts containing the lexemes "shadow", "mirror", "face". The results of the study show that the symbols of shadow and mirror pass from visual reflection to an ontological category. In early works (1910–1916), the mirror functions as a boundary between the visible and invisible, and the shadow as a symbol of the deep dimension of personality. The culmination of the image's development is the formula "shadow from someone's shadow" (1916), indicating an identity crisis. After 1916, there is an internalization of mirroring: it ceases to require direct naming and manifests itself in the syntactic structures of the text. Main conclusions: Tsvetaeva's symbols of shadow and mirror correlate with Jung's Shadow archetype; their evolution reflects a movement from personal reflection to metaphysical understanding of being; mirroring becomes a structural principle for organizing poetic text. The significance of the results for subsequent research lies in the possibility of applying the proposed methodology to the analysis of other symbolic series in the works of Silver Age poets.

Keywords: Marina Tsvetaeva, symbol, motif, shadow, mirror, archetype, lyrical heroine, reflection, metaphysics, internalization

Символика зеркала и тени принадлежит к числу архетипических образов мировой культуры. В русской поэзии начала XX века данные образы приобретают особую значимость, соотносясь с проблемами самопознания, идентичности и метафизического измерения бытия.

Вопрос символики в поэтике М.И. Цветаевой неоднократно становился предметом научного осмысления. Исследователи обращались как к общим принципам символообразования в ее лирике, так и к анализу отдельных образных комплексов, формирующих авторскую картину мира. В ряде работ подчеркивается семантическая подвижность цветаевского символа, его пограничное положение между метафорой, знаком и экзистенциальным жестом. В этом контексте символы тени и зеркала осмысляются не как устойчивые аллегории, а как динамические структуры, отражающие процессы самонаблюдения, раздвоения и внутреннего диалога лирического субъекта.

В последние годы творчество М.И. Цветаевой активно изучается в лингвистическом и когнитивно-дискурсивном аспектах. Так, в работах С.А. Губанова анализируются механизмы когнитивной эпитетации и признаковой концептуализации эмоций в поэтических текстах М.И. Цветаевой, что позволяет выявить специфику образно-эмоционального кода её лирики [1; с. 94; 2; с. 147]. Исследования О.Н. Олейниковой посвящены функционированию иноязычных вкраплений в художественной речи поэта и их роли в формировании стилевого целого [3; с. 78].

Вместе с тем символические структуры, связанные с мотивами зеркала и тени, как формы отражённой и опосредованной субъектности, как правило, рассматриваются фрагментарно и не становятся предметом специального анализа в их динамике и внутренней соотнесённости.

Обращение к символике в поэтике М.И. Цветаевой предполагает анализ не отвлечённого теоретического понятия, а конкретных образных форм, в которых осуществляется художественное осмысление внутреннего опыта. В этом смысле показательно замечание А.Ф. Лосева о необходимости анализа символа как формы постижения действительности, проявляющейся в живом образном воплощении: «Уже давно наступило время дать анализ трудного понятия “символ” ...» [4; с. 248].

Цель настоящей статьи – проследить трансформацию символов тени и зеркала в лирике М.И. Цветаевой 1910–1920-х годов, выявить их смысловые модификации и определить их роль в формировании художественного мира поэта.

Исследование опирается на комплексный подход, сочетающий мотивный анализ с философско-символическим прочтением текстов. Под символом мы понимаем, вслед за А.Ф. Лосевым, знак, основанный на живом созерцании действительности и представляющий собой форму её постижения [4; с. 250].

Мотив, по определению В.Е. Хализева, есть «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [5; с. 280].

При этом, как утверждает Б.М. Гаспаров, свойства мотива «вырастают каждый раз заново, в процессе самого анализа» [6; с. 301].

Для интерпретации психологического содержания символов мы обращаемся к концепции архетипа Тени К.Г. Юнга. По Юнгу, «Тень является жизненной частью личностного существования. Встреча с самим собой означает, прежде всего, встречу с собственной Тенью» [7; с. 111].

Эта концепция позволяет глубже понять экзистенциальное измерение образов тени в поэзии М.И. Цветаевой.

Материалом исследования послужили стихотворения М.И. Цветаевой из сборников «Вечерний альбом» (1910), «Волшебный фонарь» (1912), «Версты» (1921–1922), «Ремесло» (1923), в которых присутствуют лексемы «тень», «тени» и «зеркало». Цитирование поэтических текстов М.И. Цветаевой осуществляется по изданию: Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Кишинёв: Лумина, 1988.

Уже в первом поэтическом сборнике «Вечерний альбом» (1910) обнаруживается устойчивый интерес М.И. Цветаевой к образам зеркала и тени. Количественный подсчёт употреблений показывает, что слово «зеркало» и его производные встречаются в сборнике 6 раз, в то время как «тень» – 40 раз. Столь частое употребление позволяет рассматривать данные образы в архетипической перспективе.

Первое обращение к интересующим нас символам обнаруживается в стихотворении «От четырех до семи»:

*В сердце, как в зеркале, **тень**,
Скучно одной – и с людьми...*

Уже здесь зеркало предстает не как бытовой предмет, а как внутреннее пространство души. Метафора «в сердце, как в зеркале, тень» содержит несколько смысловых пластов. Зеркало становится местом локализации тени — то есть негативного эмоционального состояния, скуки, экзистенциальной пустоты. Важно, что тень помещена не просто в душу, а именно в «зеркало» сердца, что указывает на рефлексивный характер переживания.

В стихотворении «Лучший союз» тень приобретает персонифицированный характер:

*Ты с детства полюбила **тень**,
Он рыцарь грезы с колыбели.
<...>*

*Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни – только **тени**.*

Здесь происходит своеобразное «оликование безличности»: тень становится «рыцарем грезы», обретает субъектность. Парадоксальным образом лик героини проявляется через образы, не имеющие собственного облика. Тень не обладает чертами лица, но именно через неё выражается сущность лирической героини.

В стихотворении «Волей луны» зеркало предстает как место оживления мертвого:

*В **зеркала**х при лунном свете
Снова жив огонь зрачков.*

Зеркало в стихотворении М.И. Цветаевой «Волей луны» функционирует как граница между жизнью и смертью, между присутствием и отсутствием. Оно не просто отражает, но и «оживляет» образы.

Во втором сборнике «Волшебный фонарь» (1912) образность усложняется за счет дуалистических конструкций. В стихотворении «Эпилог» встречается формула «новая тень меж теней». Такая «тень в тени» создает эффект бесконечного умножения пространств, где за безликостью теней проступает подлинный лик героини. Зеркало часто принимает природные формы: «зеркало залива», в котором отражается «холодный серп» луны. Природное зеркало, таким образом, продолжает линию внутреннего отражения, выводя субъективный опыт героини в космическое измерение.

Кульминацией в развитии символа тени становится стихотворение «Не думаю, не жалею, не спорю» (1916):

*На, кажется, надрезанном канате
Я – маленький плясун.
Я – **тень** от чьей-то **тени**. Я – лунатик
Двух темных лун.*

Здесь происходит удвоение, умножение тени: «я — тень от чьей-то тени». Это формула предельной зыбкости идентичности, указание на производный, вторичный характер «я». Лирическая героиня осознает себя не как первичную реальность, но как отражение отражения, тень тени. Образ лунатика двух темных лун усиливает мотив раздвоенности, потери опоры в реальности.

По Ф. Шеллингу, смысл символа не поддается рациональной дешифровке и требует внутреннего «вживания» в образ [9; с. 110–111].

Символ «тень от тени» требует именно такого вживания: он указывает на опыт деперсонализации, потери границ «я», характерный для экзистенциальных переживаний.

Параллельно с углублением символа тени происходит трансформация образа зеркала. В стихотворении «Разлетелось в серебряные дребезги» (1916) зеркало утрачивает свою целостность:

*Разлетелось в серебряные дребезги –
Зеркало, и в нем – взгляд.*

Разбитое зеркало – древний символ несчастья, нарушения границы между мирами. У М.И. Цветаевой разрушение зеркала происходит вместе с «взглядом» – то есть с самим актом видения, рефлексии. Это может интерпретироваться как кризис самосознания, невозможность целостного восприятия себя.

Важнейшим текстом для понимания эволюции символа тени является стихотворение «Бессонница» (8 апреля 1916):

*Обвела мне глаза кольцом
Теневым — бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.*

<...>

Сон – свят.

Все – снят.

Венец – снят.

«Теневой венец» — это символ посвящения, инициации через страдание. Бессонница окружает глаза тенью, маркирует лирическую героиню как избранную для особого опыта. Венец традиционно связан с царственностью, мученичеством, святостью. Финальная строка «Венец – снят» означает завершение инициации. Лирическая героиня прошла через встречу с Тенью (в юнгианском смысле), приняла её присутствие и теперь может от неё освободиться.

После 1916 года лексемы «тень» и «зеркало» встречаются в лирике М.И. Цветаевой значительно реже. В сборнике «Версты» (1921) слово «зеркало» не встречается вообще, в «Лебедином стане» (1921) и «Стихах к Блоку» (1922) также отсутствует. Однако это не означает исчезновения зеркальности как принципа. Она интериоризируется, становится структурным элементом поэтического высказывания.

Показательно частое использование тире, создающего зеркальную симметрию в строке:

...лес – моя колыбель, и могила – лес

мир – твоя колыбель, и могила – мир!

я – не человек,

А только сон

Я – страница твоему перу

Я – хранитель твоему добру

Я – деревня, черная земля

Конструкция «я – X» представляет собой зеркальное отождествление субъекта с объектом. Лирическое «я» определяет себя через другого, через метафорическое отражение. Это и есть интериоризированная зеркальность: не нужно упоминать зеркало, чтобы структура высказывания была зеркальной.

По наблюдению З.Г. Минц, «зеркало может как упоминаться, так и не упоминаться в тексте. Однако оно выступает в качестве модели структуры мира» [10; с. 129].

В зрелой лирике М.И. Цветаевой зеркальность становится именно такой моделью – не названной, но структурирующей весь текст.

В сборнике «Ремесло» (1923) символ зеркала возвращается, но уже в принципиально новом качестве. В стихотворении «Два зарева» зеркало отождествляется с глазами:

*Два зарева! – нет, зеркала!
Нет, два недуга!
Два серафических жерла,
Два черных круга
Обугленных – из льда зеркала...*

<...>

*Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза.*

Глаза названы «зеркалами подземной бездны», что указывает на их связь с бессознательным, с архетипическими глубинами психики. Оксюморон «обугленных – из льда» передает парадоксальное единство противоположностей: огня и льда, страсти и холода, жизни и смерти. По М. Мерло-Понти, зрение предстает как «зеркало» или точка сосредоточения вселенной [11; с. 22].

В стихотворении «Два зарева» М.И. Цветаева реализует именно эту идею: глаза-зеркала становятся точкой концентрации всего космоса, всей бездны бытия.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Символы тени и зеркала в лирике М.И. Цветаевой проходят путь от конкретно-предметного к метафизическому уровню осмысления. Зеркало из бытового объекта превращается в символ рефлексии, двойничества и бездны. Тень эволюционирует от пространственного феномена к экзистенциальной категории.

Символика тени у М.И. Цветаевой коррелирует с юнгианским архетипом Тени. Стихотворение «Бессонница» (1916) фиксирует момент встречи с собственной Тенью и её интеграции. «Теневой венец» символизирует инициацию, после которой тень перестает быть внешней угрозой и становится частью целостной личности.

После 1916 года происходит переход от эксплицитного называния зеркала и тени к их имплицитному присутствию в структуре текста. Зеркальность реализуется через синтаксические конструкции с тире, создающие симметрию и отождествление субъекта с объектом. Это свидетельствует о преодолении дуализма «я — отражение» и переходе к более сложному пониманию идентичности.

Переход от эксплицитного образа зеркала к его структурному присутствию в поэтическом тексте соотносится с пониманием символа у А.Н. Уайтхеда как формы организации опыта, не сводимой к наглядному образу. По А.Н. Уайтхеду, символ функционирует не как обозначение предмета, а как способ соотнесения и упорядочивания элементов восприятия, что позволяет рассматривать зеркальность в поздней лирике М.И. Цветаевой как онтологический принцип поэтического мышления [12; с. 21–23].

Ранняя лирика М.И. Цветаевой, насыщенная образами тени и зеркала, сосредоточена на проблемах самопознания и становления личности. В более позднем творчестве фокус смещается к историческим, мифологическим и литературным темам, что связано с расширением художественного мира поэта и выходом за пределы исключительно личностной рефлексии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением других символических рядов в поэзии М.И. Цветаевой (сон, огонь, дерево), а также с компаративным анализом символики зеркала и тени у поэтов Серебряного века.

Библиографический список

1. Губанов С.А. Признаковая концептуализация эмоций в текстах М. Цветаевой // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 3 (54). С. 93–99.
2. Губанов С.А. Когнитивная эпитетация в текстах М. Цветаевой: зооморфный код // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 3 (58). С. 146–154.
3. Олейникова О.Н. К вопросу об иноязычных вкраплениях в текстах художественного стиля речи М.И. Цветаевой // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1 (48). С. 77–82.
4. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. М.: Высшая школа, 2004. 409 с.
6. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. М.: Наука, 1994. 304 с.
7. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1990. С. 97–128.
8. Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Кишинёв: Лумина, 1988. 575 с.
9. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.
10. Минц З.Г. Поэтика русского символизма. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 480 с.
11. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 63 с.
12. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. 64 с.

References

1. Gubanov S.A. Feature-based Conceptualization of Emotions in the Texts of M. Tsvetaeva // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2024. No. 3 (54). Pp. 93–99.
2. Gubanov S.A. Cognitive Epithets in the Texts of M. Tsvetaeva: The Zoomorphic Code // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2025. No. 3 (58). Pp. 146–154.
3. Oleynikova O.N. On the Question of Foreign Language Inclusions in the Texts of the Artistic Style of M.I. Tsvetaeva's Speech // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2023. No. 1 (48). Pp. 77–82.
4. Losev A.F. Philosophy. Mythology. Culture. Moscow: Politizdat, 1991. 525 p.
5. Khalizev V.E. Theory of Literature: Textbook. Moscow: Vysshaya Shkola, 2004. 409 p.
6. Gasparov B.M. Literary Leitmotifs. Moscow: Nauka, 1994. 304 p.
7. Jung, C.G. On the Archetypes of the Collective Unconscious // Archetype and Symbol. Moscow: Renaissance, 1990, pp. 97-128.
8. Tsvetaeva, M.I. Poems. Poems. Dramatic Works. Chisinau: Lumina, 1988. 575 p.
9. Schelling, F.W. Philosophy of Art. Moscow: Mysl, 1966. 496 p.
10. Mints Z.G. Poetics of Russian Symbolism. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004. 480 p.
11. Merleau-Ponty M. The Eye and the Spirit. Moscow: Iskusstvo, 1992. 63 p.
12. Whitehead A.N. Symbolism, Its Meaning and Effect. Tomsk: Vodoley, 1999. 64 p.

УДК 181.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.008

*Воронежский государственный педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы*

Арзамова О. В.

Россия, г. Воронеж,

тел. +7-980-545-14-38

e-mail: arzyamovyu@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University, The chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Russian language PhD, associate professor Doctor of Philology

Arzyamova O. V.

Russia, Voronezh,

tel. +7-980-545-14-38

e-mail: arzyamovyu@yandex.ru

О.В. Арзамова

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН»: ПРОСТРАНСТВО РАЗРЫВА

Статья посвящена актуальной проблеме изучения вставных конструкций (ВК) на материале романа Е.Г. Водолазкина «Чагин», которые выполняют различные функции и обладают широкой текстообразующей и прагматической направленностью. Исследование сосредотачивается на функционально-смысловых особенностях вставных конструкций в рамках методологической концепции Г.А. Золотовой о коммуникативных регистрах речи. Вставные конструкции соединяют объективированные и субъективированные планы повествования и создают различные типы взаимодействующих контекстов. В количественном отношении в романе преобладают вставные конструкции информативного регистра, преимущественно оформленные посредством скобок, в которых актуализируется событийная информация уточняющего, детализирующего, поясняющего характера, указывается причина, обстоятельства происходящего. С помощью приёма интроспекции информативные вставные конструкции актуализируют субъективированный модус, ориентированный на переключение между пространственно-временными планами прошлого и настоящего. Вставные конструкции в репродуктивном регистре направлены на репрезентацию различных описаний и характеристик и выполняют атрибутивно-характеризующие функции: передают детали внешности; создают зрительные, слуховые и обонятельные образы, а также репрезентируют элементы портретной характеристики персонажей; создают эффект реальности происходящего, делают его наглядным и выразительным. Вставные конструкции, относящиеся к реактивному регистру речи, выполняют эмоционально-оценочные и эмотивно-экспрессивные функции; они могут быть оформлены посредством вопросительных и восклицательных конструкций, междометий и отдельных слов (фраз). В целом, вставные конструкции в романе позволяют преодолеть художественное «пространство разрыва» и способствуют информативному развертыванию текста. Полученные результаты имеют научную значимость для исследователей художественной речи новейшего периода.

Ключевые слова: художественный текст, вставные конструкции, коммуникативные регистры речи, информативный регистр, репродуктивный регистр, реактивный регистр, модусы речи.

O. V. Arzyamova

INSERTED CONSTRUCTIONS IN E. G. VODOLAZKIN'S NOVEL "CHAGIN": THE SPACE OF BREAKDOWN

The article is devoted to the urgent problem of studying inserted constructions based on the novel Chagin by E. G. Vodolazkin, which perform various functions and have a broad text-forming and pragmatic orientation. The study focuses on the functional and semantic features of inserted constructions within the framework of G. A. Zolotova's methodological concept of communicative registers of speech. Inserted constructions connect objectified and subjectified narrative planes and create various types of interacting contexts. In terms of quantity, the novel is dominated by informative insertions, which are predominantly marked by parentheses, where event information is updated, specifying-

ing, detailing, and explaining the cause and circumstances of the events. Using the technique of introspection, informative inserted constructions actualize a subjective modus that focuses on switching between the spatial and temporal planes of the past and the present. Inserted constructions in the reproductive register are aimed at representing various descriptions and characteristics and perform attributive and characterizing functions: they convey details about appearance, create visual, auditory, and olfactory images, and represent elements of the characters' portraits. They also create a sense of realism and make the narrative vivid and expressive. Inserted constructions belonging to the reactive register of speech perform emotional-evaluative and emotive-expressive functions; they can be formed by means of interrogative and exclamatory constructions, interjections and separate words (phrases). In general, inserted constructions in the novel allow to overcome the artistic "space of the gap" and contribute to the informative unfolding of the text. The results obtained have scientific significance for researchers of the artistic speech of the latest period.

Keywords: artistic text, inserted constructions, communicative registers of speech, informative register, reproductive register, reactive register, modes of speech.

Вставные конструкции, или парантезы, используемые в художественном дискурсе, постоянно привлекают внимание исследователей. В работах М.Н. Кулаковского убедительно показано, что вставные конструкции следует относить к продуктивным приёмам синтаксиса, активно используемым в художественной прозе [1]. Вставные конструкции анализируются с разных аспектов, например, с точки зрения функциональных особенностей, для создания прагматической (интенциональной) направленности, с целью стилизации, в качестве индивидуально-авторского средства, а также в аспекте коммуникативной грамматики, в частности, теории коммуникативных регистров текста [2, 3, 4, 5].

В романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» [6], как и в романах «Лавр» [7], «Авиатор» [8], в сборнике рассказов «Дом и остров, или Инструмент языка» [9], активно используются вставные конструкции, которые передают особенности актуализирующего синтаксиса и становятся характерной чертой индивидуального стиля автора.

Как считает Д.С. Гудин, исследователь творчества Е.Г. Водолазкина, особое место в романах автора занимает так называемое «пространство разрыва» – «пространственная модель, в которой нашли отражение чувство кризиса времени, ощущение трагически нарушенной исторической целостности, расколотость памяти и культуры» [10, с. 8].

Разрыв синтаксических связей приводит к синтаксическому расчленению, которое особенно значимо в письменной речи, и тем самым отражаются основные динамические процессы, свойственные отечественной прозе новейшего периода [11; 12]. Вставные конструкции, являясь одним из наиболее продуктивных синтаксических приемов, реализуют ряд коммуникативно значимых функций в разных регистрах текста. Как отмечает Чжао Пань: «Вставные конструкции, словно отдельные «пазлы», позволяют автору сформировать внутренне цельный, хотя и внешне противоречивый образ главного героя» [13, с. 120].

Всего в романе «Чагин» используется 196 вставных конструкций, из которых 154 – конструкции, оформленные при помощи скобок, остальные – с помощью тире.

Например, ВК, оформленные с помощью скобок: *В ходе следствия мне («Вы были последним, кто работал с Дневником») пришлось ответить на множество вопросов, но выяснить судьбу рукописи не удалось* [6, с. 6]; *После отпевания в Князь-Владимирском соборе (оно прошло в узком кругу) гроб при везли на кладбище* [6, с. 6]; *Ее (по мере возможности) представляла двухконфорочная электроплитка на высокой табуретке с прильнувшим к ней обеденным столом* [6, с. 9].

В отдельных предложениях могут совмещаться ВК, оформленные как с помощью скобок, так и с помощью тире: *Увеличивая их количество, Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку – если угодно, зонтик, – которая защищала его от внешних воздействий* [6, с. 7]; *Фотографии (за исключением разве что очень хороших) не передают запахов, но одежда, прическа, а главное – взгляд Исидора – такой запах исключали* [6, с. 7].

Среди функций вставных конструкций, используемых в романе, выделяются:

1. **Ремарка.** Используется при оформлении прямой речи как сигнал появления слов автора [6, с.9]: – *Можете спа-кой-на работать здесь, – повторил я голосом директора. – Как, впрочем, и качаться на панцирной сетке – это ваше право* [6, с. 12]; – *Совершенно справедливо. – Исидор доверительно наклонился к его уху. – При этом мы с вами отдаем себе отчет в том, что всякая избыточность вредна* [6, с. 83].

2. **«Уравнивание пресуппозиций».** «Уравнивание пресуппозиций» – семанτικο-синтаксический тип вставных конструкций (ВК), в котором восстанавливаются компоненты общих фоновых знаний между автором и адресатом (читателем) [6, с.10]. Это осуществляется путём **уточнения и пояснения**: *Елка в иркутском Доме пионеров. Дед Мороз предложил Исидору прочитать стихотворение, но мальчик его почему-то не прочитал. Тогда вместо него вышла девочка со стихотворением «Ленин и печник». Она прочла его без запинки и с выражением. В заключительной фразе («Да у Ленина за чаем засиделся, – говорит...») перешла на крик и разрыдалась* [6, с. 13]; *Меня интересовал не столько Вельский (бросив на библиотечного сотрудника первый свой взгляд, не ждал уже от него ничего хорошего), сколько Исидор Чагин – человек, одаренный феноменальной памятью* [6, с. 68].

3. **Объяснение.** *«Исидор тоже заплакал: он вспомнил печь в детском саду. Он плакал всякий раз, когда ее вспоминал. А еще ему было обидно, что он не получил игрушки. Он знал это стихотворение – в СССР его знали все, – так почему же он его не прочитал? Мальчика никто не утешал, поскольку плакал он беззвучно* [6, с. 14]; *Вот он идет по коридору, с выпученными глазами (горшок тяжел) и раздутыми от воды щеками* [6, с. 67]. *Выражаясь философски – а именно так я ныне склонен выражаться, – всё зависит от системы координат, и при определенных условиях взлет и провал меняются местами* [6, с. 89].

4. **Ассоциации или оценка слова:** *Забыв о предупреждении Николаев, он предлагает, чтобы ему прочли незнакомый текст (разумеется, слово забыть к Исидору можно применять лишь в переносном смысле)* [6, с. 37]; *Произнеся слово с начальным б (например, баобаб), Исидор тут же искал для симметрии два слова с п. На худой конец, одно из них могло быть с потерявшей звонкость б в конце слова, где она, по сути, превращается в п: тот же баобаб. Ему нужно подыскать определение с еще одним п. Пыльный? Примитивный? Противоречивый? Исидор выбрал последнее. Что ж, я не удивлен: в противоречивом баобабе что-то есть. Все привыкли считать баобаб пыльным, примитивным, где-то даже прямолинейным, а у Чагина он – противоречивый* [6, с. 43]; *Занимаюсь описанием мелочей. Членские книжки, грамоты, пригласительные. Встречаются даже трамвайные билеты. Гербарий с надписью злаковые. Нехорошее звучание слова (зло, злачный) вызывает любопытство. Открываю альбом. Злаковые – воплощение миролюбия и незащитности. Проложены папирозной бумагой* [6, с. 61]; *До рейса у нас было еще порядочно времени, и я повез своего подопечного (в этом слове я машинально выделил печь) на Красную площадь* [6, с. 77].

5. **Интерпретация и оценка факта:** *Бабушка деликатно уходит, и пара (вот она, интимная сторона брака) отщипывает от лепешки кусок за куском* [6, с. 14].

«Информативное развёртывание» (термин М. Н. Кулаковского) [14, с. 94-101] вставных конструкций происходит за счет расширения плана основного повествования дополнительной информацией:

1) **Вносятся дополнительная информация относительно времени, места, признаков лиц и предметов:**

По части соответствия действительности пальма первенства достается, без сомнения, моей эвакуации... (движение там также осуществляется по подземным коммуникациям) [6, с. 67]. *В дальнейшем – как, впрочем, и в прошедшем – мы на этот уровень уже не выходили* [6, с. 69]. *Как следует из зашифрованного донесения (июнь 1964), стоя на кладбище Банхилл Филдс Бернал Граунд, Чагин слышал голоса Вельского и Веры Мельниковой* [6, с. 81]; *Оно отражает как предназначение заведения (библиотека), так и место его дислокации (Британия)* [6, с. 85]; *И не то чтобы у англичан не было компетентных органов – были,*

и тот же Дефо стоял у их истоков, – но колея их истории не очень-то напоминает нашу [6, с. 89].

2) Конкретизируются описываемые элементы:

Меня подкупало многообразие тем – от марок огнетушителей до оказания первой помощи, предусматривающей прежде всего освобождение пострадавшего от травмирующего фактора – будь то завал, водоворот или горячая одежда [6, с. 66]; Первое же прочитанное мной произведение («Майская ночь, или Утопленница») открыло передо мной новые горизонты. Потом мне попались две неплохие пьесы («Живой труп» и «На дне»), а уж далее я стал читать всё подряд [6, с. 66].

3) Акцентируется внимания на отдельном слове или фрагменте текста: Правда, ставят малых сих не на выдачу (неизвестно ведь, что они еще, выдавая книги, могут наговорить читателям), а в фонды: переноси, голубчик, книги и радуйся, что трудоустроился [6, с. 80]; Когда жизнь Чагина вошла в накатанную колею (ввиду используемой им тележки это произошло в буквальном смысле), перед ним было поставлено первое задание [6, с. 82]; Они всегда привлекают внимание – здесь Чагин ссылается на нашу с Николаем Петровичем методичку (см. раздел «Осколки и обрывки») [6, с. 84]; Когда же Исидор стал пересказывать разговоры с отцом о кладке дровяной печи (печи ложим), лишь недоуменно его поправил [6, с. 92].

4) Поясняется причина, действие или ситуация, отражённая в основном предложении: Уже через месяц занятия приемы разведывательной работы (с ними Чагина знакомил Николай Петрович) отложились в его памяти беспрецедентным по своему объёму грузом [6, с. 70].

5) Информации из основного предложения дополняется новыми компонентами: Среди ветвей и листьев им его клевать (Чагин ищет подходящее слово) не с руки [6, с. 93].

С точки зрения так называемого «регистрового» анализа текста [15], в романе «Чагин» наиболее активно используются информативный и репродуктивный регистры.

В информативном регистре субъект речи сообщает известное или познаваемое. Этот регистр характеризуется ментальным, рефлексивным способом познания. В нем говорится о том, что знает субъект речи, о чем размышляет или осмысливает:

Ментальный модус вставных конструкций в информативном регистре передаёт достоверные или предполагаемые факты, события, мнения. Например: Увеличивая их количество, Исидор не только демонстрировал качества художника (они у него были), но и создавал вокруг себя оболочку – если угодно, зонтик, – которая защищала его от внешних воздействий [6, с. 8]; И тогда Николай Петрович (было ясно, что из двух Николаев он – главный) бархатным своим голосом спросил... [6, с. 19]; На самом деле (и Чагин это знал) Вера всякий раз наслаждалась его удивительным даром, использовала любой случай, чтобы заставить память Исидора играть новыми красками [6, с. 49]; суждение: Очевидно, он взял себе за правило (Чагин – человек правила) писать ежедневно – пусть даже по две-три строки. [6, с. 10]; Лариса Федоровна ни о чем не расспрашивала, а Ника ничего не объясняла. Вася – единственный, о ком имелись достоверные сведения – был на рыбалке. Вернулся с несколькими окунями [6, с. 51]; мнение: Удивляло лишь то, что явный случай плагиата остался (по крайней мере, в изложении Исидора) без внимания [6, с. 8]; умозаключение: Забыв о предупреждении Николаев, он предлагает, чтобы ему прочли незнакомый текст (разумеется, слово «забыть» к Исидору можно применять лишь в переносном смысле) [6, с. 37]; сомнение, размышление: Спросила только о братьях: два старших куда-то переехали (куда – непонятно), а пятнадцатилетний Вася жил с матерью [6, с. 51]; объяснение: Приехала поступать в Академию Штиглица (она вообще-то рисует), провалилась [6, с. 29]; Поскольку встречи Чагина с Николаями были непродолжительными (иначе многое пришлось бы объяснять Вере), чтение стихов растянулось на несколько дней [6, с. 55].

Особую значимость в информативном регистре приобретают конструкции, имеющие уточняющий характер: *Справедливости ради замечу, что портретов (в отличие от пейзажей) у Чагина не так уж много* [6, с. 41]; *Что еще описывает Исидор в Дневнике? Острова. Катание на лодке в ЦПКО (именовался Цыпочкой).* [6, с. 45]; *А вот он с Веринными племянниками (запись на обороте) – воплощенная любовь к детям* [6, с. 61]; *Мы пошли на хитрость и в один из дней (идея принадлежала мне) назначили лекцию о стихотворении М. Ю. Лермонтова «Три пальмы»* [6, с. 67].

В информативном регистре текста основной функцией вставных конструкций является текстообразующая функция, с помощью которой осуществляется переключение между пространственно-временными планами прошлого и настоящего.

Репродуктивный регистр обычно используется с целью создания описания и портретной характеристики персонажей. Например: *Одного Николая от другого отличали отчество и цвет волос (Николай Петрович был чуть светлее), в то время как объединял их цвет глаз – по определению Чагина, грязно-коричневый* [6, с. 19]; *И вдруг парень замечает непорядок – это еще что такое (выпученные глаза Николая Ивановича)?* [6, с. 33]; *«Если бы я искал картинку к слову противоположность, то на фоне шлимановских девочек (платья в горошек) поставил бы Альберта»* [6, с. 37]; *Варвара Феодосьевна – нос картошкой, коса-плетенка – напоминала какого-то сказочного персонажа* [6, с. 49]; *В Дневнике есть несколько описаний Веры. В некотором смысле это каталог примет: форма носа (чуть вздернутый), губ (тонкие), родинка на щеке.* [6, с. 41]; *Вызывающе белая – да, в непляжной одежде, – но живая* [6, с. 84]; *Он, Исидор, тоже, может, ее стесняется, а заодно и себя – в длинных черных трусах, каких здесь не носят, но он – ничего себе, здравствует* [6, с. 84].

Кроме того, в репродуктивном регистре вставные конструкции создают эффект реальности происходящего, делают его наглядным и выразительным: *Птенцы покидают гнездо, – от долгого щелканья сигарета отца зажглась сама собой. – Процесс грустный, но неизбежный* [6, с. 12]; *В поисках Чагина профессор уже намеревался связываться с Иркутском, как вдруг Исидор (звон рюмок, шлепанье капусты на тарелку) пришел к нему сам* [6, с. 25]; *Приходит день (взьерошивает мне волосы), и птенцы вылетают из гнезда. Мы отдаем вам нашего сына (шелканье зажигалки) и в придачу великий город* [6, с. 62]; *Прохожие (и там, и тут они в мокрых дождевиках) хватают потерпевшего под руки и сводят с моста на набережную* [6, с. 87].

Данные примеры свидетельствуют о том, что вставные конструкции репродуктивного регистра, как правило, коррелируют с микротемой «описание» и репрезентируют различные образы – зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные.

Вставные конструкции информативного и репродуктивного регистров реализуют «невербализованный модус» [16, с. 8]. Они выполняют функцию, уточнения, детализации, объяснения и др., при этом не содержат явной оценки и не являются эмоционально окрашенными. По мнению И. Д. Дейкуна, подобные «аналитические парантезы» выполняют функцию авторского комментария, в котором «описательный дискурс приобретает метаязыковые черты, но остаётся тематически интегрированным в повествование» [17, с. 1773].

Реактивный регистр передаёт реакцию на то, что было в прошлом, и/или на текущие события: *Но самое удивительное в снимке – это прилипшая к углу Исидорова рта папироса. Исидор и папироса – о, боги... Появление папиросы объяснял помещенный на той же странице журнала причудливый текст. Исидор вспоминал фокус, который показывал в юности* [6, с. 8]; *Говорю я (ха-ха!), который не способен запомнить даже трехзначного номера автобуса* [6, с. 9]; *Однажды я (мальчишка, нахал) сказал Исидору, что для полноты образа ему не хватает черного зонта, и он молча кивнул» (с.7); Заодно – почему нет? – упрекнуть одноклассника в отсутствии смелости* [6, с. 15]; *Вместе с тем, уже тогда меня удручало, что язык этих книг был несколько – как бы аккуратнее выразиться? – суховат, и отличались они бедной образностью* ([6, с. 65]; *Меня интересовал не столько Вельский (бросив на*

библиотечного сотрудника первый свой взгляд, не ждал уже от него ничего хорошего), сколько Исидор Чагин – человек, одаренный феноменальной памятью [6, с. 68]; И снился спящему на песке Исидору – что? – конечно же, пляж [6, с. 84]; Отрицательное (что при-скорбно), но все-таки – внимание, что где-то и хорошо [6, с. 97]; – Выступления с фокусом мое имя прославили... В то же время артист – настоящий артист! – не может поживать на лаврах. Он должен расти! [6, с. 121]; В душах англичан зародились некие (скажу остро-рожно – смутные) подозрения в отношении Исидора [6, с. 90]; Чтобы не привлечь внимания общественности (она начинала хихикать), оставил свои попытки и вышел вон [6, с. 69].

Вставные конструкции реактивного регистра представляют «вербализованный модус» [16, с.11], так как включают авторские реакции, передают оценку, эмоции или эмотивную рефлексия.

Вставные конструкции в романе Е. Г. Водолазкина «Чагин» создают многоплановость романа, позволяют изменить структуру повествования, они передают образы персонажей с разных позиций: как «изнутри», так и «снаружи». Кроме того, вставные конструкции обнаруживают метаязыковые черты и, приобретая характер аналитических средств, позволяют преодолеть художественное «пространство разрыва» и способствуют информативному развёртыванию текста.

Библиографический список

1. Кулаковский М.Н. Роль вставных конструкций в пространственной организации художественного текста // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16). С.93-99.
2. Казаков В.П. Функции вставных конструкций в зеркале коммуникативных регистров речи (в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып. 4. С. 633–649.
3. Арязмова О.В. Парантетические конструкции как средство актуализации коммуникативных регистров текста (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №1 (48). С. 57-61.
4. Горбунова Ю.С., Тимощук А.А. Вставные конструкции в романе Е.Г. Водолазкина «Брисбен» // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 103. № 2. С. 55-60.
5. Кулаковский М.Н. Исследование вставных конструкций в аспекте коммуникативных регистров // Культура. Литература. Язык. Материалы научной конференции / Под редакцией М. Ю. Егорова. Ярославль. 2025. С. 5-11.
6. Водолазкин Е.Г. Чагин. М.: Издательство АСТ, 2022. 384 с.
7. Элатик А. А. Особенности синтаксической организации романа Е. Водолазкина «Лавр» // Российский гуманитарный журнал. 2022. Том 11. № 1. С. 35-44.
8. Подшивалова Н.И. Функционально-семантические особенности вставных конструкций в романе «Авиатор» Е.Г. Водолазкина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 3(54). 2024. С. 100-106.
9. [Крыжевич П.А.](#) Вставные конструкции в современном полижанровом тексте (на примере сборника Е.Г. Водолазкина «Дом и Остров, или Инструмент языка») Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2018. Филология - Русский язык - Конференция «Ломоносов-2018» (дата обращения – 15.02.2026).
10. Гудин Д.С. Поэтика романной прозы Е.Г. Водолазкина: автореф. дис.... канд. филол. наук: 5.9.1 / Гудин Денис Сергеевич: ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2023. 26 с.

11. Арзямова О.В. Динамические тенденции в синтаксисе русской художественной прозы начала XXI века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (267). С. 156–159.
12. Арзямова О.В., Толчеева Е.А. Особенности синтаксического слияния и расчленения в романе Е.Г. Водолазкина «Брисбен» // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России / Под редакцией М. В. Шакуровой. Воронеж: ВГПУ, 2020. С. 63-67.
13. Чжао Пань Коммуникативно-функциональный анализ вставных конструкций в романе Е.Г. Водолазкина «Чагин» // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2025 б. № 5. С. 119-128.
14. Кулаковский М.Н. Потенциальное информативное развертывание художественного текста в рамках вставных конструкций // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 94-101.
15. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сборник научных трудов к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ.1996. С. 284–296.
16. Пospelова Е.Г. Семантико-синтаксические типы и текстовые функции вставных конструкций: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Пospelова Елена Геннадьевна: РАН Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. Москва, 2005. 28 с.
17. Дейкун И.Д. Динамика распределения авторского комментария в художественной прозе. На материале романов XVIII-XX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Том 18. Вып. 5. С. 1769-1775.

References

1. Kulakovsky M.N. The role of insertable structures in the spatial organization of artistic text // Upper Volga Philological Journal. 2019. 1 (16). P.93-99.
2. Kazakov V.P. The functions of inserted structures in the mirror of communicative registers of speech (in the novel "Aviator" by E. G. Vodolazkin) // Vestnik SPbGU. Language and literature. 2020. T. 17. Edition 4. S. 633-649.
3. Arzyamova O. V. Paranetic structures as a means of updating communicative registers of text (on the material of the novel "Eschelon on Samarkand" by G. S. Yahina) // Current issues of modern philology and journalism. 2023. 1 (48). pp. 57-61.
4. Gorbunova Ю.С., Timoshchuk A.A. Insertive structures in the novel by E.G. Vodolazkin "Brisbane" // Humanitarian and social sciences. 2024. T. 103. 2 pp. 55-60.
5. Kulakovsky M.N. Исследование вставных конструкций в аспекте коммуникативных регистров // Культура. Литература. Язык. Материалы научной конференции / Под редакцией М. Ю. Егорова. Ярославль. 2025. С. 5-11.
6. Vodolazkin E.G. Chagin. M.: Publishing house AST, 2022. 384 pp.
7. Elatik A. A. Peculiarities of the syntax organization of the novel "Lavra" by E. Vodolaskin// Russian Humanitarian Journal. 2022. Volume 11. 1. pp. 35-44.
8. Podshivalova N.I. Functional and semantic features of inserted structures in the novel "Aviator" by E.G. Vodolazkin // Topical questions of modern philology and journalism. 3(54). 2024. p. 100-106.
9. Kryzhevich P.A. Inserting structures in a modern polishing text (on the example of E.G. Vodolaskin's collection "House and Island, or Language Tool") Materials of the International Youth Scientific Forum "LOMONOSOV-2018" / Otv. Edited by I. A. Alexkovsky, A. V. Andriyanov, E. A. Antipov. [Electronic resource] M.: MAX Press, 2018. Philology - Russian language - Conference "Lomonosov-2018" (date of application - 15.02.2026).
10. Gudyn D.S. Poetics of novel prose EG. Vodolazkina: autoref. diss.... candidate philol. Sciences: 5.9.1 /Gudyn Denys Sergeevich: TSU named after. G. R. State. Tambov, 2023. 26 p.

11. Arzyamova O. V. Dynamic trends in the syntax of the Russian art prose of the beginning of the 21st century // *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. 2015. 2 (267). pp. 156-159.
12. Arzyamova O.V., Tolcheeva E.A. Features of syntactic fusion and dismemberment in the novel "Brisbane" by E.G. Водолазкин // *Problems of humanities and education in modern Russia* / Edited by M.V. Shakurova. Voronezh: VGPU, 2020. pp. 63-67.
13. Zhao Pan Communicative-functional analysis of insertable structures in the novel E.Г. Водолазкин "Chagin" // *Vestnik ДонНУ. Ser. D: Philology and psychology*. 2025 b. 5. pp. 119-128.
14. Kulakovskiy M.N. Potential informative deployment of an artistic text within the framework of insertable structures // *Upper Volga Philological Gazette*. 2024. 1 (36). pp. 94-101.
15. Zolotova G.A. Composition and grammar // *Language as creativity: Collection of scientific works for the 70th anniversary of V.P. Grigoriev*. M.: IRYA.1996. pp. 284-296.
16. Pospelova E.Г. Semantic-syntactic types and text functions of insert structures: author. ... cand. philol. sciences: 10.02.01 / Pospelova Olena Gennadyevna: RAS of the Russian language named after V.V. Vinogradov. Moscow, 2005. 28 pp.
17. Deikun И.Д. The dynamics of the distribution of author's commentary in artistic prose. On material from novels of 18th to 20th centuries. // *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2025. Volume 18. Edition 5. P. 1769-1775.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.009

*Нижневартковский
государственный университет
аспирант кафедры филологии,
лингводидактики и перевода
Спешилова В.П.
Россия, г. Нижневартовск
Тел: 8 (3466) 27-35-10
e-mail: viksik-14@mail.ru*

*Nizhnevartovsk State University
Postgraduate Student of the
Department of Philology,
Linguodidactics and Translation
Speshilova V.P.
Russia, Nizhnevartovsk
Tel: 8 (3466) 27-35-10
e-mail: viksik-14@mail.ru*

В.П. Спешилова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПОДРОСТКА В ПРОЗЕ А.Г. АЛЕКСИНА 1950-Х ГОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ СЕВЫ КОТЛОВА»)

В статье анализируются формы, приемы и средства психологического изображения в сборнике ранних повестей А.Г. Алексина «Необычайные похождения Севы Котлова» (1958), уделяется внимание началу литературного пути, специфике творчества А. Алексина, становлению психологического мастерства писателя. Проведенное исследование расширяет представление о формах, приемах и средствах психологического изображения, характерных для малой прозы А. Алексина 1950-х годов. Новизну исследования обуславливает обращение к раннему творчеству писателя, в то время как локальные исследования охватывают, в основном, творчество зрелого периода. В ходе исследования использовались психологический подход и элементы системно-целостного анализа художественного произведения. В результате было установлено, что в повестях сборника преобладает прямая форма психологического изображения, следовательно, ключевым приёмом психологического изображения является повествование от первого лица. Также А. Г. Алексин применяет такие приемы, как психологический самоанализ, внутренний монолог, психологический анализ с целью наиболее детально раскрыть внутренний мир героя. Встречаются в текстах повестей также специфические приёмы психологического изображения: имитация интимных документов (дневники, записки) и сны. В целом детальный анализ форм и приемов художественного психологизма показывает, что уже ранний А. Г. Алексин последовательно отстаивает право ребенка на уникальность внутреннего мира, характера и поведения, не скрывая от читателя сложности его адаптации к взрослому миру, и в этот период творчества начинается формирование того явного психологизма, который будет свойствен произведениям зрелого периода.

Ключевые слова: А.Г. Алексин, советская детская литература, детская повесть, художественный психологизм, стилевая доминанта.

V.P. Speshilova

ARTISTIC PSYCHOLOGISM IN THE PORTRAYAL OF A TEENAGER IN A.G. ALEKXIN'S PROSE OF THE 1950S (BASED ON THE COLLECTION "THE EXTRAORDINARY ADVENTURES OF SEVA KOTLOV")

The article analyzes the forms, techniques, and means of psychological representation in A.G. Aleksin's collection of early novels, «The Extraordinary Adventures of Seva Kotlov» (1958), and focuses on the beginning of Aleksin's literary career, the specifics of his work, and the development of his psychological skills. The conducted research expands the understanding of the forms, techniques and means of psychological representation characteristic of A. Aleksin's short prose of the 1950s. The novelty of the research is due to the appeal to the early work of the writer, while local research mainly covers the work of the mature period. The study used a psychological approach and elements of a systematic and holistic analysis of the artwork. As a result, it was found that the direct form of psychological representation prevails in the stories of the collection, therefore, the first-person narrative is the key method of psychological representation. A.G. Aleksin also uses such techniques as psychological introspection, internal monologue, and psycho-

logical analysis in order to reveal the inner world of the hero in the most detailed way. There are also specific psychological depiction techniques found in the texts of the novels: imitation of intimate documents (diaries, notes) and dreams. In general, a detailed analysis of the forms and techniques of artistic psychologism shows that the early A.G. Aleksin consistently defends the child's right to the uniqueness of his inner world, character, and behavior, without hiding from the reader the difficulty of his adaptation to the adult world, and during this period of creativity begins the formation of that obvious psychologism that will be characteristic of the works of the mature period.

Keywords: A.G. Aleksin, Soviet children's literature, children's novel, artistic psychologism, style dominant.

В 1950-е годы детская педагогика и психология переживали период активного развития как в СССР, так и за рубежом. Это десятилетие характеризовалось поиском новых подходов к пониманию детского развития и обучению, а также становлением и укреплением авторитетных научных школ. В СССР «Развивающее обучение» (1950-1970) активно распространялось под влиянием таких ученых, как В.В. Давыдов, Л.В. Занков и Д.Б. Эльконин. Их исследования были направлены на повышение уровня психического развития младших школьников путем создания новых систем обучения, в которых акцент делался на активном участии ребенка в образовательном процессе. Также нельзя не отметить «Теорию поэтапного формирования умственных действий» (1952) П.Я. Гальперина и Н.Ф. Талызиной, которая стала важным этапом в развитии педагогической психологии. Русский советский и – позднее – израильский писатель Анатолий Георгиевич Алексин (Гоберман) (1924–2017) тесно связан с советской педагогикой, прежде всего, через свое раннее творчество (1950–1966 гг.). Написанные в этот период произведения, адресованные детям и подросткам, являются своеобразными педагогическими инструментами, направленными на формирование личности, нравственных ценностей и правильного взгляда на мир.

В литературу А.Г. Алексин вошел в 1950-м году именно как детский писатель, и произведения, созданные автором в ранний период творчества, традиционно относят к детской литературе. Размышляя о специфике детской литературы в статье «А воспитание – великое дело» (1961), А. Г. Алексин писал о том, что «она существует, состоит в особой ясности, доходчивости и простоте художественной формы. Она – в умении на страницах тонкой маленькой книжки поднять самые большие темы, волнующие современность» [1, с.122].

В период до 1966 года А.Г. Алексин в основном создавал произведения для дошкольников и младших школьников, закладывая основы своего будущего писательского мастерства. В эти же годы начинается формирование художественного психологизма как стилиевой доминанты, которая станет неотъемлемым свойством его зрелого творчества. Стоит отметить, что художественный психологизм в творчестве Анатолия Алексина претерпевает трансформацию, отражая развитие его морально-эстетических взглядов. В ранних произведениях писателя был создан образ юного героя, вокруг которого концентрировались основные сюжетные события. Психология персонажей в первых повестях Алексина, например, в повести «Отряд шагает в ногу» (1952), проявлялась через поступки, жестикуляцию и речевые взаимодействия, вследствие чего можно сказать, что для неё свойственна косвенная форма психологизма. В дальнейшем, на последующих этапах творчества писателя, произойдет углубление психологического анализа и расширение спектра приемов психологического изображения, что позволит ввести имя Алексина в ряд имен писателей-психологистов.

Такое свойство изображенного в произведении литературы мира, как психологизм, является предметом научной дискуссии. Литературовед Б.И. Бурсов предположил, что «психологизм есть переосмысление структуры личности человека» [2, с. 246]. По мнению Л.Я. Гинзбург, «психологизм есть исследование, анализ душевной жизни» [3, с. 119]. По мнению О. Б. Золотухиной, художественный психологизм представляет собой художественно-образное, изобразительное и выразительное воспроизведение и актуализацию внутреннего мира человека, зависящие от ценностной ориентации автора, его взглядов на личность и коммуникативной стратегии [4, с. 12]. М. В. Миколайчик в статье «Художественный психологизм и его место в системе литературоведческих терминов и понятий» (2014) пишет, что в

литературоведении существует множество синонимичных терминов по отношению к психологизму: «психологический анализ», «психологический рисунок», «психологическое изображение» и «психологичность», при этом различные исследователи иногда вкладывают в одни и те же термины разные значения, а одно и то же значение может обозначаться различными терминами [5, с. 139]. Автор статьи предлагает развести понятия по уровням обобщения, где художественный психологизм – это наиболее общее, родовое понятие. Оно обозначает всю систему средств и приемов в произведении, направленную на изображение внутреннего мира героя. Психологический анализ, психологическое изображение, психологический рисунок – это частные, видовые понятия, которые обозначают конкретные способы и формы воплощения психологизма. Психологичность – это, скорее, качественная, оценочная характеристика. По нашему мнению, наличие множества синонимичных терминов «психологизм», «художественный психологизм» говорит о том, что изучаемое понятие чрезвычайно важно, многогранно и постоянно находится в фокусе внимания науки. Если бы тема была периферийной, хватило бы одного устоявшегося термина. Е.А. Белоусова в статье «Художественный психологизм: итоги и перспективы изучения в отечественном литературоведении» (2024) рассматривает два основных подхода к пониманию психологизма в литературе. Во-первых, он трактуется как фундаментальная характеристика любого произведения. Согласно этой точке зрения, истинное искусство затрагивает психологические аспекты человеческой природы, сознательно или бессознательно обращаясь к ним. Даже взаимодействие между автором и читателем, чьи сознания неизбежно вступают в своего рода диалог в процессе чтения, можно рассматривать как проявление психологизма. Во-вторых, психологизм понимается как способ выражения и отражения в литературном тексте общественной психологии через призму личности писателя и созданных им персонажей. В данном случае основное внимание уделяется выявлению и анализу методов и форм, посредством которых внутренняя жизнь личности проявляется и раскрывается в произведении. Акцент переносится на исследование способов изображения внутреннего мира персонажей, а также на то, как эти изображения отражают более широкие психологические процессы, происходящие в обществе [6, с. 7]. Из обзора мнений следует, что художественный психологизм или психологизм в литературе – это переосмысление, исследование и анализ внутреннего мира личности в произведении художественной литературы.

Как говорилось выше, формирование художественного психологизма происходит на раннем этапе творчестве Анатолия Алексина, а в зрелом творчестве это свойство изображенного мира является его стилевой доминантой. Связь между стилевой доминантой и художественным психологизмом в теории литературы является весьма тесной и обусловлена тем, как эти понятия определяют художественное своеобразие произведения.

Согласно концепции А.Б. Есина, стилевая доминанта – это качественная характеристика стиля, которая выражает его художественное своеобразие [7, с. 119]. Стилиевыми доминантами могут выступать различные стороны художественной формы: в области изображенного мира это могут быть сюжетность, описательность, психологизм, фантастика и реальность. Художественный психологизм, в свою очередь, является одним из таких элементов, который может выступать в качестве стилевой доминанты. Это означает, что глубина и особенности изображения внутреннего мира героев, их мыслей, чувств, переживаний могут стать определяющей чертой стиля произведения. А. Б. Есин отмечает, что стилевая доминанта психологизма часто сопряжена с содержательными доминантами, например, такими, как идейно-нравственная проблематика. Таким образом, художественный психологизм может быть не просто одним из приемов, а ведущим принципом, организующим художественный стиль произведения. Если психологизм является стилевой доминантой, то все остальные элементы формы (сюжет, композиция, художественная речь, описания) будут подчинены задаче наиболее полно и ярко раскрыть внутренний мир героев. Таким образом, А.Б. Есин рассматривает психологизм как уникальное художественное свойство, которое проявляется в исследо-

вании и отображении литературными средствами «внутреннего мира героя», «отличающегося особым уровнем детализации и глубины» [7, с. 86], и это свойство может стать стилевой доминантой произведения.

Произведения, написанные Анатолием Алексиным, не теряют своей актуальности, поскольку затрагивают вечные проблемы взросления, взаимоотношений с родителями и сверстниками, поиска своего места в мире. Автору важно не просто представить эти проблемы, а показать их в контексте современной реальности, используя современный язык и образность. Это не просто книги, а инструмент социализации и интеллектуального развития, способный влиять на формирование ценностей и гражданской позиции.

В контексте настоящего исследования, посвященного художественному психологизму в ранних произведениях А.Г. Алексина, большую ценность представляет книга В.И. Воронова «Анатолий Алексин. Очерк творчества» (1980). Данное исследование отражает специфику психологической составляющей в художественном мире писателя. Хотя В.И. Воронов и не употребляет термин «психологизм», суть его анализа сводится к глубокому исследованию внутреннего мира героев Алексина и мастерства автора в его изображении в повестях «Саша и Шура» (1956), «Записки Эльвиры» (1956), «Коля пишет Оле, Оля пишет Коле» (1965), «В Стране Вечных Каникул» (1967) и др. Автор «Очерка» демонстрирует, как Алексин виртуозно раскрывает перед читателем сложные процессы формирования личности, показывая ее эволюцию под воздействием внешних событий и внутренних конфликтов. Воронов справедливо отмечает, что Алексин не просто описывает внешние действия своих героев, а глубоко погружается в их эмоциональную сферу, показывая сложность и противоречивость внутреннего мира [8, с. 58]. Рассматривая книгу «Необычайные похождения Севы Котлова» (1958), В. И. Воронов писал о том, что в ней прослеживается движение к подлинной творческой оригинальности. Повести трилогии характерны для начинающего писателя Анатолия Алексина, так как содержат в себе «много из того, что писатель искал и находил в первое десятилетие своей литературной работы» [8, с. 12].

Кандидатская диссертация Е. В. Посашковой «Нравственно-дидактическая тенденция в русской подростковой прозе 1960-1980-х годов» (1992) отражает роль дидактики в подростковой литературе, вводя в отношении произведений А. Алексина новый термин – «повесть нравственного урока» [9, с. 13]. Е. В. Посашкова считает, что А. Г. Алексин акцентирует внимание на вопросах формирования личности ребенка в семейном кругу, а также на взаимодействии детей с родителями, учителями и сверстниками, но при этом его проза не ставит перед собой открыто дидактических задач.

Сборник А.Г. Алексина «Необычайные похождения Севы Котлова» (1958), получивший положительные отзывы критиков и читателей, успешно продолжает традиции советской детской повести и отвечает запросам на изображение действительности 1950-х годов и внутреннего мира современного подростка. Библиографический указатель «Вопросы детской литературы и детского чтения» (1977) под редакцией З.С. Живовой и Н.Б. Медведевой рассматривает сборник в контексте детской литературы и критики того времени и демонстрирует, что изучаемая книга была значимой. З.С. Живова и Н.Б. Медведева расценивают сборник «Необычайные похождения Севы Котлова» как пример литературы, в которой: удачно изображен подросток с его особенностями (чужак, фантазер), раскрывается психология героя-рассказчика, отражаются реалии подростковой жизни и внутренние переживания героев [10, с. 401].

Рецензия литературоведов З. С. Живовой и Н. Б. Медведевой на повесть Анатолия Георгиевича Алексина «Необычайные похождения Севы Котлова», опубликованная вскоре после выхода произведения, подчеркивает уникальные особенности творчества писателя и значительное внимание уделяет тематическому содержанию и художественной форме повести. Авторы обращают внимание читателей на актуальность поднимаемых А.Г. Алексиним нравственных и воспитательных проблем, выделяют глубину психологической характеристики

главного героя. По их мнению, автор сумел передать переживания, сомнения и внутреннюю борьбу ребёнка, сталкивающегося с противоречиями взрослого мира. В результате читатель видит искреннего и живого героя, способного вызывать симпатию и сочувствие. Также авторы рецензии высоко оценили художественный стиль повести, отмечая, что Алексин демонстрирует виртуозное владение языком, создавая живой и эмоциональный образ рассказчика. Легкий юмор, динамичность сюжета и яркая передача деталей окружающей среды привлекают юных читателей и помогают удерживать их внимание. Рецензенты подчёркивают важность произведения в педагогическом плане. Через сюжет повести детям преподносятся уроки морали и поведения, способствующие формированию правильного отношения к жизни, людям и обществу. Такие ценности остаются значимы вне зависимости от времени публикации произведения. З. С. Живова и Н. Б. Медведева оценивают повесть позитивно, отмечая, что она является важным дополнением к русской литературе о детстве и юношестве. Их мнение подтверждает высокую художественную ценность и воспитательную роль повести А. Г. Алексина «Необычайные похождения Севы Котлова».

Произведения, вошедшие в сборник – повести «Под чужим именем», «Тайный сигнал барабанщика, или Как я вел дневник» и «Сева Котлов за Полярным кругом» – следуют характерной для Алексина манере раскрывать процесс становления личности через приключения и нравственный выбор. Читается эта книга как трилогия о похождениях (приключениях) Севы Котлова. Благодаря своему таланту находить нестандартные решения, он получил прозвища «Великий комбинатор», «Севооборот», «Котелок» (в разговорном стиле к человеку, который очень сообразителен, часто применяют выражение «варит котелок», т.е. голова – В. С.).

Сева Котлов предстает как типичный подросток: ученик пятого класса, увлеченный футболом, обладающий живым воображением и находчивостью, но не лишенный детских шалостей. Эти черты делают его узнаваемым и близким для юной аудитории. В повестях находят отражение реалии 1950-х годов, например, упоминается наблюдение за запуском второго искусственного спутника Земли в 1957 году. Алексин избегает прямой назидательности, раскрывая понятия добра и зла через поступки персонажей, что соответствует классическим канонам детской литературы. Автор показывает, как Сева, несмотря на свои проделки, стремится помогать окружающим и находить выход из сложных ситуаций. В то же время, повести затрагивают темы, остающиеся актуальными и для современных подростков. Неунывающий характер Севы, его умение справляться с трудностями и поиск своего места в жизни являются вневременными. Алексин демонстрирует, что даже в условиях, отличных от современных (без мобильных телефонов и интернета), проблемы взросления, дружбы, взаимоотношений с взрослыми и самоопределения остаются прежними. Произведения Алексина, написанные десятилетия назад, продолжают находить отклик у юных читателей благодаря своей искренности, психологической глубине и умению говорить с детьми на равных.

В первой повести автор обращается к *прямой форме* психологического изображения. Согласно А. Б. Есину, основные формы психологического анализа можно дифференцировать на «изображение характеров «изнутри»», осуществляемое посредством художественного проникновения во внутренний мир героев, которое проявляется через «внутреннюю речь, образы памяти и воображения» (прямая форма). Другая форма – «психологический анализ «извне»», который заключается в психологической трактовке автором «выразительных особенностей речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления психики» (косвенная форма) Третьей формой является суммарно-обозначающая (называние), при которой автор называет, но не показывает детально чувства, эмоции, происходящие в душе героя [7, с. 56]. Рассказчик – повзрослевший Сева – делится воспоминаниями о минувших днях: «*Это было очень давно... Тогда меня звали Севой Котелком, а сейчас величают Всеволодом Николаевичем Котловым*» [11, с. 6]. Повествование от первого лица создает возможность передать детское видение происходящего, когда незначительная неприятность

или резкое высказывание взрослого раздуваются в детском воображении до размеров вселенской трагедии или захватывающего события, в соотношении с взглядом повзрослевшего Котлова. Читатель воспринимает мир через призму восприятия юного Севы с его гиперболами и непоколебимой верой в грёзы. В придуманных Севой историях сам он обретает роль отважного героя и избавителя, то есть воплощает те качества, которые ему недоступны в повседневной реальности, часто лишённой ярких красок и переживаний. Самоирония представляет собой значимый психологический аспект, свидетельствующий о взрослении персонажа и понимании им иллюзорности собственных фантазий. При этом и взрослый Котлов не утрачивает доброго чувства по отношению к тому юному мечтателю, каким был когда-то.

Первым происшествием, произошедшим с главным героем, был случай, когда Севу остановил милиционер за то, что они с другом перебежали улицу в неположенном месте. За нарушение правил «16-летнему» Севе был выписан штраф 50 копеек. Описывая «взрослого» Севу, персонифицированный повествователь, включенный в систему образов повести, использует самоиронию: *«А на меня вдруг напала какая-то необычайная храбрость. Хорошо вам, молокососам без паспорта!»* [11, с. 19]. Следующей целью «взрослых дел» Севы была библиотека, «взрослая читальня». Характеризуя поступки героя, рассказчик использует **психологический самоанализ** с целью показать ещё совсем детское поведение мальчика, который считает себя взрослым, при прочтении романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: *«Наконец я добрался до главы о шахматном турнире и уж захохотал прямо во всё горло»; «Я не очень понимал, как это можно «хохотать про себя», но всё же старался: зажимал рот рукой, фыркал то в рукав, в носовой платок, то прямо в книжку»* [11, с. 25]. Алексин, как и Ильф и Петров, использовал юмор для раскрытия характеров и общественных явлений, но это не значит, что уроки художественного психологизма писатель брал из этой книги. Этот прием помогает автору избежать назидательности и сделать произведение и характер героя более живыми.

Чем дальше увлекался Сева игрой во взрослого и «рискового», тем серьезнее становились последствия: Сева решает тайком вынести понравившуюся ему книгу «Двенадцать стульев» из библиотеки, вследствие чего данные его брата Димы были внесены в «чёрный список». Поход в кино тоже не остался незамеченным: Сева решает купить второй билет по одному и тому же паспорту: «Появился прямо какой-то спортивный интерес», вследствие чего паспорт отбирают и Сева остаётся разочарованным. Взрослая жизнь теперь не кажется ему такой беззаботной. Описывая разочарование Севы, писатель использует **внутренний монолог**: *«Господи, и как же мне надоели эти разговоры: Был бы он мальчишкой – тогда другой разговор... Как я хотел поскорей положить паспорт на место в восьмой том Малой советской энциклопедии и поскорей вернуться в свои милые и симпатичные 13 лет!»* [11 с. 40].

Пытаясь исправить свои ошибки и защитить ни в чём не подозревающего брата Диму, Сева окончательно запутался: *«Настроение у меня было очень плохое. Ведь я шёл к директору, чтобы сказать правду, а получилось так, что ещё сильнее заврался и окончательно всё запутал»* [11, с. 51]. Здесь мы наблюдаем **элементы психологического самоанализа** с целью показать, что Сева стремится исправить то, что натворил, но ещё не понял, что «лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Ситуация разрешилась благополучно для всех. Сева осознал свои ошибки благодаря помощи директора Елены Кирилловны, которая поняла, кто являлся инициатором всех происшествий. *«Я даже обрадовался. Да, да, обрадовался! Мне вдруг показалось, что будто с плеч у меня свалилось что-то такое тяжёлое, что даже пол под ногами слегка покачнулось»* [11, с. 58]. В данном примере мы видим **психологический самоанализ**, герою стало легко на душе, он осознал свои ошибки.

Повесть «Тайный сигнал... А чей?» построена **в форме дневниковых записей**, в которых также преобладает **прямая форма** психологического изображения. Сева решает вести дневник, чтобы не забыть детских приключений, и в данном случае интересен его **внутрен-**

ний монолог: «А может быть, я стану не просто взрослым, а каким-нибудь знаменитым человеком? Все люди сразу захотят узнать разные подробности о моем детстве. И вот эта самая тетрадка в клеточку им поможет» [11, с. 60]. К ведению дневника Сева подошёл ответственно: изрисовал обложку, первую фразу начинал целых три раза, прочитал дневник брата, попросил помощи у близких, чтобы они иногда проверяли дневник. Каждый день Севы был насыщен происшествиями. В один из дней он решается посадить ежа однокласснице в парту, на другой день Сева вместе с другом планируют уйти из дома для научных наблюдений.

Также в повести автор использует такой специфический приём психологического изображения, как **сны**, чтобы показать стремление мальчика к приключениям и новым открытиям: «Мне казалось, что я всю ночь не спал. Но это было, наверно, не совсем так, потому что мне снились сны. Мне снились спутники и космические корабли, в одном из которых были мы с Витькой» [11, с. 67].

В произведении дневниковые записи и сны взаимодополняют друг друга: с их помощью происходит углубление психологической характеристики героя, поскольку дневник – это личное, тайное, сокровенное; сон, в свою очередь, тоже является отражением человеческой души.

В один из осенних дней Сева находит у себя в парте **записку**, в которой содержится информация о том, что есть люди, которым нужна помощь: пенсионерам, инвалидам войны, жителям нового дома. Описывая дела Севы (помощь пенсионеру Степану Петровичу по хозяйству и т.д.), автор включает в повествование его **психологический самоанализ**. Сева сам не заметил, как стал лучше читать, стал добрее: «Читая газеты вслух, я стал очень образованным в политическом отношении. Чтобы ребята не сомневались, я громко и абсолютно наизусть произносил названия всяких зарубежных газет: «Фигаро», «Темпо» ...» [11, с. 78]. 6 декабря Сева нашёл еще одну **записку**, в которой говорилось о том, что его могут переименовать «из Котелка в Кастрюлю», так как он сам не догадался весь материал, который остался от кружка «Умелые руки», передать жителям нового дома. **Внутренний монолог** передает размышления героя о важности этого дела: «А что интересно мог мне подсказать этот самый «ТСБ»? Он бы, наверно, прежде всего, узнал, что мы умеем делать в столярной мастерской. Так... А что мы там делаем? Табуретки!» [11, с. 90]. Главный вопрос, кто такой ТСБ, который шлет Севе письма и подсказки, оставался открытым. Аббревиатура, как оказалось, расшифровывается довольно просто: Твой Старший Брат. Всё это время именно Дима подталкивал своего брата к правильным решениям, к пути взросления, поскольку даже если Сева совершал ошибки, то он, уже как взрослый, сам их исправлял.

Повесть «Сева Котлов за полярным кругом» также построена как **повествование от первого лица**. Сева вновь оказывается в центре интересных событий, но уникальность данной части в том, что читатель наблюдает сразу за несколькими сюжетными линиями: личная жизнь старшего брата Севы, драматическая история в семье Севиного нового друга, а также переживания самого Севы. Заключительные похождения Севы начинаются с того, как семья Котловых собирается переезжать в Заполярск. Эмоции переполняли Севу, об этом свидетельствует его **психологический самоанализ**: «Я был счастливее папы! Ещё бы: я поеду не куда-нибудь на дачу и не в пионерский лагерь, а в город Заполярск. На радостях я даже стал напевать известную песенку» [11, с. 98].

Отношения Севы со старшим братом Димой стали другими; Дима повзрослел, влюбился и поэтому не хотел уезжать из города. Сева узнает об этом из дневника Димы, в котором было стихотворение, посвящённое К.С. Сначала Сева подумал, что стихотворение посвящено ему, но ошибался: «Я даже вздрогнул: неужели Дима решил что-то посвятить лично мне? Целую минуту я был просто счастлив... А потом у меня на глазах даже слёзы выступили... Сердце у меня сильно-сильно забилося (**психологический самоанализ**) [11, с. 99]. Уз-

нав о влюбленности брата, Сева решает приступить к делу, чтобы брат забыл Киру и поехал с семьей: *«Надо было срочно что-то предпринять!»* [11, с. 100].

Радость Севы от предстоящей поездки сменилась грустью; его огорчало, что придется расстаться с одноклассниками (**психологический самоанализ**): *«От этих мыслей у меня был такой вид, что председатель совета отряда Толя Буланчиков произнёс:*

– Я вижу, Сева, ты находишься в глубокой задумчивости» [11, с. 101].

Класс, чтобы поддержать Севу, решает дать ему важное поручение: быть специальным корреспондентом за полярным кругом. Прощаясь с другом Нытиком – такое прозвище придумал ему сам Сева – герой тоже испытывает тяжёлые чувства: *«Я раньше и не подозревал даже, что Витик-Нытик такой верный и преданный друг. Мне стало стыдно за то, что я частенько подсмеивался над ним. Но я не показал виду, чтобы еще больше не расстраивать Нытика»* [11, с. 104] (**психологический самоанализ**, осознание важных жизненных ценностей: дружбы). Возвращаясь к своему важному делу «убить любовь» брата, Сева решает «вызвать отвращение у Димы к Кире Самошкиной», утверждая, что у него самого это чувство возникло сразу при виде этой девушки: *«А у меня сразу возникло это самое «отвращение»»* [11, с. 105]. Однако дело оказалось не таким простым, это позволяет понять **психологический самоанализ** героя: *«Я просто рукавом вытер вспотевшее от волнения лицо, пригладил волосы и продолжал свои наблюдения. «Отвращение» моё возрастало с каждой минутой»* [11, с. 107]. При описании своего психологического состояния рассказчик использует в этом эпизоде **косвенную форму** психологизма, позволяющую судить о переживаниях героя по внешним симптомам. Сева решает на отчаянный шаг: поговорить с Кирой: *«Я собрал всю волю в кулак и пошел на самый последний и отважный шаг»; «Нос мой сразу зачесался, и на лбу, как тогда, на переменке, выступил пот»* [11, с. 109]. Косвенная форма психологизма показывает смятение героя и одновременно его решительность. План Севы удался благодаря его умению сочинять и фантазировать: *«Видя, что слова мои подействовали на Киру, я стал сочинять еще горячее»* [11, с. 111].

День полёта был очень памятным для Севы: *«Я очень волновался»* (**суммарно-обозначающая форма** психологизма или **называние**) [11, с. 115]. Вспомнив «предупреждения» соседки Генриетты Петровны о том, что в полёте может стать нехорошо, Сева взял *«гигиенические пакеты и приготовился к худшему: «С той минуты я стал напряжённо ждать, когда меня затошнит...»* [11, с. 117] (**психологический самоанализ**).

Приключения Севы продолжались, и вот он уже не в самолёте, а на огромном речном экспрессе вспоминает детство: *«...мне снова, как в детском саду, захотелось стать капитаном дальнего плавания»; «Мне помнится, очень нравилось произносить такие слова, как «причал», «порог», «перекат», «каменное ложе», «встать на якорь», «сняться с якоря».* Севе становится в поездке скучно несмотря на то, что у него появляется новый товарищ, Рыжик, он решает развлечься. С помощью **внутреннего монолога** Севы читатель может увидеть детские черты и непосредственность Севы: *«Воображает, что у него есть артистический талант, а у меня его нету! – с досадой думал я. – Ну ничего! Это мы ещё посмотрим! Я ещё так вас всех разыграю!»* [11, с. 127]. Розыгрыш удался, детская шалость заставила взрослых обыскать всю палубу, в то время как довольный Сева, спрятавшись, наблюдал за происходящим. Эта ситуация принесла Севе одновременно и радость, и огорчение:

– А почему же ты ничего не заметил? – упрекал сына Владимир Николаевич. – Ведь он же твой товарищ!

– Он ещё пока не товарищ, – ответил Рыжик.

И у меня что-то зацемило под ложечкой» [11, с. 129] (**психологический самоанализ**, который подтверждает мысль, что Севе необходим друг, он нуждается, как и любой подросток, в настоящем и искреннем друге).

Эта идея прослеживается и в следующем эпизоде. Сева, уже живя в Заполярске, восхищается новым балконом дома, представляя себя на трибуне, с которой удобно произносить громкие речи, но тут видит Рыжика: *«Сердце моё забилося: «Пришёл! Сам пришёл! Первый!»* [11, с. 136]

(самоанализ). Пообщавшись ближе с Рыжиком, Сева узнаёт, что мама мальчика умерла. Тема дружбы в произведении выходит на первый план, Сева меняется, стремится быть с Рыжиком рядом: *«Все печальные воспоминания сразу вылетели у меня из головы: уж очень мне хотелось стать для Рыжика «настоящим другом» и «чтобы на всю жизнь!»* [11, с. 144] **(психологический самоанализ).**

С этого дня мальчики начали сблизиться, и первым важным совместным мероприятием стало посещение театра. При помощи **психологического самоанализа** Севы автор дает понять, что он, хотя и стремится показаться взрослым, все еще ребенок: театр *«был самый настоящий: с колоннами у входа и с маленьким окошечком администратора. Я еще никогда не ходил в театр по «служебным пропускам», и вид у меня поэтому был очень гордый»* [11, с. 138].

Заканчивается повесть неожиданностью, которая произошла 31 августа. Приехала Кира, та самая, которую так опасался Сева (не случайно он прятал её письма от брата). Но и тут герой нашел выход из ситуации: *«Я нарочно не передавал эти письма! – собрав всю свою волю в кулак, преспокойно перебил я старшего брата. – Если бы я их передал, Кира бы сюда не приехала. Значит, я устроил ваше личное счастье. Все онемели. А я, гордо подняв голову, вышел из комнаты»* [11, с. 188] **(психологический самоанализ).** Используя подобные комичные ситуации, Алексин с глубоким пониманием психологии подростка раскрывает важные темы: дружбы, взросления, стремления к самоопределению, ценности внутренней независимости. Мальчик, далеко не ангел, вызывает симпатию честностью перед самим собой.

Таким образом, проанализировав три ранних повести из книги А.Г. Алексина «Необычайные похождения Севы Котлова», можно сделать вывод, что в них ключевым аспектом, привлекающим внимание писателя, является нравственное становление юного героя. Спектр обнаруженных форм, приёмов и средств психологического изображения позволяет с уверенностью сказать, что произведениям раннего периода присуще формирование такого свойства изображенного мира, как художественный психологизм, который станет стилевой доминантой в произведениях зрелого Алексина. Уже на начальном этапе своего творческого пути автор большое внимание уделяет изучению внутреннего мира ребенка, находящегося на пороге переходного возраста, преодолевающего стадию детства. В это время Анатолий Алексин экспериментирует с разнообразными средствами и приёмами психологизма для глубокого анализа внутреннего мира своих героев, их раздумий, стремлений, самооценки и различных эмоциональных состояний, используя преимущественно прямую и – в редких случаях – косвенную форму психологического изображения или называние. Прямую форму психологического изображения Алексин применяет, стараясь достичь достоверного изображения переживаний героя, стремясь к реалистичному воссозданию его внутреннего состояния.

Писатель использует в повестях книги следующие приёмы и средства психологического изображения: обусловленное прямой формой психологизма повествование от первого лица (читатель проходит путь взросления вместе с героем, напрямую свидетельствующим о своем психологическом состоянии), внутренний монолог (помогает проанализировать поток мыслей персонажа, непредвзято передать его внутреннюю речь), психологический самоанализ (при помощи данного приёма писатель демонстрирует, как главный герой осуществляет «работу над ошибками», анализирует свои поступки: «хорошо-плохо»), психологический анализ (читатель видит героя со стороны, глазами повествователя, которым является повзрослевший Сева), имитацию интимных документов (записки, письма, дневники для ответов на важные вопросы и передачи сокровенных тайн), сны, иронию, самоиронию (в психологическом контексте), свидетельствующие о взрослении Севы.

Библиографический список

1. РГАЛИ. Фонд №618. Редакция журнала «Знамя». Ан. Алексин «А воспитание – великое дело». Оп. 17. Ед. хр. 910

2. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. Л.: Советский писатель, 1967. 395 с.
3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971. 300 с.
4. Золотухина О. Б. Психологизм в литературе: пособие. Гродно: ГрГУ, 2009. 177 с.
5. Миколайчик М. В. Художественный психологизм и его место в системе литературоведческих терминов и понятий // Вопросы русской литературы. 2014. № 29(86). С. 134-143.
6. Белоусова Е. А. Художественный психологизм: итоги и перспективы изучения в отечественном литературоведении // Filologos. 2024. № 1(60). С. 5-11.
7. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.
8. Воронов В. И. Анатолий Алексин. Очерк творчества. 2-е изд., доп. М.: Дет.лит., 1980. 174 с.
9. Посашкова Е. В. Нравственно-дидактическая тенденция в русской подростковой прозе 1960-1980-х годов: специальность 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 1992. 19 с.
10. Живова З. С., Медведева Н. Б. Вопросы детской литературы и детского чтения. Библиографический указатель. Москва, Детская литература. 1977. 319 с.
11. Алексин А. Г. Весёлые повести. М., 2001. 240 с.

References

1. RGALI. Collection No. 618. Editorial Board of the Znamya Magazine. A. Aleksin, "And Education is a Great Thing." Op. 17. Unit 910
2. Bursov, B. I., National Originality of Russian Literature. Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1967. 395 p.
3. Ginzburg L. Ya. On Psychological Prose. Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1971. 300 p.
4. Zolotukhina O. B. Psychologism in Literature: A Manual. Grodno: Grodno State University, 2009. 177 p.
5. Mikolajchik M. V. Artistic Psychologism and Its Place in the System of Literary Terms and Concepts // Voprosy Russkoy Literatry. 2014. No. 29(86). Pp. 134-143.
6. Belousova E. A. Artistic Psychologism: Results and Prospects of Study in Russian Literary Criticism // Filologos. 2024. No. 1(60). Pp. 5-11.
7. Esin A. B. Principles and Techniques of Analysis of a Literary Work: A Manual. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 248 p.
8. Voronov V. I. Anatoly Aleksin. An Essay on Creativity. 2nd ed., suppl. Moscow: Det.lit., 1980. 174 p.
9. Posashkova E. V. Moral and Didactic Tendency in Russian Teen Prose of the 1960s-1980s: Specialty 10.01.02 "Literature of the Peoples of the Russian Federation": Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Yekaterinburg, 1992. 19 p.
10. Zhivova Z. S., Medvedeva N. B. Issues of Children's Literature and Children's Reading. Bibliographic Index. Moscow, Detskaya Literatura. 1977. 319 p.
11. Aleksin A. G. Vesyoliye Povesti. Moscow, 2001. 240 p.

УДК 811.373.2

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.010

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Денисова М.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: deni-mar@list.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and
Intercultural communication
PhD, associate professor
M. A. Denisova
Russia, Voronezh,
e-mail: deni-mar@list.ru*

М.А. Денисова

ФУНКЦИИ ГОВОРЯЩИХ ИМЁН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Работа посвящена одному из актуальных направлений филологической науки – литературной ономастике. Цель исследования заключается в определении и описании функций говорящих имён собственных в художественном тексте. Предметом анализа выступают произведения для детей и подростков, вышедшие в свет в России в последние десятилетия: цикл повестей Андрея Усачёва «Школа снеговиков» (2008), научно-познавательная сказка Анны Водопьяновой «Тайная жизнь овощей» (2019), повести Анны Никольской «Чемодановна. Моя ужасная бабушка» (2013), Елены Соковениной «Приключения П. Осликова, ребёнка, который хотел как лучше» (2016), Тони Шипулиной «Зефирный Жора» (2017), Анны Игнатовой «Принцесса Торнада» (2020), Галины Бабуровой «Бурквиль» (2021). Методологическая основа включает в себя описательно-функциональный, сравнительно-сопоставительный методы, герменевтический подход, базирующийся на принципах диалогичности и целостности. Актуальность аннотируемой статьи обусловлена малой изученностью текстов современной детской литературы. В работе рассматриваются назывная, идентификационная и характерологическая функции говорящих имён собственных, последняя реализуется в оценке внешнего вида героя, его характера, умственных способностей, личностных качеств, особенностей восприятия действительности, профессиональной принадлежности и качества выполняемой работы. В жанре сказочной повести выявляется миромоделирующая функция, которая позволяет конструировать фантастическую вселенную с помощью говорящих топонимов, годонимов, дромонимов, пореймонимов, идеонимов, гемеронимов и фармаконимов. Описываются говорящие имена, использованные в качестве аллюзии. Утверждается, что читателю младшего возраста в связи с особенностями возрастного восприятия художественного текста имена с прозрачной семантикой помогают классифицировать героя как положительного или отрицательного, что делает персонажа понятным и позволяет прогнозировать его дальнейшее поведение. Настоящее исследование представляет собой этап в изучении современной литературы для детей и литературной ономастики.

Ключевые слова: говорящие фамилии, антропонимы, топонимы, детская литература, жанр литературной сказки, художественный текст, миромоделирующая функция.

М.А. Denisova

FUNCTIONS OF SPEAKING NAMES IN MODERN CHILDREN'S LITERATURE

The work is devoted to one of the most relevant areas of philological science – literary onomastics. The purpose of the study is to identify and describe the functions of speaking proper names in a literary text. The subject of the analysis is works for children and adolescents published in Russia in recent decades: Andrei Usachev's novella cycle "School of Snowmen" (2008), Anna Vodopyanova's scientific and educational fairy tale "The Secret Life of Vegetables" (2019), the story of Anna Nikolskaya "Portmanteau. My Terrible Grandmother" (2013), Elena Sokovenina's "The Adventures of P. Oslikov, a Child Who Wanted to Do the Right Thing" (2016), Toni Shipulina's "Marshmallow Zhora" (2017), Anna Ignatova's "Princess Tornada" (2020), and Galina Baburova's "Burquille" (2021). The methodological framework includes descriptive-functional, comparative-contrastive methods, and a hermeneutical approach based on

the principles of dialogism and integrity. The relevance of the article is due to the limited study of contemporary children's literature texts. The paper examines the nominative, identification, and characterological functions of speaking proper names, the latter of which is realized in the evaluation of a character's appearance, personality, mental abilities, personal qualities, perception of reality, professional affiliation, and the quality of their work. In the genre of fairy-tale stories, a world-modeling function is revealed, which allows for the construction of a fantastic universe using speaking toponyms, hodonyms, dromonyms, poremonyms, ideonyms, gimeronyms, and pharmaconyms. Speaking names are described as an allusion. It is argued that for younger readers, due to the peculiarities of age-related perception of fiction, names with transparent semantics help to classify a character as positive or negative, which makes the character understandable and allows for predicting their future behavior. This study represents a step in the study of contemporary literature for children and literary onomastics.

Keywords: speaking surnames, anthroponyms, toponyms, children's literature, literary fairy tale genre, literary text, world-modeling function.

Использование имен с прозрачной семантикой как средства художественной выразительности в тексте имеет давние традиции, восходящие ещё к эпохе классицизма, середине XVIII века, и широко реализующиеся в произведениях писателей XIX-начала XX века [1]. В. Виноградов называл такие имена смысловыми, рассматривая их как «своеобразный троп ... используемый в стилистических целях для характеристики персонажа или социальной среды» [2, с. 161]. Термин «говорящее имя» представляется нам наиболее подходящим для определения имён собственных: антропонимов топонимов, зоонимов и пр., с прозрачной внутренней формой, где значение слова даёт ключ к сути персонажа. Такие онимы могут указывать на внешность, черту характера, особенности поведения, мировоззрение, социальный статус и прочие свойства уже при первом знакомстве с читателем. Не вызывает сомнений тот факт, что любой оним в художественном тексте значим и стилистически маркирован, играет важную роль в создании образа героя, передавая с его помощью как явную, фактическую, так и подтекстовую информацию. «Входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащенным [3, с. 106]. Говорящее имя уже семантически обогащено и требует лишь осознания авторского намёка и подтверждения заявленной характеристики. Такой оним становится своеобразным ярлыком для персонажа, подчеркивая наиболее яркую черту и умаляя значение всех других его качеств.

Подобная прямолинейность в оценке, делающая героя носителем одной особенности, подходит для юмористических, сатирических текстов и произведений детской литературы. Школьники младшего и среднего возраста легко усматривают связь между героем и обозначенным в имени свойством, что добавляет чтению увлекательности и позволяет обойтись без лишнего морализаторства в оценке тех или иных пороков персонажа. Одним из примеров таких классических произведений для детей, написанных в прошлом веке, является цикл повестей Н. Носова «Приключения Незнайки», где «имена героев важны как выражение их социальной роли и психологических характеристик» [4, с. 49]. Изображение ирреальной действительности в текстах цикла А. Волкова «Волшебник изумрудного города», в произведениях К. Чуковского также требуют имён, искусственно созданных автором [5]. Говорящие фамилии широко используются и в современной детской литературе. Рассмотрим их функции в произведениях, созданных за последние два десятилетия.

Деревню Дедморозовку, накрытую волшебным невидимым покрывалом, описывает Андрей Усачёв в цикле повестей о Деде Морозе, Снегурочке и двадцати снеговиках и снеговичках. В первой книге «Школа снеговиков» (2008) раскрывается история их появления на свет: заснував без малышей, Дед Мороз с внучкой вылепили их из снега и оживили, предварительно индивидуализируя каждого с помощью посуды, одежды и прочих предметов. Принцип номинации задаёт здесь внешний вид героя: «Дед Мороз долго мучиться не стал: одному на голову надел старый чугунок, другому ведёрко, третьему – чайник ... И надел одному из снеговиков свои рукавицы. – Этот будет Варезкин, а того назовём Чайниковым!» [6, с. 10] так образованы антропонимы *Варезкин*, *Чайников*, *Чугунков*, *Ведёркин*, *Кастрюльников*, *Котелков*, *Пряжкин*, *Старометёлкин*, *Кроссовкин*, *Морковкин*, *Брошкина*, *Шапочкина*,

Косичкина, Рябинина, Берёзкина, Уголькова. Выбор фамилий *Сорокина, Синичкина* в тексте не объясняется так же, как и фамилии *Мерзлякин*, информация о том, что он чувствителен к холоду отсутствует. Ни одна из указанных говорящих фамилий не характеризует персонаж, а выполняет назывную функцию и способствует созданию яркого запоминающегося юмористического образа. Помогает раскрыть образ героини только антропоним *Беломухина*, связанный не с внешними атрибутами, а с её поэтическим видением действительности: «Первое, что она произнесла, когда их оживили: «Ой, смотрите! Белые мухи летят» [6, с. 65]. Новогоднюю тематику произведения продолжают и зоонимы *Декабрь, Январь, Февраль* – имена лошадей Деда Мороза.

В сказочной повести Анны Никольской «Чемодановна. Моя ужасная бабушка» (2013) использование говорящих имён не складывается в определённую систему и не всегда мотивировано. В центре повествования – семья Прикольских: работающие родители и девятилетние близнецы, у них живёт няня Изольда Тихоновна Кикиморова. В дождливую грозовую ночь в их доме оказывается Авдотья Чемодановна Свирепова, являющаяся, как выясняется впоследствии, их родной бабушкой. И состав семьи, и обстоятельства появления неожиданной гостьи, и изменение привычного уклада жизни ребят и многое другое являются аллюзией на повесть Памелы Трэверс «Мэри Поппинс». Характер няни передаёт патроним *Тихоновна*: девушка требовала, чтобы дети молчали не только за едой, но и на прогулке, за игрой или подготовкой к урокам. Она контролировала брата с сестрой, ругала за непослушание и кормила на завтрак овсянкой, никакой привязанности у ребят такие действия не вызывали. Мифологический образ кикиморы, злого существа, обитающего в человеческом жилище, заключённый в антропониме *Кикиморова*, становится очевидным после сцены с волшебным супом, аромат которого заставляет говорить правду. Выясняется, что няня планировала выйти замуж за папу близнецов, предварительно избавившись от всех остальных членов семьи.

Антропоним *Авдотья Чемодановна Свирепова* олицетворяет нетипичный, фантастический и даже немного абсурдный образ бабушки, обладающей отнюдь не безупречными манерами, неслучайно Анна Никольская в интервью называет Чемодановну «Поппинс наоборот» [7]. Патроним *Чемодановна* связан как с её внушительными габаритами, так и с чудесным чемоданом, отсылающим к волшебной сумке Мэри Поппинс. Фамилия *Свирепова*, образованная от прилагательного со значением жестокий, безжалостный [8], оправдана, если речь идёт об отношении героини к злым и коварным людям. Антропоним, подобранный автором для второстепенного персонажа *Миши Баскервиллева*, хозяина добермана по кличке *Собака*, образован от фамилии Баскервиль, в семье которых из поколения в поколения передавалась легенда о демонической собаке, описанная в повести Артура Конан Дойля «Собака Баскервилей». Миша таким образом приобретает качества собаки, которую обучают нападать на человека по команде, в то время как его собака с семантически пустым именем получает шанс измениться к лучшему.

Неочевидно наполнение антропонима *Прикольские*, существительное «прикол» ни в значении шутки, розыгрыша, ни в значении сваи, вбитой в землю [8], не соответствует характеру персонажей. Топоним *Большие Пупсы* (от сущ. пупс 1) небольшая кукла в виде голого ребёнка, младенца; 2) о симпатичном упитанном ребёнке [8]) может одновременно указывать и на близнецов, и на их родителей, и на всех героев этой сказочной повести, но только при условии наличия кукловода, человека, который играет этими куклами. Любопытны и гононимы *Тополиная* и *Розмариновая*. Не имея здесь сюжетной значимости, они являются элементом художественного пространства творческого мира Анны Никольской и фигурируют также в другом её произведении «Кондитерские истории. На углу Тополиной и Розмариновой».

Выбор имён собственных в художественном произведении, как правило, представляет собой систему, связанную с замыслом автора, жанром, характером образов и художественным миром, то есть вымышленной реальностью, в которой существуют персонажи. Действие

сказки Галины Бабуровой происходит в городе *Бурквиль*, название которого и вынесено в заголовок (2021). Говорящий топоним, образованный от глагола бурчать и французского слова *ville* – город, задаёт общий тон восприятия действительности его жителями. Склонность к постоянному недовольству и выражению негативных эмоций через жалобы, ворчание и бурчание считается уже при первом знакомстве с антропонимами *Буркич*, *Склочкинс*, *Занудинг*, *Ворчинский*, *Хмурсон*. Обращает внимание и трансформация формул приветствия, произведённая в соответствии с общим замыслом книги: «Премерзкое утро, госпожа Склочкинс!» [9, с. 5], «Хмурое утро, Буркич!» [9, с. 6], «Как же мерзко снова тебя видеть!» [9, с. 78], «Ужасного дня!» [9, с. 79], «Презираю тебя изо всех сил!» [9, с. 79].

Ещё один ряд антропонимов связан с профессиональной принадлежностью героев: *Пчёлкинс* (пасечник), *Колодкинс* (сапожник), *Хворайкинс* (доктор), *Творожкинс* (молочник), *Сдоббинс* (булочник), *Воспитандель* (директор школы), *Кляузингер* (бургомистр). Эти имена собственные не содержат информации о качестве работы, выполняемой героями, тогда как антропонимы *Тухман* (мясник), *Коссоруччо* (скрипач и художник), *Зевайчис* (секретарь) включают неодобрительную оценку их деятельности. Все фамилии в тексте говорящие, а среди личных имён говорящим оказывается только антропоним *Бредомир*: дедушка одного из героев, в отличие от остальных горожан, любит шутки и розыгрыши.

Череду изменений в существующем порядке запускает появление в городе незнакомой маленькой девочки. Поселившись в доме булочника, улыбчивая, добрая и вежливая *Дана Сдоббинс*, учит ребят дружить, а выпечка её приёмного отца, прежде пересолёная и черствая, становится свежей и очень вкусной. Выбор существительного *сдоба* как основы говорящей фамилии не только указывает на род занятий главы семьи, но и содержит сему *добрый*. Исторически в слове *сдоба* «с-» не приставка, а корень **сь* «хорошо, благо. Предполагается, что *сдоба* –соединение двух корней, где второй корень *доба* — «добрый, пышный». То есть буквально *сдоба* — «приправа, делающая (тесто) хорошим (вкусным)» [10]. Вкусная выпечка делает человека сытым, а «сытый человек – добрый человек» [9, с.47], – утверждает один из героев этой сказки.

Если в книге «Бурквиль» говорящие антропонимы задают тему, моделируют художественный мир и характеризуют каждого из персонажей, то в сказочной повести Анны Игнатовой «Принцесса Торнада» (2020) они достаются только ключевым героям. Прежде всего принцессе, чьё появление на свет во время страшной бури определяет выбор имени, которое дают ей родители – *Торнада* (от исп. *tornado* – смерч, происходящий над сушей [8]). Быстро выясняется, что погода напрямую зависит от настроения принцессы, а её сила быстрота и выносливость помогают достичь небывалых успехов в спорте. Военный советник *Головастый*, заинтересованный в войне с соседским королевством, решает использовать принцессу в качестве бомбы замедленного действия: отправить за границу якобы отдохнуть, а там расстроить, что непременно вызовет природные катаклизмы и ослабит чужую страну. И хотя злой умысел и коварство советника очевидны, антропоним *Головастый* не содержит негативной оценки, а лишь указывает на ум и сообразительность героя. Антропоним *Лампасов*, называющий генерала, – на принадлежность его носителя к армии через упоминание цветных (обычно красных) нашивок в виде полос по наружному шву форменных брюк на всю их длину [8].

Спровоцировать плохое настроение принцессы и, как следствие, бурю должен, по замыслу советника, одноклассник Торнады *Костя Орликов*, в которого девочка влюблена. без взаимности с его стороны. Проводить операцию на территории чужого государства призван *Уж Сергеевич Лазейкин*. Антропоним *Уж* его носитель объясняет так: «Мои дальновидные родители с рождения пожелали мне Удачной Жизни, вот и назвали Ужом. Мода такая была на сокращения» [11, с. 84]. Очевидно, что для читателя этот оним служит сигналом, что перед ним отрицательный герой: ужом называют не только небольшую змею, что уже предопределяет поведение действующего лица, но человека, склонного к лести и подхалимству

[8]. Важно, что автор выбирает название неядовитой змеи: существенного вреда персонаж нанести не может. Антропоним *Лазейкин*, образованный от существительного *лазейка*, называющего небольшое отверстие, узкий проход, через которые можно с трудом пролезть, пройти, а в переносном значении – уловку, хитрый ловкий приём, позволяющие выйти из неприятного, затруднительного положения [8], завершает образ. Говорящее имя здесь предопределяет поведение героя. Юные читатели уже поняли, что собой представляет этот человек, а наивный Костя – ещё нет, это обстоятельство усиливает напряжение сюжета, делает его более захватывающим.

Ни царствующие родители героини, ни члены королевской семьи соседей говорящих имён не имеют, являясь факультативными персонажами для сюжета. Автор показывает добрые демократичные отношения давних друзей-монархов использованием обращений Вася, Васька, Эдди, Эдик, Астрочка, Торнадочка. Не наделён говорящим именем и наследный принц, новая симпатия Торнады, он Александр, Алекс, Шурик. Костя Орликов же становится одним из важных героев, потому что сумел в решающий момент, следуя главному секретному королевскому указу, оградить Торнаду от страшной правды: принцесса с её даром – бедствие для страны. Антропоним *Орликов* восходит к слову *орёл* – гордый, храбрый, сильный, мужественный человек [8], но, пока мальчик юн, он орлик, птенец орла [12]. Таким образом говорящие фамилии здесь обладают не только смысловой наполненностью, но и оценочным потенциалом.

Говорящие поэтонимы, основанные на аллюзии, использует Анна Водопьянова в научно-познавательной сказке «Тайная жизнь овощей» (2019). В одной из частей книги «Дело о погибающих овощах» повествуется о чрезвычайном происшествии: в холодильнике портятся овощи, а в случившемся обвиняют кабачка-почтальона. За расследование берётся знаменитый детектив Черри Холмс и его друг помидоктор Томатсон. Антропонимы *Черри Холмс* и *Томатсон* отсылают к известным героям Артура Конан Дойла: Шерлоку Холмсу и его помощнику доктору Ватсону, одновременно сообщая, что оба персонажа книги – помидоры. Топоним *Туманная Холодилия*, являющийся аллюзией на Туманный Альбион, завершает аналогию. Говорящие имена героев-сыщиков вкупе с загадочным событием и сюжетными поворотами, связанными с раскрытием загадки, наделяют историю чертами детектива.

Анна Водопьянова создаёт мир, который населяют овощи: ходят на работу, ездят отдыхать, делают в квартире ремонт, посещают музеи и читают книги. Он похож на мир людей во многом за счёт онимов, конструируемых автором с помощью языковой игры. Привычные нам реалии трансформируются в сказочные путём замены / добавления одного или нескольких звуков / слогов в исходном имени собственном. Замещение происходит таким образом, чтобы неологизм включал в свой состав наименование фруктов, овощей или блюда, их содержащего, при этом оба компонента должны частично совпадать по звучанию, что позволяет заключить в слово несколько значений. Например, в топонимах: *Лимондон* (Лондон + лимон), *Фрукфурт* (Франкфурт + фрукт), *Луксембург* (Люксембург + лук), *Борщелона* (Барселона + борщ) *Морозилия* (Бразилия + мороз), в дромонимах *Шавелецкий* (Павелецкий + шавель) вокзал, *Зеленьградский* (Ленинградский + зелень) вокзал, авиакомпания *Аэроплод* (Аэрофлот + плод), аэропорт Супово (*Внуково* + суп), корабль Титазик (Титаник + тазик), пореймонимах *Перседес* (Мерседес + перец), *Шивроле* (Шевроле + щи). Таким же способом образованы антропонимы *Харитофель*, *Анатофель*, *Григофель*, *Прокофель* (*Харитон*, *Анатолий*, *Григорий*, *Прокофий* + картофель), *Томатсон* (*Ватсон* + томат), *Агния Бордо* (*Барто* + бордо), *Баклажандо да Винчи* (Леонардо да Винчи + баклажан) и артионим *Дайконда* (*Джон* + дайкон). Проследные онимы являются в книге автором и названием «знаменитого портрета улыбающейся редьки» [13, с. 132].

Говорящие имена и фамилии называют персонаж, проясняя его принадлежность к виду растений, как прямо: тётушка *Тыква*, фрау *Кольраби*, синьорита *Брокколи*, *Ламинария*, капитан *Баклажан*, *Кабачок*, *Батат*, так и косвенно: *Лука Пореев* (лук порей), *Лукьян Горький*

(лук), ганстер *Чесноччини* (чеснок), капитан *Паприк* из отделения перцовой полиции, *Хрустина Кочерыжка* (*Кристина* + *хруст*, кочерыжка – твёрдый стебель кочана капусты [8]), *Чуньо* (замороженный и высушенный картофель, индейцы использовали этот способ для сохранения урожая картофеля), *Парниковы* (огурцы), *Оранжевы* (морковь), *Бордо* (свёкла). С помощью указания на блюдо, приготовленное из овощей, образованы антропонимы тётя *Фри*, дядя *Чипс*, капитан *Кетчуп*, семья *Пюре*, *Мачо Гаспачо*, последнее демонстрирует связь с испанской кухней: гаспачо – это холодный овощной суп, популярный в этой стране, мачо (от исп. macho – самец) – сильный, мужественный мужчина [8]. Впрочем, повествуя о детях-овощах Водопьянова использует личные имена, относящиеся к традиционному национальному антропонимикону: белокочанная капуста Мара, «огурчонок» Игорь, «картофелёнок» Ваня, морковка Рита. Среди персонажей три свёклы свёкла Фёкла. Говорящими топонимами становится название посуды *Казан*, жидкости для посола огурцов *Старый Рассол*. Если люди часто проводят отпуск на море, то овощи – на бульоне: «Я уже все бульоны объездила. И на Чёрном была, и на Средиземном, и даже на Курином» [13, с. 169] – рассказывает фотомодель морковь. Меняя объект номинации (море = бульон), автор оставляет реальные гидронимы Черное, Средиземное, Мёртвое, добавляя и говорящий – *Куриный*, используемый в этом случае в прямом значении.

Языковая игра демонстрируется и в идеонимах, где на месте оригинального оказывается созвучное ему слово, тематически связанное с овощами. Так на Капустном балу гости могли услышать такие музыкальные произведения, как «*Лунная шпината*» (соната, шпинат), «*Полёт щавеля*» (шмель, щавель), «*Полонез Редискина*» (Огинский, редиска) и «*Свадебный марш Патиссона*» (Мендельсон, патиссон). Предлагая маленькой картофелине почитать книгу, её мама произносит названия художественных произведений, в которых юный читатель должен бы узнать популярные аутентичные тексты: «*Редискины рассказы*» («Денискины рассказы»), сказка про весёлую фасолинку *Пеппи Длинныйстручок* («Пеппи Длинныйчулок»), «*Нут в сапогах*» («Кот в сапогах») и «*Хрустящая красавица*» («Спящая красавица»). Одним из пассажиров суполёта оказывается знаменитая детская поэтесса Агния Бордо, чьё стихотворение «*Идёт лучок, качается*» («Идёт бычок, качается») знакомо всем. Аналогично образован урбаноним *Музей овощных искусств* (Музей изящных искусств) Упоминается в произведении и пресса: гемероним «*Овощная правда*» составлен по образцу названий газет, появившихся ещё в советское время «Комсомольская правда», «Сельская правда» и др. Фармаконим «*Приободрин*» содержит суффикс –ин, свойственный ряду названий лекарственных препаратов типа ампициллин, стрептомицин. Лекарство вынужден принять фитопатолог Томатсон, «пока совсем не развезло в томатную пасту» [13, с. 119]. Таким образом, говорящие имена собственные становятся в книге средством создания вымышленного мира как на уровне персонажей и географических объектов, так и на уровне культурной и социальной сфер жизни.

В рассказах и повестях, не относящихся к литературе нон-фикшн или к жанру сказки, говорящие фамилии встречаются редко и достаются, как правило, только главному герою. Так в произведении Тони Шипулиной повествуется о десятилетнем мальчике, страдающем из-за лишнего веса. «Меня зовут Георгий Зефиров» [14, с. 7], – представляется он читателю, но так его никто не называет. В семье он Жорочка, Жорка, Жора, в классе – Жора-обжора, жирный Жора, Зефир, Зефирный. Один из вариантов и становится названием повести: «*Зефирный Жора*» (2017). Именно этот антропоним, а не официальные имя и фамилия имеет прозрачную семантику, характеризуя героя по внешнему виду: «Я же ... большой и толстый, будто розовая зефирина» [14, с. 60], «А это имя толстоту будто выпячивает. Чувствую себя в этом имени, как в гигантском свитере из магазина «Богатырь»» [14, с. 51], – откровенничает персонаж.

В семье есть собака Леон, беспородная и трусливая, это имя фигурирует в ветеринарном паспорте, но, как и в случае с мальчиком, его не используют, именуя питомца Крокоди-

лом. Проецируя неприятие своего имени на собаку, он просит домашних больше не использовать обидное прозвище. С псом связан и ключевой момент повествования, в котором герой осознаёт необходимость бороться за себя. Фраза «Разве ты не понимаешь, что над тобой все местные собаки смеются?» [14, с. 80], сказанная Жорой трясущемуся на улице Леону, актуализирует воспоминание о его собственной трусости и становится катализатором изменений. Мальчик находит в себе силы противостоять издевавшемуся над ним однокласснику. Свидетельством перемен оказывается не только появившаяся у героя уверенность в себе, но и новая форма личного имени *Гоша*, с которой к нему обращается девочка, которая ему очень нравится. Личностный рост героя автор показывает и с помощью антропонимов: имя *Георгий* ещё немного велико герою, но этап, когда он был *Зефирным Жорой*, уже пройден, теперь он *Гоша* – человек, который принимает себя таким, каков он есть, видит проблему, готов контролировать своё питание, меняться и больше не позволит унижать себя.

Библионим «Приключения П. Осликова, ребёнка, который хотел как лучше» (2016) [15] содержит яркий антропоним, который также можно признать говорящим. Елена Соковенина рассказывает младшим школьникам истории о второкласснике Пете, в которых тот ведёт себя не должным образом: забывает написать домашнее задание и, соответственно, не выполняет его, на контрольной работе задумывается о посторонних вещах и ничего не успевает сделать, не хочет идти в школу, не любит мыться, стесняется незнакомых людей, кормит аквариумных рыбок булочкой и пр. Рассказы не имеют сквозного сюжета, описанные случаи в целом типичны для большинства детей, но действия главного героя немного гиперболизируются, вследствие чего читатель чувствует некоторое превосходство над персонажем. Образ героя статичен, пережитые ситуации не демонстрируют видимых изменений в его поведении. Антропоним *П. Осликов* превалирует в тексте, значительно реже используются варианты *Осликов* и *Петечка*, единичны *Петя*, *Пётр*. Это имя трактуется как камень, скала [16], ослом же обычно называют глупого упрямого человека [8], однако суффикс *-ик-*, имеющий уменьшительно-ласкательное значение, смягчает это толкование, тем более что ни явной глупости, ни чрезмерного упрямства герой не демонстрирует. Экспрессивно-оценочное имя собственное прежде всего создаёт здесь яркий юмористический образ, упоминаемое же преимущественно вместе с инициалом, воспринимается официально, что вкупе с бытовыми зарисовками создаёт комический эффект.

Таким образом, говорящие фамилии в художественных произведениях, адресованных детям, выступают в самых разнообразных функциях. Они помогают идентифицировать объект, способствуют созданию яркого запоминающегося образа; в жанре сказочной повести конструируют волшебный мир, вымышленную параллельную реальность, прописанную в соответствии с авторским замыслом как на уровне антропонимов, оценивая внешний вид героя, его характер, умственные способности, поступки, профессиональную принадлежность, качество выполняемой работы и пр., так и на уровне топонимов, годонимов, дромонимов, пореймонимов, идеонимов, гемеронимов и даже фармаконимов. Они могут становиться аллюзией на известных литературных персонажей, другие художественные произведения или культурные феномены, придавая тексту дополнительный смысл. Говорящие фамилии также помогают читателю-ребёнку классифицировать героя как положительного или отрицательного и тем самым делают образ понятным и позволяют прогнозировать его дальнейшее поведение.

Библиографический список

1. Шагинян Р.П., Магазаник Э.П. Экспрессия собственных имён в русской художественной литературе // Труды Узбекского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия. Выпуск 93. Самарканд, 1958. С.103-126.

2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
4. Бардакова В.В. «Говорящие» имена в детской литературе // Вопросы ономастики. 2009. №7. С.48-56.
5. Липихина Е. Л. Структура и функции поэтонимов в художественных текстах для детей: на материале произведений А. М. Волкова, Н. Н. Носова, С. Я. Маршака, К. И. Чуковского: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т., 2003. 225 с.
6. Усачёв А. Всё о Дедморозовке: сказочные повести. М.: РОСМЭН, 2014. 336 с.
7. Мощенкова И. Интервью с Анной Никольской «Надо, чтобы мама была дома» 16 апреля 205 года // Литературный конкурс О2 и Новая детская книга. ВКонтакте: социальная сеть. URL: https://vk.com/wall-13490060_30197?ysclid=mmb1z4tt7n929822422 (дата обращения 25.03.2026)
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с. // Грамота. Справочно-информационный портал о русском языке. URL: <https://gramota.ru/> (дата обращения 25.03.2026)
9. Бабурова К.Ю. Бурквиль: сказка. М: Детская литература, 2021. 125 с.
10. Грамота. Справочно-информационный портал о русском языке. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D0%B0&mode=all> (дата обращения 25.03.2026)
11. Игнатова А. Принцесса Торнада. М: Пять четвертей, 2020. 320 с.
12. Орлик // Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. 1984—1991. Вып. 1—6; СПб.: Наука. 1992. Вып. 7. // Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/15/slh07814.htm> (дата обращения 25.03.2026)
13. Водопьянова Алёна Тайная жизнь овощей: весёлые истории, задания и эксперименты / Алёна Водопьянова. М.: Компас-Гид, 2019. 212 с.
14. Шипулина Т. Зефирный Жора. М.: Самокат, 2017. 160 с.
15. Соковенина Е. Приключения П. Осликова, ребёнка, который хотел как лучше. 2-е изд., М.: Самокат, 2023. 208 с.
16. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 2-е издание. Москва: Русский язык, 1980 // Лексикографический интернет-портал: онлайн словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/> (дата обращения: 25.03.2026)

References

1. Shaginyan R.P., Shopanik E.P. The expression of proper names in Russian fiction // Proceedings of the Uzbek State University. Alisher Navoi. A new series. Issue 93.Samarkand, 1958. Pp. 103-126.
2. Vinogradov V.S. Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues). Moscow: Publishing House of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education, 2001. 224 p.
3. Kukharenko V.A. Interpretation of the Text. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 192 p.
4. Bardakova V.V. "Talking" Names in Children's Literature // Issues of Onomastics. 2009. No. 7. Pp. 48-56.
5. Lipikhina, E. L. Structure and Functions of Poetonyms in Children's Fiction Texts: Based on the Works of A. M. Volkov, N. N. Nosov, S. Ya. Marshak, and K. I. Chukovsky: PhD Thesis in Philology. Tyumen: Tyumen State University, 2003. 225 p.
6. Usachev, A. All about Dedmorozovka: Fairy Tales. Moscow: ROSMEN, 2014. 336 p.

7. Moshchenkova I. Interview with Anna Nikolskaya "I Need My Mom to Be at Home" April 16, 205 // O2 Literary Competition and New Children's Book. VKontakte: social network. URL: https://vk.com/wall-13490060_30197?ysclid=mmb1z4tt7n929822422 (accessed on 25.03.2026)
8. Kuznetsov S. A. The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language. Author's Edition, 2000. 1536 p. // Gramota. Reference and Information Portal on the Russian Language. URL: <https://gramota.ru/> (accessed on March 25, 2026)
9. Baburova K. Yu. Burquille: A Fairy Tale. Moscow: Children's Literature, 2021. 125 p.
10. Gramota. Reference and information portal about the Russian language. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D0%B0&mode=all> (accessed on March 25, 2026)
11. Ignatova A. Princess Tornada. M: Pyat' chetverti, 2020. 320 p.
12. Orlik // Dictionary of the Russian Language of the 18th Century / USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Language; Chief Editor: Yu.S. Sorokin. L.: Nauka. 1984—1991. Vol. 1—6; St. Petersburg: Nauka. 1992. Vol. 7. // Fundamental Electronic Library. URL: <https://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/15/slh07814.htm> (accessed on March 25, 2026)
13. Vodopyanova, Alyona. The Secret Life of Vegetables: Funny Stories, Tasks, and Experiments. Moscow: Compass-Guide, 2019. 212 p.
14. Shipulina T. Zefirny Zhora. Moscow: Samokat, 2017. 160 p.
15. Sokovenina E. Adventures of P. Oslikov, a Child Who Wanted to Do the Right Thing. 2nd ed., Moscow: Samokat, 2023. 208 p.
16. Petrovsky, N. A. Dictionary of Russian Personal Names. 2nd edition. Moscow: Russkiy Yazyk, 1980 // Lexicographic Internet Portal: Online Dictionaries of the Russian Language. URL: <https://lexicography.online/onomastics/petrovsky/> (accessed on March 25, 2026).

УДК 81.373.47

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.011

*Поволжский государственный университет
телекоммуникаций и информатики
доктор. филол. наук,
профессор кафедры философии
Губанов С.А.
Россия, Самара, 89608289699
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

*Povolzhskiy State University of Tele-
communications and Informatics
The Department of Philosophy
Doctor of Philology, Professor
Gubanov S.A.
Russia, Samara, 89608289699
e-mail: gubanov5@rambler.ru*

С.А. Губанов

КОГНИТИВНАЯ ЭПИТЕТАЦИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ: ЭПИТЕТ *ЗЛОЙ*

В статье рассматриваются когнитивно-семантические принципы моделирования концепта «зло» средствами признаковой лексики в текстах М. Цветаевой. Центром исследовательского внимания становится категория атрибутивности, которая признается одним из ведущих механизмов метафорообразования в идиостиле поэта. Целью исследования является выявление специфики эпитетации в поэтических текстах М. Цветаевой. Материалом для исследования послужило собрание сочинений М. Цветаевой, а также ее Поэтический словарь. Данная статья содержит описание основных направлений эпитетации средствами прилагательного *злой*, среди которых ведущее место занимает антропоморфная метафора; признак *злой* распространяется на человека и его органы, действия, а также на объекты природного мира. Обращается внимание на сложное диалектическое понимание моральных концептов добра и зла, которые часто получают противоположные характеристики; зло ассоциируется с сильным любовным чувством, страстью, становящимся опасным как для лирической героини, так и для окружающих. В ходе исследования установлено, что метонимические и метафорические эпитетные комплексы с компонентом *злой* основываются на общей логике блендирования признаков. Делается вывод о непредсказуемости эпитетации в идиостиле поэта, обусловленной тенденцией всеобщего отождествления. В работе предпринята попытка показать, что эпитетация является одним из главных механизмов вербализации смысла в текстах поэта. Исследование показывает, что творчество М. Цветаевой обладает обширным материалом для наблюдения над когнитивными механизмами эпитетации. В качестве выводов отмечается, что в теоретическом и практическом плане исследование внесет вклад в разработку когнитивной теории эпитетации и когнитивного цветаеведения.

Ключевые слова: эпитет, эпитетный комплекс, эпитетация, идиолект, Марина Цветаева, эпитет «злой»

S. A. Gubanov

COGNITIVE EPITHETATION IN M. TSVETAEVA'S POETIC TEXTS: THE EPITHET *EVIL*

The article deals with the peculiarities of the cognitive-semantic principles of modeling of the concept "evil" by means of attributive vocabulary in M. Tsvetaeva's poetic texts. The centre of research attention is the category of attributivity that is recognized as one of the leading mechanisms of metaphor formation in the poet's idiosyle. The aim of the scientific essay is to identify the specifics of the epithetation in M. Tsvetaeva's poetic texts. The M. Tsvetaeva's collected works and the Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva served as the material for the research. This article analyses of the main directions of epithetation by means of the adjective *evil*, among which the leading place is occupied by anthropomorphic metaphor; the attribute *evil* extends to man and his organs, actions, as well as to objects of the natural world. Attention is drawn to the complex dialectical understanding of the moral concepts of good and evil, which often receive opposite characteristics; evil is associated with a strong feeling of love, passion, which becomes dangerous both for the lyrical heroine and for those around her. The study also establishes that metonymic and metaphorical epithet complexes with the component *evil* are based on the general logic of blending attributes. The conclusion is made about the unpredictability of epithetation in the poet's idiosyle, conditioned by the tendency of univer-

sal identification. The work attempts to show that epithetation is one of the main mechanisms for verbalizing meaning in the poet's texts. The research shows that the M. Tsvetaeva's creativity has extensive material for observing the cognitive mechanisms of epithetation. The conclusion is made about that in theoretical and practical terms, the research will contribute to the development of the cognitive theory of epithetation and cognitive research of M. Tsvetaeva's creativity.

Keywords: epithet, epithet complex, epithetation, idiolect, Marina Tsvetaeva, epithet "evil".

Интерес к изучению категории атрибутивности и способам ее вербализации берет свое начало со стилистики художественной речи, в рамках которой активно развивалась теория эпитетации [1; 2]. Позже были сделаны важные достижения в данной области лингвопоэтики как с позиции установления общих закономерностей дистрибуции и комбинаторики признаковой лексики в речи, так и в аспекте структурно-семантических типов эпитетов в художественной речи на материале текстов последних двух столетий [3; 4].

Связь принципов эпитетации речевого типа и авторской отражает преемственность и когнитивную общность механизмов и процессов наделения признаком. Например, в выражениях *злой поступок* или *злой взгляд*, эпитет *злой* воспринимается в качестве общеупотребительного, узуального определения, однако образность языка проявляется в том, что наблюдается метонимический перенос признака с человека как его носителя на его действие или орган тела, ассоциируемых с ним как со злым человеком, а потому данные объекты эпитетации являются образно характеризуемыми. В поэтической речи можно встретить выражения *злая луна*, *злая любовь*, что воспринимается явно метафорически, однако с позиции когнитивной теории эпитетации перед нами тот же процесс метафоризации, переноса признака на более далекие, уже не смежные объекты.

В работе предлагается эпитетоцентричный подход к анализу языкового материала, в соответствии с которым эпитет рассматривается как основной вербализатор глобальной категории качества. Такой взгляд оправдан, с одной стороны, теоретически, поскольку качество является основным способом получения человеком знаний о мире, с другой стороны, спецификой описываемого идиолекта М. Цветаевой, в котором качество играет одну из ведущих ролей при осмыслении мира, как внешнего, так и внутреннего. В процессе такой эпитетации оказывается, что у поэта практически нет границ познания мира: в связи с этим признаки могут распространяться на любой объект, раскрывая свои новые грани. С позиции семантической происходит расширение сочетаемости признаков слов, с грамматической стороны эпитетные слова приобретают морфологические категории, в узусе им не свойственные; с когнитивно-метафорической позиции наблюдается активное образное моделирование объектов средствами эпитетной лексики, особенно это заметно при детализации субъекта, его характера и переживаемых эмоций [5; 6].

Синкретичность языка, интерес М. Цветаевой к языковым трансформациям отмечается многими исследователями ее творчества [7; 8; 9; 10; 11]. Л. В. Зубова различает лексический синкретизм (совмещение в значении слова нескольких значений: прямого и переносного (интересно отметить анализ ею эпитета *лихой*, в значении которого сталкиваются смыслы «смелый» и «причиняющий вред»); архаического и современного (вновь эпитет *праведный и правый*); русского и иноязычного) и морфологический синкретизм. О последнем она пишет: «Предельность» языка поэзии Цветаевой определяет повышенный интерес этого поэта к пограничным грамматическим явлениям: к формам, синкретичным по природе, например к аппозитивным сочетаниям, причастиям и деепричастиям, падежной полисемии, а также к формам, поддающимся грамматической трансформации, например субстантивированным прилагательным, причастиям, наречиям, адвербиализованным предлогам и т. д.» [7; с. 225].

О. Г. Ревзина, говоря о природе метафорического мышления М. Цветаевой, замечает, что ситуативные метафоры допускают ничем не ограничиваемое разнообразие образов и точек зрения (*тысячегрудая ... могила братская*); но и неситуативные метафоры «могут полагать в качестве конститутивных разные признаки» [10; с. 11]. Подобная неограниченность имеет, как было замечено, две модели. Одна предполагает, что признаки присущи объекту, пусть

гипотетически, поэтому на основе метонимии или метафоры возможно актуализировать их и приписать объекту, моделируя временный образ. Другая же модель подразумевает принципиальное отсутствие в когнитивной матрице описываемого объекта данного признака, он вообще не свойствен ему, что порождает поэтические метаморфозы, или метафоры-загадки. Исследователь отмечает, что «Цветаева использует уже проявленные возможности, представляемые русским языком для вербализации метафорического мышления ... а также создает и не использованные прежде структурные модели [10; с. 5]. Соотносимые с идеями Цветаева находим и у самого поэта. В «Сводных тетрадах» М. Цветаева рассуждает о природе творчества и утверждает примат художественного слова, построенного на метафоричности: *Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою, отождествись или отождестви. Всегда – иноскажи* [12; с. 329]. Данная мысль является очень важной для настоящего исследования, поскольку содержит творческую установку поэта на постоянное тотальное ассоциирование всего со всем. Во многом это объясняет ничем не ограниченную метафоричность языка поэта, стремление к словотворчеству, окказиональности как потребности выразить нужную мысль.

Объектом настоящей работы является специфика эпитетации в текстах М. Цветаевой. Предмет исследования – направления и принципы эпитетации объектов средствами эпитета *злой* в текстах поэта. Целью работы является выявление специфики признакового осмысления реалий действительности и его роли в концептосфере М.Цветаевой, выявление когнитивных оснований эпитетации на основе теории концептуальной интеграции на материале текстов М.Цветаевой.

Материалом для описания способов актуализации признака послужило собрание сочинений М. Цветаевой в семи томах [13], а также Словарь поэтического языка Марины Цветаевой [14]. С целью характеристики концепта «зло» в русской языковой картине мира и в философии привлекались данные Национального корпуса русского языка [15], словарь русского языка (МАС) [16], словарь эпитетов русского литературного языка [17], а также философский словарь [18]. Для проведения исследования были привлечены методы лексикографического, лексико-семантического, компонентного, когнитивного анализа, а также метод сплошной выборки и метод статистического подсчета языковых фактов. Методом сплошной выборки было эпитетных комплексов с эпитетом *злой* в поэзии М. Цветаевой.

Добро и зло относятся к нравственным, моральным философским концептам. Они имеют экзистенциальную и социальную направленность, поскольку определяют поступки, совершаемые человеком в обществе по отношению к другим людям, а также являются предметом рефлексии относительно содеянного, иногда мыслимого (злой поступок и злая мысль). Зло расценивается, как и много лет назад, как абсолютное, всегда существующее начало, как отсутствие добра (в таком понимании зла не существует или оно представляет собой конструкт) или то, что утаивается, намеренно искажается (зло – ложь). Соотносимыми со злом категориями в разное время и по сей день можно назвать такие, как несчастье, вражда, несправедливость, болезнь, война и другие [19]. В философском словаре добро и зло трактуются как нормативные, оценочные категории, воплощающие представление о норме, о должном или антинорме, предосудительном [18]. Отметим, что за скобками оставим собственно метафизическое представление о зле как об идеальном конструкте, однако в анализируемом ниже материале зло, как и добро, осмысляется поэтом в том числе в экзистенциальном ключе, в русле диалектики их взаимоперехода, а иногда и с противоположными коннотациями.

Обратимся к лингвистической репрезентации концепта «зло», ограничившись при этом данным именем концепта и лексемами с корнем *зл-*. В словаре русского языка (МАС) приводятся три основных значения лексемы «зло»: «1. *только ед. ч.* Все дурное, плохое, вредное; *противоп.* добро. 2. Беда, несчастье, неприятность. 3. *только ед. ч. Прост.* Злое чувство, гнев, досада» [16]. Также в словаре приводятся производные с корнем *зл-*, среди них такие,

как *злободневность*, *зловредность*, *злодейство*, *зложелательство*, *злоключение*, *злословие*, *злоречивость* и т.д. [16]. Слово *злоба* имеет значение «чувство недоброжелательства, враждебности по отношению к кому-л.; желание причинить зло» [16], указывая тем самым на социально-коммуникативный признак личности; синонимом злобы выступает *злость* как злое, раздраженно-враждебное чувство.

Признак *злой* имеет много значений, основными из которых выступают: «1. Исполненный чувства недоброжелательства, враждебный, полный злобы, злости. *Злой человек*. 2. Вызванный, проникнутый злобой, злостью, недоброжелательством. *Злой умысел*. *Злое чувство*. 3. Свирепый, лютый (о животных). 4. Закрывающий в себе зло. *Злое начало*. 5. Приносящий беду, неприятности; дурной, плохой. *Злое время*. 6. Причиняющий боль, вред; жестокий. *Злой недуг*. 7. *Разг.* Очень сильный по степени проявления (о ветре, морозе и т. п.). 8. *Прост.* Усердный, старательный, ретивый» [16]. Отметим метонимическое смещение признака при эпитетации: с человека на его мысли (умысел), чувства.

Состав определений и эпитетов концепта «зло» узуального типа формируется в настоящей работе, исходя из данных Национального корпуса русского языка. По данным корпуса, прилагательные, определяющие добро, представлены следующими лексемами (по мере убывания частотности): *неизбежный*, *меньший*, *наименьший*, *абсолютный*, *величайший*, *непоправимый*, *мировой*, *безусловный*, *всяческий*, *абстрактный*. [15]. Как видно из перечня, зло в узуальном речевом употреблении понимается стихийное начало, которое вечно, поэтому его невозможно избежать, оно безусловно, абсолютно; человек бессилён перед ним, оно велико. Существительные, употребляемые или согласуемые со злом, представляют собой близкие или соотносимые с ним понятия (*неправда*, *грех*, *страдание*, *несправедливость*, *насилие*, *бедствие*, *ложь*), за исключением антонима *добро*, занимающего первое место по частотности по понятной причине их неразрывности [15]. Зло связывается с грехом, ложью, насилием; особенно выделяются соотносимые со злом понятия неправды и лжи, что свидетельствует о том, что для русского человека ложь осознаётся как большой грех и воплощение зла. Сочиненные прилагательные с прилагательным *злой* представлены антропоморфными лексемами *добрый*, *жестокий*, *коварный*, *мстительный*, *завистливый*, *глупый*, *презлой*, *несправедливый*, *насмешливый*; само же прилагательное чаще всего сочетается с абстрактными субстантивами (определяемыми словами) *умысел* и *дух*, что говорит об абсолютном, неконкретном понимании злого начала [15].

В лингвистике осмысление зла связано с категорией оценки, оценочности: поскольку зло имеет негативную оценку, оно выступает в качестве антиценности; встаёт вопрос о том, что вкладывается в понятие зла в социальном, моральном, национальном и других аспектах, поскольку само оно довольно размыто. Однако носители языка чётко различают глобальное понятие зла и бытовое зло, вербализованное лексемами *злость* и *злоба*.

В словаре эпитетов русского литературного языка отсутствует статья, посвящённая злу, однако есть две статьи, приводящие эпитеты к социально ориентированным понятиям *злоба* и *злость*. Злоба более репрезентативна по количеству эпитетов (61 единица); среди них по большей части антропоморфные прилагательные (*завистливая*, *молчаливая*, *ревнивая*, *язвительная*), в меньшей степени представлены эмпирические (*горькая*, *жгучая*, *кипучая*, *тупая*, *холодная*) и зооморфные (*животная*, *зверская*) [17, с. 172]. Эпитетация злости менее частотна (26 единиц: *бешеная*, *слепая*, *страшная* и др.), возможно, в силу меньшей употребительности самого слова [17, 173].

Осмыслению добра и зла в поэтическом идиолекте М. Цветаевой посвящено довольно много работ, однако знаковым стал выход в 2007 году сборника материалов конференции, посвящённой данной проблематике под названием «Добро и зло в мир Марины Цветаевой». В нём содержатся программные для понимания природы данных моральных концептов в текстах поэта статьи, в частности, это работа О.Г. Ревзиной [11], а также В.А. Масловой [20], М.Н. Эпштейна [21]. Основной мыслью, проходящей через весь сборник и отразившейся в

данных статьях, выступает суждение о неразрывности понятий добра и зла в творчестве поэта, об их взаимопереходе друг в друга: «зло и добро у нее перемешаны» [20; с. 200], изобретение неологизмов *добросердki* и *злюбивец* способствуют снижению добра и вознесению зла [21; с. 274]. Постоянное постижение мира, своих поступков и чувств убеждает О.Г. Ревзину в том, что поэтом руководит свободная воля, которая сама различает добро и зло, делает выбор между ними [11; с. 35]. Такое сложное, диалектически, по-гераклитовски понятое единство противоположностей добра и зла находит свое выражение в образном языке поэзии М. Цветаевой, к которому обратимся далее.

В словаре поэтического языка слово *зло* в своем основном значении «нечто дурное, вредное» зафиксировано 12 раз; в значении «досада, злость» - 10 раз, что делает его более частотным концептом, нежели добро (7 употреблений); единожды зафиксирована лексема *доброта* [14; с. 230]. При этом имеется лексема *злота* (11 единиц; в том числе окказиональная форма множественного числа *злоты*) [14; с. 230] и злость (15 единиц) [14; с. 232]. Однако основным предметом анализа является эпитет *злой*, который частотен в идиолекте поэта: в значении «закрывающий в себе зло, несчастье, неприятность» употребляется в поэзии 26 раз, в значении «полный злоты, злости» - 33 раза, «причиняющий сильную неприятность, боль, жжение» (переносное значение) - 3 раза [14; с. 231], «сильный, крайний по степени своего проявления» - 5 раз [14; с. 232]. Эпитет *злостный* представлен 5 единицами [14; с. 232]. Отдельно стоит упомянуть употребительный для идиолекта М. Цветаевой эпитет *лютый* (24 единицы), синонимичный признаку *злой*, *свирепый*, *беспощадный* [14; с. 507]: с его помощью поэту удастся передать очень сильное чувство злости, неистовой свирепости.

Понятие зла не часто подвергается эпитетации в поэтическом идиолекте М. Цветаевой; большая часть переносных значений приходится на эпитет *злой*. Зло ассоциируется с артефактом: залой (*Все твой путь блестящей залой зла, // Маргарита, осуждают смело* [13; т. 1, с. 18]), лепрозорием (*Из лепрозария лжи и зла* [13; т. 2, с. 214]), а также зло локализовано во взгляде, однако отмечается замаскированность зла, его трудно отличить от добра (*Светлый взор наш смел и светел // И во зле* [13; т. 1, с. 184]).

В первом значении эпитет *злой* («неприятный, несущий несчастье») сочетается с натурфактами или абстракциями: *Злая луна – в прорезь окон* [13; т. 3, с. 18], *Злая заря – в прорезь окон* [13; т. 3, с. 20], *Охрани от злой любви // Сердце, где я дома!* [13; т. 1, с. 540], *Буйны, злы морские хляби* [13; т. 1, с. 382]. Такой тип эпитетации является метафорическим переносом признака зла на внешние объекты: в данном случае в эпитетацию вовлекаются объекты концептуальных полей, не имеющих такого признака, не способные его выражать, однако они олицетворяются, когнитивные признаки добра и проявления объекта пересекаются, в результате чего формируется метафорический эпитетный комплекс.

Во втором значении эпитет *злой* в большей степени использует метонимическую логику эпитетации. Данный тип эпитетации носит когнитивный метонимический характер, поскольку отражает выражение зла в локализованном для этого органе человека: *Кровью злых // Щедро смочен* [13; т. 3, с. 593] (метонимия «кровь злых людей»), *И улыбка измученно-злая* [13; т. 1, с. 67]. Зло сочетается с невинностью, что говорит о недостаточной дифференциации доброго и злого начал, об их нераздельности: *И движенья рук невинных – // Слишком злы* [13; т. 1, с. 190].

Эпитет *лютый* демонстрирует все вышеизложенные направления эпитетации: он распространяется на человека как носителя злого начала: *Не женской рукой, – лютый, // Затянут на мне – // Узел* [13; т. 3, с. 768]; на любовное чувство: *За любовь за твою лютую...* [13; т. 1, с. 274], *Знать, лютая страсть одолела* [13; т. 3, с. 263]; на натурфакты: *Под месяцем лютым – // Румяным – раздутым* [13; т. 3, с. 699], *Лютая юдоль, // Дольняя любовь* [13; т. 2, с. 118]; на артефакты: *Кинь, разбойничек, нож свой лютый* [13; т. 1, с. 253].

Когнитивный взгляд на эпитетацию и эпитет имеет целью выявить механизмы построения переносных атрибутивных конструкций как в языке, так и в идиолекте. Анализ

эпитетации признака *злой* в поэзии М. Цветаевой показал, что поэт продолжает языковую метонимическую логику распространения признака на смежные в рамках концептосферы человека объекты, при этом ограничения отсутствуют. При метафоризации признака происходит блендирование признака и объекта, не имеющего в своей когнитивной матрице атрибута *злой*, вследствие чего конструируется свежий, нестандартный образ, обновляются сочетаемостные свойства слов. Рассмотрение идиостилевых особенностей атрибутивных конструкций в языке М. Цветаевой еще ждет своего исследования.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М.: Флинта, Наука, 2002. 382 с.
2. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 122–143.
3. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация // Rhema. 2018. № 4. С. 9–33. DOI: [10.31862/2500-2953-2018-4-9-33](https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33).
4. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2014. 42 с.
5. Губанов С.А. Эпитетный комплекс в прозе М. Цветаевой: лингвистические механизмы образования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2025. № 1. С. 56–65. DOI:10.5922/vestnikpsy-2025-1-5.
6. Губанов С. А. Когнитивно-семантическая концепция эпитетного комплекса в творчестве М. И. Цветаевой: дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.5. Ставрополь, 2023. 491 с.
7. Зубова Л. В. Поэтический язык Марины Цветаевой. СПб: «Геликон Плюс», 2017. 544 с.
8. Ляпон М.В. Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. 528 с.
9. Ревзина О.Г. Окказиональное слово в поэтическом языке // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М., 1998. Т. 2. С. 5–40.
10. Ревзина О.Г. Метафора в поэтическом идиолекте Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. Т. 3., кн. 1. С. 5–30.
11. Ревзина О.Г. Свободная воля Марины Цветаевой // Добро и зло в мире Марины Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 17–36.
12. Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис-Лак, 1997. 640 с.
13. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах. М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1–3.
14. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 1998. Т. 2. 552 с.
15. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL:<https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.09.2025).
16. Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с. URL:<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.09.2025).
17. Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.
18. Философский словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
19. Цеева З. А. Концепты «добро» и «зло» как проблема лингвокультурологии // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 1 (45). С. 186–190.
20. Маслова В.А. Конфликт добра и зла в поэтическом дискурсе М. Цветаевой // Добро и зло в мире Марины Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 195–201.

21. Эпштейн М.Н. «Добро» и «зло» в лексической системе языка и поэтическом словотворчестве // Добро и зло в мире Марины Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. С. 265-274.

References

1. Arnol'd I.V. Stylistics. Modern English language. Moscow: Flinta: Nauka, 2002. 382 p.
2. Bulakhova N.P., Skovorodnikov A.P. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic) // Ecology of Language and Communicative Practice. 2017. No. 2 (9). P. 122–143.
3. Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation // Rhema. 2018. No. 4. P. 9–33, DOI: [10.31862/2500-2953-2018-4-9-33](https://doi.org/10.31862/2500-2953-2018-4-9-33).
4. Fadeeva T.M. A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language: author's abstract. dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.01. Moscow, 2014. 42 p.
5. Gubanov S.A. The epithet complex in the prose of Marina Tsvetaeva: linguistic mechanisms of formation // [IKBFU's Vestnik](https://vestnik.kbfu.ru/). Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2025. No.1. P. 56-65. DOI:10.5922/ vestnikpsy-2025-1-5.
6. Gubanov S.A. Cognitive-semantic conception of the epithet complex in the creativity of M. I. Tsvetaeva: dis. ... Doctor of Philological Sciences: 5.9.5. Stavropol, 491 p.
7. Zubova L.V. Poetic language of Marina Tsvetaeva. St. Petersburg: Gelikon Plus, 2017. 544 p.
8. Lyapon M.V. Prose of Tsvetaeva. Experience of reconstruction of the author's speech portrait. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. 528 p.
9. Revzina O. G. Occasional word in poetic language // Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 1998. Vol. 2. P. 5–40.
10. Revzina O.G. Metaphor in the poetic idiolect of Marina Tsvetaeva // Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva, in 4 vols, 1999, vol. 3, Part 1. P. 5-30.
11. Revzina O.G. Free Will of Marina Tsvetaeva // Good and Evil in the World of Marina Tsvetaeva. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2007. P. 17-36.
12. Tsvetaeva M.I. Unpublished. Summary notebooks. Moscow: Ehllis-Lak, 1997, 640 p.
13. Tsvetaeva M. I. Collected Works, in 7 vol. Moscow: Ehllis-Lak, 1994, vol. 1–3.
14. Dictionary of Poetic Language by Marina Tsvetaeva, in 4 vols. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 1998. Vol. 2. 552 p.
15. The Russian National Corpus. [URL:https://ruscorpora.ru/](https://ruscorpora.ru/) (date of access: 10.09.2025).
16. Dictionary of the Russian language, in 4 vols., Moscow, 1999, vol. 1, 702 p. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (date of access: 10.09.2025).
17. Gorbachevich, K. S. and Hablo, E.P. Dictionary of epithets of the Russian literary language. Leningrad, 1979: Science. 567 p.
18. Philosophical Dictionary / Edited by L.F. Ilychev, P.N. Fedoseyev. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 840 p.
19. Tseeva Z.A. of “Good” and “evil” concepts as a problem in the linguaculturology // News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS. 2012. No. 1 (45). P. 186-190.
20. Maslova V. A. Conflict of good and evil in the poetic discourse of M. Tsvetaeva // Good and Evil in the World of Marina Tsvetaeva. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2007. P. 195-201.
21. Epshteyn M.N. "Good" and "evil" in the lexical system of language and poetic word creation // Good and Evil in the World of Marina Tsvetaeva. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2007. P. 265-274.

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ON THE 205TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.012

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Вохминцева А.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-952-104-85-09
e-mail: v.alya140177@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
assistant of the department Russian lan-
guage and cross-cultural communication,
Vokhmintseva A.V.
Russia, Voronezh, +7-952-104-85-09
e-mail: v.alya140177@gmail.com*

А.В. Вохминцева

ЛЕКСЕМА БЛАГОРОДНЫЙ И ЕЕ ПРОИЗВОДНЫЕ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Среди многочисленных лексических единиц, которые формируют нравственно-философский подтекст романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», адъектив *благородный* занимает особое место. В статье приведен комплексный анализ лексемы *благородный* в последнем романе Ф.М. Достоевского, а также сопоставительный анализ его этимологического и контекстуального значения. Кроме этого, в статье проанализированы производные данной лексемы, рассмотрены варианты ее сочетания с абстрактными существительными. Особое внимание уделено количественным параметрам использования лексемы: адъектив *благородный* в различных формах встречается в тексте 36 раз (в краткой форме – 5 раз), превосходная степень *благороднейший* – 23 раза, существительное *благородство* – 15 раз, наречие *благородно* – 4 раза, формы с отрицательной частицей «не» – 2 раза, форма сравнительной степени – 2 раза, архаичный вокатив *благородие* – 1 раз. Высокая частотность лексемы *благородный* и её дериватов говорит о том, что они играют важную роль в пространстве романа «Братья Карамазовы». В ходе анализа словоупотреблений выявлено значительное расхождение между этимологическим значением лексемы и тем смыслом, который она обретает в контексте произведения. Ф.М. Достоевский смещает акцент с принадлежности человека к знатному роду на его духовно-нравственные качества: благородство – это то, что отличает настоящего человека от негодяя.

Ключевые слова: лексема благородный, благороднейший, дериват, Ф.М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы».

A.V. Vokhmintseva

THE LEXEME NOBLE AND ITS DERIVATIVES IN THE NOVEL «THE BROTHERS KARMAZOV» BY F.M. DOSTOYEVSKY

Among the numerous lexical units that form the moral and philosophical subtext of F.M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov», the noble adjective occupies a special place. The article provides a comprehensive analysis of the noble lexeme in F.M. Dostoevsky's last novel, as well as a comparative analysis of its etymological and contextual meanings. In addition, the article analyzes the derivatives of this lexeme, considers its combinations with abstract nouns. Special attention is paid to the quantitative parameters of the use of the lexeme: the adjectival noble occurs in various forms in the text 36 times (in short form – 5 times), the superlative noble – 23 times, the noun nobility – 15 times, the adverb noble – 4 times, the forms with the negative particle «not» – 2 times, the form of the comparative degree – 2 times, archaic vocative nobility – 1 time. The high frequency of the lexeme noble and its derivatives suggests that they play an important role in the novel "The Brothers Karamazov." An analysis of the word usage reveals a significant discrepancy between the etymological meaning of the lexeme and the meaning it takes on in the context of the novel. Fyodor Dostoevsky shifts the focus from a person's noble lineage to their spiritual and moral qualities: nobility is what distinguishes a true human being from a scoundrel.

Keywords: noble, most noble, derivative, F.M. Dostoevsky, novel «The Brothers Karamazov».

Последний роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» занимает особое место в русской литературе, являясь не только выдающимся художественным произведением, но и глубоким исследованием человеческой природы, морали и нравственности. Для более полного раскрытия идейной структуры романа и глубокого изучения характера персонажей, необходимо рассмотреть лексему *благородный* и ее производные.

Лексема *благородный* представляет особый интерес для исследователей, поскольку ее семантическая структура в русском языке XIX века была двойственной. С одной стороны она выражала сословно-родовой компонент (принадлежность к дворянству), а с другой – совокупность моральных качеств, таких как честность, великодушие. Рассуждая о ценности семьи в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди», Д.А. Богач отмечает, что «...если до Достоевского благородный человек происходил из благородного семейства (А. С. Пушкин), то в романе «Бедные люди» утверждается духовный статус личности, на первый взгляд, в неблагородном семействе» [1, с. 29].

Работ, посвященных изучению термина *благородный* или его производным в творчестве Ф.М. Достоевского, сравнительно немного. Так, М.Г. Ребрищева изучает взгляды святителя Тихона Задонского и их влияние на формирование благого образа у героев Ф.М. Достоевского [2]. Кроме этого, М.Г. Ребрищева рассматривает идею благообразия в романах «Подрасток» и «Братья Карамазовы». Автор отмечает, что Ф.М. Достоевский «...считает, что необходимо возродить в человеке благой образ, который был заложен при рождении Богом» [3, с. 689]. П.И. Таратухина изучает термин «благородная ложь» на материалах произведений отечественных классиков, в том числе автор рассматривает роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» [4]. А.Б. Шигурова и И.Д. Лазарев рассматривают вопросы греха и преступления во благо, а также их христианскую оценку в романе «Преступление и наказание» [5]. При этом отметим недостаточную изученность лексемы *благородный* и ее производных в художественных текстах Ф.М. Достоевского.

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» адъектив *благородный*, образованный с помощью сложения словосочетания «благой род» и суффикса «н», в различных формах встречается 36 раз. В.И. Даль предлагает два варианта толкования данного понятия. Первое определение связано с происхождением «от дворянского рода» [6]. Однако в романе лексема встречается только в значении «согласный с правилами чести и чистой нравственности; честный, великодушный, жертвующий своими выгодами на пользу других» [6]: «Красивая была она тем в ту минуту, что она благородная, а я подлец» [7, т. 14, с.105]; «какая вы предо мной добрая, благородная выходите» [7, т. 14, с.139]; «благородного и болезненно восприимчивого мальчика» [7, т. 14, с. 503] и т.д. Адъектив в тексте реализует только морально-этическое значение. Это говорит о смещении акцента с сословной категории на внутренние нравственные качества человека, что ключевым образом соответствует идейной проблематике романа.

Аналогичный смысл сохраняется в трех случаях употреблении адъектива в краткой форме: «...в первом случае он был искренно благороден, а во втором случае так же искренно низок» [7, т. 15, с. 129], а также в двух случаях его использования в сравнительной степени: «Держал же он себя не то что благороднее, а как-то нахальнее» [7, т. 14, с. 21]; «...иные там, с образом мыслей поблагороднее, так даже руки ему не хотели подать на первых порах» [7, т. 15, с. 79]. В этом же значении 4 раза в тексте употребляется наречие *благородно*: «Только вдруг я лежу <...> и думаю: будет или не будет благородно, если я Михаила Ивановича вдруг прогоню за то, что неприлично кричит у меня в доме на моего гостя?» [7, т. 15, с. 17].

Дважды в тексте встречается адъектив с отрицанием: «...вы считаете это неблагородным» [7, т. 14, с. 209]; «...может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагородного людского племени с земным?» [7, т. 14, с. 231].

Адъектив *благородный* в сочетании с существительным образует следующие словосочетания: «благородная энергия» [7, т. 14, с. 134]; «благородный дух» [7, т. 14, с. 187]; «благородная душа» [7, т. 14, с. 190]; «благородная цель» [7, т. 15, с. 80]; «благородный поступок» [7, т. 15, с. 121]; «благородное сердце» [7, т. 15, с. 168]; «благородное негодование» [7, т. 15, с. 15]; «благородный тон» [7, т. 15, с. 17]; «благородный порыв» [7, т. 15, с. 113]; «благородный человек» [7, т. 14, с. 416].

Превосходная степень качественного прилагательного *благородный*, использование которой подчеркивает значимость, высокую ценность и исключительные качества адресата в романе встречается 23 раза: «...при мне не смейте марать благороднейшую девицу» [7, т. 14, с. 67]. Помимо этого, с данным адъективом образуются следующие словосочетания: «благороднейшие чувства», «благороднейшее дело» [7, т. 14, с. 335]; «благороднейшее лицо», «благороднейшее существо» [7, т. 14, с. 416]; «благороднейшие люди» [7, т. 14, с. 418]; «благороднейшие идеалы» [7, т. 15, с. 128]. В романе «Братья Карамазовы» данный дериват используется не просто для выражения высокой степени качества, а для аксиологического выделения адресата (субъекта), подчеркивая его исключительную нравственную ценность в системе персонажей Ф.М. Достоевского.

Ироничный оттенок адъектива *благороднейший* ощущается в письме Мити, что создает эффект смыслового контраста между формой и содержанием высказывания: «Благороднейший Кузьма Кузьмич, вероятно, слышал уже не раз о моих контрах с отцом моим, Федором Павловичем Карамазовым, ограбившим меня по наследству после родной моей матери... так как весь город уже трещит об этом... потому что здесь все трещат об том, чего не надо...» [7, т. 14, с. 334]; «И уж если такой делец, как этот старик (благороднейший старик, и какая осанка!), указал этот путь, то... то уж, конечно, выигран путь. Сейчас и лететь» [7, т. 14, с. 337].

Существительное *благородство* имеет схожую трактовку в толковом словаре В.И. Даля: «дворянское происхождение; поступки, поведение, понятие и чувства, приличные сему званию, согласные с истиною, честью и с нравственностью» [6]. В романе данный дериват используется 15 раз: «до тридцати: можно сохранить «оттенок благородства», себя надувая» [7, т. 14, с. 211]; «Ощущение низости падения так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства» [7, т. 15, с. 129] и т.д.

Один раз в романе употребляется существительное *благородие* в качестве обращения. Такой вокатив использовал денщик Афанасий по отношению к офицеру Зиновию, при котором он состоял: «Ваше благородие, батюшка барин, да как вы...» [7, т. 14, с. 271]. Такая форма характерна для обращения к дворянам, чиновникам, офицерам в Российской империи XVIII – начала XX веков. Использование данного вокатива демонстрирует уважение и подчеркивает высокий статус адресата. Его популярность отражена в литературных произведениях. Так, в рассказе Г.И. Успенского мы встречаем: «Ваше благородие, у меня дела-с!» [8]. А.Н. Островский в пьесе также использует данный вокатив: «Здравия желаем, ваше благородие!» [9]; в повести И.С. Тургенева: «Отпустите, мол, меня на оброк, ваше благородие» [10] и др.

По мнению С.А. Скуридиной, характеристика «благородный человек» больше всего соответствует Мите Карамазову [11; с. 248], который, по его собственным словам, является «страдальцем благородства и искателем его с фонарем, с Диогеновым фонарем»: «С вами говорит благородный человек, благороднейшее лицо, главное – этого не упускайте из виду – человек, наделавший массу подлостей, но всегда бывший и оставшийся благороднейшим существом, как существо, внутри, в глубине, ну, одним словом, я не умею выразиться... Именно тем-то и мучился всю жизнь, что жаждал благородства, был, так сказать, страдальцем благородства и искателем его с фонарем, с Диогеновым фонарем, а между тем всю жизнь делал одни только подлости, как и все мы, господа..., то есть, как я один, господа, не все, а я один, я ошибся, один, один!» [7, т. 14, с. 416]. Использование фразеологизма *Диогенов фонарь* свидетельствует о том, что для Мити настоящим человеком является только благород-

ный, поскольку Диоген Синопский (ок. 404– 323 гг. до н.э.), когда его, озабоченно что-то разыскивающего днем с зажженным фонарем спросили, что он делает, он ответил: «Ищу человека, а не негодяя».

Интересное наблюдение С.А. Скуридиной касается некоторых антропонимов, например, имени первой жены Фёдора Павловича, которая «была из довольно богатого и знатного рода дворян Миусовых, тоже помещиков нашего уезда» [7, т. 14, с. 7]. Знатность и благородство ее происхождения отразились и ее личном имени: Аделаида из нем. *Aделаиде*: др. герм. *Адалъ* ‘благородный’ + хейд ‘состояние, сословие’ [12, с. 347]. Фамилию Аделаиды Ивановны можно назвать столичной в связи с тем, что в ее основе название двух московских улиц – 1-й и 2-й Миусских, а также Миусской площади [11; с. 74]. Еще одно «благородное» имя носит сестра Катерины Ивановны Верховцевой: *Агафья* (*Агафия*) – из греч. *аgate* ‘хорошая, добрая, благородная’ [12, с. 346]. Значение имени подтверждается характеристиками героини: «ее все любили», «чистый ангел» [7, т. 14, с. 102]. Однако отметим, что имя *Агафья*, данное дворянке, вызывает ремарку Мити, обусловленную несоответствием антропонима происхождению: «прелестнее характера женского не знал, как этой девицы, Агафьей звали ее, представь себе, Агафьей Ивановной» [7, т. 14, с. 102]. Внутреннее благородство Агафьи Ивановны, скрытое в ее личном имени, противопоставляется намеренно демонстрируемому благородству Катерины Ивановны, которая неслучайно носит такое же имя-отчество, что и жена Мармеладова в романе «Преступление и наказание», акцентирующая внимание на своем благородном происхождении и вынужденном нахождении среди людей более низкого социального круга. «Кричащее» благородство Катерины Ивановны Верховцевой содержится в ее трехкомпонентном антропониме: фамилией *Верховцева* писатель обозначил «верх, до которого никогда не добраться Мите и с которого никогда не сойдет Катерина Ивановна», в имени заложена семантика вечной чистоты [11; с. 85]: «Катерина (Екатерина) – из греч. Хайкатерине ‘вечно чистая’: *катарон* ‘чистота’ [12; с. 375], а отчество также позволяет говорить о более высоком положении относительно других людей: Иван – из др.-евр. *йоханан* ‘Бог милует’ [12; с. 192]. Неслучайно Алеша замечает, что «такому характеру, как Катерина Ивановна, надо было властвовать» [7, т. 14, с. 170]. Как отмечает С.А. Скуридина, в рукописных редакциях Катерина Ивановна фигурирует еще под семантически маркированной фамилией *Вершонская* [7, т. 15, с. 304], мотивированной глаголом *вершить* в значении ‘решать’ [11; с. 85]. Для Ф.М. Достоевского «*верх* и *низ* – это не просто пространственные координаты, это нравственно-философские полюса, определяющие человеческое бытие» [с. 178], а «вертикальная» устремленность фамилии героев – способ акцентирования внимания на метонимической замене хронотопных полюсов *верха* и *низа*» [13; с. 181]. Так, в романе благородство Катерины Ивановны оборачивается одним из смертных грехов – гордыней, о котором Ф.М. Достоевский скажет в своей знаменитой Пушкинской речи: «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость»; «победишь себя, усмиришь себя, и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь» [7, т. 26, с. 139].

Всего в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» встречается 88 случаев употребления лексемы *благородный* и ее производных. Высокая частотность словоупотреблений указывает на то, что понятие *благородство* занимает одно из центральных мест в смысловой и идейной структуре произведения. Это не просто стилистический прием, а важный инструмент, с помощью которого автор раскрывает внутренний мир героев, их моральные ориентиры и ценностные установки. Все это подтверждает, что для Достоевского понятие благородства, прежде всего, нравственная категория, которая доступна любому человеку независимо от его происхождения.

Библиографический список

1. Богач Д.А. Ценность семьи в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Libri Magistri. 2019. № 2(8). С. 29-38.
2. Ребрищева М.Г. Благой образ в человеке: о героях Ф.М. Достоевского в свете антропологических воззрений святителя Тихона Задонского // Наследие святителя Тихона Задонского в междисциплинарных исследованиях: история, проблемы, перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Липецк, 15–17 декабря 2022 года / Под редакцией протоиерея О.Е. Безруких, Н.В. Стюфляевой. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 123-129.
3. Ребрищева М.Г. Идея благообразия в романах Ф.М. Достоевского «Подросток» (1874-1875) и «Братья Карамазовы» (1879-1880) // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сборник материалов X международного молодежного форума, Белгород, 27 мая 2022 года. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 685-689.
4. Таратухина П.И. Сколько благородства в «благородной лжи» (на примере произведений отечественных классиков) // Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты: Сборник статей 5-той Международной научной конференции молодых ученых, посвященной Году защитника Отечества, 80-летию Победы в Великой Отечественной войне и освобождению Мира от фашизма, Курск, 20 мая 2025 года. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 274-278.
5. Шигурова А.Б., Лазарев И.Д. Религиозное осмысление преступления во благо в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2022. № 23. С. 48-54.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка: Т.1. А-З. 1978. 699 с.
7. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 3-ти тт. Л.: Наука, 1972-1988.
8. Успенский Г.И. Прогулка : [Рассказ] / Гл. Успенский. Москва: Жизнь, 1906. 24 с.
9. Островский А.Н. Таланты и поклонники [Текст]: Комедия в 4 д. Москва: Искусство, 1950. 104 с.
10. Тургенев И. С. Отрывки из воспоминаний – своих и чужих / [Соч.] Ив. Тургенева. Вып. 1. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1881.
11. Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»): монография. Воронеж: Научная книга, 2007. 302 с.
12. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998. 528 с.
13. Скуридина С.А. Небо как мифопоэтическая константа творчества Ф.М. Достоевского: ономастический аспект // Вестник славянских культур. 2017. Т. 46. С. 177-184.

References

1. Bogach D.A. The value of family in F.M. Dostoevsky's novel «Poor People» // Libri Magistri. 2019. № 2(8). pp. 29-38.
2. Rebrishcheva M.G. The good image in man: about the heroes of F.M. Dostoevsky in the light of the anthropological views of St. Tikhon of Zadonsk // The legacy of St. Tikhon of Zadonsk in interdisciplinary research: history, problems, prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, postgraduates and Young Scientists, Lipetsk, December 15-17, 2022 year / Edited by Archpriest O.E. Bezrukikh, N.V. Stuflyeva. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2023. pp. 123-129.

3. Rebrishcheva M.G. The idea of decency in F.M. Dostoevsky's novels «The Teenager» (1874-1875) and «The Brothers Karamazov» (1879-1880) // Moral imperatives in law, education, science and culture: a collection of materials of the X International Youth Forum, Belgorod, May 27, 2022. Belgorod: Belgorod State National Research University, 2022. pp. 685-689.

4. Taratukhina P.I. How much nobility there is in «noble lies» (on the example of the works of Russian classics) // Actual problems of modern science: historical, philosophical, methodological aspects: Collection of articles of the 5th International Scientific Conference of Young Scientists dedicated to the Year of Defender of the Fatherland, the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War the War and the liberation of the World from fascism, Kursk, May 20, 2025. Kursk: CJSC «University Book», 2025. pp. 274-278.

5. Shigurova A.B., Lazarev I.D. Religious understanding of crime for good in F.M. Dostoevsky's novel «Crime and Punishment» // Proceedings of the Perervinsk Orthodox Theological Seminary. 2022. No. 23. pp. 48-54.

6. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: Vol. 1. A-Z. 1978. 699 p.

7. Dostoevsky F.M. Complete works in 3 volumes. L.: Science, 1972-1988.

8. Uspensky G.I. Stroll : [Story] / Gl. Uspensky. Moscow: Life, 1906. 24 p.

9. Ostrovsky A.N. Talents and fans [Text]: Comedy in 4 d. Moscow: Iskusstvo, 1950. 104 p.

10. Turgenev I. S. Excerpts from memoirs - his own and others' / [Op.] Iv. Turgenev. Issue 1. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich's type, 1881.

11. Skuridina S.A. Poetics named after U. F.M.Dostoevsky (based on the novels "The Teenager" and "The Brothers Karamazov"): the monograph. Voronezh: Scientific Book, 2007. 302 p.

12. Superanskaya A.V. Dictionary of Russian personal names. Moscow: OOO "Firm "Publishing House AST", 1998. 528 s.

13. Skuridina S.A. The Sky as a Mythopoetic Constant in the Works of Fyodor Dostoevsky: Onomastic Aspect // Bulletin of Slavic Cultures. 2017. Vol. 46. Pp. 177-184.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'38

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.013

*Иркутский государственный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и лингводи-
дактики,
Чернигова И.В.
Россия, г. Иркутск
[e-mail : inga.chern25@bk.ru](mailto:inga.chern25@bk.ru)*

*Irkutsk State University
The chair of Linguistics and Lingvodi-
dactics
PhD, associate professor
I.V. Chernigova
Russia, Irkutsk, [e-mail :](mailto:inga.chern25@bk.ru)
inga.chern25@bk.ru*

И.В. Чернигова

О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКСИОСФЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ)

В настоящей статье рассматривается национальная ценностная картина мира на основе данных, полученных в результате анкетирования представителей французской лингвокультуры. Рассмотрение вопроса аксиосферы на пересечении векторов лингвокультуры и лингвоаксиологии позволяет уточнить национальные особенности аксиосферы посредством анализа языковых единиц. Цель данной работы – выделить и иерархизировать основные ценностные концепты французского общества на современном этапе развития. В результате анализа языковых единиц, объективирующих ценностно-смысловые представления респондентов, связанные с наиболее значимым, важным в их понимании ценностей своей лингвокультуры, нами были выделены и рассмотрены семь основных концептов: «республиканские ценности», «искусство жить по-французски», «морально-нравственные ценности», «социальные ценности», «деградация ценностей», «семья» и «культура». В ходе анализа полученных данных выстроена иерархическая структура современных концептов ценностей представителей французской лингвокультуры, основанная на частоте употребления в ответах респондентов концептуально-связанных языковых единиц. Анализ результатов проведенных опросов позволил, в частности, подтвердить приверженность французов республиканским ценностям; отметить важность умения наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях; отразить изменения происходящие в обществе и актуализировать ценностные понятия «уважение», «толерантность», необходимые для гармоничной жизни общества в эпоху мультикультурализма; уточнить значимость роли социальной политики общества в обеспечении социального равенства; отразить обеспокоенность респондентов снижением роли общих ценностных ориентиров в обществе. Результаты исследования могут быть использованы в рамках занятий по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации. Методы исследования включают анкетирование, семиотрический метод, лингвоаксиологический анализ, метод концептуального анализа.

Ключевые слова: ценности, аксиосфера, лингвокультурология, лингвоаксиология, французская национальная аксиосфера

I.V. Chernigova

ON THE ISSUE OF CONTEMPORARY TRENDS IN THE FRENCH NATIONAL AXIOSPHERE (BASED ON SURVEY DATA)

This article examines the national value worldview based on data obtained through a survey of representatives of the French linguaculture. Examining the axiosphere at the intersection of linguaculture and linguaxiology allows us to clarify the national characteristics of the axiosphere through the analysis of linguistic units. The aim of the study is to identify and hierarchize the main value concepts of French society at the current stage of development. Through an analysis of linguistic units objectifying the respondents' value-semantic representations associated with the most significant and important values in their understanding of their linguaculture, seven key concepts were identified and examined: "Republican Values", "The Art of

Living French Style," "Moral Values," "Social Values," "Degradation of Values," "Family," and "Culture." The analysis of the obtained data allowed us to construct a hierarchical structure of contemporary value concepts among representatives of French linguistic culture, based on the frequency of use of conceptually related linguistic units in respondents' responses. The analysis allowed us, in particular, to: emphasize the French commitment to republican values; note the importance of enjoying life in all its manifestations; reflect the changes occurring in society and actualize the value concepts of "respect" and "tolerance," which are necessary for harmonious life in the era of multiculturalism; clarify the significance of the role of social policy in ensuring social equality; and reflect respondents' concerns about the declining role of common value orientations in society. The results of the study can be used in classes on cultural linguistics and intercultural communication. Research methods include questionnaires, semiometric method, linguaxiological analysis, and conceptual analysis method.

Key words: values, axiosphere, linguacultural studies, axiological linguistics, French national axiosphere.

Вопросы аксиосферы, являющиеся объектом изучения аксиологии, учения о ценностях, находятся в центре внимания целого ряда гуманитарных наук, где данные философии, антропологии, социально-философской антропологии, культурологии, лингвокультурологии, антропологической лингвистики и других гуманитарных наук находятся во взаимосвязи, и взаимодополнении. Аксиология занимается изучением «положительной, нейтральной или отрицательной значимости любых объектов, отвлекаясь от их экзистенциальных и качественных характеристик. Среди типов ценностей, привлекающих наибольшее внимание общей аксиологии – моральные ценности, правовые ценности, ценности научного познания, ценности человеческой истории и социальных теорий, ценности связанные с природой человека и смыслом его жизни» [1; с. 3].

Лингвоаксиологический подход к данному вопросу позволяет посредством анализа языковых единиц выявить и конкретизировать ценностные ориентиры представителей определенной лингвокультуры, в нашем случае, современной национальной французской аксиосферы. С.Г. Тер-Минасова сравнивает язык с зеркалом, показывающим не мир вообще, а мир в восприятии человека. В «зеркале языка» отражается два мира: вне человека, то есть окружающая человека реальность и одновременно сам человек, его образ жизни, его поведение, взаимоотношения с другими людьми, система ценностей, культура. «Язык – это волшебное зеркало, в котором заключены человеческие миры: внешний и внутренний, зеркало не объективное, не равнодушно-бесстрастное» [2; с. 348]. Язык фиксирует и отражает систему ценностей, оценки определенного социума. Целью аксиологического анализа конкретного языка является реконструкция аксиосферы национальной языковой картины мира данной лингвокультуры.

В настоящее время тезис об аксиологичности человеческого сознания является общепринятым. Специфика человека как раз и состоит в ценностном отношении к жизни. По замечанию Г. Риккерта, «сущность ценностей – в их значимости, а не в их фактичности» (цит. по Каган, 1997) [3; с.76]. Философский энциклопедический словарь определяет ценность как «человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений» [4]. С.Г. Павлов пишет: «Ценность принадлежит культуре, оценка – биологическому (когнитивные процессы) и культурному (социальное поведение) модусу существования человека. За языковой оценкой стоит культурная установка носителей языка» [5; с. 61-62]. Таким образом, ценность, категория, принадлежащая культуре, является «коллективным», оценка – «индивидуальным», следовательно, за языковой индивидуальной оценкой стоит культурная, национальная установка носителей языка.

М.С. Каган подчеркивает, что ценностное отношение возникает «не в некоем воздушном пространстве... но в реальной социокультурной среде, в ней живет, функционирует и изменяется, на нее же оказывает определенное воздействие» [3; с. 54]. Оценивание реализуется в рамках времени и пространства. Хронотопная характеристика ситуации оценивания отражает национальную систему ценностей – аксиосферу в конкретный исторический период конкретной лингвокультуры. Ценностные системы формируются и трансформируются в историческом развитии общества, поскольку эти процессы связаны с изменениями в различных сферах человеческой жизни. Пьер Брешон, профессор политических наук, президент ассоциации ARVAL (Association pour la recherche sur des systèmes des valeurs), отмечает, что «общество не только передает ценности от поколения к поколению, но и заставляет их развиваться» [6; с. 9]. Таким

образом, на каждом этапе развития общества формируется своя иерархия ценностей как понятий, идеалов, имеющих наибольшую значимость для общества или человека и служащих нравственным ориентиром в определенный исторический период.

Аксиосфера сочетает в себе объективный и субъективный параметры и структурируется установлением оценочного отношения. Объективный параметр отражает систему ценностей, выработанную предыдущим опытом коллектива и народа в целом. Как отмечают Л.Г. Викулова и Е.Ф. Серебренникова, «субъективный параметр аксиосферы определяется фактом, что всякое аксиологическое отношение устанавливается конкретным субъектом в конкретных условиях жизни» [7; с. 58], то есть «здесь и сейчас». Таким образом, аксиосфера понимается в «континууме сохранения и передачи ценностного от поколения к поколению, а также в ее индивидуально-личностном представлении по отношению к *здесь и сейчас* говорящего человека» [8; с. 8].

Ценностная категоризация может быть представлена концептами. Под концептом, вслед за Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степановым, В.А. Масловой, мы понимаем «понятие, погруженное в культуру». Однако концепт скорее является лингвокультурным понятием, так как мы воспринимаем действительность не непосредственно, а через язык. Концепт – это «лингвоментальное образование, вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке и включающий в себя в редуцированном виде понятие и образ, лежащий в процессе наименования» [9; с. 384]. Одной из характеристик лингвокультурного концепта признается наличие ценностного компонента, поскольку лингвокультурный концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип [10; с. 13-15]. Ценностным для человека является все, что имеет для него определенную значимость, личностный или общественный смысл. Таким образом, лингвистические единицы и высказывания объективируют определенные ценностные концепты.

Исследованием ценностей во Франции на национальном уровне занимается группа французских социологов и политологов, объединенных в Ассоциацию исследований систем ценностей (Association pour la recherche sur des systèmes des valeurs - ARVAL), созданная в начале 1990-х годов [6]. Анкетирование проводится в рамках европейских исследований каждые 9 лет, начиная с 1970-х годов, с целью выяснения смены ценностей и приоритетов в европейских странах. Представляя результаты 2017 г. (следующее исследование состоится в 2026 г.), П. Брешон определяет ценности как «*des idéaux et des préférences qui structurent les représentations et les actions des individus, ce qui les prédispose à agir dans un sens donné*» (пер. наш: *идеалы и предпочтения, которые структурируют восприятие и действия отдельных людей, предрасполагая их к определенным поступкам*); «*valeurs = guide pour l'action, boussole ou logiciel interne*», т.е. приравниваются к (*руководству к действию, компасу или внутреннему программному обеспечению*) [11; с. 2].

Исследованием французской национальной аксиосферы по данным ценностных суждений публичных деятелей (именитые политики, ученые, писатели, деятели культуры конца 1980-х гг.) посвящены работы Л.Г. Викуловой и Е.Ф. Серебренниковой [7, 8].

Материалом нашей работы послужили эмпирические данные, полученные в результате анкетирования и опроса (май-август 2025 года), в котором приняло участие 68 представителей французской лингвокультуры разного возраста (18-25 лет, 26-35 лет, 36-50 и 50+), пола (женщины – 34, мужчины – 34) и профессиональной деятельности.

В роли субъекта ценностного отношения, по мнению М.С. Каган, может выступать как «конкретный человек – индивид, личность как реальная самостоятельная единица... и, соответственно, должен рассматриваться – и в своей уникальности, особенности, неповторимости, и в своей ролевой функции, как представитель той или иной социальной группы (нации, класса и т. п.)... так и «совокупный субъект», рассматриваемый как «большая неконтактная социокультурная группа людей, обладающая общими чертами психологии, установками идеологии и единством практической деятельности – племя, нация, класс, поколение и т.д.» [3; с. 87].

В проведенном анкетировании принимали участие студенты, журналисты, менеджеры по работе с персоналом высшей школы и производства, программисты, инженеры, препода-

ватели университетов, коммерсанты, продавцы-консультанты, секретари, фермеры, официанты, медработники, менеджеры, туристические агенты, психолог, мэр коммуны, безработные, пенсионеры и др. Информация о социальном статусе человека расценивается как приоритетная в обществе [10; с. 30]. Для получения более репрезентативных данных мы попытались расширить по возможности географические рамки. Таким образом, в анкетировании и опросе приняли участие представители городской среды регионов: Овернь-Рона-Альпы, Бургундия-Франш Конте, Иль де Франс (Париж), а также сельской местности Новой Аквитании и Нормандии.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос: «*A votre avis quelles sont les valeurs du peuple français?*» (*Merci de donner 5 mots*) /«*На Ваш взгляд, каковы ценности французского народа?*» (*Дайте, пожалуйста, 5 слов*)

Исходя из полученных данных (всего 253 языковых единиц), объективирующих в языке различные значения, ценностно-смысловые представления респондентов, связанные с наиболее значимым, важным в их понимании ценностей своей лингвокультуры, мы выделили семь концептов. Совокупность ценностных суждений достаточно большого числа репрезентативных субъектов оценивания позволяет выявить ключевые ориентиры национальной аксиосферы, присущей определенной лингвокультуре, а также некоторые доминанты. Используя семиметрический метод, предложенный Е.Ф. Серебренниковой [14, 15], можно выстроить следующую иерархическую структуру современных концептов ценностей представителей французской лингвокультуры, основанную на объективированных в ответах респондентов концептуально-связанных языковых единицах.

Таблица

Иерархическая структура ценностных концептов

Ценностные концепты : - языковые единицы	%
Valeurs Républicaines - <i>la liberté</i> - <i>l'égalité</i> - <i>la fraternité</i> - <i>la laïcité</i> - <i>la solidarité</i> - <i>la démocratie</i>	53,75%
Valeurs « l'art de vivre à la française » - <i>la convivialité</i> - <i>la gastronomie</i> - <i>l'art de vivre, savoir vivre</i>	11,80%
Valeurs morales et éthiques - <i>le respect de l'autre</i> - <i>la diversité d'opinion</i> - <i>la tolérance</i>	11,46%
Valeurs sociales - <i>les services sociaux, publics gratuits</i> - <i>la justice, la justice sociale</i>	10,67%
Valeurs dégradées - <i>les valeurs dégradées</i> - <i>pas de valeurs communes</i> - <i>les valeurs contradictoires</i>	6,3%
Valeurs « Famille » - <i>la famille</i> - <i>les racines</i>	3,1%

Valeurs « Culture »	1,97%
- <i>la culture et l'esthétisme</i>	
- <i>sa chrétienté</i>	

Из приведенной таблиц следует, что наиболее значимыми ценностями для французов являются *valeurs républicaines/ республиканские ценности* (53,75%). Проанализируем языковые единицы, объединенные в данный концепт. Рассмотрение семантического поля концепта способствует более глубокому пониманию и осмыслению этноязыкового сообщества, в нашем случае, французской национальной аксиосферы. Н.Ф. Алефиренко говорит о «пространственной «кристаллической решетке», образуемой «национально-языковой комбинаторикой базовых концептов культуры» [16; с. 246]. Языковые единицы данного семантического поля (всего 136 лексических единиц от общего числа) связаны, прежде всего, с национальным девизом Франции: «*Liberté, Egalité, Fraternité*» («Свобода, Равенство, Братство») и составляют ядро концепта: *la liberté / свобода* (33,80%), *l'égalité / равенство* (19,11%), *la fraternité / братство* (16,9%) от числа лексических единиц рассматриваемого концепта.

Важно отметить, что «свобода» является наиболее частотной называемой ценностью (33,80%). Респонденты не ограничиваются указанием ценности, а раскрывают свою мысль более широко, что подчеркивает значимость этого концепта в жизни общества.

La liberté est la mère de toutes les autres valeurs / Свобода – мать всех остальных ценностей.

Un attachement à la liberté et la démocratie / Приверженность свободе и демократии.

La défense de la liberté d'expression et des droits humains/ Защита свободы слова и прав человека.

Attachés au débat d'idées / Приверженность дебатам.

Свобода понимается как основополагающий принцип, включающий, прежде всего, свободу личности, то есть способность действовать, мыслить и выражать себя (*liberté d'expression/свобода слова*) в соответствии со своим личным выбором уважая при этом свободу других. Свобода закреплена в тексте Декларации прав человека и гражданина 1789 года и составляет основу прав французского общества. Данные проведенного анкетирования подтверждают, что свобода воспринимается важнейшей ценностью французского общества. Ценность «равенство» отмечается значительно реже ценности «свобода». О расхождении взглядов на ценности свободы и равенства пишет R.P. Verton, указывая на факт, что «реальный раскол, на котором основывается дискуссия о свободе и равенстве, это политико-экономический раскол. Традиционно правые идеологи отдают предпочтение свободе перед равенством, в то время как левые идеологи ставят во главу угла равенство» [17; с. 286]. О свободе как «необходимом условии для достижения равенства» пишет В.И. Карасик [18; с.127].

Далее по частотности наименования прослеживается: *la laïcité / светский характер общества* (8,08 %), *et la solidarité / солидарность* (8,08 %), *la démocratie / демократия* (6,60%) ; *l'esprit critique / критическое мышление* (2,2%). К республиканским ценностям мы отнесли также следующие лексические единицы:

droits de l'homme et de la femme / права мужчин и женщин;

l'indépendance/независимость;

les sentiments d'indépendance donc libres / чувство независимости, таким образом, чувство свободы;

le républicanisme / республиканизм;

le socialisme/социализм.

Итак, частотность использования языковых единиц данного семантического поля подчеркивает приверженность современных французов республиканским принципам и завоеванным правам и свободам.

На втором месте по частотности наименования следует концепт, который мы обозначали как «*l'art de vivre à la française*» / «искусство жить по-французски» (11,80%), который объединил следующие ответы: *la convivialité, on aime faire la fête, bien boire, bien manger, la gastronomie et le vin, savoir vivre, l'art de vivre, le travail, la santé mental et physique, la sexualité, le pouvoir d'achat, la tranquillité, l'authenticité, la beauté, l'épanouissement personnel*. Респонденты отмечают важность дружеского общения, любят устраивать праздники, ценят умение хорошо есть и пить, гастрономию и вино, умение и искусство жить, принимать гостей отмечают важность работы, физического и ментального здоровья, сексуальности, покупательной способности, спокойствия, подлинности вещей, красоты, личностного развития. Можно предположить, что выделенные нами лексические единицы, и объединенные в концепт «*l'art de vivre à la française*» отражают характерную для французской лингвокультуры тенденцию и ставшую, практически, философией жизни «искусство жить по-французски», сочетающее в себе элегантность, утонченность, изысканность и простоту, в центре которой чувственное наслаждение культурным и гастрономическим наследием Франции. Можно сказать, что это целое искусство наслаждения жизнью во всех ее проявлениях: от изысканной еды и вина до красоты повседневных моментов, общения, культуры, интеллектуальной беседы, сочетающая в себе эстетику, гедонизм (от греч. «наслаждение», «удовольствие») и внимание к деталям, культивирующее изысканность и сдержанность, гостеприимство и умение наслаждаться каждым моментом, заниматься саморазвитием и окружать себя красотой.

На третьем месте выступают *valeurs morales et éthiques* / морально-нравственные ценности – 11,46% от общего числа анализируемых единиц.

Рассмотрим семантическое поле морально-нравственных ценностей французской лингвокультуры, представленное, прежде всего, следующими лексическими единицами: *le respect, le respect de l'autre, le savoir être et le respect des autres* / уважение, уважение другого, навыки межличностного общения и уважения других. Ядром данного концепта является понятие «уважение», один из основных моральных принципов общества (наиболее частотное употребление 17,20% от лексических единиц данного концепта), то есть принятие другого таким, какой он есть, с его убеждениями, интересами, особенностями, что является основой для взаимопонимания и доверительных отношений.

Далее в ответах следует группа лексических единиц (13,7%), включающая: *la diversité, le pluriculturalisme, la diversité d'opinion* / многообразие/разнообразие, мультикультурализм, разнообразие мнений, отражающих определенные изменения, происходящие в обществе. Следующую подгруппу данного концепта объединяют морально-нравственные принципы, принятые во французском обществе и внутренние убеждения людей, такие как: *la tolérance, l'altruisme et l'entraide, le soutien, le goût de vivre ensemble, l'amitié, l'ouverture pour amitié* / толерантность, альтруизм, взаимопомощь, поддержка, дружба, открытость к дружеским отношениям. К периферийным номинациям данного контекста относим следующие лексические единицы: *le patriotisme, le patriotisme mais on ne le montre pas, la citoyenneté, la force de contestation, la résistance et la résilience l'engagement* / патриотизм, патриотизм, но мы его не демонстрируем, гражданственность (как понимание своей принадлежности к государству, культуре и правовому пространству своих прав и обязанностей человека); *сопротивление и устойчивость, обязательства*.

Далее по частотности наименования следует концепт, который мы обозначали как «*valeurs sociales*»/ социальные ценности: 10,60% от общего числа ответов.

Семантическое поле социальных ценностей представлено следующими лексическими единицами:

la justice / правосудие/справедливость;

la justice sociale / социальная справедливость;

les droits sociaux / социальные права;

l'équité depuis la révolution 1789 / равенство со времен революции 1789 г.;

le service social, la gratuité des services publics / социальные службы, бесплатные социальные услуги;

la valeur sociale / социальная ценность;

l'accueil et ultratolérance/ прием и исключительная толерантность;

l'éducation civique et laïque бесплатное образование.

Социальная справедливость, развитая структура социальной службы Франции доступная и бесплатная для всех высоко ценится французами и составляет семантическое ядро данного концепта. К этому же семантическому полю относим: *l'égalité de chance, la méritocratie, la sécurité, la redistribution* (равные возможности, меритократия, перераспределение, безопасность). Таким образом, социальные ценности соотносятся, прежде всего, с социальной справедливостью, которая обеспечивает равные права и возможности доступа к образованию, работе, продвижению по службе независимо от происхождения, пола вероисповедания или убеждений. Развитая социальная система включает перераспределение ресурсов и обеспечивает социальную безопасность и поддержку людям с более низкими доходами.

О концептуализации социального равенства пишет В.И. Карасик, выделяя два типа равенства: равенство возможностей и равенство способностей, указывая на то, что «первый тип равенства представляет собой принцип гуманизма, второй идеалистический отрыв от реальности» [18; с. 132]. Для французской лингвокультуры характерно, скорее, равенство возможностей, проявляющееся в демократических правах граждан, предусматривающих равные права мужчин и женщин, представителей разных национальностей, конфессий. Принцип социального равенства осуществляется в разных областях, как например: бесплатное среднее и высшее образование в государственных учебных заведениях, доступ к медицинским услугам, судебной системе и т.д. Кроме того, широко развита социальная политика государства, направленная на защиту уязвимых слоев населения в случае социальных рисков (болезнь, безработица, старость), а также на сокращение неравенства, главным образом, за счет перераспределения ресурсов, таких как: социальная помощь, семейное пособие (для семей с более низким достатком), помощь по оплате жилья, социальная стипендия студентам в соответствии с доходом родителей и т.д.

Ряд следующих лексических единиц мы объединили под концептом «valeurs dégradées» / «деградация ценностей», который представляет 6,3% от общего числа ответов. Ответы респондентов, объединенных в данный концепт отличаются, прежде всего тем, что представлены не просто лексическими единицами, а частями предложения или целым предложением, что подчеркивает убежденность субъектов оценки и желание донести свою точку зрения. Оценочный аспект взаимодействия действительности и человека отражает членение говорящим окружающего его мира с точки зрения добра и зла, пользы и вреда и т.п. В рассматриваемой нами группе ответов объект оценки, в нашем случае, положение вещей в обществе получает оценку со знаком «минус». Выражение отрицательной оценки рассматривают как форму сознательного социального действия, определяющего ценность. Рассмотрим более подробно языковую репрезентацию данного концепта и проанализируем некоторые ответы.

Pas de valeurs communes, pas de reconnaissance, plus du respect / Нет общих ценностей, нет признания, больше нет уважения.

Pas d'exemplarité du gouvernement / Отсутствие образцового поведения со стороны правительства.

La perte des valeurs / потеря ценностей / Ценности утрачены.

De moins en moins de valeurs communes mais un fort sentiment de résistance / Все меньше общих ценностей, но сильное чувство противостояния.

Valeurs qui changent trop rapidement. / Ценности меняются слишком быстро.

Image de la France dégradée ce dernier temps. / Ухудшение имиджа Франции в последнее время.

Pas de sentiment d'appartenir à un peuple. / Отсутствие чувства принадлежности нации/ народу.

Depuis le XX siècle: consommation, égoïsme, conformisme, voire bêtise organisée. Depuis le XXI siècle: retour d'un besoin d'élévation d'âme grandissant. / Начиная с XX века, потребление, эгоизм, конформизм, и даже организованная глупость. Начиная с XXI века, возросшая потребность в духовном возвышении.;

Système de valeurs qui coexistent et s'affrontent: libéralisme vers l'état; laïcité vs croyances religieuses; sciences vs non-sciences et complotistes; riches vs non-riches! / Существующая система ценностей находится в конфронтации/противостоянии: либерализм по отношению к государству, секуляризм по отношению к религии, наука против ненауки и теоретиков заговора, бедные против богатых!

Terrain de valeurs à l'école affaibli, l'ingérance des parents de l'école et l'instruction; décrédibilisation de l'autorité de l'enseignant. / Система ценностей в школах ослабляется вмешательством родителей в школьную жизнь и учебный процесс; дискредитация авторитета учителя.

Sous américain sur des mauvaises valeurs / Под влиянием Америки, выбраны неверные ценности.

Mécontentement / Недовольство.

В приведенных примерах эксплицитное выражение отрицательной оценки проявляется на различных уровнях: семантическом, грамматическом, морфологическом, синтаксическом.

Наблюдаем выражение оценки на грамматическом уровне: употребление сравнительного наречного словосочетания «*de moins en moins*» (характеризующее постепенное уменьшение чего-либо) + союз «*mais*», усиливающий противопоставление; употребление отрицательной частицы «*pas*», «*plus*»: *Pas de valeurs communes, pas de reconnaissance, plus du respect; pas de sentiment d'appartenir à un peuple; pas d'exemplarité du gouvernement.* Употребление частицы «*pas*» неполного отрицания характерно для разговорной речи во французском языке. В приведенных примерах очевидна категоричность оценки, указывающая на отсутствие ценностных ориентиров. Сама категоричность оценки, по мнению Е.М. Вольф, является «категорией прагматической, опирающейся на социальные роли говорящего... Категоричная оценка может быть связана с более высоким статусом говорящего... либо подразумевает уверенность в истинности своего концептуального мира и своих мнений» [18; с.108].

На лексическом уровне отметим использование оценочной лексики (*mauvaises valeurs*), семантика которой отражает отрицательную оценку факта снижения или отсутствия ценностных принципов на современном этапе развития общества (*perte des valeurs, image de la France dégradée, terrain de valeurs à l'école affaibli, décrédibilisation de l'autorité de l'enseignant, sur des mauvaises valeurs, mécontentement, pas d'exemplarité du gouvernement*). Отмечается *потеря ценностей, деградированный имидж Франции, ослабление системы ценностей в школе, дискредитация авторитета учителя, неверные/плохие ценности, отсутствие образцового поведения со стороны правительства, недовольство.* В данных примерах эксплицируются оценочные стереотипы, как, например, авторитет учителя, образцовость правительственных институтов и т.д. Снижение роли или констатация отсутствия общих моральных, этических принципов, ценностных ориентиров, таких, как: уважение, признание, чувство принадлежности к нации приводит к потере доверия к обществу, к государственным институтам.

Depuis le XX siècle: consommation, égoïsme, conformisme, voire bêtise organisée. Depuis le XXI siècle: retour d'un besoin d'élévation d'âme grandissant. Оценочная структура выразится на синтаксическом и семантическом уровне высказывания. *Потребление, эгоизм, конформизм, организованная глупость* имеют отрицательную коннотацию для субъекта и противопоставлены *необходимости, возросшей потребности в духовном возвышении.* Используются обстоятельства времени, указывающие на периоды положения вещей в прошлом и настоящем времени, когда необходимо действовать: *depuis XX siècle, depuis XXI siècle.*

Отрицательная оценка сложившегося положения дел объективируется выбором глаголов: «*Système de valeurs qui coexistent et s'affrontent*» (*существующая система ценностей находится в противостоянии*) или прилагательным – интенсификатором качества: «*un fort sentiment de résistance*» (*сильное чувство сопротивления*) для выражения несогласия, неприятия происходящего.

Наблюдается выражение отрицательной оценки и на морфологическом уровне использование префиксов несущих отрицательную коннотацию: *décrédibilisation* (de (несущий отрицательную коннотацию) + *crédibiliser*), *mécontentement* (de *mé* (non) (отрицательная коннотация) + *content*) [20; с. 649, 1595].

Рассмотренные языковые явления объективируют оценочное мнение части респондентов. Критичность выраженной оценки, на наш взгляд, отражает чувство несогласия и сильное чувство беспокойства, вызванное уменьшением значимых ценностных смыслов в жизни французов, что приводит к разочарованию, потере доверия к государству как гаранту стабильности и сохранения порядка и, в целом, беспокойством оказаться в обществе без ориентиров. Пьер Брешон, подводя итоги по результатам национальной анкеты 2017 года, также указывает: «*Globalement, les Français n'apparaissent pas inquiets pour eux-mêmes... mais pour la société, qu'ils trouvent insécurisante, et dont l'évolution leur semble non maîtrisable*» (пер.наш: *В целом, французы, похоже, беспокоятся не о себе... а об обществе, которое они считают небезопасным и эволюция которого, по-видимому, не поддается контролю*) [11; с. 5-7].

Заключают список выделенных нами концептов *valeur* «*la famille*» семейные ценности, представляющий 3,10% от общего числа, и *valeur* «*la culture*» (1,97%). Концепт «семья» объективирован в языке лесическими единицами: *la famille, les racines, la transmission aux enfants le respect du pays/семья, корни, передача детям чувства уважения страны*.

Концепт «культура» представлен такими ответами, как: *sa culture; la culture et l'esthétisme; le passé historique fort avec des grands leaders avant François Mitterrand; sa chrétienté / её культура, культура и эстетизм, богатое историческое прошлое, связанное со значимыми именами лидеров до Франсуа Миттерана, её христианство* (прим.: *Франции*).

Таким образом, анализ полученных данных в ходе анкетирования позволил выявить основные тенденции национальной аксиосферы представителей французской лингвокультуры на современном этапе, основанные на ценностных номинациях. Использование лингвоаксиологического подхода позволило конкретизировать ценностно-смысловые особенности национальной аксиосферы представителей французской лингвокультуры.

Посредством анализа ценностных ориентиров, объективированных языковыми единицами, были выделены и иерархизированы по частотности употребления языковых единиц семь основных ценностных концептов: «республиканские ценности», «искусство жить по-французски», «морально-нравственные ценности», «социальные ценности», «деградация ценностей», «семья» и «культура». Языковые репрезентации названных ценностных концептов позволяют уточнить и приблизиться в понимании национальной аксиосферы французской лингвокультуры. В частности, приверженность французов республиканским ценностям (Свобода, Равенство и Братство), где ценность свободы имеет особую трактовку и является основой и необходимым условием существования остальных республиканских ценностей. Концепт «искусство жить по-французски» отражает важность для французов умения наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях. Данный концепт занимает значимое второе место по частоте концептуализированных языковых единиц. Языковая репрезентация концепта «морально-нравственные ценности» позволило отразить изменения в обществе и в связи с этим актуализировать такие ценностные понятия, как уважение, мультикультурализм и толерантность, необходимые для гармоничной жизни общества. Анализ языковых единиц объединенных в концепт социальных ценностей, позволяет уточнить важность роли социальной политики общества в обеспечении социального равенства. Достаточно репрезентативно на языковом уровне представлен концепт «деградация ценно-

стей», что отражает обеспокоенность субъектов оценки снижением роли общих ценностных ориентиров в обществе.

Библиографический список

1. Ивин А.А. Аксиология. Научное издание. М.: Высш. шк., 2006. 390 с.
2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд.. М.: Изд-во МГУ, 2004. 352 с.
3. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО "Петрополис", 1997. 205 с.
4. Философский энциклопедический словарь URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/593/cennost.htm> (дата обращения: 13.01.2026).
5. Павлов С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно методический аспект // Вестник Минского университета. 2013. № 2. С. 56–68.
6. Bréchon P. La France à travers les valeurs. Paris: Armand Colin, 2009. 320 p.
7. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Элементы французской национальной аксиосферы по данным ценностных суждений о родной стране // Вестник ИГЛУ. Лингвистика дискурса-2. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. С. 57-66.
8. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Знаки французской национальной аксиосферы как маркеры идентичности говорящих // Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация: Сборник материалов международной научной онлайн-конференции. Волгоград, 20 октября 2020 г. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44116819> (дата обращения: 06.07.2025).
9. Маслова В.А. Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-tsennosti-soderzhanie-ponyatiy-yazykovaya-reprezentatsiya> (дата обращения: 06.07.2025).
10. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов. Т. 1. Волгоград: Прадигма, 2005. С.13-15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26317361> (дата обращения: 15.01.2026).
11. Bréchon P. Les valeurs des Français, de 1981 à 2018. 2019. hal-03913159.
12. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2002. 333 с.
13. Этносемиотрия ценностных смыслов. Иркутск: ИГЛУ. 2008. 529 с.
14. Серебренникова Е.Ф. Семиотрия как способ аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 41-48.
15. Серебренникова Е.Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов. М.: ТЕЗАУРУС 2011. С. 25-40.
16. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
17. Berton R.M. Liberté Egalité//La France à travers ses valeurs. Sous la direction de P.Bréchon et J-F.Tchernia. Paris : Armand Colin. 2009. P. 285-288.
18. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис. 2013. 320с.
19. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2022. 280 с.
20. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Dictionnaire Le Robert. Paris- VUEF. 2003. 2949 p.

References

1. Ivin A.A. Axiology. Scientific publication. Moscow: Higher School, 2006. 390 p.
2. Ter-Minasova, S. G. Language and Intercultural Communication. 2nd ed. Moscow: Moscow State University Press, 2004. 352 p.

3. Kagan M.S. Philosophical Theory of Value. St.-Petersburg, 1997. 205 p.
4. Philosophical Encyclopedic Dictionary. URL: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/articles/593/cennost.htm> (date of application: 13.01.2026).
5. Pavlov S.G. Linguistic and Axiological Model of Man: Scientific and Methodological Aspect // Bulletin of Minsk University. 2013. Vol. 2. P. 56–68.
6. Bréchon P. La France à travers les valeurs. Paris: Armand Colin. 2009. 320 p.
7. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Elements of the French national axiosphere according to value judgments about the home country // Bulletin of ISU. Linguistics of Discourse-2. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2006. P. 57-66.
8. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Signs of the French national axiosphere as markers of the speaker's identity // Romance languages in globalization era: modern challenges and self-identification: Collection of materials of the international scientific online conference. Volgograd, October 20, 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44116819> (date of application: 06.07.2025).
9. Maslova V.A. Concepts and Values: Content of Concepts, Linguistic Representation. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepty-i-tsennosti-soderzhanie-ponyatiy-yazykovaya-reprezentatsiya> (date of application: 06.07.2025).
10. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Basic characteristics of linguocultural concepts // Anthology of concepts. Volume 1. Volgograd: Pradigma, 2005. P.13-15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26317361> (date of application: 15.01.2026).
11. Bréchon P. Les valeurs des Français, de 1981 à 2018. 2019. hal-03913159.
12. Karasik V.I. The language of social status. Moscow, 2002. 333 p.
13. Ethnosemimetry of Value Meanings. Irkutsk, 2008. 529 p.
14. Serebrennikova E.F. Semiometry as a Method of Axiological Analysis // Linguistics and Axiology. Ethnosemimetry of Value Meanings. Moscow, 2011. P. 41–48.
15. Serebrennikova E.F. Key Concepts of Axiological Analysis // Linguistics and Axiology. Ethnosemimetry of Value Meanings. Moscow, 2011. P. 25-40.
16. Alefirenko N.F. Cultural Linguistics. The Value-Semantic Space of Language. Moscow, 2010. 288 p.
17. Berton R.M. Egalité // La France à travers ses valeurs. From the direction of P. Bréchon and J-F.Tchernia. Paris: Armand Colin, 2009. P. 285-288.
18. Karasik V.I. The Language Matrix of Culture. Moscow, 2013. 320 p.
19. Wolf E.M. The Functional Semantics of Evaluation. Moscow, 2022. 280 p.
20. Le Nouveau Petit Robert. Alphabetical and Analogical Dictionary of the French Language. Dictionnaire Le Robert. Paris-VUEF. 2003. 2949 p.

УДК 81'282.8

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.014

Воронежский государственный технический университет

*доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка*

и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж,

тел. +7(920)404-04-48;

e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University

*Doctor of Philology, professor,
department chairman,*

the chair of Russian language and cross-cultural communication,

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48

e-mail: saskuridina@ya.ru :

студент 4 курса направления «Журналистика»

Овсиенко Д.Л.

Россия, г. Воронеж

e-mail: ovsienko0816@mail.ru

The faculty of journalism,

Fourth-year student

Ovsienko D.L.

Russia, Voronezh

e-mail: ovsienko0816@mail.ru

С.А. Скуридина, Д.Л. Овсиенко

ПЧЕЛЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ ЗАГАДОК)

Настоящая статья посвящена исследованию образа пчелы в русской лингвокультуре, выполненному на материале русских народных и современных загадок. Отмечается, что образ пчелы представляет собой многогранный символический код, соединяющий архаичные представления с новыми реалиями. В русских народных загадках пчела предстает как «божья работница», ассоциирующаяся с трудолюбием, порядком и чистотой, подчеркивается семейный характер жизни насекомого, в связи с чем в текст вводятся женские термины родства. Ключевой мотив русских народных загадок связан с изготовлением меда и воска, воспринимавшихся как сакральные продукты. Пчела сопоставляется с предметами домашнего обихода, с домом, что подчеркивает неразрывность крестьянского быта и окружающего мира. Современные загадки, ориентированные на прагматику, обогащают образ пчелы новыми контекстами, связанными с реалиями индустриальной эпохи. Образ рационализируется, что отражает смену ценностных ориентиров: на смену «святой чистоте» приходит экономическая выгода в виде количества меда, развитый интеллект, позволяющий не ошибаться по пути в улей (логистика и навигация). Однако семантическая доминанта образа сохраняется: пчела – это символ неустанного труда, пользы и гармонии (природной в русской народной загадке, технологической в современной загадке для детей).

Ключевые слова: образ пчелы, русская народная загадка, современная загадка, эволюция образа, лингвокультура, картина мира, энтосемизм.

S.A. Skuridina, D.L. Ovsienko

BEEES IN RUSSIAN LINGUOCULTURE (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN FOLK AND MODERN RIDDLES)

Russian linguoculture This article is devoted to the study of the image of the bee in Russian linguoculture, based on the material of Russian folk and modern riddles. It is noted that the image of a bee is a multifaceted symbolic code connecting archaic ideas with new realities. In Russian folk riddles, the bee appears as a "God's worker", associated with diligence, order and purity, the family nature of the insect's life is emphasized, and therefore feminine terms of kinship are introduced into the text. The key motif of Russian folk riddles is associated with the production of honey

and wax, which were perceived as sacred products. The bee is compared with household items, with the house, which emphasizes the inseparability of peasant life and the surrounding world. Modern riddles, focused on pragmatics, enrich the image of the bee with new contexts related to the realities of the industrial era. The image is being rationalized, which reflects a change in value orientations: the "holy purity" is being replaced by economic benefits in the form of honey, developed intelligence that allows you not to make mistakes on the way to the hive (logistics and navigation). However, the semantic dominant of the image remains: the bee is a symbol of tireless work, benefit and harmony (natural in the Russian folk riddle, technological in the modern riddle for children).

Keywords: image of a bee, Russian folk riddle, modern riddle, image evolution, linguoculture, worldview, entosemism.

Обращаясь к рассмотрению энтомосемизмов в языковой картине мира, отметим, что, несмотря на достаточно высокую распространенность стебельчатобрюхих жалоносных насекомых, к которым относится пчела, и определенное восприятие их человеком (например, существует не одно название для обозначения навязчивого иррационального страха пчёл, ос, а также их укусов: апифобия, мелиссофобия и сфексофобия), нами не зафиксирован повышенный интерес исследователей к данным названиям, не считая некоторых работ, затрагивающих разные аспекты их функционирования.

А.А. Фаустов, вводя в научный оборот такое понятие, как «пчелиный текст», раскрывает специфику образа пчел в текстах О.Э. Мандельштама и отмечает, что «к 20-м годам прошлого столетия вырисовываются два главных круга значений, которые будут прикреплены к «пчелиной» образности («творчество» и «любовь»), и почти полностью вытесняются более архаичные, средневековые по генезису смыслы, канонизированные в эмблематике: «трудолюбие», «предусмотрительность», «социальность» и т.д.» [1; с. 45]. В рамках концепции А.А. Фаустова в настоящее время ведется работа Н.И. Наумцевым [2].

В исследовании Г.Ф. Ковалева и Заки Синана Гх представлены энтомосемизмы в художественных текстах русской литературы [3]. Авторы, осуществляя анализ названий насекомых на материале сказок А.С. Пушкина и текстов детской литературы, приходят к выводу, что их читатель знакомится с наименованиями насекомых, особенностями их внешнего вида и поведения [3; с. 236].

Существенный вклад в раскрытие образа пчелы в русской культуре внесли К.Ф. Тарановский [4], М.С. Евзлин [5], а также авторы коллективной монографии «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка», вышедшей в 2020 году [6]. Книга включает в себя одиннадцать глав, в которых, по мнению рецензентов, «с достаточной полнотой раскрываются восприятие и осмысление мира насекомых в разных научных аспектах: литературоведческом и лингвистическом, в фольклорном и мифологическом, в искусствоведческом и историческом [7; с. 123].

Материалом исследования в данной работе является семантически маркированный образ такого стебельчатобрюхого жалоносного насекомого, как пчела, представленный в одном из малых жанров русского фольклора – загадке, в том числе и современной. В работе, являющейся продолжением начатого изучения образа пчелы в современном медиапространстве [8], [9], нашли применение метод классификации, метод лингвистического наблюдения и описания, этимологический и лингвокультурологический виды анализа.

Загадка – иносказательный, замысловатый поэтический вопрос, требующий ответа; иносказательное, замысловатое поэтическое описание предмета; или и вопрос, и описание [10; с. 43]. Специфика загадки заключается в том, что предмет, который загадывается, не называется прямо, в связи с чем наиболее частым приемом создания загадки является замещение одного предмета другим. Как указывает В.В. Митрофанова, «в большинстве загадок о неодушевленных предметах замещающее слово обозначает одушевленный предмет: морковь – красная девица, ведра – братья, мялица для льна – собака, крылья мотвила – сестры и т. д.» [10; с.104], в связи с чем создается странная картина (по мнению В. Шкловского, «отстранение... – основа и единственный смысл всех загадок» [11; с. 111]). М.Л. Рыбниковой при-

надлежит мысль о том, что «в загадках предметы находятся в движении, говорят, действуют, трудятся» [12].

Интересный образ пчелы и предметов, с ней связанных, представлен в загадках, представляющим собой «короткий игровой текст, в котором даётся нарочито усложнённое описание одного предмета посредством описания другого на основе установления отдалённого сходства между ними» [13; с. 7]. Как указывает О.С. Орлова, «традиционные загадки являются культурно-языковыми знаками с насыщенной коннотацией; отражают народное мировидение» [14].

Пчела издавна считается символом трудолюбия, усердия, продуктивности, коллективизма и организованности, в связи с чем Екатерины II во время своего царствования избрала пчелу над цветком личной эмблемой, заметив в одном из писем Вольтеру: «Мой девиз – пчела, которая, летая от растения к растению, собирает мёд, чтобы отнести его в улей, и надпись к этому – “Полезное”» [15]. В славянской культуре пчела относилась к чистым насекомым, а с принятием христианства рассматривалась как «божья тварь» [16; с. 448] и наделялась женской и богородичной символикой [см.: 17].

Поскольку пчелы воспринимаются как трудолюбивые насекомые, то сравниваются они с красными девицами (в других вариантах с черничками, старушками), занимающимися рукоделием и создающими узор:

В темной темнице
красные девицы
без нитки, без спицы
вяжут вязеницы [18; с. 220];

В подполе-полище
Сидят девицы,
Вяжут чулочки
Без игопочки... [18; с. 369];

Сидят девушки в горенках.
Нижут бисерок на ниточки [18; с. 220];

В тесной избушке
Ткут холсты старушки [18; с. 369],

В темненькой избушке
Красненькие девки
Понёвки ткут [18; с. 369],

Точем скатерти браные,
ставим яства сахарные,
людям на потребу,
богу в угоду [19; т. 2, с. 419].

В связи с тем, что пчелы, живущие в улье, называются семьей, предсказуемо использование в загадках терминов родства, причем «женских», так как пчелиная семья состоит почти исключительно из пчёл-самок, а пчелы-самцы или трутни, составляют менее десяти процентов: «Ни девка, ни вдова, ни замужня жена: детей водит, людей питает, дары богу приносит (пчела); Ни солдатка, ни вдова, ни замужня жена: много деток уродила, богу угодила (пчела)» [19; т. 2; с. 418]. В одном из вариантов подчеркивается безгрешность пчелы, сравниваемой с женщиной, у которой мужа нет, зато есть дети, появившиеся на свет безгрешным путем:

Живет не девка,
Не баба, не солдатка,
Не вдова и не мужняя жена;
Мужа у ней нет,
Греха не име(е)т,
А детей много!» [18; с. 223].

Пчелиная матка называется в загадке матерью и противопоставляется отцу: «Без отца рождена, без матери жить не может» [18; с. 647]. Как отмечает Митрофанова, «семейные, родственные отношения людей в образной системе загадок представлены шире, чем в отгадках» [18; с. 105].

Энтосемизм *пчела* восходит к ст.-слав. бьчела (праслав., скорее всего, *bьčela), однако в более распространённой версии исходной формой является *bьčela, в которой видят ступень чередования к бучать 'жужжать', бучень 'шмель', букашка, бык [20; т.3; с. 416].

Неслучайны в связи с этим загадки, в которых отмечаются звуки, издаваемые роем пчел при полете:

Лежит кучка поросят, к
то ни тронет – завизжат [18; с. 223],

Сито Горновито
По полю летало,
По-татарски лепетало [18; с. 223].

Интересна загадка, в которой представлена аллитерация, позволяющая услышать звук летящего роя: «Шел я мимо Шарашина двора, Шарашины ребята ошарашили меня [10; с. 108]». При современном звукоподражании пчелиное жужжание все-таки передается долгим звуком [ж], тогда как в русской народной загадке это звук [ш].

Предсказуемо, что пчелы как летающее насекомое сравниваются с птицами:
Семьсот соловьят
на подушках сидят [18; с. 124];

Летела птаха
Мимо Божьего страха:
Ах! мое дело
На огне сгорело!» [18; с. 224],

Летит птичка гоголек
Через Божий теремок [18; с. 224];

Летит соколок
Через Божий домок» [18; с. 224] и т.д.

Пчелы, защищая свой улей, могут нападать на обидчика, подобно собаке, охраняющей жилище человека, что также отражается в русских народных загадках: «В крутом буераке лютые собаки» [18; с. 224], «Маленькая собачка не лает, не бает, а больно кусает» [18; с. 222]. Соотнесение пчелы и собаки достаточно частотно:

Расставляю я ворота,
Выпущу кобелей бесхвостых [18; с. 221],

Отворю ворота без пяты,
Выведу кобеля без хвоста [18; с. 221],
Под ярусом, ярусом
Капуста бела,

Вода дорога,
Собаки злые [18; с. 221].

В загадках о пчелах и улье прослеживается параллелизм с человеком и его жилищем: «Улей – хата, хлевец без окон и дверей, полный овец, воробьев, собак, которые кусают, провозажают далеко» [10; с. 64]. Одна из загадок строится на сопоставлении жилища человека с ульем и людей с роем пчел: «Стоит изба безугольна, Живут в ней люди безуёмны» [18; с. 222]. Пчелиный рой напоминает русскому человеку ярмарку с ее многолюдьем и многоголосьем: На боку лежит дуплина-путина, среди дупла ярмарка (улей пчел), Через лес путь-дорога, на пупке тревога, в животе ярмарка (улей пчел), В лес дорога, на пупке тревога, внутри ярмарка (улей) [19; т. 2, с. 419]. Но чаще улей представляется целым городом, во главе которого стоит царь, а рой сопоставляется с войском, этот город и царя защищающим:

Стоит град,
Во граде – царь;
У царя – многи воины;
У каждого воина — по копыю.

Жил Аврам

И начал разорять [18; с. 225].

Может улей соотноситься и с посудой, например: «Стоит посудина долблена, в ней каша не варена» (улей с медом) [19; т. 2, с. 419].

Особая роль отводится пчеле как насекомому, трудящемуся на благо церкви, поскольку изначально на изготовление свечей шел пчелиный воск:

Летела птица
через божью светлицу:
«Гут мое дело
на огне сгорело» (пчела и церковь)» [19; т. 2, с. 418].

Образ пчелы-труженицы унаследован и современными загадками, адресованными детям. Загадка играет определенную роль в воспитании у ребенка пытливости ума и сообразительности. Загадка воспитывает умение сопоставлять, анализировать, развивает воображение, но главное, как отмечает В.Н. Топоров, загадка учит классифицировать то, что окружает человека, а значит, способствует пониманию и осознанию принципов организации мира [21; с. 29].

В современных загадках, найденных на интернет-просторах, подчёркивается особый пчелиный режим труда – дисциплина, цикличность производимых действий, которая вместе с трудолюбием является залогом получения результата: «рано утром просыпаюсь, на работу собираюсь», «целый день, словно юла». Все эти качества формируют устойчивое уважение к труду пчел: «в деревне и в посёлке уважают дети...».

Важнейшей чертой пчелы, отмечаемой в современных загадках, является её неразрывная связь с домом: «на опушке в ряд домики стоят», «кто в домах живёт, тот гостей не ждёт». Безусловно, пчела связана с результатом своего труда – производством меда, что обыгрывается в современных загадках: «мед целебный собирая», «приносит в улей мёд».

Однако в современных загадках, созданных уже в индустриальную эпоху, отмечается использование образа завода, в связи с чем улей уподобляется перерабатывающему предприятию, производящему мед:

Зайдите к нам на огород:
Стоит под яблоней завод,
В нём - тысячи рабочих
Снуют с утра до ночи.
Гудит, работает завод
И нам даёт душистый мёд! [22].

Жало – это вынужденное оружие для обороны, а не агрессии, но в современных детских загадках указывается на готовность обитателей защищать свой дом:

У неё врагов не мало,
И, хотя у каждой жало,
На защиту целый рой
Собирается порой [23];

Посетить хотят все дети
Самый сладкий дом на свете.
Но хозяева жужжат –
Строго домик сторожат [24];

Я пахну летом и пылью.
Лечу к цветочкам пулей.
Но я бываю очень злой
К тому, кто лезет в улей! [25].

В основе многих современных загадок для детей важным является акустический признак, который становится главным:

Всё жужжит, жужжит, жужжит,
Над цветком она кружит,
Целый день, словно юла,
А зовут её...» [26];

Не жужжу, когда сижу.
Не жужжу, когда хожу.
Не жужжу, когда тружусь.
Я жужжу, когда кружусь! [28]

Как видим, рассмотренные загадки демонстрируют знание не только о внешнем виде и особенностях насекомого, но и подробно описывают специфику жизнедеятельности пчел, что свидетельствует об осведомлённости русского человека относительно существования данного насекомого. В народном сознании пчела – это трудолюбивое, домашнее, полезное насекомое, производящее мёд и защищающее свой дом. Распространенное мнение о том, что медоносные пчелы своим происхождением обязаны Богу, находит отражение в загадках. Особое отношение человека к пчелам обусловлено и одним из пророчеств святых Зосимы и Савватия Соловецких: «Не стане пчел, загине людство» [28].

Проведенный анализ образа пчелы в русских народных и современных загадках позволяет проследить его эволюцию от сакрального символа, связанного с Богом, до технологичной метафоры, однако при сохранении глубиной архетипической основы. В русских народных загадках пчела предстает как мифологизированный персонаж, тесно связанный с Божьим миром и раем («божья тварь», «божья птичка»). Пчела сопоставляется с предметами домашнего обихода, с домом, что подчеркивает неразрывность крестьянского быта и окружающего мира. Основной акцент сделан на труде, коллективизме и моральной чистоте. Современные загадки, напротив, переключают фокус на прагматическое: пчела не просто труженица, а работник завода по производству сладостей. Образ рационализируется, что отражает смену ценностных ориентиров: на смену «святой чистоте» приходит экономическая выгода в виде количества меда, развитый интеллект, позволяющий не ошибаться по пути в улей (логистика и навигация). Однако образ пчелы остается важным культурным кодом: в русской народной загадке образ пчелы кодирует гармонию с природой и Богом, в современной – гармонию человека с технологией. Неизменной доминантой образа пчелы остается метафора постоянного труда, коллективного разума и оборонительной функции. Анализ же загадки свидетельствует о том, что данный жанр обладает удивительной способностью адапти-

роваться к меняющейся картине мира, превращая древнюю символику в актуальную игру слов для новых поколений.

Библиографический список

1. Фаустов А. А. Еще раз о мандельштамовских пчелах: к предыстории образа на русской почве // Воронежский период в жизни и творчестве О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1991 С. 44–47.
2. Наумцев И.И. «Пчелиный» текст в творчестве Е. Блажеевского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. №3(58). С. 126-132.
3. Ковалев Г.Ф., Заки С.Г. Энтосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 234-237.
4. Тарановский К.Ф. Пчёлы и осы в поэзии Мандельштама: К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 1973–1995. 432 с.
5. Евзлин М. Пчелы, мед и трагедия: И. Анненский и Ф. Сологуб // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. 2014–2015. Вып. 32. Ч. 1. Воронеж, 2015. С. 96–151.
6. Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка: коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2020. 400 с.
7. Смирнова А. И., Райкова И. Н. Поэтическая энтомология: обзор материалов коллективной монографии «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка» (М.: Книгодел; МГПУ, 2020. 400 с.) // «Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2020. №4 (40). С. 123-130.
8. Скуридина С.А., Овсиенко Д.Л. Образ пчелы в медиапространстве // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: Материалы V Международной научной конференции, Воронеж, 17–19 апреля 2024 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2024. С. 158-162.
9. Скуридина С.А., Овсиенко Д.Л. Отражение народных представлений о пчеле в современных эргонимах и прагматонимах // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: Материалы VII Международной научной конференции, Воронеж, 15–17 апреля 2026 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2026.
10. Митрофанова В.В. Русские народные загадки. Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1978. 180 с.
11. Шкловский В. Б. Искусство как прием // Поэтика. Сборник по теории поэтического языка. Пг., 1919. С. 111.
12. Рыбникова М. А. Загадки. М. – Л., «Academia», 1932, с. 24-25
13. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. М.: Ленанд, 2019. 400 с.
14. Орлова О. С. Языковые и культурные подсказки в загадках (на материале русских народных загадок о животных и птицах) // Art Logos (искусство слова). 2023. № 1. С. 90–96. с. 91. DOI 10.35231/25419803_2023_1_90
15. Тройницкий С.Н. «Девиз» императрицы Екатерины Второй // Старые годы. Март 1915. С. 35–37.
16. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997. 912 с.
17. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 томах / под редакцией Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 2009 Том. 4 С. 366–369.

18. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. / Сост. Садовников Д. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с. (Славянский мир)
19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. В.И. Даль. М.: Терра, 1995.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. СПб.: Терра – Азбука, 1996.
21. Топоров В.Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балтославянской духовной культуры. Загадка как текст. Москва : Индрик, 1994. С. 10–117.
22. Шашков А. Энциклопедия стихотворных загадок. URL: <https://proza.ru/2012/02/13/1680?ysclid=mpkyky0bqd793562806> (дата обращения – 15.01.2026).
23. Фомин С.Л. Пчела-загадка. URL: <https://stihi.ru/2012/04/25/3446?ysclid=mpkylynmza336673681> (дата обращения – 15.01.2026).
24. Емельянова О. Сборник загадок в стихах. URL: <https://www.olesya-emelyanova.ru/index-zagadki-kniga.html?ysclid=mpkyn4f9ap980753451> (дата обращения – 15.01.2026).
25. Мацегор Ю. Пчела. URL: <https://stihi.ru/2010/11/24/5030?ysclid=mpkynvmesv978098153> (дата обращения – 15.01.2026).
26. Касаткин Ю. Пчела. Загадка для малышей. URL: <https://stihi.ru/2010/02/07/2950?ysclid=mpkyood7ew909977705> (дата обращения – 15.01.2026).
27. Мазнин И.А. 500 скороговорок, пословиц, поговорок для детей. URL: <https://www.litres.ru/book/igor-maznin/500-skorogovorok-poslovic-pogovorok-dlya-detey-67795007/chitat-onlayn/> (дата обращения – 15.01.2026).
28. Наумкин В.П. Пчелы в загадках и притчах // Пчеловодство. 2022. №3. С. 56-58.

References

1. Faustov A. A. "Once Again about Mandelstam's Bees: Towards the Prehistory of the Image on Russian Soil" // The Voronezh Period in the Life and Works of O.E. Mandelstam. Voronezh, 1991, pp. 44–47.
2. Naumtsev I. I. "The Bee Text in the Works of E. Blazhevsky" // Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2025, no. 3 (58), pp. 126–132.
3. Kovalev G.F., Zaki S.G. "Entomosemisms (Names of Insects) in Russian Literary Texts" // Humanitarian, Socio-Economic, and Social Sciences. 2015, no. 7, pp. 234–237.
4. Taranovsky K.F. Bees and Wasps in Mandelstam's Poetry: On the Influence of Vyacheslav Ivanov on Mandelstam // On Poetry and Poetics. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. pp. 1973–1995. 432 pp.
5. Evzlin M. Bees, Honey and Tragedy: I. Annensky and F. Sologub // Philological Notes. Bulletin of Literary Studies and Linguistics. 2014–2015. Issue 32. Part 1. Voronezh, 2015. pp. 96–151.
6. The World of Insects in the Space of Literature, Culture, and Language: A Collective Monograph / Ed. A. I. Smirnova. Moscow: Knigodel; Moscow State Pedagogical Univ., 2020. 400 pp.
7. Smirnova A. I., Raikova, I. N. Poetic Entomology: A Review of the Materials of the Collective Monograph "The World of Insects in the Space of Literature, Culture, and Language" (Moscow: Knigodel; Moscow State Pedagogical Univ., 2020. 400 p.) // Vestnik of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philology. Theory of Language. Language Education." 2020. No. 4 (40). Pp. 123-130.
8. Skuridina S. A., Ovsienko, D. L. The Image of the Bee in the Media Space // Linguocultural Universals in the World Space: Proceedings of the V International Scientific Con-

ference, Voronezh, April 17-19, 2024. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2024. Pp. 158-162.

9. Skuridina S. A., Ovsienko, D. L. Reflection of Folk Concepts of the Bee in Modern Ergonyms and Pragmatonyms // *Lingvocultural Universals in the World Space: Proceedings of the VII International Scientific Conference, Voronezh, April 15–17, 2026*. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026.

10. Mitrofanova V.V. *Russian Folk Riddles*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1978. 180 p.

11. Shklovsky V.B. *Art as a Device // Poetics*. Collection on the Theory of Poetic Language. Petrograd, 1919. P. 111.

12. Rybnikova M.A. *Riddles*. Moscow: JL, "Academia", 1932, pp. 24–25.

13. Kovshova M.L. *Lingvocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs, and Sayings*. Moscow: Lenand, 2019. 400 p.

14. Orlova O.S. "Linguistic and Cultural Clues in Riddles (Based on Russian Folk Riddles about Animals and Birds)" // *Art Logos (Word Art)*. 2023. No. 1. pp. 90–96. p. 91. DOI 10.35231/25419803_2023_1_90

15. Troynitsky S.N. "The Motto" of Empress Catherine the Great // *Old Years*. March 1915. pp. 35–37.

16. Gura A.V. "Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition." Moscow: Indrik Publishing House, 1997. 912 p.

17. *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes / edited by N. I. Tolstoy*. Moscow: International Relations, 2009, Vol. 4, pp. 366–369.

18. *Riddles of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables, and Problems. / Compiled by D. Sadovnikov*. Moscow: Sovremenny Pisatel, 1995. 400 pp. (Slavic World)

19. Dal V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes*. V. I. Dal. Moscow: Terra, 1995.

20. Vasmer M. *Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes*. St. Petersburg: Terra-Azbuka, 1996.

21. Toporov V. N. *From Observations on the Riddle // Research in the Field of Balto-Slavic Spiritual Culture. The Riddle as Text*. Moscow: Indrik, 1994. pp. 10–117.

22. Shashkov A. *Encyclopedia of Poetic Riddles*. Available at: <https://proza.ru/2012/02/13/1680?ysclid=mpkyky0bqd793562806> (Accessed on January 15, 2026).

23. Fomin S.L. *The Riddle Bee*. Available at: <https://stihi.ru/2012/04/25/3446?ysclid=mpkylynmza336673681> (Accessed on January 15, 2026).

24. Yemelyanova O. *Collection of Riddles in Verse*. URL: <https://www.olesya-emelyanova.ru/index-zagadki-kniga.html?ysclid=mpkyn4f9ap980753451> (accessed January 15, 2026).

25. Matsegor Yu. "The Bee." URL: <https://stihi.ru/2010/11/24/5030?ysclid=mpkynvmesv978098153> (accessed January 15, 2026).

26. Kasatkin Yu. "The Bee." Riddle for Kids. URL: <https://stihi.ru/2010/02/07/2950?ysclid=mpkyood7ew909977705> (accessed January 15, 2026).

27. Maznin I.A. "500 Tongue Twisters, Proverbs, and Sayings for Children." URL: <https://www.litres.ru/book/igor-maznin/500-skorogovorok-poslovic-pogovorok-dlya-detey-67795007/chitat-onlayn/> (accessed January 15, 2026).

28. Naumkin V.P. *Bees in Riddles and Parables // Beekeeping*. 2022. No. 3. pp. 56-58.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.015

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского заведующий кафедрой русского языка и литературы, докт. филол. наук, профессор

Попова Е.А.

Россия, г. Липецк,

e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского аспирант 2 года обучения кафедры русского языка и литературы,

Лабан М.Л.Ю.

Россия, г. Липецк,

e-mail: minalorise@yahoo.com

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

The department of Russian Language and Literature, head of the department, PhD, professor

Popova E.A.

Russia, Lipetsk,

e-mail: elenapopova2410@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

2st year Postgraduate student of the Department of Russian Language and Literature

Laban M.L.Yu.

Russia, Lipetsk,

e-mail: minalorise@yahoo.com

Е.А. Попова, М.Л.Ю. Лабан

РУССКАЯ АФРИКА, РУССКАЯ САХАРА, РУССКИЙ НИЛ... (АФРИКАНСКИЕ КОННОТАТИВНЫЕ ТОПОНИМЫ КАК ЧАСТЬ РУССКОГО КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА)

В настоящей работе рассматриваются коннотативные топонимы русского языка, восходящие к названиям крупных географических объектов Африканского континента (*Африка, Сахара, Нил, Карфаген, Килиманджаро, Суэцкий канал*). Эти топонимы составляют основную часть корпуса африканских коннотонимов русской лингвокультуры. Материалом для исследования послужили данные лингвистических словарей русского языка, Национального корпуса русского языка, фрагменты художественных, публицистических текстов, медиатекстов. В статье отмечается, что коннотативный топоним, как и любой другой коннотоним, не столько именуется объект, сколько выражает оценочное отношение к нему. Авторы приходят к выводу, что коннотативные топонимы, будучи языковыми средствами вторичной номинации, в отличие от реальных топонимов, обладают лексическим значением, в структуре которого велика роль оценочного компонента, это своего рода онимические метафоры. Эти топонимы вступают в парадигматические связи с другими словами, в том числе с коннотонимами, у них может развиваться полисемия. Африканские коннотативные топонимы употребляются в составе топонимических перифраз, именующих русские географические объекты, и устойчивых сравнений. Многие из рассматриваемых коннотативных топонимов стали прецедентными именами русской лингвокультуры. Их употребление базируется на исторически закрепившихся в сознании носителей русского языка ассоциациях и представлениях, связанных с восприятием того или иного географического объекта Африки.

Ключевые слова: Африка, топонимы, коннотативные имена собственные, коннотонимы, русская лингвокультура, прецедентные имена, топонимические перифразы.

Е.А. Popova, M.L.Yu. Laban

RUSSIAN AFRICA, RUSSIAN SAHARA, RUSSIAN NILE... (AFRICAN CONNOTATIVE TOPONYMS AS PART OF THE RUSSIAN CULTURAL AND LINGUISTIC SPACE)

This paper examines the connotative toponyms of the Russian language, dating back to the names of major geo-

graphical features of the African continent (Africa, Sahara, Nile, Carthage, Kilimanjaro, Suez Canal). These toponyms form the main part of the corpus of African connotonyms of Russian linguoculture. Russian linguistic dictionaries, the National Corpus of the Russian Language, fragments of literary, journalistic texts, and media texts served as the material for the study. The article notes that a connotative toponym, like any other connotonym, does not so much name an object as express an evaluative attitude towards it. The authors conclude that connotative toponyms, being linguistic means of secondary nomination, unlike real toponyms, have a lexical meaning in the structure of which the evaluative component plays a large role, they are a kind of onymic metaphors. These toponyms enter into paradigmatic relationships with other words, including connotonyms, and they may develop polysemy. African connotative toponyms are used as part of toponymic periphrases naming Russian geographical features and stable comparisons. Many of the connotative toponyms under consideration have become precedent names of Russian linguoculture. Their use is based on associations and ideas historically fixed in the minds of native speakers of the Russian language related to the perception of a geographical object in Africa.

Key words: Africa, toponyms, connotative proper names, connotonyms, Russian linguistic culture, precedent names, toponymic periphrases.

Коннотативные онимы (коннотонимы, коннотативные имена собственные) впервые были выделены и охарактеризованы Е.С. Отиным – основателем Донецкой ономастической школы. Исследователь определяет коннотоним как «всегда собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и др. онимы), в котором его денотативное значение существует с общеязыковыми или индивидуальными коннотациями» [1; с. 279]. Характеризуя коннотонимы, Е.С. Отин отмечает, что «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего нас мира, но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» [2; с. 11]. Е.С. Отин является автором уникального лексикографического труда – «Словаря коннотативных собственных имен» [2], в который включены более 500 онимов различных разрядов (антропонимы, топонимы, хрононимы, библионимы, артионимы, эргонимы и др.), функционирующих в русской речи XVIII–XX вв. и как обычные собственные имена, и как проприальные единицы, развившие дополнительные значения (коннотации). В словаре представлены следующие примеры антропонимов, причем как реальных людей, так и героев художественных произведений, кинофильмов, античных мифов, Библии (*Адам, Аполлон, Аракчеев, Арина Родионовна, Геракл, Гюльчатай, Дон-Кихот, Илья Муромец, Иуда, Иудушка, Кабаниха, Клеопатра, Колумб, Кулибин, Кутузов, Малюта Скуратов, Моцарт, Нерон, Пушкин, Цицерон, Шалютин* и др.); топонимов, в том числе мифотопонимов (*Азия, Аляска, Афины, Африка, Везувий, Венеция, Иерусалим, Итака, Камчатка, Китай, Клондайк, Сахара, Содом и Гоморра, Ташкент, Хиросима, Чухлома, Швейцария, Эдем* и др.); хрононимов (*Болдинская осень, восемнадцатое брюмера, Юрьев день*); библионимов («*Вишневый сад*», *Домострой, Илиада, Одиссея, «Тысяча и одна ночь», «Чайка*» и др.); артионимов («*Последний день Помпеи*»), эргонимов (*Запорожская Сечь, Магнитка*) и др. По подсчетам И.В. Крюковой и В.И. Супруна, из 513 словарных статей этого словаря 282 посвящены антропонимам, 101 – топонимам и 30 – онимам других разрядов (эргонимам, хрононимам и др.) [3; с. 252]. В словаре Е.С. Отина зафиксировано 4 африканских коннотонима: топонимы *Африка, Карфаген, Сахара*; антропоним *Клеопатра*.

Список русских коннотонимов, отраженных в словаре Е.С. Отина, не является закрытым. По образному выражению М.Э. Рут, автора рецензии на словарь Е.С. Отина, «перед нами не завершающий аккорд долгого труда, а лишь его начало – таков характер этого материала, и, пользуясь коннотонимами, можно утверждать, что автор стал Колумбом для материка по имени Коннотонимия и в роли такового сам вряд ли до конца представляет, как настоящему выглядит открытая им Америка, что отнюдь не снижает значимости предпринятого им деяния» [4; с. 180].

Для коннотативных собственных имен, занимающих «срединное положение между абсолютными («чистыми») онимами и апеллятивами», Е.С. Отин предложил термин «мезолексы» (от греч. 'промежуточный') [5; с. 56]. М.Э. Рут в рецензии на словарь Е.С. Отина по отношению к коннотонимам использует также термин «онимические метафоры», понимая под ними «факты промежуточного состояния имени собственного, когда оно еще продолжает быть самим собой и в то же время делает шаг в сторону апеллятива, т.е. становится своеобразной онимической метафорой, некоей двуплановой (как и положено метафоре) единицей, где одним планом является единичное, индивидуальное, а вторым – общее» [4; с. 179-180].

Большой вклад в изучение коннотонимов внесен И.В. Крюковой. Исследователь дает следующее определение коннотативному ониму: «имя собственное, в семантической структуре которого помимо предметно-логического содержания имеются эмоционально-оценочные и национально-культурные компоненты значения, отражающие отношение носителей языка или к имени как языковому знаку, или к субъекту / объекту номинации, получившему широкую известность в данном обществе и в данную эпоху» [6; с. 34-35]. И.В. Крюкова вместе с другими волгоградскими учеными является автором фундаментальных трудов, посвященных коннотативным именам собственным постсоветского периода, т.е. коннотонимам, которые «в постсоветский период (с начала 1990-х до наших дней) изменили или приобрели эмоционально-оценочные значения» [7; с. 43]. К числу этих трудов относятся, прежде всего, монография [8] и опыт словаря [9], который «авторами рассматривается как одна из возможных попыток продолжения исследования Е.С. Отина. В то же время этот словарь имеет несколько иные принципы отбора и организации материала» [3; с. 252]. Примеры коннотонимов постсоветского периода, ставших предметом рассмотрения И.В. Крюковой: *Сталин, Павлик Морозов, Рублевка, Чернобыль, Афганистан, Сирия, Донецк, Зеленский, Саакашвили, «Санта-Барбара», «Жигули»* и др.

Развивая теорию коннотонимов, И.В. Крюкова ставит вопрос о соотношении понятий «коннотативное имя» и «прецедентное имя», считая, что коннотативное имя более широкое понятие, чем прецедентное имя: «Не все имена с оценочной семантикой переходят в разряд прецедентных, широкой известности и наличия эмоционально-экспрессивных коннотаций для этого недостаточно. <...> Коннотативность онима представляется нам более широким понятием, наличие коннотаций у имени собственного может стать базой для развития прецедентности. Любое прецедентное имя коннотативно, но утверждать обратное нельзя» [10; с. 264]. В корпусе коннотативных онимов исследователь выделяет подкласс прецедентных имен, понимая под ними «массово употребляемые имена с устоявшимися социально-оценочными коннотациями, понятные в переносном употреблении представителям разных слоев общества и разных поколений» [7; с. 47]. Как отмечает И.В. Крюкова, «подлинное прецедентное имя должно обязательно соотноситься с четко фиксированным комплексом переносных значений, общепонятных носителям языка, и регулярно употребляться в составе именного сказуемого, сочетаться с определителями *наш, второй, местный, будущий* и под.» [10; с. 264].

Целью нашей статьи является анализ африканских топонимов, которые функционируют в русском языке как коннотативные и прецедентные. Общей чертой коннотативных имен собственных является их нереферентное употребление по отношению к другим объектам, которые обладают общими свойствами с исходным объектом. При этом коннотативный оним не столько именуется объект, сколько выражает оценочное отношение к нему. В корпусе африканских коннотонимов выделяются гипертопонимы – название континента (материка) – *Африка*; макротопонимы, т.е. наименования таких крупных географических объектов, как большие города – *Карфаген*, реки – *Нил*, пустыни – *Сахара*, горы – *Килиманджаро*; антропонимы (*Клеопатра, Нефертити, Тутанхамон*). Многие из них функционируют как прецедентные имена русской лингвокультуры, поскольку вступают в синтагматические связи или с определителями *русский, наш, свой, местный, второй* и под., или с русскими топонимами

(Россия, Воскресенский район и под.), имеющими форму родительного падежа, в составе генитивных сравнительных конструкций: *Х России и т.п.*, где *Х* – африканский коннотоним: *Суэцкий канал России, Килиманджаро Воскресенского района*. Главное слово в такой конструкции представляет собой африканский коннотоним (например, *Суэцкий канал, Килиманджаро*), зависимое – топоним, в том числе макротопоним, именующий тот или иной объект русской действительности (например, *России, Воскресенского района*). Исследователи считают генитивные сравнительные конструкции гибридным типом сравнения, переходным между сравнением и метафорой [11; с. 124].

Рассмотрим подробнее африканские коннотативные топонимы, функционирующие в русском культурно-языковом пространстве. Материалом для исследования послужили данные лингвистических словарей русского языка, Национального корпуса русского языка, художественные, публицистические тексты, медиатексты. Так, гипертопоним *Африка* и в общенародном языке, и в арго обозначает, прежде всего, жаркое место, жару. Согласно словарю Е.С. Отина, макротопоним *Африка* может употребляться в двух значениях: 1) «жара, зной», 2) «ад, пекло; место невыносимых мук, страданий, физических и душевных мук» [2; с. 71]. В «Словаре русского арго» В.С. Елистратова зафиксировано следующее значение слова *Африка*: «жаркое место, жара; зной, духота» [12; с. 220]. В качестве примера к этому значению, которое совпадает с 1-м значением из словаря Е.С. Отина, см. название статьи Натальи Андреевой, посвященной жару в Москве и Московской области в августе 2022 г.: «*Зачем нам в Египет, когда у нас самих здесь Африка: жару посвящается*» [13].

По отношению к жаркому месту в русском языке может использоваться восклицание *Чем не Африка!*: «*Иногда до температуры сорок градусов. Чем не Африка! И что особенно странно и удивительно – в тайге исчезает вода*» (Д.И. Саврасов. Про искателей алмазов (2003-2008)) [14].

То, что в сознании носителей русского языка Африка ассоциируется, прежде всего, с жарой, подтверждает и «Русский ассоциативный словарь», в котором слово *жара* – самая частотная реакция на топоним *Африка* [15; с. 41]. В числе реакций к этому слову также представлены другие слова с корнем *жар-*: *жарко, жаркая* [15; с. 41].

Антонимами к слову *Африка* в значении «жара, жаркое место» являются выражения *не в Африке (живем), (тут, здесь) не Африка*, имеющие значение «холод, холодно»: «*Носи / что климатом положено. Не в Африке живём*» (Юрий Кара, Борис Васильев. Завтра была война, к/ф (1987)) [14]; «*До 25 миллионов жителей нашей страны и сегодня проживают в плохо отапливаемых помещениях. А у нас тут не Африка*» (Лицом к народу (депутат Госдумы Николай Коломейцев отвечает на вопросы нашего корреспондента) (2003) // «Завтра», 26.03.2003) [14].

Антонимом к коннотативному топониму *Африка* можно считать коннотативный топоним *Антарктида*, представленный в качестве одной из реакций на стимул *Африка* в «Русском ассоциативном словаре» [15; с. 41]. Вместе стимул и реакция образуют антонимическую пару, в которой противопоставлены жара и холод, жаркое и холодное место.

Коннотоним *Африка* часто используется в устойчивых сравнениях: *жарко (жара) как в Африке, темно как в Африке* и под.: «*Щас свечи задует / будет темно как в Африке!*» (Павел Лунгин, Юрий Арабов, Мариэтта Захарян, Гиви Шавгулидзе, Николай Гоголь. Дело о «Мертвых душах» / к/ф (2005)) [14]; «*Но жарко здесь так же как в Африке, и уже появились ночные гости – комары*» (Н.Ф. Ладугин. Дневник (1962)) [14];

«– <...> Это лето, например, было адски жарко.

– Матап, а что это: адски жарко?.. Как в Африке?

– Нет, это значит, как в аду, – усмехнулась Полунина и посмотрела на Месяца вбок» (С.Н. Сергеев-Ценский. Лерик) [16; с. 250].

Выражение *жарко (жара) как в Африке* зафиксировано в «Большом словаре русских народных сравнений» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной в значении «*Неодобр. О невыноси-*

мой жаре, изнуряющем зное» [17; с. 24]. Согласно данным этого словаря, сходное значение имеют устойчивые сравнения *жарко* (*жара, тепло, натоплено*) как в бане [17; с. 54], *жарко* (*жара, зной, знойно*) как в пустыне [17; с. 552], *жарко* (*жара*) как в Сахаре [17; с. 594], *жарко* как в парилке [17; с. 484], *жарко* как в печке [17; с. 499]. Примечательно, что в составе сравнений, связанных с жарой, есть еще один африканский коннотативный топоним – *Сахара* (его анализ см. ниже).

Возникновение сравнения *темно как Африке* объясняется черным цветом кожи большинства коренного населения Африки, относящегося к негроидной расе. Перифраза *Ч(ч)рный континент* является синонимом к слову *Африка*; слова *негры, негр* – самые частотные реакции на стимул *Африка* [15; с. 41]. В числе менее частотных реакций к этому слову также есть слова *черная, черные* [15; с. 41]. Топоним *Африка* – одна из реакций на стимул *чернота* [15; с. 722]. В стихотворной сказке К.И. Чуковского «Айболит» (1929) использовано словосочетание *черная Лимпопо*: «*А в Африке, / А в Африке, / На чёрной Лимпопо, / Сидит и плачет / В Африке / Печальный Гиппопó*» (К.И. Чуковский. Айболит) [18; с. 45].

В русском языковом сознании Африка связана не только с жарой, но и с опасностью и воспринимается как опасное место, что отражено в прецедентном высказывании *Не ходите, дети, в Африку гулять*, являющемся цитатой из стихотворения-сказки К.И. Чуковского «Бармалей» (1925) [18; с. 50]. Это высказывание употребляется в значении «Предупреждение об опасности (особенно часто, если речь идет об Африке)» [19; с. 305]. В лингвострановедческом словаре «Россия» отмечается, что данное крылатое выражение используется для предупреждения о любой опасности [20; с. 9]. Это прецедентное высказывание часто употребляется в современных художественных, публицистических текстах, интернет-текстах: «*Беата возглавляла какую-то благотворительную организацию в центральной Африке, чем-то заразилась и умерла. <...> Не ходите, дети, в Африку гулять... Одна радость, что умерла здесь, ее еще успели доставить на родину, хотя к тому моменту она уже никого не узнавала*» (Е.Г. Водолазкин. Брисбен) [21; с. 368]; «*Для идиотов возвышенного невыносим уход предмета любви в эту даль. <...> Отсюда перед ним возникает задача – не отпускать детей слишком далеко, не дай бог, они могут заблудиться (“не ходите, дети, в Африку гулять”)*» (М. Мамардашвили. Идиоты возвышенного) [22].

Коннотоним *Африка* в русском языке может употребляться не только как нарицательное, но и как собственное существительное. Например, в романе А. Проханова «Господин Гексоген» (2001) по отношению к России периода перестройки и русской жизни этого времени используется выражение *русская Африка*: «– <...> Ты африканист, любимый ученик Суахили, а сегодняшняя русская жизнь напоминает Африку. “Русская Африка” – так говорил Суахили» (А. Проханов «Господин Гексоген») [23]. Здесь словосочетание *русская Африка* приобретает следующие значения: 1) «Россия 1990-х гг., характеризующаяся политической нестабильностью, развалом экономики, низким уровнем жизни населения (*неодобр.*)»; 2) «политическая нестабильность, крушение государственных устоев, крах СССР, развал экономики, низкий уровень жизни населения, что было характерно для России 1990-х гг. (*неодобр.*)». Появление таких значений у коннотонима объясняется тем, что в русском языковом сознании Африка предстает как континент, страны которого на протяжении длительного времени переживали процесс колонизации, гражданские и другие войны, военные конфликты, государственные перевороты, геноцид и другие проявления политической нестабильности, что влекло за собой отсутствие экономической стабильности, низкий уровень жизни, голод, высокую смертность и т.п. Сказанное находит отражение в ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка: в «Русском ассоциативном словаре» слово *бедна* – одна из реакций на стимул *Африка* [15; с. 41]; топоним *Африка* и предложно-падежная форма *в Африке* – реакции на слово *бедствовать* [15; с. 48]; *Африка* – одна из реакций на слово *голод* [15; с. 138]. В качестве примера к указанным значениям коннотонима *Африка*

см. также использованное в одном из российских СМИ сравнение России с Камеруном и Руандой по уровню смертности:

«Их с интересом ждут демографы, так как эти данные позволят с большей точностью подтвердить уже сделанные прогнозы демографического развития страны на период до 2050 года. Мрем, как в Камеруне. Как следует из уже известных данных переписи, одна из главных демографических особенностей России – высокая смертность.

По этому показателю Россия занимает 22-е место в мире от начала списка из 192 стран и находится рядом с Руандой и Камеруном» (Алексей Корецкий, Анна Говорова. На краю демографического обрыва // «Детали мира», 2011) [14].

Олицетворением жары в русской лингвокультуре является не только гипертоним *Африка*, но и макротоним *Сахара* – крупнейшая жаркая пустыня на Земле, самая известная пустыня в мире, расположенная в северной части Африки и занимающая почти треть континента. У коннотонима *Сахара* Е.С. Отин выделяет два значения: 1) «жара», 2) «засуха» [2; с. 329-330]. Примеры употребления: 1) «жара»: *«Солнце было близко к своему ночлегу, но жар и духота давали еще себя чувствовать... Накаленный воздух был неподвижен и сух, несмотря на то что дорога моя лежала по берегу громаднейшего озера... Справа видел я водную массу, слева ласкала мой взгляд молодая, весенняя листва дубового леса, а между тем мои щеки переживали Сахару»* (А.П. Чехов. Драма на охоте) [24; с. 365]; 2) «засуха»: *«“Сахара” на “Амуре” – название заметки в газете “Труд” (2000 г., 18 июля), в которой рассказывается о длительной засухе в Амурской области»* [2; с. 330].

Коннотоним *Сахара* в сочетании с определителями *русская, вторая, своя, Донская* и др. используется по отношению к географическим объектам, чаще всего песчаным массивам, расположенным в России. Так, словосочетание *русская Сахара* используется в названии вышедшего в 20-е годы XX в. труда биолога и химика Б.Е. Жадовского (1893–1944), посвященного русским песчаным пустыням, – *«Русская Сахара: Очерк русских песчаных пустынь»* [25].

В медиатекстах *русской Сахарой* называют самый крупный песчаный массив в долине Дона – Арчединско-Донские пески, расположенные в Волгоградской области: *«Так родилась идея поездки в “русскую Сахару”, одну из самых северных пустынь России – Арчединско-Донские пески»* [26]. Этот песчаный массив также именуется с помощью словосочетаний *своя Сахара, Донская Сахара*: *«Сегодня мы отправляемся в настоящее путешествие по самой северной пустыне на Земле! Да-да, в России тоже есть своя Сахара – Арчединско-Донские пески в Волгоградской области!»* [27]; *«Арчединско-Донские пески. Донская “Сахара”»* (заголовок) [28].

Словосочетанием *Донская Сахара* также называют урочище Дюнны всхолмления в Воронежской области. Это метафорическое название по отношению к данному урочищу впервые использовал уроженец этих мест – В.М. Песков (1930–2013), известный писатель, журналист, фотограф, путешественник, натуралист, ведущий телевизионной программы «В мире животных» (1975–1990). В очерке с таким же названием от писал: *«В 1959 году я ехал вдоль Дона с московской комиссией, принимавшей лесную полосу Воронеж – Ростов. Это было неспешное автомобильное путешествие с ночевками в лесничествах, с переправами через Дон. Так доехали мы до станции Вешенская. Шолохов, живший тут и наверняка утомленный большим числом любопытствующих визитеров, вдруг сам пригласил комиссию в гости, и я был свидетелем серьезной его озабоченности опустыниванием берегов Дона, появлением летучих песков. Он просил лесных специалистов обратить на это внимание. Разумеется, это писателю обещали.*

И вот спустя сорок два года я снова в этих местах.

– Ну как “донская Сахара”?

– Покажем! Есть на что посмотреть, – обещали мои друзья из районной газеты в донской Петропавловке» (В.М. Песков. Донская Сахара (Окно в природу)) [29].

В.М. Песков в очерке также использует коннотоним «Сахара», заключая его в кавычки, подчеркивающие образность данного наименования: *«Ребята возились внизу “Сахары” – ловили в подарок мне каких-то резвых, как тараканы, жуков, а мы с Григорием Ивановичем, усевшись на самом высоком месте, беседовали»* (Там же) [29].

В текстах, написанных в последующие годы, по отношению к этому урочищу в Воронежской области используется название *Донская Сахара* со ссылкой на В.М. Пескова: *«Воронежская область, Петропавловский район, урочище Дюнны всхолмления. Другие названия: Донская Сахара и Петропавловская пустыня. Удивительный фрагмент песчаной пустыни с настоящими высокими дюнами в Воронежской области. <...> Яркое название Донская Сахара дал урочищу Василий Михайлович Песков – известный фотограф, журналист, путешественник, ведущий телевизионной программы “В мире животных”. <...> Название Донская Сахара прижилось и используется наравне с официальным географическим – Дюнны всхолмления. <...> Летом на ярком солнце пески Донской Сахары кажутся золотыми. Незабываемое зрелище!»* (Ширяевы Игорь и Лариса. Дюнны всхолмления, или Донская Сахара) [30].

Однако коннотоним *Сахара* в русском языке используется для обозначения не только жары, жаркого места или песчаного массива, но и пустынного места, лишённого по вине человека растений и животных, как, например, в небольшой заметке современного писателя Алексея Талызина под названием «Вторая Сахара?!» (2021): *«Богатство можно быстро промотать. Например, таежные леса Сибири и Дальнего Востока. Огромные территории уже пустыют. Леса спилены в целях быстрой наживы. Остатки горят в пожарах. Площади огромные и незаселенные теперь лишаются навсегда флоры и фауны присущие им издавна. Ломать – не строить! Пилить – не сажать! Чем эти земли отличаются от Сахары? Да, ничем! Если на них нет животных, растений, насекомых и прочих обитателей, подчас эндемичных. Тысячи и сотни тысяч видов живых организмов были уничтожены человеком бездумно и о них так никто и не узнал»* (Талызин А. «Вторая Сахара?!») [31]. Используя в заглавии как сильной позиции текста топоним *Сахара*, хорошо известный всем носителям русского языка, вместе с определением *второй*, а также одновременно вопросительный и восклицательный знаки, автор стремится привлечь внимание читателей к серьезным экологическим проблемам современности.

Самой известной африканской рекой, а также одной из крупнейших рек мира является Нил. Подробнее о гидрониме *Нил* как прецедентном феномене русской лингвокультуры, метонимическом обозначении как Египта, так и Африки в целом см. в нашей статье [32]. Как отмечает В.А. Никонов, *Нил* – одно из древнейших существующих географических названий [33; с. 293]. Этот гидроним входит в состав топонимической перифразы *русский Нил*, именующей важные водные объекты, находящиеся за пределами Египта – в России. Например, русский философ и публицист В.В. Розанов использовал перифразу *русский Нил* по отношению к главной русской реке Волге. В.В. Розанов в 1907 г., путешествуя с семьей по Волге, создал цикл путевых очерков, посвященных великой русской реке и названных «Русский Нил». Девять статей «Русского Нила» были напечатаны в газете «Русское Слово» в том же году. Первая статья начинается словами, объясняющими название цикла: *«“Русским Нилом” мне хочется назвать нашу Волгу. Что такое Нил – не в географическом и физическом своём значении, а в том другом и более глубоком, какое ему придал живший по берегам его человек? “Великая, священная река”, подобно тому, как мы говорим “святая Русь” в применении тоже к физическому очерку страны и народа. Нил, однако, звался “священным” не за одни священные предания, связанные с ним и приуроченные к городам, расположенным на нем, а за это огромное тело своих вод, периодически выступавших из берегов и оплодотворявших всю страну. Но и Волга наша издревле получила прозвание “кормилицы”. “Кормилица-Волга”... Кроме этого названия, она носит другое и еще более священное – матери: “матушка-Волга”...»* (В.В. Розанов. Русский Нил) [34; с. 275].

Коннотоним *Нил* Розанов употребляет в значении «большая, главная национальная река, река-кормилица».

Топонимическая перифраза *русский Нил* по отношению к Волге используется и в современной публицистике, в том числе в заголовках, относящихся к сильным позициям текста, как, например, в статье «Вверх по русскому Нилу», опубликованной в журнале «Вокруг света» и представляющей собой рассказ двух пассажиров теплохода «Нижний Новгород» о путешествии по «нашей главной национальной реке» Волге: «Достаточно легкого шлепка веслом по речной глади – и ваше отражение, только-только обретшее на ней свои контуры, разбивается, и тут же вода начинает “колдовать” над новым. Так и **русский Нил**, струящийся от Среднерусской возвышенности до калмыцких степей, сохраняя свои “твердокаменные” характеристики, обзаводится переменными, “импрессионистическими”» (А. Анастасьев «Вверх по русскому Нилу») [35].

Среди всех названий африканских городов в русской лингвокультуре в качестве коннотонима и прецедентного феномена употребляется ойконим *Карфаген*, который также может быть отнесен к хоронимам, – рабовладельческий город-государство в Северной Африке (территория современного Туниса). Основан в 825 г. до н. э. финикийцами. Вел многочисленные войны, содержал большую сухопутную армию и флот. В 7–3 вв. до н. э. завоевал Северную Африку, часть Испании, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию. После поражения в Пунических войнах (3–2 вв. до н. э.) был разрушен римлянами (146 до н. э.), большая часть территории вошла в римскую провинцию Африка [36; с. 321]. В русской лингвокультуре широко известно крылатое выражение, связанное с античной историей, – *Карфаген должен быть разрушен* – «фраза, которой, по свидетельству Плутарха (“Жизнь Катона Старшего”), каждый раз заканчивал свою речь в сенате Катон Старший, римский полководец и государственный деятель, непримиримый враг Карфагена» [37; с. 321]. В русском языке это прецедентное высказывание употребляется в значении «Враг должен быть полностью уничтожен; препятствие необходимо преодолеть любой ценой (призыв к соответствующим действиям)» [37; с. 321]. Согласно данным «Русского ассоциативного словаря», *Карфаген* – одна из реакций на стимул *разрушен* [15; с. 543]. Вместе стимул и реакция образуют часть прецедентного высказывания.

Е.С. Отин в «Словаре коннотативных собственных имен» приводит два значения коннотонима *Карфаген*: 1) «Объект постоянных нападков, осуждения, борьбы»; 2) «Твердыня, устои чего-то; нечто устоявшееся, окоченевшее» [2; с. 210-211]. В Национальном корпусе русского языка, медиапространстве можно найти много примеров употребления данного коннотонима в указанных значениях. Первое значение («Объект постоянных нападков, осуждения, борьбы») иллюстрируют следующие примеры: «*Этих без пороку палящих Цезарей, этих Катонов, клянущихся гибелью новому Карфагену – литературе, развелось ныне даже более, нежели указывает потребность самая прихотливая*» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Литературное положение (1868)) [14]; «*Я не помню, чем досадил Есенину Стеклов, но на каждом этапе у Сережи бывал постоянный литературный враг, такой Карфаген, который Есенин штурмовал при каждом выступлении*» (В.Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934-1936)) [14]; «*Комсомольские вожди тех лет, и особенно “румяный вождь”, как назвал его дерзкий тогда Евтушенко, Сергей Павлов, уподобились твердокаменному римскому сенатору Катону, который, как известно, заканчивал любую свою речь требованием “а Карфаген должен быть разрушен”. Для них Карфагеном был журнал “Юность”. В любой аудитории, будь то матросы сельдяного флота или металлурги Магнитки, Павлов требовал расправы со “звездными мальчиками” – хм, “звездные мальчики для битья”, трудно удержаться от такого каламбура – и разрушения Карфагена, сиречь подчинения журнала “Юность” комсомолу*» (Василий Аксенов. «Юность» бальзаковского возраста (1985) // «Октябрь», 2013) [14]; «*Америка для нас была подобна Карфагену или Трое*» (Сергей Довлатов. Зона (Записки надзирателя) (1965-1982)) [14].

Людмила Егорова в стихотворении «Карфаген» (2025) использует этот коннотоним по отношению к России, которая должна устоять в борьбе с коллективным Западом и победить его:

Наш Карфаген хотят **разрушить**,

Он слишком царственен для них,

Забрать все недра и уютить

Всё остальное. Мир затих,

Борьба титанов неизбежна,

Маячит мирный договор,

Кто победит, а кто небрежно

Подпишет хартии позор.

Делёж идёт, кто перетянет

Судьбы свисающий канат,

И каждый ждёт, и каждый манит

Викторию в свой старый сад.

О ваша хитрость, наша мудрость –

Игра умов. Без козырей,

А визави наш хитрый шулер?

Зелёный стол в крови людей! (Егорова Л. Карфаген) [38].

Второе значение («Твердыня, устои чего-то; нечто устоявшееся, окоченевшее») иллюстрируют такие примеры: «Его герой выздоравливает, умирает, выздоравливает, но не этим заняты мысли несчастного: главное, чтобы **советский Карфаген** был **разрушен**» (Валерий Сердюченко. Солженицын: непреклонный пророк (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 21.12.2003) [14]; «В таком-то веке затеяли революцию делать! [...] **Карфаген царизма разрушили**, а коммунистический **Марий** посвистывает да подбочивается на **развалинах Карфагена**, верно, нет. Развалин много, куда их девать – не знаем» (С.С. Дмитриев. Из дневников (1991) // Из дневников историка С.С. Дмитриева // Отечественная история. 1999. №№3-6, 2000. №1-3, 2001. №1, 1999-2001) [14].

Как показывают примеры, коннотативный топоним *Карфаген* чаще всего употребляется в одном контексте со словами *разрушить*, *разрушен*, *разрушение*, *гибель*, *штурмовать* и под., что является отсылкой к прецедентному высказыванию *Карфаген должен быть разрушен*. В ряде примеров приводится это высказывание и/или упоминается его автор Катон. Использование этого имени во множественном числе (*Катоны*) в отрывке из произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, свидетельствует о переходе этого имени собственного в нарицательное. В последнем примере наблюдается обыгрывание еще одного прецедентного высказывания, имеющего отношение к Карфагену и восходящего к античной истории, – *Марий на развалинах Карфагена*.

Коннотоним *Карфаген* может употребляться еще в одном значении – «руины, развалины» (это значение в словаре Е.С. Отина не зафиксировано): «*Мой сад лежит в стороне от этой площади, и я не знаю, что можно построить на месте **Карфагена** – дома в стиле барокко с каменной челюстью*» (Ирина Полянская. Площадь (1996)) [14]; «*На развалинах **книжного Карфагена** копошится запыленный сосредоточенный Гаврила*» (Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014) [14].

Коннотоним *Карфаген* употребляется также в сравнении, выраженном формой творительного падежа (творительный сравнения): «*Там было и о казачьем командаре Миронове, и о комиссаре Брацлавском, который “**карфагеном**” шел по донским станицам*» (Дан Дорфман. Провинциалы, вперёд! (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 26.10.2003) [14]; «*Возмездие за убийство коммунистов... Стальной отряд **идет Карфагеном** по Старосельской. Мне кажется, и Бычин ошарашен таким свирепым усердием...*» (Игорь Сухих. Пытка памятью // «Звезда», 2002) [14]. Сравнение *идти К(к)арфагеном* является устойчивым и име-

ет значение «идти, разрушая, уничтожая всё на своем пути» (это значение пока в словарях не зафиксировано).

Как показывают примеры, коннотоним *Карфаген* часто употребляется с определениями (*новый, советский, царизма, наш, книжный* и др.).

В качестве коннотативного топонима употребляется и ороним *Килиманджаро* – высочайшая гора в Африке и одна из самых высоких в мире. В словаре Е.С. Отина коннотоним *Килиманджаро* отсутствует, но, как показывают примеры, он употребляется в тех же значениях, что и другие названия высочайших вершин земного шара, таких как *Эверест (Джомолунгма), Эльбрус, Казбек, Монблан*, а также *Гималаи* (название высочайшей горной системы на планете), – «большое количество, скопление чего-либо; нечто огромное» [2; с. 261]. В качестве примера см. заголовок статьи в Интернете «*Килиманджаро Воскресенского района*» [39], в которой рассказывается о горе из фосфогипса – балластного вещества, остающегося после производства фосфорных удобрений (эта рукотворная гора расположена в Воскресенском районе Московской области). В статье есть обыгрывание названия рассказа Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро» (1936): «Гора, которую не успел воспеть Хемингуэй. <...> Хемингуэй воспевал снега Килиманджаро. Бедняга! Он просто не видел Воскресенскую Белую гору. Подумаешь, Килиманджаро! Ну сотворил её Господь Бог в среду. Попробовал бы он без выходных всю неделю фосфогипс возить!» [39].

Коннотоним *Килиманджаро* может употребляться в сравнительной конструкции, выраженной творительным сравнения: «Вопрос – “кому?” в данном случае не слишком важен – структуры, в принципе способные выделять подобные деньги “на политику”, ограничиваются на российских просторах не слишком длинным рядом “олигархов” плюс собственно властные структуры, среди которых *эльбрусом* (или *эверестом*, или *килиманджаро* – кому как нравится) выделяется администрация президента» (Олег Щукин. Раёк от Райкова // «Завтра», 2003.07.25) [14].

В этом примере коннотоним *Килиманджаро*, написанный со строчной буквы, употребляется в одном ряду с подобными коннотонимами (*Эльбрус, Эверест*). Обращает на себя внимание их написание со строчной буквы, что свидетельствует об их переходе из имен собственных в нарицательные. Коннотонимы *Эльбрус, Казбек, Монблан, Килиманджаро* являются коннотативными синонимами.

К числу африканских коннотативных топонимов, представляющих собой гидронимы, кроме *Нил*, следует отнести *Суэцкий канал* – судоходный канал в Египте, соединяющий Средиземное море с Красным. «*Суэцкий канал России*» – такое название своей статье дал Вячеслав Засыпкин [40]. В статье рассказывается об Обь-Енисейском канале – гидротехническом сооружении, равном по длине Суэцкому каналу. Строительство этого канала в 1883–1888 гг. представляло собой грандиозный по масштабам замысел соединения судоходным каналом крупнейших сибирских рек Обь и Енисей. Но, к сожалению, канал эксплуатировался всего 17 лет (с введением в эксплуатацию Транссибирской магистрали Обь-Енисейский путь стал никому не нужным), а в настоящее время медленно разрушается. Значение коннотонима *Суэцкий канал* – «крупное гидротехническое сооружение (канал), соединяющее крупные водные объекты».

Таким образом, рассмотренные в статье африканские коннотативные топонимы, восходящие к названиям крупных географических объектов Африканского континента, стали своего рода символами в русской лингвокультуре. «Факт их употребления в живой речи зачастую обусловлен устоявшимся у носителя русского менталитета исторически и традиционно закрепившимися в языке ассоциациями, представлениями и символикой» [41; с. 56]. Наиболее широкое распространение в русском языке получили коннотонимы *Африка* и *Сахара*, далее в порядке убывания частотности следуют коннотонимы *Карфаген, Нил, Килиманджаро, Суэцкий канал*. У этих коннотативных топонимов в отличие от соответствующих топонимов, употребляющихся в качестве языковых средств первичной номинации, имеется лек-

сическое значение, в структуре которого велика роль оценочного компонента. У коннотативных топонимов может развиваться полисемия, что мы наблюдали на примере слов *Африка*, *Сахара*, *Карфаген*. Они употребляются в составе устойчивых сравнений (*жарко (жара) как в Африке*, *жарко (жара) как в Сахаре*, *идти К(к)арфагеном* и др.), вступают в парадигматические связи с другими словами, в том числе с коннотонимами, образуя ряды синонимов (*жара*, *Африка*, *Сахара*; *Гималаи*, *Эверест (Джомолунгма)*, *Эльбрус*, *Казбек*, *Монблан*, *Килиманджаро* и др.) и антонимов (*Африка – не в Африке (живем)*; *Африка – (тут, здесь) не Африка*; *Африка – Антарктида* и др.). Африканские коннотативные топонимы используются в составе топонимических перифраз, именующих русские географические объекты, – *русская Сахара*, *Донская Сахара*, *русский Нил*, *Суэцкий канал России* и др. Употребление этих коннотонимов в составе адъективных и генитивных конструкций, в рамках которых они вступают в синтагматические связи со словами *русский*, *наш*, *свой*, *второй*, *местный*, *России* и под., их распространенность в русской лингвокультуре, наличие устоявшихся значений, понятных всем носителям языка, свидетельствуют об их переходе в состав прецедентных имен.

Библиографический список

1. Отин Е.С. Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. 470 с.
2. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.-Донецк: ООО «А Темп», 2006. 440 с.
3. Крюкова И.В., Супрун В.И. Пути развития славянской ономастической лексикографии: аналитический обзор // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. №3. С. 238–269.
4. Рут М.Э. Рец. на: Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 179–182.
5. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. №2. С. 55–72.
6. Крюкова И.В. К трактовке понятия «коннотативный оним» // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей [по материалам III междунар. науч. конф.]. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. С. 32–37.
7. Крюкова И.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: методика коммуникативного описания // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. 2021. №2. С. 43–53. Doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-43-53
8. Крюкова И.В., Врублевская О.В., Кирпичева О.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки: монография. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, «Перемена», 2020. 199 с.
9. Крюкова И.В., Врублевская О.В., Кирпичева О.В. Коннотативные имена собственные постсоветского периода: опыт лексикографического описания: словарь. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, «Перемена», 2021. 225 с.
10. Крюкова И.В. Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 261–266.
11. Крылова М.Н. Генитивные сравнительные конструкции в современном русском языке // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. №8. С. 124–131.
12. Елистратов В.С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Ок. 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
13. Андреева Н. Зачем нам в Египет, когда у нас самих здесь Африка: жаре посвящается. URL: <https://dzen.ru/a/YwS0S3bUpBg6VOIn> (дата обращения: 10.02.2026).

14. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 06.02.2026).
15. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
16. Сергеев-Ценский С.Н. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 2. М.: Правда, 1967. 463 с.
17. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.
18. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2013. 598 с.
19. Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М.: Издательство «Словари XXI века», 2019. 624 с.
20. Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 736 с.
21. Водолазкин Е.Г. Брисбен: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 410 с.
22. Мамардашвили М. Идиоты возвышенного // Независимая газета. 15.09.2000. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-09-15/8_idiots.html (дата обращения: 27.02.2026).
23. Проханов А. Господин Гексоген. URL: <https://books.yandex.ru/books/UYRCifcm/read-online> (дата обращения: 06.02.2026).
24. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1960. 591 с.
25. Жадовский Б.Е. Русская Сахара: Очерк русских песчаных пустынь. М.: Гос. изд-во, 1922. 72 с.
26. Русская Сахара. URL: <https://an-2.livejournal.com/54259.html?es=1> (дата обращения: 07.02.2026).
27. Арчединско-Донские пески – русская пустыня в сердце Волгоградской области! URL: <https://rutube.ru/video/024b408894f4e5bfc33себаее31a04c/> (дата обращения: 13.02.2026).
28. Арчединско-Донские пески. Донская «Сахара». URL: <https://www.drive2.ru/c/2108950/> (дата обращения: 10.02.2026).
29. Песков В.М. Донская Сахара (Окно в природу) // Песков В.М. Полное собрание сочинений. Т. 21. М.: Комсомольская правда, 2014. URL: <https://fb2.top/tom-21-mir-na-ladoni-421970/read/part-5#42> (дата обращения: 07.02.2026).
30. Ширяевы Игорь и Лариса. Дюнные всхолмления, или Донская Сахара // Интернет-СМИ «Интересный мир». 01.06.2022. URL: <https://www.interesmir.ru/djunnye-vsholmneniya-ili-donskaya-sahara/> (дата обращения: 07.02.2026).
31. Талызин А. Вторая Сахара?! // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2021/07/21/1034> (дата обращения: 10.02.2026).
32. Лабан М.Л.Ю., Попова Е.А. Прецедентный гидроним «Нил» в русской лингвокультуре // Международный студенческий форум «Наука без границ», посвященный 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (Воронеж, 15-16 мая 2025 г.). Материалы и доклады. Воронеж, 2025. С. 20–25.
33. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 512 с.
34. Розанов В.В. Русский Нил // Розанов В.В. Полное собрание сочинений в 35 т. Серия «Литература и искусство» в 7 т. Т. 7. СПб.: Росток, 2017. С. 275–323.
35. Анастасьев А. Вверх по русскому Нилу // Вокруг света. 2005. №8. URL: <https://web.archive.org/web/20160401193848/http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1092/> (дата обращения: 10.02.2026).
36. Военный энциклопедический словарь / Гл. ред. комиссии: Н.В. Огарков (пред.) и др. М.: Воениздат, 1983. 863 с.

37. Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь...» 1500 крылатых выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба. М.: Флинта: Наука, 2011. 848 с.
38. Егорова Л. Карфаген // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2025/03/23/4110> (дата обращения: 10.02.2026).
39. Килиманджаро Воскресенского района. 13.02.2020. URL: https://dzen.ru/a/XkKAhkfN-SwI_nUa (дата обращения: 08.02.2026).
40. Засыпкин В. Суэцкий канал России // Новости Красноярского края. 10.10.2019. URL: <https://gnkk.ru/articles/suyeskiy-kanal-rossii/2019> (дата обращения: 08.02.2026).
41. Савченко А.В., Хмелевский М.С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении // Мир русского слова. 2020. №4. С. 56-65.

References

1. Otin E.S. Selected works. Donetsk: Donechchina, 1997. 470 p.
2. Otin E.S. Dictionary of connotative proper names. Moscow-Donetsk: Limited liability company "A Temp", 2006. 440 p.
3. Kryukova I.V., Suprun V.I. Ways of development of Slavic onomastic lexicography: an analytical review // Questions of onomastics. 2021. Vol. 18. No. 3. Pp. 238-269.
4. Ruth M.E. Review on: Otin E.S. Dictionary of connotative proper names // Questions of onomastics. 2005. No. 2. Pp. 179-182.
5. Otin E.S. Connotative onyms and their derivatives in the historical and etymological dictionary of the Russian language // Questions of linguistics. 2003. No. 2. Pp. 55-72.
6. Kryukova I.V. On the interpretation of the concept of "connotative onym" // Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles [based on the materials of the III International Scientific Conference]. Vitebsk: Masherov Moscow State University, 2022. Pp. 32-37.
7. Kryukova I.V. Connotative proper names of the post-Soviet period: a method of communicative description // Bulletin of the Adygea State University. Philology and Art Criticism series. 2021. No. 2. Pp. 43-53. Doi: 10.53598 / 2410-3489-2021-2-277-43-53
8. Kryukova I.V., Vrublevskaya O.V., Kirpicheva O.V. Connotative proper names of the post-Soviet period as a tool of social assessment: monograph. Volgograd: Volgograd State Socio-Pedagogical University, "Change", 2020. 199 p.
9. Kryukova I.V., Vrublevskaya O.V., Kirpicheva O.V. Connotative proper names of the post-Soviet period: the experience of lexicographic description: dictionary. Volgograd: Volgograd State Socio-Pedagogical University, "Change", 2021. 225 p.
10. Kryukova I.V. Axiological connotation of a proper name: a dynamic aspect // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2019. Vol. 12. Issue 10. Pp. 261-266.
11. Krylova M.N. Genitive comparative constructions in modern Russian // Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies. 2014. No. 8. Pp. 124-131.
12. Elistratov V.S. Dictionary of Russian Argot: Materials from 1980-1990: Approx. 9000 words, 3000 idiomatic expressions. Moscow: Russian Dictionaries, 2000. 694 p.
13. Andreeva N. Why do we need to go to Egypt when we have Africa here ourselves: dedicated to the heat. URL: <https://dzen.ru/a/YwS0S3bUpBg6VOIn> (date of access: 02/10/2026).
14. National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (date of access: 02/06/2026).
15. Russian associative dictionary. In 2 vols. Vol. 1. From stimulus to reaction: About 7000 stimuli / Yu.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva et al. Moscow: Limited liability company "Publishing House Astrel": Limited liability company "Publishing House AST", 2002. 784 p.

16. Sergeev-Tsensky S.N. Collected works: In 12 volumes, vol. 2. Moscow: Pravda, 1967. 463 p.
17. Mokienko V.M., Nikitina T.G. The Great Dictionary of Russian Folk Comparisons. Moscow: Closed Joint Stock Company "OLMA Media Group", 2008. 800 p.
18. Chukovsky K.I. Collected works: In 15 volumes. Vol. 1. Moscow: FTM Agency, Ltd., 2013. 598 p.
19. Dyadechko L.P. Dictionary of famous words and expressions of our time. Moscow: Publishing house "Dictionaries of the XXI century", 2019. 624 p.
20. Russia. Large linguistic dictionary of foreign studies: 2000 realities of history, culture, nature, everyday life, etc. / under the general editorship of Yu.E. Prokhorov. Moscow: AST-PRESS BOOK, 2007. 736 p.
21. Vodolazkin E.G. Brisbane: a novel. Moscow: AST: Edited by Elena Shubina, 2019. 410 p.
22. Mamardashvili M. Idiots of the Sublime // *Nezavisimaya gazeta*. 09/15/2000. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-09-15/8_idiots.html (date of access: 02/27/2026).
23. Prokhanov A. Mr. Hexogen. URL: <https://books.yandex.ru/books/UYRCifcm/read-online> (date of access: 02/06/2026).
24. Chekhov A.P. Collected works in 12 volumes, vol. 2. Moscow: State Publishing House of Fiction, 1960. 591 p.
25. Zhadovsky B.E. Russians Sahara: An essay on Russian sandy deserts. Moscow: State Publishing House, 1922. 72 p.
26. Russian Sahara. URL: <https://an-2.livejournal.com/54259.html?es=1> (date of access: 02/07/2026).
27. Archedin-Don sands – the Russian desert in the heart of the Volgograd region! URL: <https://rutube.ru/video/024b408894f4e5bfcd33ce6aee31a04c/> (date of access: 02/13/2026).
28. Archedin-Don sands. Don "Sahara". URL: <https://www.drive2.ru/c/2108950/> (date of access: 02/10/2026).
29. Peskov V.M. Don Sahara (Window to nature) // Peskov V.M. The Complete works. Vol. 21. Moscow: Komsomolskaya Pravda, 2014. URL: <https://fb2.top/tom-21-mir-na-ladoni-421970/read/part-5#42> (date of access: 02/07/2026).
30. Shiryayevs Igor and Larisa. Dune hills, or Don Sahara // Online media "Interesting world". 06/01/2022. URL: <https://www.interesmir.ru/djunnye-vsholmleniya-ili-donskaya-sahara/> (date of access: 02/07/2026).
31. Talyzin A. The second Sugar?! // *Prose.ru*. URL: <https://proza.ru/2021/07/21/1034> (date of access: 02/10/2026).
32. Laban M.L.Yu., Popova E.A. The precedent hydronym "Nile" in Russian linguoculture // International Student Forum "Science without Borders" dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941-1945. (Voronezh, May 15-16, 2025). Materials and reports. Voronezh, 2025. Pp. 20-25.
33. Nikonov V.A. Short toponymic dictionary. 2nd ed. M.: Book house "LIBROCOM", 2010. 512 p.
34. Rozanov V.V. Russian Nile // Rozanov V.V. Complete works in 35 vol. The series "Literature and Art" in 7 volumes. Vol. 7. St. Petersburg: Rostock, 2017. Pp. 275-323.
35. Anastasiev A. Up the Russian Nile // *Around the world*. 2005. No. 8. URL: <https://web.archive.org/web/20160401193848/http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1092/> (date of access: 02/10/2026).
36. Military encyclopedic dictionary / Chief editor of the commission: N.V. Ogarkov (pref.) and others. Moscow: Voenizdat, 1983. 863 p.
37. Shulezhkova S.G. "And life, and tears, and love ..." 1,500 famous expressions of the Russian language. Origin, meaning, fate. Moscow: Flint: Nauka, 2011. 848 p.

38. Egorova L. Carthage. URL: <https://stihi.ru/2025/03/23/4110> (date of access: 02/10/2026).
39. Kilimanjaro of the Voskresensky district. 02/13/2020. URL: https://dzen.ru/a/XkKAhkfN-SwI_nUa (date of reference: 02/08/2026).
40. Zasyplin V. Suez Canal of Russia // News of the Krasnoyarsk Territory. 10.10.2019. URL: <https://gnkk.ru/articles/suyeckiy-kanal-rossii/2019> (date of access: 02/08/2026).
41. Savchenko A.V., Khmelevsky M.S. "Cities and weights" in Russian phraseology in conceptual and linguistic coverage of foreign studies // The world of the Russian word. 2020. No. 4. Pp. 56-65.

УДК 811.161.1+81'282

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.016

*Воронежский государственный
технический университет*
канд. филол. н., доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 9204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercul-
tural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 9204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Л.В. Недоступова

ЯЗЫК СТОЛА: ЕДА И НАПИТКИ В ЗЕРКАЛЕ ГОВОРА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной работе представлены особенности сельской кухни. Актуальность статьи обозначена имеющимся интересом к деревенской культуре прошлого и существующей необходимостью её изучения. Целью исследования выступает определение составляющих стола середины и второй половины XX века как части пищевой культуры, отражённых в говоре уроженки Студёнка Воронежской области. Объектом анализа стали еда и питьё сельских жителей. Предметом научного сочинения являются элементы блюд, процессы приготовления и лексика, их репрезентирующая. Изучение диалектных черт реализуется применением метода аудиозаписи, описания и анализа. В ходе проведения исследования представлены особенности приготовления и употребления сельской пищи и напитков (по воспоминаниям хуторянки). Отмечено, что в них заложен определённый код сельской культуры, включающей крепкие семейные взаимоотношения и традиционные ценности, предпочтения и возможности деревенских жителей, своеобразную связь прошлого с настоящим. Показано, что именуемое сейчас «здоровым питанием» с использованием экологически чистых продуктов в названный период времени было нормой. Констатируется, что в третьем десятилетии нашего века утрачен процесс приготовления еды в печи, хранение её в погребах, припасы натурального хозяйства (мясные и молочные) имеют не все. Представление языка стола одного населённого пункта Черноземья позволило прийти к заключению, что он выступал компонентом семейной хуторской культуры и репрезентантом картины мира. Демонстрация 14 выделяющихся черт носительницы говора свидетельствует о переплетении южнорусских и украинских диалектных характеристик. Настоящее исследование вносит определённый вклад в изучение говоров родного региона в XXI столетии и может быть использовано в курсе «Воронежское краеведение».

Ключевые слова: стол, еда, напитки, сельская традиция, материальная культура, русско-украинский говор.

L.V. Nedostupova

TABLE LANGUAGE: FOOD AND DRINKS IN THE MIRROR OF THE VORONEZH REGION'S DIALOGUE

This paper presents the characteristics of rural cuisine. The article's relevance stems from the existing interest in past village culture and the pressing need to study it. The aim of the study is to identify the ingredients of the mid- and late 20th-century table as part of food culture, mirrored in the dialect spoken by a native of Studenok, Voronezh Oblast. The object of analysis is the food and drink of rural residents. The subject of this research is the elements of dishes, the preparation processes, and the vocabulary that represents them. The study of dialectal features is implemented using audio recording, description, and analysis. The study presents the characteristics of the preparation and consumption of rural food and drink (based on the recollections of the village woman). It is noted that these characteristics embody a specific code of rural culture, including strong family relationships and traditional values, the preferences and opportunities of villagers, and a unique connection between the past and the present. It is shown that what is now called "healthy eating," using organic products, was the norm during this period. It has been established that in the third decade of this century, the process of cooking food in the oven and storing it in cellars was lost, and not everyone had subsistence farming supplies (meat and dairy). A presentation of the table language of one settlement in the Black Earth Region led to the conclusion that it served as a component of family farm culture and a representative of a worldview. A

demonstration of 14 distinctive features of the dialect speaker attests to the interweaving of southern Russian and Ukrainian dialectal characteristics. This study makes a significant contribution to the study of the dialects of the native region in the 21st century and can be used in the course "Voronezh Regional Studies."

Key words: table, food, drinks, rural tradition, material culture, Russian-Ukrainian dialect.

Каждое обращение к народной речи открывает перед исследователем интереснейшую информацию об истории людей определённого территориального пространства, заключённую в слове.

Важным оказывается, что «изучение диалектов не только помогает лингвистам понять разнообразие языковых явлений, но и предоставляет уникальную перспективу для культурного и социального разнообразия в разных регионах мира. Диалекты являются живым доказательством того, как язык эволюционирует и адаптируется под воздействием различных факторов, отражая богатство языковой и культурной мозаики нашей планеты» [1; с. 88–89].

Актуальность настоящей статьи определена имеющимся интересом к традиционной деревенской культуре прошлого и существующей необходимостью её рассмотрения.

Отметим, что в третьем десятилетии XXI века изыскательской деятельностью по изучению воронежских говоров и их особенностей занимаются следующие исследователи: А.Д. Черенкова [2], М.В. Панова [3], Е.П. Куйдина [4], Т.В. Карасёва [5], О.А. Слюсарева [6], С.В. Дьяченко [7], С.С. Токарева [8], Д.Н. Гальцова [9], Д.А. Коваль [10], автор данной статьи [11] и др. Однако их состав немногочислен.

Разные аспекты становятся объектами внимания лингвистов. Особое место среди них принадлежит материальной культуре.

Изучению традиционной пищи посвятила диссертацию [12] и научные работы Т.В. Карасёва [5, 13, 14, 15]. Мы также внесли определённый вклад: описали сельское питание Ступино Рамонского района [16], Скнаровки Кантемировского района [11], Таловой Таловского района [17], традицию хлебоприготовления в Высоком Таловского района [18] и др.

В настоящем изыскании наш взор обращён на небольшое сельское поселение, находящееся в одном южном районе воронежского края. Из официальных источников известно, что «Подгоренский муниципальный район – является административно-территориальной единицей в составе Воронежской области <...>, он расположен в его юго-западной части на правом берегу Дона. Протяженность его с севера на юг составляет 49 км, с востока от реки Дон до западных границ – 51 километр. Транспортно-географическое положение района достаточно выгодное благодаря тому, что по территории района с севера на юг проходит Юго-Восточная железная дорога» [19; URL]. Уточним, «Подгоренский район находится в 200 км от Воронежа. Муниципалитет занимает удачное географическое положение между двух федеральных автодорог: Воронеж – Луганск и Москва – Новороссийск. Сегодня Подгоренский район вызывает большой интерес у туристов. <...>. Уникальными считаются два монастыря с пещерными храмами, карстовый источник с водяной мельницей» [20; URL].

Заметим, что «Студёнок <...> находится в 4 км от его центра – села Юдино. По некоторым данным, хутор основали в середине XIX века, в 1900-м году в нём проживало 134 человека и было 22 двора. <...>.

Студёнок расположен на границе Каменского и Подгоренского районов – на одном из главных туристических маршрутов региона. Через него проходит самый короткий путь из Воронежа, Острогжска и Каменки до Костомаровского женского монастыря, до которого от домов, стоящих на единственной здешней улочке – Садовой, – не более 10 км.

Достопримечательность хутора – четырехметровый крест в центре Студёнка. Он отличается от многочисленных подобных крестов, которые в последние годы стали ставить при въезде в населенные пункты области <...>.

Во времена СССР тут были колхозы «Ударник» и «Победа», а в Студёнке было около 30 дворов, работали магазин, детсад <...>. Были овчарня, свиноферма. А сейчас хутор пусте-

ет» [21; URL]. Известно, что «Студёнок – хутор в Подгоренском районе Воронежской области. Входит в состав Юдинского сельского поселения. Хутор расположен в 30 км к северу от центра района – посёлка городского типа Подгоренский. Численность населения в 2010 – 27 человек» [22; URL].

Целью данного научного сочинения выступает определение составляющих стола середины и второй половины XX века как части пищевой культуры, зеркально отображённых в говоре уроженки Студёнка Воронежской области.

Объектом анализа стали еда и питьё деревенских жителей. Предметом исследования – элементы блюд, процессы приготовления и лексика, их репрезентирующая. Изучение диалектных черт реализуется на лингвистическом материале – речи Дьяченко В.А. (1959 г.р.) – с применением следующих методов: аудиозаписи, описания и анализа.

Стоит обратить внимание на то, что «одним из самых важных и самых древних компонентов материальной культуры любого этноса является пища, поскольку именно она является основным источником информации о повседневной жизни человека» [23; с. 20]. Более того, «код еды пронизывает любую традиционную культуру, цементируя модель мира носителей языка» [24; с. 48].

Нужно отметить, что «питание – неотъемлемая часть нашей жизни, но сама связь такого обыденного явления, как человеческая еда, и такого возвышенного понятия, как культура неоднозначна. В зависимости от подхода к пониманию культуры, меняется и отношение к питанию. С одной стороны, человеческое питание может рассматриваться и как сама культура, поскольку приготовление пищи в этом случае – это чисто человеческая. С другой – рассматривается именно ценностная компонента человеческого питания [25; с. 59].

Кроме того, «пищевые нормы и пристрастия, а также особенности обработки и потребления пищи включены в национальную систему ценностей и, наряду с языком, типом одежды, жилья маркируют рамки национальной культуры» [26; с. 37].

Из воспоминаний уроженки Студёнка узнаём, что приготовлением пищи в середине и второй половине XX века женщина занималась ежедневно: [*Каждый дэнь мамка ўтром вары́ла, нэ було́ тако́, шоб нэ вары́ла*].

Известно, что в качестве *первых блюд* готовили суп или борщ: [*Сўпчик ўтром обя́зательно. Сўпы мамка вары́ла всигда́. Борщ це на два-тры дня вары́ла*].

Об особенностях принятия пищи респондентка рассказывает: [*И йи́е начинáишь йи́стэ, я хóчу сказа́ть, ёсли ты пэ́рва, цэ мамка свары́ла борщ, а ты пэ́рва прышла́, – так нэ са́мый бйльший кусóчек мя́са сэбэ́ йи́ишешь, а са́мый мэ́ншии шука́ешь. Потому́ шо зна́ешь, шо по́сле тэ́бэ́ це пять чиловёк бу́дут йи́стэ. А о́собенно па́пка. Па́пке на́до лу́ччий кусóчек оста́выть. Цэ я по́мню. У мэ́нэ́ на всю жизнь така́ оста́лась прывы́чка. Ёсли я пэ́рва набира́ю борща́ или це шо-нибу́дь, то я шука́ю сэбе́ са́мый мэ́ншинькы кусóчек*]. Здесь просматриваются и семейные отношения, в которых важнейшая роль, как видно, принадлежала родителю.

По свидетельству студёнчанки, главными считались борщ и блюда из картофеля: [*Вот, а так в основно́м еда́: борщ, карто́ха жа́рэна, карто́ха ва́рена. А в основно́м жа́рыла мамка карто́ху на са́ле*]. Причём, в будние и праздничные дни готовили разную пищу: [*Ну, вот цэ пюрэ́шкы, я так нэ по́мню, шоб пра́м пюрэ́шкы вары́лы, по празны́кам пюрэ́ вары́лы, да*].

Обратимся к лексикографическим данным. В словаре С.И. Ожегова лексема *картоха* представлена в значении «жен. (прост.). То же, что картошка» [27; URL]. В Словаре русских народных говоров (СРНГ) находим: «*картоха*, -и, ж. *Собир.* Картофель» с указанием функционирования на огромном ареале: в Курск., Орл., Тул., Калуж., Тамб., Рост., Ворон., Куйбыш., Моск., Влад., Пенз., Смол., Брян., Арх., Пек., Волог., Калин., Вят., Перм., Том., Кемер., Новосиб., Свердл., Южн. Урал, Хакас. Краснояр. и др. [28; в. 13, с. 105].

Языковой материал подтверждает то, что ещё в роли второго блюда хуторян выступала вермишель: [*Вары́лы вирмише́ль*].

Кроме названного, готовили и [*ка́ши вся́кие. Пи́енó, пи́ёну ка́шу, ну и всэ така́. Грэ́чку,*

но грэчки тоді я её нэ скажу, щобы прями она свободно була. Як-то одно время вобщи её нэ було].

Отдельно следует сказать о мясе. Поскольку оно является скоропортящимся продуктом, а холодильники практически отсутствовали, для длительного хранения его солили и закатывали в банки. Это изделие именовали *солониной*: [Цэ ужэ пóтом, цэ мэньше, почáшэ стáлы дэржáть поросáт, так мя́со закрьвáлы в бáнки, и булá всэгда солонýна, всэгда булá. И вары́ли, и в борц клáлы цу солонýну. Вымáчвалы нá ночь, пóтом вары́ли с цу же солонýной борц, и так мóжно булó порэзáть. Ой, якá дóбра солонýна цэ. Ну и сáло – цэ основны́ про-дукты].

Интересно, что лексическая единица *солонина* в значении «засоленное свиное сало, мясо» приведена в СРНГ с указанием Бурят. АССР, Новосиб., Урал. и Лит. ССР [28; в. 39, с. 299]. Воронежская область не указана. В СУГВО лексема не представлена [29].

Известно, что в деревне после забоя свиней из мяса иногда стряпали пельмени: [И якó зарэ́жутъ поросáт, так и пельмéни робы́лы, в прáзнык, колí булó].

Как правило, были [котлэты по празныкáм. Кúрыцу там колí-николí вары́лы].

Естественно, в качестве пищи использовали и яйца домашней птицы: [яйцá, цэ конзúшно, яйцá ж булы́ кúрыцы].

Особое значение в сельской местности имели молочные продукты: [молокó, творóг був, мáсло слíвочнэ]. Их употребляли и отдельно, и применяли для приготовления блюд.

Респондентка свидетельствует о ряде изделий из муки – выпечке: блинчиках, орешках, хворосте, пышках, оладьях: [бы́ли блынцú. И жáрятсá чáсто, я ще с дéцтва, шо я умíла пéчь, так цэ блынцú. И по сэй дэнь чáсто их пэчу́ почему-то]. В СУГВО лексема *блинець*, -нця отмечена в значении «блин как на дрожжевом, так и на бездрожжевом тесте, блинчик» с указанием распространения в селе Поповка Россошанского района, селе Колыбелка Лискинского района и хуторе Гринёве Калачеевского района [29; с. 34–35].

Далее информантка констатирует: [Ну так мáмка о́ришки пэклá, цэ такí, на кíслom мо-локé. Ой, дóбри в ныé о́ришки булы́. Ну такí, як сказáть, на кíслom молокé замíшваица тíсто, и жáрятсá оны́. И хворóст, да, хворóст по-нынешне, по-другóму ныяк, а вопцé тóвсты хворóст. И нэ слáдкый, мáмка пэклá, а солéни. С ны́м мóжно булó и с молóчком хо-рошó, óчинь вкúсно пыть, и с борцóм мóжно булó ту пы́шку сыйíстэ. Ну, вот оладьíи ино-гда́ пэклá. Ну, оладьíи вин нэ так чáсто, а цэ в основнóм о́ришки. Цэ булó нáше такé блóдо здóбно, як бы сказáть. Ну, до молокá, до чáю]. Становится понятно, что, оценивая выпечку родительницы словами «дóбри, хорошó, здóбно, óчинь вкúсно», выражается благодарность и признательность за кулинарное мастерство.

Кроме того, узнаём, что женщины делали вареники: [Чáсто мáмка робы́ла варэ́ныкы с творогú]. Он, как известно, получался из молока коровы, находящейся в хозяйстве сельского жителя.

Поскольку хуторяне не имели возможности приобретать сладости, они готовили лакомство в домашних условиях. Это были, как оказалось, конфеты с разной основой и текстурой: [Самы́ вары́лы конфэты́ с сáхара, лызунци́ вары́лы, а пóтом ужэ научíлысь и шоколáдны конфэты́ вары́ть].

Интересно, что лексема «лизунец, -ы» в бытующем толковании не отображена ни в СРНГ, ни в СУГВО. Это даёт право считать её семантическим диалектизмом.

Основываясь на наблюдениях, информантка подтверждает: [Сáло, хлеб, мáсло под-сóлнечно, молоко́, творóг був, мáсло слíвочнэ – это пёрвое, вторóе, борц, картоха, кáши всякие].

О напитках, их приготовлении и употреблении в Студёнке узнаём следующее: [А чай заваривалы с веток. Вётки наломáя бáтька там чи мáмка. И чайнык всэгда́ стоя́л на плытэ́, шо плытá булá обы́чна плытá, рúсска. И чайнык всэгда́ стоя́в зымóй там. Чай пылы́ тíко зымóй. Лúтом мы егó ныколы́ чай нэ пылы́. Компóт всэгда́ був в погрéбэ. Компóт холóдный.

Літом квас. Молоко пілы. Молоко холодно]. Дополним, что для приготовления компота [*заготівки ж робілы, потім с етих заготівок варылы компот. Бабушка груши в пичі сушила. Груши и яблочки сушили в пичі. Ну яблочки и так сушили, и літам компот, обязательно компот був*]. Как правило, это был компот из сухофруктов.

Согласно упомянутому, в качестве напитков хуторян присутствовали: чай, компот, квас, молоко.

Таким образом, лексика питания середины и второй половины прошлого века (еда и питьё) хутора Студёнок репрезентирует разнообразные блюда, соответствующие времени и материальному положению его жителей. Она включает следующие номинативные единицы: [*суп, борщ, картоха, вирмишель, пиёна каша, грэчка, солонина, сало, хлеб, яйца, варёныкы, масло подсолнечно, молоко, творог, масло сливочнэ, блинці, орішкы, хворост, пышки, конфэты, лызунци; чай, компот, квас, молоко*]. По праздникам добавлялись [*пюрэшка, пельмени, котлэты*] и др.

Естественно, пища хуторян некоторым образом отличалась от еды настоящего времени. Она готовилась в домашних условиях, в печи и сохранялась в погребе. В кулинарном процессе применялись преимущественно съестные припасы натурального хозяйства (мясные и молочные): от птицы, животных. Сейчас это именуют «здоровым питанием» с использованием экологически чистых продуктов. Однако в названный период оно было своеобразной нормой. Сравнивая современный стол, респондентка указывает: [*Бутэрброды тэбэ нхтэ нэ робыв. Колбасы мы нэ зналы. Ёлы, шо було своё, оно вкусно було*].

В пище, как представляется, заложен определённый код сельской культуры, включающей крепкие семейные взаимоотношения и традиционные ценности, предпочтения и возможности деревенского жителя. Тёплые воспоминания о прошлом, которые достаточно отчётливы в речи Дьяченко В.А., демонстрируют своеобразную связь с настоящим. Очевидно проявление респонденткой, находящейся на заслуженном отдыхе (пенсии), глубокого уважения к ушедшим родителям, именуемым «*папка, бацька*» и «*мамка*». Это, на наш взгляд, показатель взаимодействия внутри семьи, достаточно актуальный для современного молодого поколения.

Констатируем, что утрачен процесс приготовления еды в печи, хранение её в погребах, возможности использовать домашнее молоко и мясо имеют не все. Зачастую жители прибегают к покупным продуктам, хлеб и выпечка приобретаются в автолавке, которая периодически приезжает в хутор.

Далее следует отметить, что полученные данные транслируют переплетение в речи информатора южнорусских и украинских диалектных черт. Продемонстрируем ниже наиболее выделяющиеся из них:

1. Ударение, отличное от литературного: [*по празныкам*] – по праздникам, [*пылы*] – пили, [*нэ пылы*] – не пили, [*було*] – было, [*варена*] – варёная, [*у мэна*] – у меня, [*тэбэ*] – тебя, [*хочу*] – хочу и др.
2. Использование твёрдых согласных на месте мягких: [*дэнь, варёныкы, варыла, всэуда, врэмя, жарыла, заваривалы, зарэжутъ, зымой, конфэты, курыца, лызунци, мэньшинькы, научилысь, ныколы, оставыть, плыта, празнык, прывычка, пыть, пэкла, пюрэшкы, самы, сушили, с нымы, тры, чайнык*].
3. И, обратное явление, мягкие согласные вместо твёрдых: [*добрри, солёни*] и др.
4. Зарегистрирована замена «к» на «ч»: [*пэчу*] – пеку.
5. Имеет место шоканье: [*шоб, шо, шо-нибудь*] – чтоб, что, что-нибудь и др.
6. Обнаружены шипящие твёрдые и мягкие: [*ишешь, почаше; борщ, блинці, лызунци, ще*] и др.
7. Просматривается звук [ʒ] – фрикативный: [*всэуда, уруши, урэчка, еуо, заготівка, иноуда, поурэбэ*] и др.
8. Наблюдается ассимиляция согласного: [*луччий*] – лучший.
9. Отмечена диссимиляция согласного: [*нхтэ*] – никто.
10. Выявлен икавизм: [*літом, вобиці, орішкы, сыйстэ, тисто, уміла, хлеб, в пичі*] – летом,

орешки, съестъ, тесто, умела, хлеб, в печи и др. Известно, что это явление характерно для украинского языка.

11. Представлено оканье: [блѹдо, вку́сно, здѹбно, колбасá, компѹт, молоко́, наломáя, обяза́тельно, одно́, ола́дѹи, поросáт, по́том, солонýна, сто́яв, у́тром, хворѹст, холѹдный, чáсто, шоколадны́, я́блоки] и др.

12. Зафиксирована сохранность этимологического *е, который не перешёл в [ʔо]: [е́е, в ны́е, сво́е] – её, у неё, своё и др.

13. Происходит утрата конечного гласного – элизия [ва́рена, до́бри, жа́рэна, обы́чна, основны́, подсолнечно, пше́ну, пэ́рва, ру́сска, сли́вочнэ, солёни, такó, шоколадны́] – варёная, добрые, жареная, обычная, основные, подсолнечное, пшённую, первая, русская, сливочное, солёные, такое, шоколадные и др.

14. Просматривается упрощение отдельных гласных и/ или согласных: [выма́чвалы, во́бщи́, зама́шиваюца, то́ко] – вымачивали, вообще, замешивается, только и др.

Итак, представление языка стола одного вымирающего населённого пункта Черноземья позволило прийти к заключению, что он выступал компонентом семейной хуторской культуры и являлся репрезентантом картины мира. Продемонстрированные черты говора респондентки: диалектное ударение; использование твёрдых согласных на месте мягких и мягких согласных вместо твёрдых; замена «к» на «ч»; шоканье; твёрдые и мягкие шипящие в отличном от литературного языка звучании; [ʒ] – фрикативный; ассимиляция и диссимиляция согласных; икавизм; оканье; сохранность этимологического *е; элизия; упрощение отдельных гласных и/ или согласных – свидетельствуют о сохранении в её речи украинских особенностей (в связи с заселением местности выходцами из Украины) и естественном влиянии южнорусского диалекта. Полагаем, что перед нами переходный русско-украинский говор.

Считаем, что настоящее исследование вносит определённый вклад в изучение говоров родного региона в XXI столетии и может быть использовано в курсе «Воронежское краеведение».

Примечание: в статье используется русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Чигина Н.В., Виленс П.В. Языковое разнообразие в межкультурной коммуникации // Символ науки. 2016. № 10-3. С. 88–89. URL: https://znanierussia.ru/articles/Диалект#cite_note-4 (дата обращения: 10.04.2026).

2. Черенкова А.Д. О формировании воронежских говоров с севернорусской основой (на примере села Бродовое Аннинского района Воронежской области) // Воронежское краеведение: традиции и современность: Материалы ежегодной областной научно-практической конференции, состоявшейся 25 ноября 2023 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. С. 77–83.

3. Панова М.В. Наименования традиционных юбок в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2025 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 280–295.

4. Куйдина Е.П. Названия рыб в каширских говорах // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Выпуск IV / [науч. ред. А.Д. Черенкова]. Воронеж: ВГПУ, 2022. С. 72–81.

5. Карасева Т.В. Названия непропеченного хлеба в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (мат. и исследования). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 293–302.

6. Слюсарева О.А. Диссимилятивный вокализм первого предударного слога как одна из типологических черт талагайских говоров курско-орловского типа (на материале с. Краснолипые Репьёвского района Воронежской области) // Воронежское краеведение: традиции и современность: Материалы ежегодной областной научно-практической конференции, состоявшейся 25 ноября 2023 г. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2024. С. 66–70.

7. Дьяченко С.В. Корпус говора с. Колодежное. 2024. Москва: Международная лаборатория

языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. URL: <https://lingconlab.ru/kolodezhnoe/#/> (дата обращения: 10.04.2026).

8. Токарева С.С. Наименование низкого берега в русских народных говорах по материалам ЛАРНГ: мотивационный аспект // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2025 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2025. С. 346–360.

9. Гальцова Д.Н. Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 334–344.

10. Коваль Д.А. Языковая личность диалектоносителя (на материале идиолекта жителя села Старина Каширского района Воронежской области) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2024 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 218–225.

11. Недоступова Л.В. О пище, напитках и их приготовлении в XX в. на юге Воронежской области // Вестник славянских культур. 2024. Т. 73. С. 165–181.

12. Карасёва Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: Этнолингвистический аспект: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2004. 22 с.

13. Карасёва Т.В. Воронежские названия поминальных каш: (Этнографический аспект) // Филология на рубеже тысячелетий: Материалы межд. науч. конф. (Ростов-на-Дону – Новороссийск, 11–14 сентября 2000 г.). Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2000. Вып. 1. С. 175–177.

14. Карасёва Т.В. Лепешки и их названия в воронежских селах // Этнография Центрального Черноземья России: сб. науч. тр. Воронеж: Истоки, 2007. Вып. 6. С. 47–59.

15. Карасёва Т.В. Названия непропеченного хлеба в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (мат. и исследования). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 293–302.

16. Недоступова Л.В. О наименованиях пищи и напитков, бытовавших в середине и второй половине XX века в селе Ступино Рамонского района Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (мат. и исследования) 2020. СПб.: Изд-во Ин-т лингвистических исследований РАН, 2020. С. 617–625.

17. Недоступова Л.В. Пища и её приготовление в говоре посёлка городского типа Таловая Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 425–440.

18. Недоступова Л.В. Традиция хлебоприготовления во второй половине XX века сельскими жителями Воронежской области (этнолингвистический аспект) // Международный научный журнал «Филологические науки. Научные доклады высшей школы». Москва, 2024. № 4. С. 28–35.

19. Муниципальное образование «Подгоренский муниципальный район Воронежской области». URL: <https://podgor36.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 10.04.2026).

20. Старинные мельницы, пещеры и русская Палестина. Что стоит посмотреть в Подгоренском районе Воронежской области. URL: https://dzen.ru/a/aJH_d1iCBVKHZMw6 (дата обращения: 10.04.2026).

21. Зброшенныя хутора: как пустуют воронежские деревни. Студёнок. URL: <https://riavrn.ru/districts/podgorensky/zabroshennye-hutora-kak-pusteyut-voronezhskie-derevni-studenok/> (дата обращения: 10.04.2026).

22. Студёнок (Воронежская область) – история, население, климат, координаты. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Студёнок_%28Воронежская_область%29 (дата обращения: 10.04.2026).

23. Дамбаева Л.Д. Лексикографическое описание заимствованных русскими говорами бурятских наименований мясных блюд (на материале словарей Л.Е. Элиасова и А.Е. Аникина) // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. Вып. 3. С. 19–28.

24. Семенова А.В. Обрядовая и повседневная пища в кашубской традиции // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н.В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С.

48–57.

25. Беллон М.А. Культура питания: особенности ценностных смыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. №2 (35) июнь. С. 59–64.

26. Левкиевская Е.Е. Пища повседневная и пища ритуальная: механизмы переключения аксиологических кодов // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н.В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. С. 37–47.

27. Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 10.04.2026).

28. Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л.: Наука, 1977. Вып. 39. СПб.: Наука, 2005. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (дата обращения: 10.04.2026).

29. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: [в 2 т.]. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2008. Т. 1: А–М. 228 с.; 2012. Т. 2: Н–Я. 307 с.

References

1. Chigina N.V., Vilens P.V. Linguistic Diversity in Intercultural Communication // Symbol of Science. 2016. No. 10-3. pp. 88–89. URL: https://znanierrussia.ru/articles/Диалект#cite_note-4 (accessed: 10.04.2026).

2. Cherenkova A.D. On the Formation of Voronezh Dialects with a Northern Russian Base (using the Village of Brodovoye, Anninsky District, Voronezh Region as an Example) // Voronezh Local History: Traditions and Modernity: Proceedings of the Annual Regional Scientific and Practical Conference Held on November 25, 2023. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2024. pp. 77–83.

3. Panova M.V. Names of Traditional Skirts in Voronezh Dialects // Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2025 / Ed. S.A. Myznikov. SPb.: IL RAS, 2025. pp. 280–295.

4. Kuidina E.P. Names of Fish in Kashira Dialects // Dialectological Almanac: Collection of Materials and Research. Issue IV / [Scientific Ed. A.D. Cherenkova]. Voronezh: VSPU, 2022. pp. 72–81.

5. Karaseva T.V. Names of Unbaked Bread in Voronezh Dialects // Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research). SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. pp. 293–302.

6. Slyusareva O.A. Dissimilative vocalism of the first pre-stressed syllable as one of the typological features of the Talagai dialects of the Kursk-Oryol type (based on the village of Krasnolipye, Repevsky District, Voronezh Region) // Voronezh local history: traditions and modernity: Proceedings of the annual regional scientific and practical conference held on November 25, 2023. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2024. pp. 66–70.

7. Dyachenko S.V. Dialect corpus of the village of Kolodezhnoye. 2024. Moscow: International Language Convergence Laboratory, HSE; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences. URL: <https://lingconlab.ru/kolodezhnoe/#/> (accessed: 10.04.2026). 8. Tokareva S.S. The name of the low bank in Russian folk dialects based on the materials of the LARNG: motivational aspect // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2025 / ed. S.A. Myznikov. St. Petersburg: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. Pp. 346–360.

9. Galtsova D.N. Common names of outbuildings in Voronezh dialects // Studies in Slavic dialectology. Issue 25. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2025. Pp. 334–344.

10. Koval D.A. The linguistic personality of a dialect speaker (based on the idiolect of a resident of the village of Starina, Kashira district, Voronezh region) // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2024 / ed. S.A. Myznikov. St. Petersburg: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 218–225.

11. Nedostupova L.V. On food, drinks and their preparation in the 20th century in the south of the Voronezh region // Bulletin of Slavic cultures. 2024. Vol. 73. Pp. 165–181.

12. Karaseva T.V. Food names in Voronezh dialects: Ethnolinguistic aspect: abstract of dis. ... candidate of philological sciences: 10.02.01 / Voronezh. state University. Voronezh, 2004. 22 p.

13. Karaseva T.V. Voronezh Names of Funeral Porridges: (Ethnographic Aspect) // *Philology at the Turn of the Millennium: Proceedings of the Int. Scientific Conf. (Rostov-on-Don – Novorossiysk, September 11–14, 2000)*. Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2000. Issue 1. Pp. 175–177.
14. Karaseva T.V. Flatbreads and Their Names in Voronezh Villages // *Ethnography of the Central Black Earth Region of Russia: Collection of Scientific Papers*. Voronezh: Istoki, 2007. Issue 6. Pp. 47–59.
15. Karaseva T.V. Names of Unbaked Bread in Voronezh Dialects // *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. pp. 293–302.
16. Nedostupova L.V. On the Names of Food and Drinks Used in the Village of Stupino, Ramonsky District, Voronezh Region, in the Middle and Second Half of the 20th Century // *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2020*. St. Petersburg: Publishing House of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020. pp. 617–625.
17. Nedostupova L.V. Food and Its Preparation in the Dialect of the Urban-Type Settlement Talovaya, Voronezh Region // *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2013*. St. Petersburg: Nestor-History, 2013. pp. 425–440.
18. Nedostupova, L.V. Bread-Making Tradition in the Second Half of the 20th Century by Rural Residents of the Voronezh Region (Ethnolinguistic Aspect) // *International Scientific Journal “Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education”*. Moscow, 2024. No. 4. pp. 28–35.
19. Municipal Formation “Podgorensky Municipal District of the Voronezh Region”. URL: <https://podgor36.gosuslugi.ru/> (accessed: 10.04.2026).
20. Ancient Mills, Caves, and Russian Palestine. What to see in the Podgorensky District of the Voronezh Region. URL: https://dzen.ru/a/aJH_d1iCBVKHZMw6 (accessed on April 10, 2026).
21. Abandoned Farmsteads: How Voronezh Villages Lie Empty. Studenok. URL: <https://riavrn.ru/districts/podgorensky/zabroshennye-hutora-kak-pusteyut-voronezhskie-derevni-studenok/> (accessed on April 10, 2026).
22. Studenok (Voronezh Region) – History, Population, Climate, and Coordinates. URL: https://ru.ru.wiki.ru/wiki/Студёнок_%28Воронежская_область%29 (accessed on April 10, 2026).
23. Dambaeva, L.D. Lexicographic description of the Buryat dialects borrowed by Russian names of meat dishes (based on the dictionaries of L.E. Eliasov and A.E. Anikin) // *Bulletin of the Buryat State University*. 2017. Issue 3. pp. 19–28.
24. Semenova A.V. Ritual and Everyday Food in the Kashubian Tradition // *Codes of Everyday Life in Slavic Culture: Food and Clothing* / ed. N.V. Zlydneva. St. Petersburg: Aleteya, 2011. pp. 48–57.
25. Bellon M.A. Food Culture: Features of Value Meanings // *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2018. No. 2 (35) June. pp. 59–64.
26. Levkievskaya E.E. Everyday Food and Ritual Food: Mechanisms of Switching Axiological Codes // *Everyday Codes in Slavic Culture: Food and Clothing* / ed. N.V. Zlydneva. St. Petersburg: Aleteya, 2011. pp. 37–47.
27. Ozhegov's Explanatory Dictionary. S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. 1949–1992. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (accessed on 10.04.2026).
28. Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 13. Leningrad: Nauka, 1977. Issue 39. St. Petersburg: Nauka, 2005. URL: <https://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng> (accessed on 10.04.2026).
29. Avdeeva M.T. Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: [in 2 volumes]. Voronezh: IPC VSU, 2008. Vol. 1: A–M. 228 p.; 2012. Vol. 2: N–Ya. 307 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.017

*Новгородский государственный университет
(НовГУ) имени Ярослава Мудрого
Аспирант кафедры
билингвального образования
Чэнь Цяньюй
Россия, г. Великий Новгород
e-mail: 13250500144@163.com*

*Novgorod State University
named after Yaroslav the Wise
The chair of bilingual education
Postgraduate student
Chen Qianyu
Russia, Veliky Novgorod
e-mail: 13250500144@163.com*

Чэнь Цяньюй

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В КИТАЕ

В данной статье в качестве примеров рассматриваются произведения трех русских писателей XX века – В. Бианки, О. Бундура и М. Пришвина, посвященные теме природы и предназначенные для детской и подростковой аудитории. Выбранные произведения анализируются с точки зрения стратификации тем и текстовой интерпретации читательской аудиторией, возраст которой варьируется от дошкольного возраста до подросткового (14–16 лет). Исследование показывает, что экологические темы в произведениях выстраиваются ступенчато в соответствии с когнитивным уровнем определенной возрастной группы читателей: от познавательного интереса в раннем возрасте через сопереживание и осознание экологической ответственности у детей среднего школьного возраста к подростковому и юношескому этапу, на котором уже обсуждаются законы природы, равенство всех живущих и экологическое равновесие. В своей писательской практике все три автора нередко прибегают к таким литературным приемам, как сказочное популярное изложение и повествование от лица рассказчика-очевидца. Выстраивая текст подобным образом, данные писатели вносят определенный вклад в формирование системы экологического воспитания – от познания природы до становления экологического сознания, без которого невозможно сосуществование человека и окружающего его мира в условиях современных вызовов состоянию земли и всего живого на ней. Статья посредством сравнительного анализа текстов для разных возрастных групп выявляет внутреннюю логику и образовательную ценность экологической темы в русской детской литературе о природе, а также ее рецепцию в китайской картине мира.

Ключевые слова: экологическая тема, экологическое образование, детская литература, возрастные группы, когнитивный уровень, охрана природы, перевод на китайский язык.

Chen Qianyu

ECOLOGICAL THEME IN RUSSIAN LITERATURE FOR CHILDREN AND ITS RECEPTION IN CHINA

This article examines as examples the works of three Russian writers of the twentieth century – V. Bianki, O. Bundur and M. Prishvin, devoted to the theme of nature and intended for children and adolescents. The selected works are analyzed in terms of stratification of themes and textual interpretation by the readership, whose age ranges from preschool to adolescence (14-16 years). The study shows that environmental themes in the works are arranged stepwise in accordance with the cognitive level of a certain age group of readers: from cognitive interest at an early age through empathy and awareness of environmental responsibility in middle school children to adolescence and adolescence, which already discusses the laws of nature, the equality of all living and ecological balance. In their writing practice, all three authors often resort to such literary techniques as fabulous popular narratives and narration on behalf of an

eyewitness narrator. By arranging the text in this way, these writers make a definite contribution to the formation of a system of environmental education – from the knowledge of nature to the formation of ecological consciousness, without which it is impossible for humans and the world around them to coexist in the face of modern challenges to the state of the earth and all living things on it. The article reveals the inner logic and educational value of the environmental theme in Russian children's literature about nature, as well as its reception in the Chinese worldview, through a comparative analysis of texts for different age groups.

Keywords: environmental theme, ecological education, children's literature, age groups, cognitive level, nature protection, translation in Chinese.

На фоне всеобщего внимания к глобальным экологическим проблемам возрастает и значимость исследований детской литературы экологической направленности. Такая литература сочетает в себе эстетическое и воспитательное начала, выполняя важную функцию экологического просвещения детей и юношества [1; с. 65]. В настоящей работе для анализа нами взяты произведения Виталия Бианки, Олега Бундура и Михаила Пришвина; посредством чтения текстов и их сравнительного анализа рассматриваются особенности произведений для разных возрастных групп.

Дошкольный этап воспитания «экологического сознания» проиллюстрирован на примере книги В. Бианки «Лесные домишки». Произведение через сказочно-популярное изложение сведений о природе – с помощью живых, конкретных историй – помогает детям сформировать базовое представление об окружающем мире, растениях и животных, развивает чувство близости к природе. Экологическая тематика на этом уровне остаётся в плоскости восприятия и познания соответствующей возрастной группы [2; с. 45].

Особенно интересным представляется выявление разницы в формировании экологического сознания посредством произведений русской литературы (и в их переводах на китайский язык) в русскоязычной аудитории и в детской среде в Китае.

Например, в сказке «Теремок» читаем:

«На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка с кошачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос вострый, теперь я живу – Скворец, первый в роще певец. А ты кто?

– Я Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. Ночью прилечу – цоп! – и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!» [3; с. 7–9].

Перевод на китайский язык:
 «第三年，黄眼睛的猫头鹰知道了这件事情。飞过来看见了橡树，上面有个洞，树洞和猫脑袋一样大，就问：

“小房子，小房子，谁在你那里住啊？”

“以前尖嘴巴的花啄木鸟在这里住，现在是我在这里住，我是白头翁，丛林里第一号歌手。你是谁啊？”

“我是猫头鹰。你要是落在我的爪子里，可就惨了。我会在夜里飞来把你吃掉，趁我还没吃掉你，快把小房子腾出来给我吧。[4; с.12]. (Буквальный перевод с китайского: *«На третий год желтоглазый Сыч узнал об этом. Пролетел, увидел дуб – в нём было дупло, дупло было размером с кошачью голову, и спросил:*

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Раньше здесь жил дятел с острым клювом, а теперь живу я, Белоголовый, главный певец в чаще. А ты кто?

– Я – желтоглазый Сыч. Если ты попадёшь мне в лапы, тебе будет плохо. Я прилечу ночью и съем тебя, так что пока я тебя ещё не съел, быстрее освободи домик и отдай его мне» [3; с. 7–9].

В оригинале описывается, как желтоглазый Сыч приходит к домику Скворца, грозитя отобрать его и вселяется в чужое жилище. Автор использует приём антропоморфизации, наде-

ля животных человеческой речью и эмоциями. Речь Сыча, который угрожает другим животным, отражает его властный характер. Кроме того, в оригинале фраза «в дубу – дупло размером с кошачью голову» использует сравнение (прямую метафору), наглядно показывая размеры дупла через образ кошачьей головы, что делает описание более конкретным и понятным. Перевод передает это буквально – «树洞和猫脑袋一样大(дупло было размером с кошачью голову)» – живо и конкретно, воссоздавая выразительный и забавный язык оригинала.

Помимо этого, переводчик относит оригинальное «Попадёшь мне в когти – не хнычь» к китайскому выражению «你要是落在我的爪子里，可就惨了。(Если ты попадёшь мне в лапы, тебе будет плохо)»; между данными оборотами речи есть различие в тоне и эмоциях. В оригинале тон холодный, давящий, передающий чувство властного контроля; в переводе же возникает разговорную предупредительную интонацию, подчёркивающая серьёзность последствий какого-либо действия. Данный пример показывает, что переводчик, подстраиваясь под языковые привычки китайского читателя, одновременно обеспечивает плавность чтения, учитывает специфику коммуникации китайцев, но сохраняет при этом эмоциональное ядро оригинала.

Рассмотрим еще один пример из сказки «Лесные домишки»:

«Искала, искала Иволгин дом и вот наконец увидела: висит на березовой ветке крошечный легкий домик. Такой уютный домик, и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги» [5; с. 21].

Перевод на китайский язык:
 «小沙燕找了好长时间，最后看见在一根白桦树枝上，挂着一座小巧玲珑的房子，看起来很轻。这样别致的小房子，简直像一朵用灰色薄纸扎成的玫瑰花» [4; с. 32]. (Буквальный перевод с китайского: «Маленькая береговушка долго искала и наконец увидела на ветке белой берёзы висевший крошечный легкий домик – он казался очень лёгким. Такой необычный домик, словно роза, смастерённая из серой тонкой бумаги»).

В оригинале рассказывается, что береговушка долго блуждала по чаще, пока наконец не нашла дом иволги. Автор сравнивает дом иволги с розой, сделанной из тонкой бумаги. Как было сказано в предыдущих примерах, употребление риторических приёмов делает текст более изящным и образным. В соответствии с контекстом переводчик заменил оригинальное прилагательное «уютный» на китайское «别致的» (своеобразный, оригинальный, необыкновенный), тем самым подчёркивая изящную уникальность домика и делая описание более живым и объёмным. Текст оригинала звучит более сжато и прямо. Кроме того, причастие «сделанную» (от инфинитива «сделать») в переводе заменён на китайское «扎(накалывать контур)» – более конкретный, образный глагол, лучше передающий действие при формировании цветка из тонкой бумаги.

Из данного примера видно, что использование риторических приёмов придает тексту большую образность, пробуждает у детей интерес к чтению и делает историю более привлекательной для читателя. Переводчик, чтобы компенсировать языково-культурные различия и позволить читателю точнее воспринять содержание оригинала, вносит в перевод некоторые изменения, что помогает избежать прямолинейности буквального перевода и благоприятно сказывается на восприятии читателя [6; с. 175]. Как в оригинале, так и в переводе язык рассказа прост и понятен, полон наглядных образов, а сюжет отличается простотой и вместе с тем увлекательностью. Нет глубокого анализа взаимоотношений с природой; выполняется лишь базовая задача – познакомить читателя с природой, помочь ему сблизиться с ней. Это воспитывает у маленьких детей любовь и любопытство по отношению к природному миру и формирует уважение к жизни любого живого существа.

Произведения Олега Бундура подходят для школьников среднего звена, обладающих определённым жизненным опытом и способностью к сопереживанию. Повествование нередко ведётся от первого лица, что усиливает эффект погружения; сюжет одновременно реалистичен и художественен. Писателем наглядно показаны условия существования белого медведя

и уязвимость арктической среды, что позволяет подросткам эмоционально прочувствовать ситуацию и сделать ценностные выводы, а также побуждает к размышлениям о защите окружающей среды. Экологическая тематика смещается от простого познания к реальной экологической заботе и пробуждению ответственности.

Например, в центральной главе книги «В гостях у белого медведя» с одноименным названием читаем:

«Я не брал белому медведю сгущёнку. Он без моей сгущёнки тысячу лет обходился и обойдётся ещё. А язык и губы о рваные края банки порежет точно. Я видел...» [7; с. 66]. Перевод на китайский:

«我没有给北极熊喂炼乳，不吃炼乳它也好好地活了千百年，再说破裂的罐头铁皮真的会把它的舌头和嘴唇划烂，我都看见了» [8; с. 65]. (Буквальный перевод с китайского: *«Я не давал белому медведю сгущенного молока, он прекрасно жил без него тысячу лет, и к тому же треснувшая жесть банки могла порезать ему язык и губы, я все это видел»*).

В оригинальном тексте автор говорит о том, что белые медведи не ели сгущенного молока тысячи лет, подчеркивая их способность выживать самостоятельно, без вмешательства человека. Упоминается, что язык и губы медведя могут быть порезаны острыми краями консервной банки, что указывает на возможные негативные последствия для здоровья редкого красивого животного от взаимодействия его с людьми. В переводе используется более прямой вариант выражения данной мысли, указывающий на то, что белые медведи могут хорошо жить и без сгущенного молока, то есть без вмешательства человека. Более того, с утвердительной интонацией говорится о том, что вскрытая банка может порезать язык и губы медведя, что более наглядно передает читателю идею о том, что даже незначительные действия людей, такие, как предоставление пищи, могут иметь печальные последствия для животных. Такой прямой стиль выражения производит впечатление на читателя и побуждает его к размышлениям. Также это передает глубокую мысль автора о взаимоотношениях человека и природы, подчеркивая необходимость заботы о животных и уважения к окружающей среде.

В главе «Здесь был Вася» автор рассказывает о появившемся у него желании пустить по воде из Арктики бутылку с надписью вроде той, которая дала название главе:

«Но хорошо, что я не сделал этого. Если каждый на полюсе бутылку оставит, что будет? Кошмар будет! Весь Ледовитый океан бутылками завалят.

Вовремя я подумал. Это хорошо, что человек вовремя думает...

Да и потом, я же не Вася!» [7; с. 78].

Перевод

на

китайский:

«还好，我并没有这样做。要是每个来北极的人都放一个漂流瓶，那漂流瓶不就变成北冰洋的噩梦了吗？

还好，我及时进行了反思，能及时反思对于一个人多重要啊！

话说回来，咱毕竟不是齐天大圣！」 [8; с. 76]. (Буквальный перевод с китайского: *«К счастью, я этого не сделал. Если бы каждый, кто приезжает в Арктику, бросал по бутылке с сообщением, эти бутылки стали бы настоящим кошмаром для Северного Ледовитого океана.*

К счастью, я вовремя осознал это, и насколько важно для человека уметь вовремя задумываться! Вернемся к делу, мы все-таки не Сунь Укун!»)

После прочтения оригинала можно сделать вывод, что в размышлениях автора выражена мысль о том, что люди не должны разрушать экологическую среду и должны сформировать правильные представления о том, как человеку следует взаимодействовать с природой. Нельзя разрушать первозданную природу и наносить ущерб экосистеме Арктики ради собственных эгоистичных желаний. Также подчеркивается, что человеку необходимо рефлексировать и анализировать свои поступки после принятия решений или совершения ошибок. Употребленное в оригинале имя «Вася» является широко известным в России, тогда как в переводе переводчик использует имя классического персонажа одного из четырех великих

произведений китайской литературы – Сунь Укуна (также известного как Ци Тянь Да Шэн). Сунь Укун – персонаж, известный всем детям в Китае. Он обладает великими способностями, силен в бою и является ключевой фигурой в команде, отправляющейся за священной книгой; он отличается непокорностью и нежеланием подчиняться, вызывая беспорядок на небесах; но он также предан и храбр, верно защищает Тан Сэнга во время их путешествия за священной книгой и в конечном итоге морально растет, учится ответственности и терпению, становится внутренне зрелым. Такое сочетание не только увеличивает близость читателя к тексту и уменьшает культурный барьер, но и позволяет объединять культуры двух стран. Это дает возможность читателю ощутить литературное очарование России и близость к ней китайской литературы, использующей иностранный (в данном случае – российский) культурный капитал для расширения понимания мира.

Таким образом, по сравнению с литературой для дошкольников данное произведение более зрелое: оно заставляет школьников среднего возраста думать «с позиции» животных и природы в целом, осознавать влияние человеческого поведения на экологию. Произведение преодолевает начальный уровень дошкольного этапа; автор начинает рассуждать о конкретных действиях человека и их последствиях. В произведении присутствуют и достоверные описания полярной среды, и эмоциональные переживания героя. Оно подходит школьникам среднего звена для эмоционального осмысления и формирования ценностных суждений и способно побудить к размышлениям о поведении человека в рамках стратегии защиты окружающей среды.

Повесть Михаила Пришвина «Серая сова» больше подходит старшеклассникам для углублённого текстового анализа и философских размышлений. Произведение не прибегает к прямым нравоучениям, а через жизненные взаимодействия главного героя (индейца по имени Серая Сова), бобра и других существ исследует сущность экологического равновесия, законы природы и сосуществование жизненных форм. Например, в оригинале, в главе «Охота за бобрами», читаем:

«Глубокое сострадание вызывал у нее (жены героя-охотника Серой Совы – Ц.Ч.) вид окоченевших, искаженных предсмертной агонией, скорченных мертвых существ, или зрелище добывания животных рукояткой топора, или удушение животных, умирающих с мольбой в глазах, и после того – новые и новые ловушки для новых жертв [9; с. 93]. Перевод на китайский:

«她受不了动物们临死前扭动身体、垂死挣扎的样子，无法直视死去的猎物抽搐成一团的场面，也忍受不了用斧头击打试

图求生的动物，把满眼乞求的动物扼死，之后再为新的受害者设置

陷阱等，诸如此类的事情都能唤起她深深的同情心。» [10; с. 20]. (Буквальный перевод с китайского: «Она не могла смотреть на животных, которые извивались и мучились перед смертью, не в силах выдержать зрелище мертвых жертв, судорожно сжимающихся в комки. Ей было невыносимо видеть, как животные, пытаясь спастись, получают удары топором, как человек душит полные мольбы глаза животных, а затем устанавливает ловушки для новых жертв. Подобные вещи вызывали в ней глубокое сострадание»).

В начале оригинального текста цепочка наложенных прилагательных («окоченевших, искаженных предсмертной агонией, скорченных мертвых существ») превращает сцену смерти животных в неподвижный визуальный ряд, создавая одновременно и ощущение тактильного ужаса. Это заставляет читателя, словно посещающего выставочный музей, остро почувствовать трагедию гибели животных и запомнить её. Переводчик же превращает смерть животных в изображение динамического процесса. Например, такие выражения, как «извивались и мучились перед смертью» и «судорожно сжимающихся в комки», активируют зеркальные нейроны, заставляя читателя сопереживать физиологическим страданиям животных, находящихся на грани смерти. Хотя способы выражения изменились, оба варианта текста демонстрируют жестокие сцены уничтожения животных охотником. Оригинал шокирует материализацией, тогда как перевод подвергает читателя

жестокому моральному испытанию через динамику. Это закладывает основу для последующего изменения психологии главного героя, а с ним и читателя.

В оригинале, в главе «Зима вдвоем с Королевой», мы находим еще один пример – рассказ о том, как главный герой спасает маленькую самку бобра, поселив ее у себя дома и назвав Джелли. Наблюдая за животным, ставшим домашней любимицей, охотник Серая Сова превращается в защитника природы, организовавшего заповедник для бобров.

«Случалось, Серая Сова, выведенный из терпения, решался серьезно ее наказать, и она это сразу же понимала: она становилась на задние лапы, смотрела прямо в лицо, спорила ворчливым дискантом и, оскорбленная, возмущенная, сама шлепала своего хозяина по спине» [9; с. 199]. Перевод на китайский язык: «“灰猫头鹰”有时也会失去耐心，想对它进行严厉的惩罚。杰丽立刻就明白了问题的严重性：它站起来，盯着主人的脸，不满地大声辩解着，像是受了很大委屈一样愤怒地啪啪拍打主人的肩膀。 [10; с. 158]. (Буквальный перевод с китайского: «Серая Сова иногда тоже теряет терпение и хочет строго наказать ее. Джелли сразу же осознаёт серьёзность ситуации: она встаёт, пристально смотрит хозяину в лицо и громко возмущённо оправдывается, словно сильно обиженная, сердито хлопая хозяина по плечу)».

В описании процесса общения бобра с Серой Совой можно наблюдать, как реакция бобра на поведение человека указывает на то, что в процессе охраны бобров люди часто игнорируют инстинкты животных, навязывая им человеческие нормы. Особенно выражение в переводе «明白了问题重要 (осознаёт серьёзность ситуации)» позволяет читателю более непосредственно почувствовать страдания животного в ответ на неправильное вмешательство человека. Из этого следует, что защита животных означает уважение к их собственной логике выживания.

Далее приведем фрагмент из оригинального текста (глава «Золотые россыпи»):

«Джелли всегда внимательно осматривала каждого члена этих компаний – прием знакомства, сохраненный ею и до сих пор. Изучив гостей, она никогда не выражала кому-нибудь из них особенного предпочтения, с таким презрительным видом она убежала после осмотра, что все покатывались со смеху, а кто-нибудь, может, и чувствовал облегчение» [9; с. 186]. Перевод на китайский

язык: «杰丽总是仔细打量每个人，这种认识陌生人的方法保留至今。用眼睛检查完每个客人之后，它从来没有对客人中的任何一个表现出特别的偏爱，只是带着轻蔑的表情跑开，逗得大家哈哈大笑，也许有人是松了口气。” [10; с. 141]. (Буквальный перевод с китайского: «Джелли всегда внимательно осматривала каждого человека – этот способ узнавания незнакомцев сохранился до сих пор. Осмотрев глазами каждого гостя, она никогда не проявляла особой симпатии к кому-либо из них, а лишь с презрительной миной убежала, заставляя всех громко смеяться – возможно, кто-то при этом вздыхал с облегчением)».

Анализ показывает, что автор с помощью приёма олицетворения возвышает поведение Джелли до уровня межпоколенческого наследия (под межпоколенческим наследием понимается передача и сохранение знаний, опыта, ценностей, культурных обычаев, навыков и социальной ответственности между разными поколениями). Это намекает на то, что животные обладают собственной культурной системой, которая вступает в диалог с человеческими «гостеприимными ритуалами». Фраза «презрительный вид» наделяет животных правом моральной оценки, показывая, что именно человек является объектом наблюдения и оценки, а не наоборот, исходя из представления человека о себе как «властелине природы». Предложение «А кто-нибудь, может, и чувствовал облегчение» отражает противоречивое отношение человека к природе – сочетание любопытства и страха. Эти описания помогают читателю осознать необходимость равенства человека и природы и обязанность человека учиться жить с природой в гармонии. Особо стоит отметить, что переводчик добавил слово «眼睛 (глаза)» при описании осмотра гостей Джелли, что усиливает представление о полной суверенности животных. Через описание взглядов бобра и

гостя автор передаёт идею о том, что истинное экологическое равенство начинается с признания животных как независимых наблюдателей.

Отсюда видно, что тематика детской литературы о природе выходит за рамки бытового экологического назидания и поднимается до уровня экологической этики, признания законов природы и сосуществования живых созданий, совершая переход от поведенческого требования «защитить природу» к познавательному возвышению – «понимать природу, уважать её законы». Это способствует формированию экологического мышления у старшеклассников, созданию зрелого и системного представления о природе и экологической теории, а также глубинному осмыслению взаимоотношений человека и природы. Подобные произведения требуют от читателя внимательного чтения текста, логического рассуждения и извлечения подтекста; они предъявляют более высокие требования к пониманию прочитанного и способности рассуждать.

Рассмотренные нами произведения подходят для трёх разных возрастных групп; глубина идей и способы повествования в них явно различаются, но по основополагающим позициям и ценностным установкам они полностью едины. Авторы исходят из уважения и любви к природе, отвергают представление о природе как о ресурсе для человека и подчёркивают жизненность и целостность самой природы. По сути своей это экологическое просвещение и нравственное воспитание; цель – направлять читателя к формированию верного представления о природе [11; с. 35]. На дошкольном этапе речь идёт об освоении привычек и начальном приобщении к знаниям о природе, в средней школе – о появлении ответственности, в старшей – о становлении этических представлений и формировании экологического сознания. Эти три ступени представляют собой последовательное развитие образовательных задач и в совокупности служат воспитанию экологической грамотности детей и молодёжи, формируют целостную систему экологического образования, взаимно дополняют друг друга, и ни одно из них нельзя исключать.

Суммируя проведённый анализ и рассуждения, нетрудно заметить, что экологические темы демонстрируют чёткую возрастную стратификацию и тесно соотносятся с когнитивным уровнем и эмоциональными потребностями дошкольников, подростков и старшеклассников. Произведения для разных возрастных групп различаются по смысловым акцентам, но неизменно транслируют главные ценности – благоговение перед природой и важность защиты жизни, объединяя литературное и воспитательное начало.

Библиографический список

1. 姜守义. 文学经典的价值. 文艺理论. 2015. № 5. С. 62.
2. 张小琴. 谈谈如何为儿童选择文学作品. 文学教育. 2012. №11. С. 45.
3. Бианки В.В. Теремок. М. – Л.: Детгиз, 1948. 23 с.
4. 王长松. 森林里的房子. (俄罗斯) 维塔里·瓦连季诺维奇·比安基著, 王长松译. 安徽: 安徽教育出版社. 2013. (Ван Чансун – «Лесные домишки» (Россия). В.В. Бианки, перевод Ван Чансун. Аньхой: Аньхойское образование, 2013.)
5. Бианки В.В. Лесные домишки. М.: Детская литература, 1975. 18 с.
6. 贾寅凤. 不同年龄阶段的儿童文学翻译策略探究. 海外英语. 2012. № 23. С. 174–175.
7. Бундур О.С. В гостях у белого медведя. СПб.: Детское время, 2019. 128 с.
8. 李江华 (2020). 我在北极熊家做客. (俄罗斯) 奥列格·彭杜尔著, 李江华译, (俄罗斯) 嘉琳娜·萨拉维耶娃 绘[M.]. 南宁: 接力出版社. (Бундур О.С. В гостях у белого медведя / перевод Ли Цзяньхуа, иллюстрации К. Салавеевой. Наньнин: Цзели, 2020).
9. Пришвин М.М. Серая Сова // Пришвин М.М. Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1983. С. 80-242.
10. 夏宏芳 (2022). “灰猫头鹰”和海狸的故事 (俄罗斯) 米哈伊尔·米哈伊洛维奇·普里什文著, 夏宏芳译.

北京：西苑出版社. 2022. С. 2-136. (Ся Хунфан – Сказка о Серой Сове и бобре. М.М. Пришвин. Перевод Ся Хунфан. Пекин: Сиюань, 2020).

11. 陈少扬. (2025). 儿童文学与儿童认知发展的互动关系初探. 现代阅读. 2025. № 20. С. 33–35.

References

1. Jiang Shouyi. The Value of Literary Classics. *Literary Theory*. 2015. Vol. 5. P. 62.
2. Zhang Xiaoqin. (2012). On how to select literary works for children. *Literary Education*. 2012. Vol. 11. P. 45.
3. Bianki V.V. A small wooden house. Moscow – Leningrad, 1948. 23 p.
4. Wang Changsong. The House in the Forest. (Russia) V. Bianki, translated by Wang Changsong. Anhui: Anhui Education Press, 2013.
5. Bianki V.V. Little forest houses. Moscow, 1975. 18 p.
6. Jia Yinfeng. An Exploration of Translation Strategies for Children's Literature at Different Age Stages. *Overseas English*. 2012. Vol. 23. P. 174-175.
7. Bundur O.S. Visiting the Polar Bear. St.-Petersburg, 2019. 128 p.
8. Li Jianghua. I Visited the Polar Bear's Home. (Russia) Oleg Bundur, translated by Li Jianghua, illustrated by K. Saravieva. Nanning: Jieli Publishing House. 2020.
9. Prishvin M.M. Gray Owl // Prishvin M.M. Collected Works in 8 vol. Vol. 4. Moscow, 1983. P. 80-242.
10. Xia Hongfang. "The Story of the Gray Owl and the Beaver" (Russia) by M. Prishvin, translated by Xia Hongfang. Beijing: Xiyuan Press, 2022.
11. Chen Shaoyang. A Preliminary Study on the Interaction between Children's Literature and Children's Cognitive Development. *Modern Reading*. 2025. Vol. 20. P. 33-35.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 17.021

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.018

Воронежский государственный технический университет

Voronezh State Technical University

Доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и истории

Е.А. Волкова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: philosophy.kaf@cchgeu.ru

Doctor of Historical Sciences, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

E.A. Volkova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: philosophy.kaf@cchgeu.ru

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И.М. Бочарова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: philosophy.kaf@cchgeu.ru

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I.M. Bocharova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: philosophy.kaf@cchgeu.ru

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

И.Д. Черноусова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04;

e-mail: i.chernousova73@mail.ru

PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History Chair

I.D. Chernousova

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04;

e-mail: i.chernousova73@mail.ru

И.М. Бочарова, Е.А. Волкова, И.Д. Черноусова

ПРОБЛЕМА РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: АНАЛИЗ ИДЕЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье противостояние России и коллективного Запада рассматривается как проблема геополитическая, этическая и аксиологическая. Рожденные этим противостоянием вызовы вновь поднимают в отечественном любомудрии запрос на осмысление путей выхода из кризиса, дальнейшего пути развития России, ее места среди цивилизаций. Авторы обращаются к наследию русской религиозной философии для осмысления глубинных причин современного кризиса в отношениях России и Европы. Проанализирована критика идеи «Русского мира» со стороны Запада, обвиняющего её в имперской направленности. Исторический контекст исследования опирается на полемику славянофилов и западников, а также на труды Н. Данилевского, К. Леонтьева, В. Соловьёва, Н. Бердяева и И. Ильина. В работе выявлены особенности европейского национализма (французского и немецкого), которые русские мыслители противопоставляли русскому мессианству. Авторы акцентируют внимание на идее Ф.М. Достоевского о миссии России, основанной на «силе братства», способной к воссоединению народов не через насилие». В работе подчеркивается, что русские мыслители видели предназначение России в служении, а не в господстве, что отличает её от западных имперских проектов. Исследуется феномен «политического бескорыстия» России в исторических военных кампаниях по освобождению европейских народов. В статье отмечается разочарование русских философов в европейской политике, отмеченной жестокостью, двойными стандартами и реваншизмом. Анализируются идеи «всеединства» В. Соловьёва и «общего дела» Н. Федорова как попытки преодолеть противостояние Россия-Запад через синтез. Авторы показывают, что совре-

менная геополитическая ситуация воспроизводит многие сценарии, описанные русскими мыслителями начала XX века. В выводах статьи констатируется, что кризис в отношениях России и Запада связан с более глубоким кризисом техногенной цивилизации. Особый акцент в работе сделан на том, что в современном российском дискурсе подчеркивается многонациональность и многоконфессиональность «Русского мира». В статье поднимается проблема борьбы с фальсификацией истории как важного аспекта сохранения культурного суверенитета. В заключении авторы приходят к выводу, что обращение к историко-философскому наследию позволяет выработать новые стратегии межкультурного диалога и цивилизационного развития России.

Ключевые слова: противостояние России и коллективного Запада, русский мир, русский язык и православие как ядро русского мира, русская идея, национализм, национальный характер, философия войны, историческая судьба России

I.M. Bocharova, E.A. Volkova, I.D. Chernousova

THE PROBLEM OF RUSSIAN-EUROPEAN INTERACTION IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION: AN ANALYSIS OF THE IDEAS OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHERS

In this article, the confrontation between Russia and the collective West is viewed as a geopolitical, ethical, and axiological issue. The challenges arising from this confrontation have once again raised the need for Russian philosophers to explore ways to overcome the crisis and determine Russia's future development and its place among civilizations. The authors draw on the legacy of Russian religious philosophy to understand the underlying causes of the current crisis in relations between Russia and Europe. The article analyzes the criticism of the idea of the "Russian World" by the West, which accuses it of being imperial in nature. The historical context of the study is based on the polemics between Slavophiles and Westernizers, as well as on the works of Nikolay Danilevsky, Konstantin Leontiev, Vladimir Solovyov, Nikolay Berdyaev, and Ivan Ilyin. The article identifies the characteristics of European nationalism (French and German), which Russian thinkers contrasted with Russian messianism. The authors focus on the idea of F. Dostoevsky's mission of Russia as a "force of brotherhood" capable of reuniting nations not through violence. The work emphasizes that Russian thinkers saw Russia's destiny in service, not in domination, which distinguishes it from Western imperial projects. The article examines the phenomenon of Russia's "political selflessness" in historical military campaigns for the liberation of European nations. The article notes the disappointment of Russian philosophers in European politics, marked by brutality, double standards and revanchism. The article analyzes the ideas of V. Solovyov's "all-unity" and N. Fedorov's "common cause" as attempts to overcome the Russia-West confrontation through synthesis. The authors show that the current geopolitical situation reproduces many scenarios described by Russian thinkers in the early 20th century. The article concludes that the crisis in relations between Russia and the West is linked to a deeper crisis in the technological civilization. The article emphasizes that the modern Russian discourse highlights the multinational and multi-religious nature of the "Russian World." It also addresses the issue of combating historical falsification as an important aspect of preserving cultural sovereignty. The authors conclude that drawing on historical and philosophical heritage can lead to the development of new strategies for intercultural dialogue and Russia's civilizational growth.

Keywords: confrontation between Russia and the collective West, Russian world, Russian language and Orthodoxy as the core of the Russian world, Russian idea, nationalism, national character, philosophy of war, historical destiny of Russia.

24 февраля 2022 года с началом военной операции на Украине обострились те противоречия между Россией и Европой, Россией и Америкой, которые затрагивают сферу международных отношений и расстановку сил в мире геополитики. В информационном пространстве в глобальном масштабе происходит столкновение ценностных установок как Запада и Востока, так и Севера и Юга, вопросы безопасности глобальной и национальной особенно волнуют людей из-за угрозы применения ядерного оружия.

России на современном этапе противостоит коллективный Запад. Термин «коллективный Запад» применяется для обозначения объединения стран, которые разделяют общие ценности, рыночную экономику и ориентацию на западные политические институты. В широком смысле это понятие включает страны Европейского Союза, Соединённые Штаты Америки, Канаду, Великобританию и другие государства, которые считаются частью «западной цивилизации». В российском общественно-политическом дискурсе понятие «коллек-

тивный Запад» часто используется с негативной коннотацией, подчеркивая стремление европейских держав и США к мировому господству, влекущее разрушение традиционных ценностей. Безусловно политика консолидированного Запада во главе с США направлена на ослабление России, что находит свое отражение в мощнейшей антироссийской пропаганде, в преследовании всего, что имеет отношение к России и «русскому миру».

«Русский мир» – термин, используемый для обозначения культурно-цивилизационной, геополитической и религиозной концепции объединения русскоязычного населения по всему миру. Многие философы пытались заполнить образовавшийся идеологический вакуум идеей консолидации разобщенных русскоязычных соотечественников. Концепция сложилась в постсоветских реалиях и служила неким инструментом, с помощью которого идеологи пытались осмыслить новое российское государство как особое историко-культурное пространство со своими традициями и правилами. Некоторые ученые высказывают мнение, что концепт «русского мира» дополнял и помогал раскрыть идею политического суверенитета России, интеграции новой России в глобальный мир. В центре концепции лежит идея о защите прав соотечественников – членов русской диаспоры за рубежом, или русскоязычных меньшинств. Понятие «соотечественники» является не юридическим, а скорее символическим – российская власть исходит из того, что у этих людей есть эмоциональная привязка к общим культурным нарративам на основе использования русского языка. Особое значение придаётся русским меньшинствам в ближнем зарубежье [1, С.19].

На государственном уровне концепт «русский мир» стал частью политики В.В. Путина, который в 2006 году заявил, что «русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за её пределами». В 2007 году по указу Владимира Путина был создан Фонд «Русский мир», который занимается содействием распространению объективной информации о современной России, российских соотечественниках и формированием на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения. С 2022 года фонд попал под санкционную политику Европейского Союза. Идея русского мира со стороны западных оппонентов России в информационном пространстве критикуется за имперскую направленность и стремление к угнетению, зависимых от России народов [2, с.112].

Помимо фонда, нельзя не отметить важнейшую роль Православной Церкви в продвижении концепции, так как православие и принадлежность к Русской Православной Церкви рассматривается на ряду с русским языком как ядро русского мира. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, рассматривает русский мир как Русскую цивилизацию, чья культура и духовные традиции сформированы на основе православных ценностей, а Украина и Белоруссия – её неотъемлемые части.

Присоединение Крыма к России, с точки зрения «русской идеи» и концепта «русский мир», помогло донести до общества значимость и важность долгожданного возвращения исконно русских территорий. Именно «русская идея», которая звучит как призыв к национальному возрождению и сохранению материального и духовного роста России, помогла россиянам осознать всю масштабность исторического момента для нашей страны, а крымчанам быстрее интегрироваться по возвращении домой. События СВО, связанные с присоединением ЛНР и ДНР, – это операция по спасению русского народа, а историческая, духовная и нравственная миссия России заключается в том, чтобы созидать и освободить.

В настоящее время значительное влияние на «русский мир» оказывает философ А. Дугин, благодаря которому концепция приобретает новые формы и направления. Именно он составил текущий каркас концепции «русского мира», где Россия сегодня выступает как «собиратель империи», однако империи нового типа: демократической, полицентричной, многополярной, не претендующей на единственность, допускающей другие империи – китайскую, исламскую, европейскую, африканскую, латиноамериканскую [3]. В современном дискурсе подчеркивается многонациональность, многоконфессиональность и масштабность

«русского мира», делается упор на раскрытие самобытности русских ценностей, ведется борьба с фальсификацией истории, с политикой переоценки исторического прошлого постсоветских стран, когда историческое прошлое становится политической технологией, инструментом управления коллективным сознанием.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая президентом Владимиром Путиным 31 марта 2023 года, декларирует, что соотечественники, проживающие за рубежом, зачастую подвергаются дискриминации, и РФ будет продолжать оказывать им всестороннюю поддержку, причём особенно это касается недружественных государств. В концепции подчёркивается, что Россия, самобытное государство-цивилизация, спланирует русский народ и другие народы, «составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира», поскольку Россия – ядро этой цивилизационной общности. В основе подхода российского МИД лежит восприятие русского языка как объединяющего фактора всех людей, чувствующих привязанность к культуре России; частью «русского мира» могут стать любые территории, где значительная часть населения говорит на русском языке. Секретарь Совета Безопасности России Сергей Шойгу 29 октября 2025 года заявил, что «коллективный Запад не понимает природы российских межнациональных отношений, духовной, нравственной силы, единства многонационального народа России, позволяющего нам уверенно противостоять разрушительным геополитическим технологиям» [4].

Политическая обстановка заставляет вновь обратиться к историческому опыту противостояния России и Запада. В русской общественно-политической мысли и философии он осмысливался П.Я. Чаадаевым, И.В. Киреевским, Я.И. Тютчевым, Ф.М. Достоевским, Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым, в метафизическом измерении Н.Ф. Федоровым, В.С. Соловьёвым, Л.П. Карсавиным, И.А. Ильиным и др.

Искания свобод в XVIII-XIX веках, осознание отсталости России по сравнению с Европой и причин этой отсталости развернуло полемику западников и славянофилов. Всю суть спора К.С. Аксаков выразил в следующем заключении: «С одной стороны, так называемые славянофилы стоят за общечеловеческое и за прямое на него право русского народа. С другой стороны, поборники Западной Европы стоят за исключительную европейскую национальность, которой придают всемирное значение и ради которой они отнимают у русского народа его прямое право на общечеловеческое. ... С одной стороны чувство свободы и любви; с другой, чувство зависимости и преданности авторитету» [5, С. 111]. Давний спор, сегодня интересен нам тем, что поднятые в нем темы перекочевали в современность. Цель и вектор политических усилий Запада сегодня видится в изменении ценностных (духовных, интеллектуальных) ориентиров российского общества, его трансформации.

По замечанию В.Ф. Эрнэ, В.С. Соловьёва, И. Ильина, «дикость и варварство» России в западном сознании связана с со способностью русских крушить все, как от азиатов от русских можно ожидать все что угодно (Вл. Соловьёв). Россия как «египетский сфинкс» вызывает отвращение, неверие, озлобленность. «Варварство России зрят те, кто, вторгшись в пределы Римской империи, для римлян тоже были варварами». «Слившись в общий западный, преимущественно романо-германский тип, европейское сознание, видело в российском греко-славянский тип» (И. Ильин) [6]. И, хотя сегодня коллективный Запад предстает как определенное монолитное явление, это далеко не так. В Европе сформировались разные национальные традиции, национальные культуры.

Запад в целом, как цивилизация, рассматривался русскими интеллектуалами как мир, где царствует непрерывное интеллектуальное совершенствование, где гуманизм, свобода и творчество, по праву занимают высшие ценностные позиции. Тем тяжелее сознавать, что переживаемые события первой четверти двадцать первого века сравнимы с временами падения европейского мира в начале века двадцатого в период мировых войн. Представители русской философской мысли «золотого века», отмечали, что в культурной Европе «поражает, возмущает и отторгает существующий национализм, желание наций к самовозвеличиванию» (Н.

Бердяев), часто ничем не обоснованном и неподтверждаемом, но с желанием обеспечить себе центральное место и статус [7, с. 208]. О своей исключительности заявляют как нации многочисленные, так и нации малочисленные. Например, венгры и эстонцы, которые находились под властью соседей долгое время. Национальная вражда в Европе существует «как зоологический факт» (В. Соловьев) [8, с. 377]. Осуждаемый сознанием самих народов «хищнический национализм», по словам Н. Бердяева, основан на ненависти и презрении к другим народам [9, с. 348].

Французский национализм заключается в любви и гордости принадлежать и быть гражданином «прекрасной Франции», которая является наследницей универсальных ценностей греко-римской цивилизации, принципов гуманизма эпохи Ренессанса, принципов демократии – свободы, равенства и братства, ставших лозунгом Великой французской революции. Для французского национализма характерно «высокое самомнение и самозамкнутость», при этом В.Ф. Эрн данный тип национализма считал не агрессивным [10, С. 357].

Особое место занимает рассмотрение немецкого национализма. По сравнению с французским, немецкий национализм характеризует «тевтонский рыцарский дух», он наполнен желанием и железной волей к господству. Под лозунгом «Германия превыше всего!» произошло покорение Европы, Европа оказалась под «немецким кованым сапогом». У многих исследователей милитаризм – душа Германии, проявление германского героизма, «доблести», доблести той, что «придает столь высокий смысл милитаризму» и войне (В. Эрн). Исполненные духом милитаризма, немцы смотрели на войну как на священное, как на «священнейшую вещь на земле» [11, с. 357].

Когда в истории сталкивается «дух Германии» и «дух России», другие европейские силы обычно остаются в стороне. Немецкий дух, самоуверенная гордая педантичность, немецкая идея превосходства выступает против «смирной смиренной» русской духовной идеи. Война немцев на Востоке, против русских и других народов СССР, была беспощадной в отношении мирного населения. В геноциде как массовом истреблении «доблестный меч немецкого воинства» был обогрён невинной кровью миллионов людей. Это не смывает даже «доблестная смерть» немецких солдат, которых охватывало нервическое настроение и иступление в битвах. «Меч может быть свят только в святых руках и мерзок в руках разбойников» [12]. Символ меча, понимаем в различных культурах по-разному. И если меч в русской символике – это меч правды, то в немецкой – силы, силы физической, прикладной. В русской этике воинства и войны русское воинство – воинство бесстрашное, светлое, это сила духовная, что формировалась в битвах с благословения Сергия Радонежского, сила за которую пред Богом с крестом молились духовные подвижники в кельях, и схимники на ратном поле с мечом. Меч, освещенный верой и правдой, в русском сознании и войну представляет как дело священное.

У Ф.М. Достоевского великой миссией России является способность «не мечом, а силой братства», братским стремлением соединять, «воссоединять» людей [13, с. 124]. Россия – это окраина Европы, но это великая охрана. «Мы, бесспорно европейцы, но только с азиатским осадком на душе» (В. Соловьев. Три разговора). Лосский Н.О. отмечал, что цивилизованных европейских соседей всегда раздражала «привычка» России жить не для себя. В военных компаниях русское воинство освобождало другие народы от многовекового турецкого ига, от польских захватчиков, от шведских, немецких, французских завоевателей, без территориальных захватов. Победоносные русские полки входили в Берлин, Кенигсберг, Париж, Вену и пр. Русский философ сравнивает такое «политическое бескорыстие» с природой рыцарского духа. Имперские замыслы Петра Великого сопряжены с войнами против Турции, Польши, Швеции, Германии. Волей великого царя захудалая Московия стала европейской державой. Как европейцы мы ценим университеты, стремимся к освоению наук и научных знаний, реализуем всеобщую грамотность, повышаем престиж профессионализма и мастерства, охраняем политические свободы, стремимся к процветанию. Россия готова была служить, но не прислуживать, быть равной среди равных. Конечно, на евро-

пейской политической арене Россия выступила защитницей славян и православных народов: греков, грузин, армян. В своей политике не раз она демонстрировала «всепрощение и высокое доверие». Как общество, где православные ценности укорены в культуре, русские стремятся к примирению и не стремятся властвовать над другими народами, «стремятся воссоединить разъединенных» [14].

Мечты русских философов связывали судьбу России с судьбой народов Европы, ими мыслилось будущее как общеевропейское мирное благополучное равноправное сосуществование, казалось, что «варварская эпоха, когда главным инструментом была война (родов, кланов) ушла в прошлое» (С. Франк) [15, с. 478]. Но и сегодня мы видим, что европейская жизнь наполнена жестокостью, пошлостью, буржуазными предрассудками, репрессиями, нарушением морали, двойными стандартами, для тех, кого не считают своими. Международные европейские организации оказываются слабыми, а национальные власти зависимыми. И в нашу жизнь опять приходят столкновения насильственного характера.

Когда в Европе грянула Первая мировая война, она казалась для большинства образованных людей недоразумением, неожиданностью, в которую никто не хотел верить и принимать, тем более никто не хотел умирать. Начало войны казалось несчастной случайностью, результатом действия преступных авантюристов. Никто не верил, что война надолго и всерьез, надолго мир опускается в жестокость и разрушительность всего и всех. Цивилизованный европейский мир воспринимает войну как неестественное для цивилизации состояние, то, что стало несчастьем, прервавшим нормальное развитие. Годы войны и чудовищная жестокость, приводят к состоянию смертельного отчаяния. Каждой воюющей стороне кажется, что больше не вернется мирная жизнь после пережитого и нормальная жизнь возможна только после уничтожения врага. При этом С. Франк считает, что и наступление мира, с его ощущением, что пережитая война последняя, и заключение последующего договора – это прекращение войны на время. Договоры нарушаются, злодеяния и преступления войны забываются, при этом намеренно. Европейцы как потомки варваров, крушивших Рим, полны взаимной ненавистью, озлобленностью, реваншизмом, стремлением к наживе за счет слабых, что в полной мере отражает состояние европейской политики [16, с. 134]. А в отношении России ненависть вызывают победы русского оружия и географические просторы. Наиболее часто вспоминают в Европе о России и «русском коварстве» и праве расставить все точки по-своему, когда, по их мнению, Россия становится слабой.

Для русских философов судьба Европы и России важны, неотделимы. Но И. Ильин призывал не заискивать перед Европой, «более того, нам надо быть мужественными, держаться достойно», «мы не Азия и не Европа, а великий народ, имеющий свою историю и свое признание в истории» (И. Ильин. Гении России) [17]. При всех нашествиях и конфликтах мы сохранились как народ и не утратили своей земли и культуры. Вл. Соловьев в работе «Оправдание добра» подробно рассматривает народы и государства в нравственном отношении. В межнациональном взаимодействии следует отмечать, что идентичность национальная не утрачивается, присутствует не однородность, а всенародность, которая заключена в солидарности, взаимодействии, единстве, сотрудничестве для самостоятельной жизни каждой нации. Национальный опыт и национальная культура взаимообогащают народы, по мнению русских философов, «создается высшее единство». Пожелание равенства, по Вл. Соловьеву, – это пожелание блага всем народам.

Русская идея, русское мессианство, в сравнении с другими национальными мессианскими идеями, отличает идея народа, который является «народом богоносцем», при этом он не ставит себя выше других. Ф.М. Достоевский писал: «Во имя святого подвига наш народ был готов надеяться на себя под оковами и верить». Вл. Соловьев рассуждал, что русский народ избран Богом, «но избран не для соперничества с другими, не для господства над ними, а для свободного служения всем народом и для осуществления в братском союзе с ним истинного богочеловечества» [18, с. 243]. Киреевский И.В., Чаадаев П.Я., Данилевский Н.Я. выдвигали идею, что Россия сформировала свою особую форму культуры. «Наш удел есть всемирное и не лично приобретенное, а силой братства и братским стремлением к воссоединению людей» (Вл. Соловьев) [19, С. 321]. Нашему

народу необходима свобода от ограниченности, вера в Бога и высший мир, вера и стремление отстоять как высший идеал «Святую Русь» [20, с. 403]. Но познание народом самого себя невозможно без обращения к другим культурам, обращения мирного, так как «настоящая культура требует, чтобы всякая драка между нациями была упразднена».

Причины войн видятся в жадности, жестокости, желании владеть. В войнах России меж тем проявляется величайший духовный смысл и характер, потому что Россия борется не только за себя. Война для России мыслится как жертвенность, христианский подвиг, добровольно и безропотно принятый народом. Русская душа в титанической борьбе с колоссальным врагом «являет один за другим величайший подвиг беззаветного мужества и развертывает в ослепительном свете мощь и сталь солнечного духа» (В. Эрн).

Каким бы ни был национальный характер в истории, возникают периоды тяжелейших испытаний и потрясений. В борьбе происходит напряжение воли и народного терпения, вершится история. Народ отстаивает право на национальную свободу и существование, жертвуя жизнями своих людей. Опыт внешней политики России подтверждает вывод о том, что в течение своей «тяжелейшей истории мы часто вынуждены защищать свое существование и независимость, духовные православные ценности и веру, национальную культуру и традиции от воинствующих западных соседей» [21, с. 329], при этом «России надо надеяться на свой меч, а не на дружбу с Европой» – замечает великий гуманист Ф.М. Достоевский. Идея дистанцирования России от Запада в умственной, духовной, политико-экономической сфере наиболее ярко проявилась в трудах Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, где Россия и Запад трактуются как чуждые друг другу образования, имеющие отношения к разным культурно-историческим типам.

В русской философии присутствует не только идея разделения и противостояния. В работах Н.Ф. Федорова и Вл. Соловьева происходит рождение идеи синтеза, «всеединства», идеи «общего дела», всечеловеческой «работе по спасению» в деле «восстановления мира в то благолепие негения, каким он был до падения» (Н. Федоров). Гачева А.Г. пишет о рождении здесь новой логики, логики в которой противопоставление России и Запада становится отжившим, что «представляло проявлением «небратского», «неродственного» мироотношения»: «В перспективе нового ценностного выбора цивилизации, когда главным становится не разделяющий «вопрос о богатстве и бедности», а всеобщий «вопрос о смерти и жизни», Россия, Запад и Восток призваны двигаться от противостояния к сотрудничеству» [22, С. 119].

Итак, геополитические вызовы ставят для России и для всех, кто связывает свою судьбу с ее настоящим и будущим, не забывая уроков истории, актуальность выбора путей развития. Среди многочисленных кризисов, которые мы переживаем, одним из самых серьезных, самых глубоких является кризис в отношениях России и Запада.

Проблема противостояния России и Запада не может быть рассмотрена без обращения к вопросу о взаимодействии разных типов цивилизационного развития и различных типов развития культуры. Современный кризис, военное противостояние России и коллективного Запада связаны с кризисом техногенной цивилизации. Сегодня проблема выживания требует изменения многих ценностей и структур, характерных для техногенного развития.

Вместе с тем, внутри этого развития намечаются точки роста новых структур и отношений человека к миру. Проведенный анализ позволяет утверждать, что противостояние России и коллективного Запада не является исключительно продуктом современной политической конъюнктуры, а уходит корнями в глубинные цивилизационные и ценностные различия. Обращение к наследию русской религиозной философии дает ключ к пониманию ментальных основ этого конфликта, который разворачивается не только на полях сражений, но и в пространстве смыслов и идентичностей.

Исследование подтверждает, что концепт «Русский мир» выполняет важнейшую функцию цивилизационного якоря, позволяя сохранять культурную и духовную связь с соотечественниками за рубежом в условиях внешнего давления. Как показано в статье, русский язык и православие остаются теми несущими конструкциями, которые обеспечивают устойчивость русской культурной

идентичности перед лицом глобализационных вызовов. Анализ взглядов славянофилов и западников демонстрирует, что спор о пути России не завершен – он лишь приобрел новые формы в современном геополитическом контексте.

Рассмотрение европейского национализма (французского и немецкого) в работах русских мыслителей показывает, что Запад никогда не был монолитен, однако в отношении к России он способен к временной консолидации. Особое значение имеет выявленное в статье противопоставление западного «меча силы» и русского «меча правды», которое иллюстрирует принципиально различное понимание природы воинского служения. Идея Ф.М. Достоевского о России как «силе братства» сохраняет свою актуальность: она противопоставит западному утилитаризму и предлагает иную модель межнациональных отношений.

Важным выводом является то, что русские философы, включая В. Соловьева и Н. Бердяева, видели в России не анти-Запад, а самобытную цивилизацию, способную к диалогу, но не к растворению в чужой культурной среде. В статье убедительно показано, что обвинения России в «варварстве» имеют давнюю историю и служат инструментом оправдания экспансионистской политики Запада на Восток. Исследование подтверждает мысль И. Ильина о необходимости для России держаться достойно и не заискивать перед Европой, сохраняя верность своим духовным истокам. Обращение к философии «общего дела» Н. Федорова и идее «всеединства» В. Соловьева открывает перспективу выхода из логики противостояния к логике сотрудничества.

Однако этот переход возможен лишь при условии преодоления Западом собственных имперских амбиций и признания цивилизационного равноправия России. Анализ современной геополитической ситуации сквозь призму философского наследия показывает, что санкционная политика и информационная война являются новыми формами старого противостояния. Выводом работы становится тезис о том, что кризис в российско-европейских отношениях неразрывно связан с более глубоким кризисом техногенной цивилизации и ее ценностных оснований. Авторы подчеркивают, что сегодня, как и столетие назад, вопросы национальной безопасности и сохранения суверенитета требуют от России мобилизации не только материальных, но и духовных ресурсов.

Исторический опыт, осмысленный русскими философами, учит, что договоры с Западом часто носят временный характер и нарушаются, как только Россия воспринимается как ослабевающая. Тем не менее, в статье звучит мысль о том, что окончательный разрыв с европейской культурой невозможен и нежелателен, поскольку Россия сама является неотъемлемой частью европейского культурного пространства, хотя и особой его частью. Важным итогом работы является обоснование необходимости защиты исторической памяти и борьбы с фальсификацией истории как условия сохранения цивилизационной идентичности. В целом, исследование демонстрирует, что русская религиозная философия предлагает не только диагноз болезни европейской цивилизации, но и рецепт исцеления — через возвращение к подлинным духовным ценностям и построение многополярного мира, основанного на взаимном уважении самобытных культур.

Библиографический список

1. Алейникова С.М. «Русский мир» как культурно-цивилизационный концепт // Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск: РИВШ, 2016. №15. С. 19-26.
2. Никонов В. А. Русский мир и русский язык // Русский язык за рубежом. Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2007. № 5 (204). С. 112—114.
3. Александр Дугин: Мы – государство-цивилизация / Изборский клуб. Аналитика. 29.07.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/27146> (дата обращения – 15.12.2025)
4. Шойгу С.К. Единство народов – фундамент российской государственности / Федеральный АиФ. 28.10.2025. URL: <https://aif.ru/politics/russia/sergey-shoygu-edinstvo-narodov-fundament-rossiyskoj-gosudarstvennosti> (дата обращения – 15.12.2025).

5. Аксаков К.С., Аксаков И.С. О русском воззрении. Литературная критика / Сост., вступит, статья и коммент. А. С. Курилова. М.: Современник, 1981. URL: <https://litcritica.rhga.ru/section/istoriya-literaturnoy-kritiki-v-rossii/o-russkom-vozzrenii.html> (дата обращения – 15.12.2025).
6. Ильин И. Гении России. Собрание сочинений: в 10 т. / Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская Книга, 1993-1999. URL: <https://nasledie-iljina.srcc.msu.ru/bibliografiya/bibliografiya-5.html> (дата обращения – 15.12.2025)
7. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. Русская идея. М.: Эксмо, 2025. 688 с.
8. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Издательство Юрайт, 2025. 468 с.
9. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание. Русская идея. М.: Эксмо, 2025. 688 с.
10. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россияю. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. 48 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/85355-ern-v-f-vremya-slavyanofilstvuet-voyna-germaniya-evropa-i-rossiya-m-1915-voyna-i-kultura> (дата обращения – 15.12.2025).
11. Эрн В.Ф. Меч и крест : статьи о современных событиях. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. 103 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/83857-ern-v-f-mech-i-krest-stati-o-sovremennyh-sobytyah-m-1915> (дата обращения – 15.12.2025).
12. Волкова Е.А. Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского. Воронеж: VG, 2017. 330 с.
13. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. / Сост. А.П. Поляков, П.В. Алексеев, А.А. Яковлев. М: Республика, 1994. 432 с.
14. Франк С. Сочинения. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Ю. П. Сенокосова. Журн. «Вопр. Философии» и др. М.: Правда, 1990. 607 с.
15. Франк С. Политика и идеи (О программе «Полярной Звезды»). 1905 г. Полярная Звезда. 1905. № 1 (15 дек.). С. 18-31. URL: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=532> (дата обращения – 15.12.2025).
16. Ильин И. Гении России. Собрание сочинений: в 10 т. / Сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская Книга, 1993-1999. URL: <https://nasledie-iljina.srcc.msu.ru/bibliografiya/bibliografiya-5.html> (дата обращения – 15.12.2025)
17. Соловьев В.С. Идолы и идеалы. Печатается по: Соловьев В.С. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. Т. II. С. 357–376 URL: https://www.jourssa.ru/files/volumes/2003_2/Solovyev_2003_2.pdf (дата обращения – 15.12.2025).
18. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Издательство Юрайт, 2025. 468 с.
19. Волкова Е.А. Религиозные и исторические воззрения Ф.М. Достоевского. Воронеж: VG, 2017. 330 с.
20. Гачева А.Г. Россия и Запад в русской историософской мысли: от противостояния к синтезу // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т.5, № 4, С. 110-123.

References

1. Aleinikova, S.M. “The Russian World” as a Cultural and Civilizational Concept // Scientific Works of the Republican Institute of Higher Education. Minsk: RIVSh, 2016. No. 15. pp. 19-26.
2. Nikonov, V.A. “The Russian World and the Russian Language” // Russian Language Abroad. Pushkin State Institute of the Russian Language, 2007. No. 5 (204). pp. 112-114.
3. Alexander Dugin: We Are a State-Civilization / Izborsk Club. Analytics. 29.07.2025. URL: <https://izborsk-club.ru/27146> (date of access – 15.12.2025)

4. Shoigu, S.K. The Unity of Peoples is the Foundation of Russian Statehood / Federal AiF. 28.10.2025. URL: <https://aif.ru/politics/russia/sergey-shoygu-edinstvo-narodov-fundament-rossiyskoy-gosudarstvennosti> (accessed on 15.12.2025).
5. Aksakov, K.S., Aksakov, I.S. On the Russian View. Literary Criticism / Compiled, with an introduction, article, and commentary by A.S. Kurilova. Moscow: Sovremennik, 1981. URL: <https://litcritica.rhga.ru/section/istoriya-literaturnoy-kritiki-v-rossii/o-russkom-vozzrenii.html> (accessed on December 15, 2025).
6. Ilyin, I. Geniuses of Russia. Collected Works: in 10 volumes / Compiled, with an introduction, article, and commentary by Yu.T. Lisitsy. Moscow: Russkaya Kniga, 1993-1999. URL: <https://nasledie-iljina.srcc.msu.ru/bibliografiya/bibliografiya-5.html> (accessed 15.12.2025)
7. Berdyaev, N.A. The Fate of Russia. Self-Knowledge. The Russian Idea. Moscow: Eksmo, 2025. 688 p.
8. Soloviev, V.S. Justification of Good. Moral Philosophy. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 468 p.
9. Berdyaev, N.A. The Fate of Russia. Self-Knowledge. The Russian Idea. Moscow: Eksmo, 2025. 688 p.
10. Ern, V.F. Time Is Slavophile. War, Germany, Europe, and Russia. Moscow: I.D. Sytin Press, 1915. 48 p. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/85355-ern-v-f-vremya-slavyanofilstvu-et-voynagermaniya-evropa-i-rossiya-m-1915-voyna-i-kultura> (accessed December 15, 2025).
11. Ern V.F. The Sword and the Cross: articles about contemporary events. M.: Type. T-va I. D. Sytin, 1915. 103 p. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/83857-ern-v-f-mech-i-krest-stati-ovremennyh-sobytyah-m-1915> (access date: 12/15/2025).
12. Volkova E.A. Religious and historical views of F.M. Dostoevsky. Voronezh: VG, 2017. 330 p.
13. Lossky N.O. God and world evil. / Comp. A.P. Polyakov, P.V. Alekseev, A.A. Yakovlev. M: Republic, 1994. 432 p.
14. Frank S. Works. / Intro. Art., compiled, text preparation and notes by Yu. P. Senokosov. Zhurn. "Problems of Philosophy" and others. Moscow: Pravda, 1990. 607 p.
15. Frank, S. Politics and Ideas (On the Polar Star Program). 1905. Polar Star. 1905. No. 1 (December 15). Pp. 18-31. URL: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=532> (accessed on December 15, 2025).
16. Ilyin, I. Geniuses of Russia. Collected Works: in 10 volumes / Comp., introduction and comments by Yu. T. Lisitsy. Moscow: Russkaya Kniga, 1993-1999. URL: <https://nasledie-iljina.srcc.msu.ru/bibliografiya/bibliografiya-5.html> (accessed on 15.12.2025)
17. Soloviev, V.S. Idols and Ideals. Reprinted from: Soloviev, V.S. Idols and Ideals // Vestnik Evropy. 1891. Vol. II. pp. 357–376. URL: https://www.jourssa.ru/files/volumes/2003_2/Solovyev_2003_2.pdf (accessed on 15.12.2025).
18. Soloviev, V.S. Justification of Good. Moral Philosophy. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 468 p.
19. Volkova, E.A. Religious and Historical Views of F.M. Dostoevsky. Voronezh: VG, 2017. 330 p.
20. Gacheva, A.G. Russia and the West in Russian Historiosophical Thought: From Confrontation to Synthesis // Philosophical Letters. Russian-European Dialogue. 2022. Vol.5, No.4, pp.110-123.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.019

*Елецкий государственный
университет им. И.А.Булнина
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русской филологии и журналистики
Трубицина Наталия Алексеевна
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*Bunin Yelets State University
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
The Chair of Russian Philology and Journalism
Trubitsina Natalia
Russia, Yelets
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*студент института филологии
и межкультурной коммуникации
Дубова Дарья Игоревна
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

*Student of the Institute of Philology and Intercul-
tural Communication
Dubova Daria
Россия, г. Елец
e-mail: trubicina-nat@mail.ru*

Н.А. Трубицина, Д.И. Дубова

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПЕРЕГРУЗКА XXI ВЕКА: ИНФОКСИКАЦИЯ, ДЕВАЛЬВАЦИЯ ЯЗЫКА И КРИТИЧЕСКИЙ ФИЛЬТР КАК НЕОБХОДИМЫЙ НАВЫК МЫШЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме информационной перегрузки в XXI веке. Ее следствием для современного человека стало изменение среды, получившее в современных медиаисследованиях название «инфоксикации». В эпоху Web 2.0 и всеобщей цифровизации люди ежедневно сталкиваются с колоссальным размером потока данных, который превышает их когнитивные возможности. В работе проводится анализ феномена «информационного шума», рассмотрены причины его коммерциализации на основе концепции «лингвистического капитализма» Ф. Каплана. Изучаются последствия вышеуказанных процессов для мировой лингвистики: «девальвация научного языка», «текстовая афазия», когнитивные изменения. Основой стали научные работы британских и китайских ученых, данные Хельсинского университета, научные статьи о нейропластичности мозга юных реципиентов и др. В результате разработки проблемы был сделан вывод, что полное устранение информационной перегрузки, информационного шума и вытекающих из этого последствий невозможно. Однако негативному влиянию на человека данных информационных феноменов можно противостоять путем формирования у него критического фильтра – осознанного навыка мышления, позволяющего избирательно подходить к информации, проверять ее достоверность, отделять значимое от второстепенного, создавать для себя «островки тишины». Критический фильтр принципиально отличается от бессознательных когнитивных фильтров, так как является результатом рефлексивного выбора, а не автоматической реакцией на перегрузку. Практическим воплощением работы критического фильтра должна стать цифровая гигиена, которая представляет собой систему осознанных ограничений и принятых правил поведения. Такой подход сохраняет психическое здоровье, восстанавливает смысловое наполнение слов, создает пространство для рефлексии и подлинного понимания.

Ключевые слова: информационная перегрузка, информационный шум, инфоксикация, девальвация языка, критический фильтр, лингвистический капитализм, цифровая гигиена, островки тишины, текстовая афазия.

N. A. Trubitsina, D.I. Dubova

INFORMATION OVERLOAD IN THE 21ST CENTURY: INFOXICATION, LANGUAGE DEVALUATION, AND CRITICAL THINKING AS A NECESSARY SKILL

The article is devoted to the problem of information overload in the 21st century. Its consequence for modern man has been the change of the environment, which has been called "infoxication" in modern media studies. In the era of Web 2.0 and universal digitalization, people are faced with a colossal amount of data flow every day, which exceeds their cognitive capabilities. The paper analyzes the phenomenon of "information noise" and examines the reasons for its commercialization based on the concept of "linguistic capitalism" by F. Kaplan. The consequences of the above-mentioned processes for global linguistics are being studied: "devaluation of scientific language," "textual aphasia," and cognitive changes. The study is based on research by British and Chinese scientists, data from the University of Helsinki, scientific articles on the neuroplasticity of the brains of young recipients, and more. As a result of the research, it was concluded that it is impossible to completely eliminate information overload, information noise, and the consequences that arise from it. However, the negative effects of these information phenomena on a person can be countered by developing a critical filter, which is a conscious thinking skill that allows individuals to selectively approach information, verify its accuracy, distinguish between important and unimportant information, and create "islands of silence." A critical filter differs from unconscious cognitive filters in that it is the result of a reflective choice rather than an automatic response to overload. The practical implementation of a critical filter is digital hygiene, which is a system of conscious restrictions and accepted rules of behavior. This approach preserves mental health, restores the meaning of words, and creates space for reflection and genuine understanding.

Keywords: information overload, information noise, infoxication, language devaluation, critical filter, linguistic capitalism, digital hygiene, islands of silence, and textual aphasia.

Медиапространство с самого начала своего существования характеризовалось беспрецедентным объёмом циркулирующей информации. В XXI веке ее количествократно увеличилось. Каждый день сквозь сознание человека проходят миллионы слов из новостей, социальных сетей, рекламы и личного общения – большая их часть приходит к реципиенту посредством медиасферы. Личность оказывается в эпицентре «информационного шума», переживая информационную перегрузку. Сигналов становится так много, что их избыток работает против основной функции слова – передачи смысла. Возникает парадокс: будучи погруженным в океаны текстов, человек испытывает дефицит понимания.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить, как стремительное нарастание информационных потоков в цифровую эпоху (впрочем, как и в любую другую), порождает не только когнитивные искажения, но и глубокие изменения в языке, ставя под угрозу способность человека осмысленно воспринимать реальность. В медиаисследованиях данный феномен получил название «информационной перегрузки». Это состояние субъекта, при котором объем поступающей информации превышает его когнитивные возможности по ее восприятию, обработке и дальнейшему осмыслению. Последствиями являются: потеря индивидом способности принимать взвешенные решения и отсутствие умения фильтровать информацию. Возникает «информационный шум» – среда, в которой слова, утратившие связь с действием и превратившиеся в товар, циркулируют быстрее, чем их смысл, создавая иллюзию информированности при фактическом отсутствии понимания.

Данные термины актуальны для многих современных исследований, хотя часть из них появились в научном дискурсе еще в XX веке. Проблема состоит не в появлении новых каналов коммуникации, а в том, что цифровизация многократно увеличила их охват и доступность. Человек в эпоху Web 2.0 сталкивается с огромным количеством источников. Однако корень проблемы не в технологиях, а в нас самих. Традиционные методы обработки информации оказываются недостаточными, из чего следует необходимость разработки новых инструментов мышления.

Термин, обозначающий результат информационной перегрузки – «инфоксикация» (через слияние двух понятий – «интоксикация» и «информация»), предложил писатель и теоретик медиа Нил Постман ещё в 1995 году. Позднее он был развит Еленой Бенито-Руис в

главе «Инфоксикация 2.0» в научном труде «Справочник Web 2.0 и изучении второго языка» [1]. «Инфоксикация» – это не только количественный избыток данных, но и качественное ухудшение их усвоения, ведущее к когнитивной дезориентации и стрессу. Люди потребляют больше данных, чем способны осмысленно переработать, и это меняет не только привычки, но и сам язык. Вопрос «слышим ли мы друг друга?» из риторического превращается в исследовательскую проблему.

Web 2.0. представляет собой среду, в которой пользователи уже давно перестали быть пассивными потребителями контента и стали его активными создателями. Отечественные исследователи отмечают, что «Web 2.0 – это не просто техническое обновление, а фундаментальный сдвиг в том, как люди взаимодействуют с цифровым пространством. Если Web 1.0 был похож на библиотеку, где можно только читать, то Web 2.0 превратил интернет в площадку, где каждый может создавать, делиться и влиять» [2]. Но это не главная причина информационной перегрузки. Е. Бенито-Руис в своей работе напоминает, что компьютерные технологии лишь значительно увеличили ее, усилив извечное стремление человека к познанию мира и контакту с ним: “This eagerness to know more is not a new thing. As Shenk (1997) explained, human beings have always pursued information and contact, but nowadays the problem is not so much getting hold of it as it is differentiating what we expose ourselves to. It is that ancestral desire to know more and to communicate with others that took society to our current situation. Thus, the stimulus is not new — as will be seen later — but the available answers to that stimulus are indeed new in terms of quantity, quality and accessibility” («Стремление к знаниям не ново. Как объяснял Шенк (1997), люди всегда искали информацию и контакты, но сегодня проблема не столько в получении доступа к ним, сколько в различении того, чему мы себя подвергаем. Именно это исконное желание знать больше и общаться с другими привело общество к его нынешнему состоянию. Таким образом, сам стимул не нов — как будет показано далее, — но доступные ответы на этот стимул действительно новы с точки зрения количества, качества и доступности») [1].

11 октября 1990 года в Штутгарте на встрече Немецкого общества информатики Н. Постман утверждал: «...Технологические перемены – это всегда сделка Фауста: технология даёт и технология отнимает, и не всегда в равной мере» [3]. Стоит заметить в этой связи: если в гетевской сделке человек рискует душой, то в сделке с цифровыми технологиями он рискует своей способностью мыслить и слышать другого.

Технология – продукт, использование которого тем или иным образом влияет на форму цифровой среды. Сам по себе он нейтрален и становится либо пространством для развития, либо “царством Хаоса”, где доминируют коммерческие интересы и информационный шум. Нил Постман обращает внимание слушателей на то, что новая технология помогает одним группам людей, и причиняет вред другим [3]. Любая технология, прежде всего, используется для достижения собственных целей, будь то отдельный индивид, корпорация или государство. Это неизбежно порождает борьбу за интерпретацию реальности. Еще Дж.Оруэлл в «Заметках о национализме» [4] отметит, что каждая сторона подает факты в выгодном для себя свете. Это ведет к размыванию объективной истины, а потребитель информации приходит в замешательство; он не понимает, чему можно верить, и зачастую не может отличить достоверную информацию от манипуляции. Следствием является общее безразличие к объективной истине. Об этом же предупреждал и Постман: «Связь между информацией и действием разорвана. Информация теперь – предмет потребления...Мы страдаем от разновидности культурного СПИДа» [3].

В своих трудах доктор философии по геополитике и кибербезопасности Пип Торнтон [5] развивает концепцию «лингвистического капитализма» Ф. Каплана, доказывая, что при нынешних условиях слова приобретают форму товара, а шум – не побочный эффект, а основа экономической модели. СМИ теперь функционируют как рынок, где на продажу в каждом заведении выставляется информация. Соглашаясь с суждениями Торнтон следует

заклучить, что манипуляция фактами создает шум и недоверие, подготавливая почву для информационного хаоса, который коммерчески выгоден, поскольку информация стала служить рынку, а не истине и взаимопониманию.

Логическим следствием превращения слова в биржевой актив становится «девальвация научного языка». Это означает, что язык науки превращается в симулякр – «оформление» без глубинного содержания. Цель текста состоит не в информировании, а привлечении внимания, продаже услуги и попытке заинтересовать любой ценой. Создание иллюзии знания – написание текста в исследовательском или научном стиле (которое при этом полностью оторвано от самих исследований) – приводит к большей отдаче от потенциальных покупателей, нежели чем при иной аргументации.

Данное явление стало нормой в масс-медиа, рекламе и деловой коммуникации. При таком устройстве рынка информации, где научное слово стало украшением и теряет вес, даже важные научные открытия могут остаться незамеченными. Примечательно, что еще в XVII веке М.В. Ломоносов в эссе «Рассуждение об обязанностях журналистов...» [6] предупреждал об опасности пустого и недобросовестного слова. Сегодня его суждения обретают новую актуальность.

Вопросы о том, что стало с современным человеком в языковом плане в связи с цифровизацией и какие изменения он претерпевает, находятся в поле зрения мирового научного сообщества. В публикации Чжан Юньцзюнь «Observing the Bias of Communication in the Digital Age Through "Textual Aphasia": Revisiting Time-binding Media» («Наблюдение за предвзятостью коммуникации в цифровую эпоху через «текстовую афазия»: пересмотр медиа, ограничивающих время») в журнале «Университет образования Муданьцзяна», можно наблюдать такой термин как «потеря речи» (или «текстовая афазия») – феномен «забывания иероглифов», «оскудение словаря» и неспособности выразить мысль из-за цифрового общения «символ-к-символу»:

«随着数字化媒介使用频率的不断攀升,人们的沟通方式正经历着从线下»面对面«向线上"符号对符号"的显著转变.这一转变固然带来了沟通与信息交流的便捷与高效,也无形中催生了"

文字失语"的隐忧,具体表现为"提笔忘字""词穷"、» («С ростом частоты использования цифровых медиа методы общения людей претерпевают значительный сдвиг от офлайн-общения «лицом к лицу» к онлайн-общению «от символа к символу». Конечно, эта трансформация привела к удобству и эффективности общения и обмена информацией, но она также фактически породила») [7]. Чжан Юньцзюнь отмечает, что информационный поток влияет на своего потребителя вне зависимости от того, откуда тот имеет начало. Посредством коммуникации за счет простых сообщений пользователи часто прибегают к сокращениям, отказу от использования многосложных структур предложения и уж тем более знаков препинания. Сокращенные формы общения стали привычкой, объясняемой экономией времени, их использование варьируется в зависимости от поколения, контекста и личных предпочтений каждого человека.

Эти тенденции находят подтверждение в исследованиях М.Шанмугасундарама и А.Тамиларасу 2023 года: «When young minds grow accustomed to short-form content, the neural pathways that support sustained analysis and synthesis are weakened» («Когда молодые умы привыкают к кратким изложениям, нейронные связи, отвечающие за последовательный анализ и синтез, ослабевают») [8]. Исследователи утверждают, что чрезмерная зависимость от коротких форматов ведет к снижению концентрации внимания. Лексикон, используемый в социальных сетях, значительно сузился: эмодзи заменяют прилагательные, аббревиатуры – контекст. «The lexicon used in social media platforms has narrowed dramatically. Emojis replace adjectives. Acronyms replace context. A study by the University of Helsinki, which tracked language use on TikTok and Instagram, found a 30% drop in expressive vocabulary among users

aged 13–18 compared to their counterparts in 2005 (Tusa'adah & Djauhari, 2025)» («Исследование Хельсинкского университета, отслеживавшее использование языка в TikTok и Instagram, выявило снижение выразительной лексики среди пользователей в возрасте 13–18 лет на 30% по сравнению с их коллегами в 2005 году») [8].

Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» писал: «Мир – мой мир: это проявляется в том факте, что границы языка (языка, который понимаю я один) означают границы моего мира» [9, с.138-139]. Опираясь на приведенные данные, можно утверждать: мир современного человека стал постепенно сужаться, ибо уровень владения языком определяет уровень понимания окружающего мира.

Что делать? Данным вопросом задаются научные сообщества. Показательна конференция 2024 года в университете Галле (Германия), организаторы которой поставили вопросы: «Как рост объемов коммуникации с 1800 года по наши дни изменил восприятие тишины и сокрытия? Почему молчание сейчас часто воспринимается негативно, как отказ от диалога?». Постановка этих вопросов свидетельствует о том, что «умение молчать», «умение быть в тишине» становятся важным навыком и предметом научного поиска. «Молчание» в данном контексте предстает не отсутствием звука и не пассивностью, а результатом того, что предлагается называть работой «критического фильтра», когда человек сам решает: «Я не буду это комментировать, потому что это пустой шум». Или: «Я не буду потреблять этот контент, потому что он мне не нужен».

На основе приведенных фактов можно утверждать, что информационная перегрузка XXI века, достигшая больших масштабов инфоксикации, влечет за собой не только когнитивные последствия, но и языковые, которые можно определить как девальвация языка. Девальвация языка стала всеобъемлющей проблемой для лингвистики, ведь слово, ставшее товаром, утрачивает свою основную задачу – быть точным инструментом для передачи смысла, а информационная среда стала повсеместным источником шума, который коммерчески выгоден и разрушает способность мыслить и видеть смыслы.

Бороться с этим явлением, чтобы полностью устранить его из социальной практики, невозможно, поскольку цифровая среда и сопутствующие ей экономические модели прочно укоренены в жизни человека. Но это не означает, что реципиент обречен на пассивное поглощение шума. Решение проблемы лежит не в самоизоляции от технологий, а в развитии критического фильтра. В условиях «лингвистического капитализма», когда слово превратилось в биржевой актив, на первый план выходит не умение говорить, а умение включать критический фильтр, чтобы защититься от информационного шума и инфоксикации.

Критический фильтр – инструмент критического мышления. Критическое мышление по определению Джона Дьюи, введенное еще в 1910 году, – активное, настойчивое и тщательное рассмотрение любого убеждения или предполагаемой формы знания в свете оснований, которые его поддерживают, и дальнейших выводов, к которым оно стремится. То есть, это активный, внимательный и систематический процесс анализа идей, убеждений и знаний с целью достижения объективных выводов. Критический фильтр предполагает уже не просто «я хочу это посмотреть или я не буду», а осознанное, обоснованное суждение, вывод, где человек логически приходит к выбору и рассмотрению в дальнейшем какого-либо вопроса.

Фильтры – это избирательное внимание, за счет чего часто происходит искажение реальности. Критический фильтр отличается от когнитивных фильтров. Когнитивные фильтры – это субъективная выборка объекта внимания, игнорирование некоторых факторов и фактов, из-за чего происходит деформация того, что есть на самом деле. Критический фильтр запускает осознанный, внутренне проработанный выбор после ответа самому себе на предварительные вопросы и сортировку своих желаний и потребностей в каком-либо информационном источнике.

Ю.С. Колчанова в статье «Тишина в эпоху шума: почему цифровая гигиена – это новый навык выживания» заостряет проблему: «Современная реальность диктует новые вызовы для психического здоровья. Главным дефицитом становится не информация, а внимание, а главной роскошью – не доступ к контенту, а тишина. Все чаще люди сталкиваются с особым состоянием – синдромом цифрового переутомления, – которое проявляется хронической усталостью, не проходящей после отдыха, фоновой тревожностью и невозможностью сконцентрироваться. Причина этого состояния часто лежит не в физиологических нарушениях, а в цифровой среде обитания. Борьба с последствиями бесполезно без осознанного внедрения практик информационной гигиены» [10].

Цифровая гигиена должна выступить способом использования критического фильтра, ведь это позволит: защитить сознание от манипулятивного и пустого контекста, иметь возможность отличать значимое от второстепенного и создавать условия для рефлексии и выработки собственных суждений, т.е. создавать «островки тишины». Под цифровой гигиеной можно понимать сознательный выбор и фильтрацию каналов информации человеком, которыми он не злоупотребляет. Нормируя свое пребывание в цифровой среде, потребитель информации имеет возможность выделить время на рефлексию и последующий отдых от цифровых раздражителей в виде уведомлений и каких-либо извещений, обращаясь к созданным «островкам тишины».

Критический фильтр позволяет отсеять рекламный шум от подлинного общения, а пустой сленг – от живого слова. И именно он, в конечном итоге, создает ту самую «внутреннюю тишину», в которой только и возможно рождение мысли. Язык неизбежно подстраивается под скорость эпохи – отсюда короткие выражения, сленг, эмодзи, феномен забывания информации и многое другое, но у человека, как существа мыслящего, есть эволюционная задача – создавать и находить «островки тишины» для рефлексии и размышлений.

Библиографический список

- 1) Benito-Ruiz E. «Handbook of Research on Web 2.0 and Second Language Learning». [Электронный ресурс] <https://www.igi-global.com/gateway/book/517> (дата обращения 20.03.2026).
- 2) Еркина Е. Web 2.0: что это такое и как эволюция интернета изменила бизнес. [Электронный ресурс] <https://surf.ru/web-2-0-что-это/?ysclid=mn2q0zc3v1798812379> (дата обращения 20.03.2026).
- 3) Постман Н. Информирюемся до смерти. [Электронный ресурс] <https://interesi.wordpress.com/wp-content/uploads/2017/10/postman-neil.pdf> (дата обращения 20.03.2026).
- 4) Оруэлл Дж. Заметки о национализме. [Электронный ресурс] <https://www.orwellfoundation.com/the-orwell-foundation/orwell/essays-and-other-works/notes-on-nationalism/> (дата обращения 20.03.2026).
- 5) Thornton P. Critique of Linguistic Capitalism: Provocation/Intervention [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/326590230_A_Critique_of_Linguistic_Capitalism_ProvocationIntervention (дата обращения 20.03.2026).
- 6) Ломоносов М.В. Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии [Электронный ресурс] https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (дата обращения 20.03.2026).
7. 张运军.从"文字失语"看数字化媒介偏向:重拾时间的媒介[J].牡丹江教育学院学报. [Электронный ресурс] <https://search.napstic.cn/literature/periodical/010mdjyxyxb202405004#4> (дата обращения 20.03.2026).

ния 20.03.2026).

8) Critical Thinking in the Age of AI: A Systematic Review of AI's Effects on Higher Education [Электронный ресурс] <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения 20.03.2026).

9) Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / [пер. с нем. Л. Добросельского]. Москва: Издательство АСТ, 2018. 160 с.

10) Колчанова Ю.С. «Тишина в эпоху шума: почему цифровая гигиена – это новый навык выживания» [Электронный ресурс] https://dzen.ru/a/aPprjf6tdAbB_wek__ (дата обращения 20.03.2026).

References

1) Benito-Ruiz E. «Handbook of Research on Web 2.0 and Second Language Learning». [Elektronnyy resurs] <https://www.igi-global.com/gateway/book/517> (data obrashcheniya 20.03.2026).

2) Yerkina E. Web 2.0: chto eto takoye i kak evolyutsiya interneta izmenila biznes. [Elektronnyy resurs] <https://surf.ru/web-2-0-chto-eto/?ysclid=mn2q0zc3v1798812379> (data obrashcheniya 20.03.2026).

3) Postman N. Informiruyemsiya do smerti. [Elektronnyy resurs] <https://interesi.wordpress.com/wp-content/uploads/2017/10/postman-neil.pdf> (data obrashcheniya 20.03.2026).

4) Oruell Dzh. Zаметki o natsionalizme. [Elektronnyy resurs] <https://www.orwellfoundation.com/the-orwell-foundation/orwell/essays-and-other-works/notes-on-nationalism/> (data obrashcheniya 20.03.2026).

5) Thornton R. Critique of Linguistic Capitalism: Provocation/Intervention [Elektronnyy resurs] https://www.researchgate.net/publication/326590230_A_Critique_of_Linguistic_Capitalism_ProvocationIntervention (data obrashcheniya 20.03.2026).

6) Lomonosov M.V. Rassuzhdeniye ob obyazannostyakh zhurnalistov pri izlozhenii imi sochineniy, prednaznachennoye dlya podderzhaniya svobody filosofii [Elektronnyy resurs] https://www.journ.msu.ru/about/lomonosov/journ_about.php (data obrashcheniya 20.03.2026).

7) 张运军.从"文字失语"看数字化媒介偏向:重拾时间的媒介[J].牡丹江教育学院学报. [Elektronnyy resurs] <https://search.napstic.cn/literature/periodical/010mdjjyxyxb202405004#4> (data obrashcheniya 20.03.2026).

8) Critical Thinking in the Age of AI: A Systematic Review of AI's Effects on Higher Education [Elektronnyy resurs] <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (data obrashcheniya 20.03.2026).

9) Vitgenshteyn L. Logiko-filosofskiy traktat / [per. s nem. L. Dobrosel'skogo]. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018. 160 s.

10) Kolchanova YU.S. «Tishina v epokhu shuma: pochemu tsifrovaya gigiyena – eto novyyu navyk vyzhivaniya» [Elektronnyy resurs] https://dzen.ru/a/aPprjf6tdAbB_wek (data obrashcheniya 20.03.2026).

УДК 007:304:070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.020

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*магистрант 1 курса
направления «СМИ и Интернет»
Смагина В.С.
Россия, г. Воронеж
e-mail: valerijasssss@yandex.ru
тел. +7(900) 928-52-23*

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: elshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*1st year Master's student
in the field of "Media and the Internet"
Smagina V.S.
Russia, Voronezh
e-mail: valerijasssss@yandex.ru
тел. +7(900) 956-44-21*

В.С. Смагина, Е.О. Кузьминых

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛАХ: КРЕАТИВНОСТЬ КАК ФАКТОР ДОВЕРИЯ И ВНИМАНИЯ

Данная статья посвящена комплексному анализу роли визуальных элементов в современных новостных материалах и выявлению когнитивных механизмов, посредством которых креативная подача контента трансформирует доверие аудитории. В работе подробно рассматривается эволюция основных форматов: от классической репортажной фотографии до сложной динамической инфографики, иммерсивных видео и мультимедийных лонгридов. Особое внимание уделяется теоретическим подходам к визуальной коммуникации, объясняющим, как мозг обрабатывает невербальные стимулы в условиях избытка информации. Авторами показано, что визуальные материалы обладают амбивалентной природой воздействия. С одной стороны, они выступают мощным инструментом аттракции: упрощают интерпретацию больших данных, повышают вовлеченность и создают эффект «сопричастности», что критически важно для цифровых медиа. Качественная визуализация способствует формированию ощущения достоверности, работая на узнаваемость бренда. С другой стороны, в эпоху дипфейков и нейросетевых манипуляций, незаточное или чрезмерно эмоциональное использование образов способно подорвать репутацию источника. В статье детально освещены ключевые психологические эффекты, включая феномен «truthiness» (иллюзия истинности, возникающая при наличии любого изображения), эмоциональную модуляцию восприятия и влияние эстетической сложности графики на оценку надежности сообщения. Анализируется, как когнитивная нагрузка при взаимодействии с интерактивными элементами коррелирует с уровнем критического мышления читателя. В заключении подчеркивается, что в 2026 году баланс между визуальной креативностью и этической прозрачностью становится главным фактором выживания качественной журналистики в условиях тотальной визуализации смыслов.

Ключевые слова: Визуальная журналистика, инфографика, доверие аудитории, визуальная коммуникация, дипфейк, цифровая этика.

V.S. Smagina, E.O. Kuzminykh

THE ROLE OF VISUAL ELEMENTS IN CONTEMPORARY NEWS MATERIALS: CREATIVITY AS A DRIVER OF TRUST AND ATTENTION

This article provides a comprehensive analysis of the role of visual elements in modern news reporting and identifies the cognitive mechanisms through which creative content delivery transforms audience trust. The paper examines in detail the evolution of key formats: from classic reportage photography to complex dynamic infographics, immersive videos, and multimedia longreads. Particular attention is paid to theoretical approaches to visual communication that explain how the brain processes nonverbal stimuli in the face of information overload. Authors demonstrates that visual materials have an ambivalent impact. On the one hand, they act as a powerful tool for attraction: they simplify the interpretation of big data, increase engagement, and create a sense of "connectivity," which is critical for digital media. High-quality visualization fosters a sense of authenticity, building brand recognition. On the other hand, in the era of deepfakes and neural network manipulation, unethical or overly emotional use of imagery can instantly undermine a source's reputation. Article provides a detailed discussion of key psychological effects, including the phenomenon of "truthiness" (the illusion of truthfulness that arises from any image), the emotional modulation of perception, and the influence of the aesthetic complexity of graphics on the assessment of a message's credibility. It also analyzes how the cognitive load of interacting with interactive elements correlates with the reader's level of critical thinking. The conclusion emphasizes that in 2026, the balance between visual creativity and ethical transparency will become the key factor for the survival of quality journalism in an era of pervasive visualization of meanings.

Keywords: Visual journalism; infographics; audience trust; visual communication; deepfake; digital ethics.

В современной журналистике визуальные элементы стали ключевым средством привлечения внимания аудитории и усиления воздействия новостного сообщения. Грамотное визуальное оформление помогает журналистам выделить свой материал в потоке информации. Фотографии, инфографика, видео и интерактивные форматы сегодня фактически обязательная часть новостного медиатекста, что обусловлено и «визуальным поворотом» медиасреды, и изменением потребительских привычек аудитории, привыкшей к наглядной подаче данных [1]. Однако возросшее использование визуальных компонентов ставит вопрос об их влиянии на доверие аудитории к информации и её внимание к содержанию. С одной стороны, креативные визуальные решения способны сделать сложные данные понятными и увлекательными, с другой – существует риск, что неэтичное или неудачное применение визуальных средств негативно повлияет на восприятие сообщения как достоверного.

Цель исследования – проанализировать роль визуальных элементов в современных новостных материалах сквозь призму доверия аудитории и привлечения её внимания. В качестве объекта исследования выступают различные виды визуального контента в новостях (инфографика, фотографии, скроллителлинг, дипфейк-изображения, интерактивная визуализация данных и др.). Предмет исследования – влияние креативности визуальной подачи на степень вовлеченности аудитории и уровень её доверия к новостям.

Визуальные коммуникации давно являются предметом интереса исследователей массмедиа. Ещё в конце XX века были описаны механизмы убеждающего воздействия изображений [2, с. 52]. В частности, было доказано, что изображения способны усиливать убедительность вербального контента, дополняя текст имплицитными смыслами, которых напрямую в тексте может и не быть. Например, подбор определённой фотографии к новости может придать сообщению эмоциональный или идеологический оттенок: визуальный ряд способен «подсказать» аудитории отношение к событию, даже если словесно оно не выражено. В работах П. Мессариса показано, что фотоиллюстрации могут транслировать скрытые коннотации (вплоть до коммуникации расовых стереотипов) без явного упоминания в тексте [2]. Тем самым, визуальный образ становится самостоятельным носителем смысла и влияет на восприятие сообщения аудиторией.

Помимо придания дополнительного смысла, эмоциональная окраска визуальных элементов значительно сказывается на вовлеченности и доверии аудитории [3]. Эмпирические исследования подтверждают, что люди склонны уделять больше внимания новостям, сопровождающимся яркими, эмоционально насыщенными визуальными образами, и чаще делиться такими материалами в социальных сетях [4]. В исследованиях цифровой журналистики отмечается, что в эпоху социальных медиа редакции целенаправленно используют визуальный контент для усиления эмоционального отклика аудитории и, как следствие, увеличения

охвата публикаций [5]. Одновременно с этим возникает проблема когнитивного искажения, вызывающего некритичное доверие: зрительные образы могут вызывать у аудитории «чувство правды» даже без достаточных доказательств. Так, психологический эксперимент Э. Ньюмана показал, что наличие даже нерелевантной фотографии рядом с утверждением повышает субъективную уверенность людей в правдивости этого утверждения [6]. Данный эффект, получивший название «truthiness» (от англ. *truth* – правда), свидетельствует, что визуальный контекст способен создавать иллюзию достоверности информации у аудитории на интуитивном уровне. Иными словами, зрительный образ порождает у потребителя новостей ощущение, что факт «где-то видел», и тем самым снижает критичность восприятия.

В последние годы активно развиваются исследования доверия к визуальной информации в журналистике. Предлагаются сложные модели, учитывающие, что доверие носит многомерный характер [7]. В частности, А. Пандей вводит разграничение между рациональным, когнитивным доверием и эмоциональным, аффективным доверием к визуализации данных. Его концепция исходит из общетеоретического положения, что доверие включает как компонент убежденности на основе фактов и логики, так и компонент эмоциональной уверенности или симпатии [7]. Применительно к инфографике и данным это означает, что аудитория оценивает визуальный материал и по степени его понятности и прозрачности, и по собственному ощущению уверенности в достоверности показанной информации. Например, в упомянутом исследовании было выявлено несколько базовых факторов, от которых зависит доверие к дата-визуализации: среди них достоверность источника данных, ясность визуального представления, надёжность и целостность информации, её знакомость аудитории, а также субъективное ощущение уверенности при просмотре графика [7].

Ряд работ посвящен изучению доверия аудитории к визуализации на примере конкретных кейсов. Так, исследование доверия к инфографике о пандемии COVID-19 показало, что различия в способе графического отображения одних и тех же данных могут значительно влиять на уровень доверия пользователей к информации [8]. В эксперименте сравнивались несколько вариантов графиков прогноза распространения вируса – простые линейные диаграммы и сложные многомерные модели. Аудитория более высоко оценивала достоверность и понятность упрощённых графиков и была готова в большей степени учитывать представленные в них данные при принятии решений, что свидетельствует о прямой зависимости между ясностью визуализации и доверием к ней [8].

Наконец, существенное место в современном дискурсе занимает проблема снижения доверия из-за технологий синтетических медиа. Появление высокореалистичных дипфейк-изображений и видео породило новые вызовы для журналистики. Исследователи обращают внимание, что в условиях, когда фальшивые визуальные материалы становятся неотличимыми от подлинных, у аудитории может развиться общее недоверие ко всему визуальному контенту [9]. Данная проблема поднимается в работах по цифровой этике и медиарегулированию, где содержатся предупреждения о том, что массовая дезинформация может привести к эрозии доверия ко всем информационным каналам [9], [10]. Иными словами, перенасыщение инфопространства реалистичными фейковыми изображениями может привести к тому, что аудитория утратит доверие даже к репутационным новостным изданиям. В научной литературе уже обсуждаются нормативные и этические аспекты дипфейк-технологий в журналистике: предлагаются меры по проверке визуальной информации, маркировке синтетического контента, юридической ответственности за умышленные медиафальсификации и т. д. [9], [10].

Анализируя роль и место визуальных элементов в новостном контенте, важно рассмотреть методологию их создания и использования в новостных материалах. Под методологическими аспектами здесь подразумеваются принципы отбора, конструирования и верификации визуального контента, направленные на повышение его эффективности без утраты достоверности [11]. Прежде всего, в создании инфографики и других визуальных компонентов дейст-

вует принцип функциональности и понятности. Визуальный образ должен нести самостоятельную информационную нагрузку, дополняя или поясняя текст, вместо того, чтобы быть лишь декоративным украшением. Эксперты по дата-журналистике подчеркивают: понятность и прозрачность визуализации – ключевое условие доверия аудитории [8]. Поэтому креативный дизайн должен сочетаться с четкостью: выбор графики, цвета, типографики определяется смыслом данных. Например, если приводится статистика в новостях, инфографика должна ясно отображать значения и указывать на источники в целях избегания двусмысленности. Медиаэстетический подход в журналистике ориентирован на то, чтобы форма не превалировала над содержанием, а гармонично доносила его. В исследованиях отмечается, что слишком сложная или перегруженная деталями визуальная информация способна дезориентировать потребителя и даже вызвать недоверие [12]. Именно поэтому в редакциях все чаще внедряются стандарты визуализации данных (например, гайдлайны по построению графиков), призванные обеспечить баланс между привлекательностью изображения и точностью передачи информации [12].

Ещё один важный методологический аспект – обеспечение подлинности визуального контента. В эпоху цифрового редактирования и генеративного ИИ журналисты вынуждены предпринимать дополнительные шаги для проверки изображений и видео. Крупные издания сегодня оснащают редакции инструментами верификации фото- и видеоматериалов, привлекают экспертов по цифровой криминалистике [10]. Так, в фотоотделах практикуется запрос исходных RAW-файлов у фотографов, проверка последовательности кадров, метаданных и пр. В редакциях появляется новая должность – визуальный фактчекер, отвечающий за отсеивание фальшивых изображений. Подобные меры продиктованы осознанием: доверие к визуальному ряду напрямую зависит от уверенности аудитории в его аутентичности. Как отмечают эксперты, фотография традиционно воспринималась публикой как документ, запечатлевший реальность, и потому внедрение генеративных изображений бросает вызов самому принципу фотожурналистики [10]. Если «сидя на диване можно создать картинку и выдать за репортаж», возникает угроза подрыва доверия к медиа. Отсюда вытекает методологическое требование: визуальные материалы в новостях должны проходить строгую проверку, а случаи использования синтетических изображений – явно маркироваться и поясняться аудитории, чтобы не вводить её в заблуждение [9], [10].

С точки зрения дизайна и подачи, методология визуализации в новостях также учитывает пользовательский опыт. Новостные сайты все чаще применяют приемы из UX-дизайна, чтобы сделать взаимодействие с визуальным контентом удобным и интуитивно понятным [13]. Например, набирающий популярность формат скроллителлинг (scrollytelling), при котором мультимедийная история раскрывается по мере прокрутки страницы, появился как ответ на предпочтения аудитории просто прокручивать материал, не переходя по ссылкам и вкладкам. Методологические рекомендации при создании скроллителлинговых лонгридов включают единый стиль навигации (прокрутка вместо кликов), адаптивную верстку под разные экраны и последовательное раскрытие нарратива с помощью анимаций и визуальных эффектов [13]. В то же время исследователи отмечают опасность явления «scrolljacking» – когда чрезмерный контроль прокрутки со стороны разработчиков нарушает привычную навигацию и раздражает пользователя. Методически важно не злоупотреблять эффектами: плавные анимации должны служить цели удержания внимания, но не ценой ущерба удобству чтения. Оптимальным считается такой визуальный дизайн, который направляет взгляд читателя, фокусируя его на ключевой информации (например, подсветка нужных участков графика при прокрутке), но не заставляет теряться в навигации [13].

Визуальные компоненты новостного материала способны значительно влиять как на уровень доверия аудитории к сообщению, так и на степень внимания и запоминания информации. Рассмотрим отдельно подтвержденные исследованиями эффекты влияния визуализации на эти два ключевых показателя эффективности коммуникации [14]. Многочисленные

эксперименты демонстрируют, что наличие или отсутствие определённых визуальных элементов может либо повышать доверие читателей к новости, либо, напротив, снижать его. Один из базовых эффектов – уже упомянутая способность изображений вызывать у аудитории непосредственное ощущение правдивости. В эксперименте Newman et al. (2012) испытуемые должны были оценивать правдивость различных утверждений о фактах, некоторые утверждения сопровождалось фотографиями, не несущими доказательной информации (например, фото жирафа при утверждении «Жираф – единственное млекопитающее, которое не умеет прыгать») [6]. Результат показал, что наличие даже нейтральной фотографии статистически значимо увеличивало долю участников, посчитавших утверждение правдивым, по сравнению с теми, кто видел одно лишь текстовое утверждение. Причём эффект «придания правдивости» проявлялся и для верных фактов, и для ложных – изображение вызывало общий «смещённый в сторону правды» отклик, не создавая конкретного эффекта живости, но повышая готовность поверить сообщению. Данный феномен наглядно демонстрирует, что доверие аудитории может формироваться под влиянием визуального контекста подсознательно – зрительный образ облегчает когнитивную обработку информации, за счёт чего утверждение кажется более убедительным [6].

Другой важный эффект касается эмоциональной тональности визуального ряда. Исследования в сфере политической коммуникации и социальных медиа показывают, что повторяющееся использование негативно окрашенных изображений может подорвать доверие к источнику [3]. Например, в недавних экспериментах проверялось, как восприятие новостного аккаунта меняется в зависимости от выражений лиц на публикуемых фотографиях политиков. Выяснилось, что, если источник систематически сопровождает новости фотографиями с сердитыми, гневными лицами определённых фигур, аудитория начинает воспринимать подачу как тенденциозную и доверие к источнику снижается [3]. Иными словами, визуально выраженная негативная предвзятость (например, подбор неудачных, разгневанных выражений лица у политика на всех иллюстрациях) приводит к тому, что пользователи начинают считать источник менее объективным и честным, при этом интересно, что единичное использование «сердитого» фото скорее повышало восприятие предвзятости содержания, но не всегда мгновенно снижало степень надёжности источника — эффект недоверия ярко проявился именно при систематическом повторении визуального эмоционального уклона [3].

Кроме эмоциональной окраски, на доверие влияет и сложность визуализации данных. Исследование Pandey et al. (2023) в сфере научной журналистики продемонстрировало любопытный результат: слишком сложная, нагруженная информационно графика способна снизить уровень доверия зрителей [7]. В рамках эксперимента респондентам показывали научные инфографики разной степени сложности (например, графики с множеством переменных и пояснений или упрощённые диаграммы). Выяснилось, что избыточно детализированные визуализации нередко вызвали у аудитории недоверие, вероятно, из-за ощущения «непонимания» или подозрения, что данные можно манипулятивно усложнить [7]. Более того, фиксировалась интересная динамика: при возрастании сложности визуализации у аудитории усиливалось аффективное (эмоциональное) восприятие в ущерб когнитивному. Проще говоря, вместо вдумчивого анализа люди начинали больше полагаться на общее впечатление и эмоции (например, «слишком сложно – значит, что-то хотят скрыть»). Этот эффект ещё раз подчеркивает: прозрачность и простота визуальной коммуникации являются условиями, поддерживающими доверие. Чрезмерная сложность креативных решений может привести к обратному эффекту – снижению доверия к представляемой информации.

Наконец, следует отметить совокупное воздействие сенсационной визуальной информации на доверие. В условиях конкуренции за внимание многие новостные ресурсы прибегают к использованию чрезмерно драматических изображений – к примеру, ставят к новости о здоровье «пугающую» иллюстрацию. Шокирующие или тревожные картинки (например, фотографии жертв бедствий) могут повышать интерес и селективное внимание к материалу,

но одновременно усиливают скептицизм аудитории относительно объективности изложения [9]. Эмоционально возбудимые читатели, испытывающие сильный гнев или страх от увиденного, склонны даже при прочтении фейковых новостей верить им больше. Данное влияние парадоксально: оказывая усиленное влияние на эмоции аудитории, визуальный ряд может временно повысить доверчивость к ложным сообщениям – однако в долгосрочной перспективе частое употребление шок-контента подтачивает общее доверие к медиaplощадке, которая начинает ассоциироваться с кликбейтной сенсационностью [9], [4].

Помимо доверия, визуальные элементы являются мощным регулятором внимания аудитории. В конкурентной медиасреде вызвать и удержать внимание читателя – практически половина успеха в донесении новости. Креативные визуальные решения существенно помогают в решении этой задачи.

Во-первых, визуализация информации повышает понятность и скорость восприятия, что способствует увеличению времени, которое пользователь проводит с материалом [14]. Человек обрабатывает изображения быстрее, чем текст, поэтому инфографика способна мгновенно передать суть сложных данных, не заставляя читателя терять интерес в попытке расшифровать длинные числовые таблицы. Исследования когнитивной психологии подтверждают, что добавление наглядного элемента (графика, диаграммы) к вербальному тексту увеличивает вероятность того, что пользователь начнёт и дочитает материал до конца [14]. Особенно это актуально для молодых аудиторий, воспитанных в культуре клипового мышления и визуальных соцсетей. Во-вторых, правильно подобранный визуальный ряд значительно увеличивает степень вовлеченности – эмоциональной и поведенческой. Например, формат «история в картинках», когда текстовый нарратив сопровождается последовательной сменой эффектных изображений, способен удерживать внимание дольше, чем сплошной текст [4]. Пример – уже ставший легендарным мультимедийный лонгрид The New York Times «Snow Fall» (2012) о сходе лавины. Такой проект сочетал традиционный репортаж с видеохроникой, анимацией карт местности и аудиоинтервью, раскрывая историю по мере скроллинга. Анализ показал, что читатели проводили значительно больше времени на такой странице, полностью погружаясь в рассказ. Проект получил Пулитцеровскую премию, а его иммерсивная визуальная подача стала образцом того, как креативность в использовании мультимедиа способна приковать внимание массовой аудитории. Научные исследования формата скролллинга подтвердили этот вывод: в экспериментальных сравнениях лонгрид с постепенным раскрытием сюжета через прокрутку вызвал более высокую вовлеченность и интерес у читателей, чем аналогичный материал в традиционном линейном формате [13]. Участники отмечали, что интерактивные эффекты и медиаконтент помогали им глубже погрузиться в тему и дольше оставаться сфокусированными на тексте.

Однако у повышения внимания с помощью визуального контента есть и обратная сторона. Сенсационные или вводящие в заблуждение образы могут переключить внимание аудитории с действительно важной информации. В эпоху соцсетей редакции сталкиваются с ситуацией, когда броские визуальные фейки распространяются быстрее и шире, чем качественный новостной контент [9]. Пример: в 2020 году популярная певица Рианна опубликовала впечатляющее изображение бушующих пожаров в Австралии, якобы сделанное из космоса, тогда как на самом деле это был сгенерированный художником фантазийный рендер. Фейковое драматичное изображение моментально захватило внимание миллионов пользователей и получило больше распространения, чем подлинные фотографии и научные карты, публиковавшиеся в новостях. Алгоритмы соцсетей, нацеленные на клики и реакции, лишь подхлестнули этот процесс. В результате значительная часть аудитории запомнила именно эффектную картинку, а не фактические данные о катастрофе. Этот случай иллюстрирует риск: в погоне за вниманием легко потерять фокус на правде. Реальные новости порой проигрывают соревнование за зрительское внимание ярким визуальным мистификациям. Более того, как отмечают эксперты, теперь журналистам приходится бороться не только за доверие, но и за

сам факт привлечения внимания к достоверному визуальному контенту, конкурируя с лавиной эффектных подделок [9], [10].

Обобщая, визуальные элементы при грамотном использовании выполняют роль «магнита» для привлечения внимания — они делают новости заметными, интересными и понятными, что ведет к более глубокому вовлечению: читатели дольше читают материал, лучше его запоминают и чаще делятся им [14]. Однако привлечение внимания не должно противоречить принципам достоверности, иначе временный интерес обернется потерей доверия. Оптимальный результат достигается тогда, когда визуальная креативность сочетается с правдивостью: интересный глазу образ закрепляет в сознании аудитории реальное содержание новости, а не отвлекает от него.

Рассмотрим один из показательных примеров того, как визуальные элементы применяются в современных новостных материалах, и проанализируем их влияние на доверие и внимание аудитории на примере использования инфографики в новостях о пандемии COVID-19. Пандемия стала вызовом не только для здравоохранения, но и для коммуникации: большие объемы статистических данных требовалось оперативно доносить до широкой публики. Многие ведущие СМИ внедрили интерактивные инфографические панели с числом случаев, графиками прироста, картами распространения. Такой визуальный формат существенно повышал прозрачность информации и, как отмечалось, влиял на доверие: аудитория привыкла каждый день видеть обновляемые графики и больше доверяла новостям, которые снабжены «наглядными доказательствами» в виде данных [8]. Вместе с тем, исследовательский контент-анализ показал, что активность использования инфографики варьировалась в зависимости от ресурсов и оперативности редакций. Например, анализ российских онлайн-статей на тему коронавируса в 2020-2021 гг. показал, что фотография оставалась доминирующим форматом визуализации. Журналисты часто ограничивались иллюстрациями в виде фотографий из больниц или людей в масках, тогда как инфографики или диаграммы применялись реже, особенно на пике информационного кризиса, когда редакции полагались на оперативные, но менее информативные визуальные решения [5], [14]. Данный пример демонстрирует, что потенциал инфографики как фактора доверия высок, однако её внедрение зависит от ресурсов и готовности редакций к сложной графической работе.

Визуальные элементы прочно заняли центральное место в современных новостных медиатекстах, выступая одновременно и каналом передачи информации, и средством воздействия на чувства и разум аудитории. Проведенный анализ показал, что креативность визуальной подачи способна стать мощным фактором повышения доверия и привлечения внимания — при условии ответственного и осмысленного использования [15, с. 118].

С теоретической точки зрения, визуальный контент обладает двойственной природой влияния. С одной стороны, наглядность, понятность и эмоциональная выразительность изображения помогают аудитории лучше понять и поверить в сообщение. Инфографика, фотографии, диаграммы служат своего рода «якорями доверия», давая читателю ощущение, что он видит доказательства собственными глазами. Эксперименты неоднократно показывали рост доверия при наличии визуального сопровождения новости [6], [7]. Одновременно визуальные элементы выполняют и функцию «магнита внимания»: человек по своей природе скорее откликнется на яркую картинку, чем на сухой текст, что повышает шансы донести до него новость полностью [11], [14].

С практической точки зрения, однако, очевидно, что эффект визуальных элементов зависит от контекста и добросовестности их применения. Креативность обладает двуединым эффектом. Если за яркой формой не стоит адекватное содержание, либо если визуализация вводит в заблуждение, то первоначально высокое доверие оборачивается разочарованием и утратой репутации источника [15, с. 121]. Современная журналистика оказалась перед вызовом: желанием сохранить баланс между стремлением привлечь аудиторию визуальной выразительностью и обязанностью соблюдать фактическую точность и честность. Случаи дип-

фейк-фальсификаций, распространение визуальных фейков в соцсетях свидетельствуют, что ставка только на эффективность без надёжных механизмов проверки чревата кризисом доверия [9; 10]. В то же время, примеры успешного сочетания визуальной креативности и информативности (как в высококачественных мультимедийных спецпроектах или ответственных дата-визуализациях) показывают перспективность такого подхода [11] [13].

Для исследовательского сообщества результаты данной работы подчеркивают необходимость дальнейших междисциплинарных исследований на стыке журналистики, когнитивной психологии и информационных технологий – с тем, чтобы выработать новые стандарты визуальной коммуникации. Необходимы метрики и методики оценки того, как те или иные визуальные решения влияют на понимание, запоминание и доверие. Практическим рекомендациям для журналистов можно сформулировать следующим образом: креативный подход к визуальному контенту должен основываться на принципах верификации, прозрачности и ответственности информации реальности. Каждое изображение, график или видео должно проверяться на соответствие действительности и уместность, эксперименты с новыми форматами стоит сопровождать пояснениями для аудитории [9], [10]. Также представляется важным повышение медиаграмотности аудитории, обучение критическому восприятию визуальной информации – тогда доверие будет основано не на интуитивном «очаровании картинкой», а на осмысленном анализе визуально представленных фактов [15],[4].

Библиографический список

1. Симакова С. И. Визуальный поворот в массовых коммуникациях: монография. М.: Флинта, 2017. 304 с.
2. Messaris P. Visual Persuasion: The Role of Images in Advertising. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1997. 304 p.
3. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Эмоции в визуальной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 352 с.
4. Emotions and Digital Journalism: The Role of Visual Content in Audience Engagement / Ed. by T. Witschge et al. // Digital Journalism. 2023. Vol. 11, № 5. P. 789–812. DOI: 10.1080/21670811.2023.2186789
5. Колесниченко А. В. Стратегии мультимедиаизации в современных интернет-СМИ. СПб.: Питер, 2022. 240 с.
6. Newman E. J., Garry M., Bernstein D. M. Nonprobative photographs (or words) inflate truthiness // Psychonomic Bulletin & Review. 2012. Vol. 19, № 5. P. 969–974. DOI: 10.3758/s13423-012-0292-0
7. Pandey A., Manivannan A., Nov O. Understanding Data Visualization Trust // Proceedings of the 2023 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '23). 2023. Article No. 286. P. 1–14. DOI: 10.1145/3544548.3580669
8. Симакова С.И. Инфографика как способ визуализации журналистского контента // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 1 (15). С. 34–40.
9. Башкатов Л. М. Актуальные проблемы визуальной журналистики в цифровой среде // Медиаисследования. 2020. № 4. С. 22–38.
10. Прохорова Е. Н. Особенности визуального представления материалов в современных медиа [Электронный ресурс] // Word in science. 2023. Special. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vizualnogo-predstavleniya-materialov-v-sovremennyh-media> (дата обращения: 01.12.2025).
11. Шевченко В. Э. Визуальный контент как тенденция современной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2014. № 1. С. 40–57.
12. Алексеева Е. А. Правовые и этические проблемы визуалистики больших данных в новостной социальной журналистике [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор, 2025. Т.

20. № 3. С. 53–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-eticheskie-problemy-vizualistiki-bolshih-dannyh-v-novostnoy-sotsialnoy-zhurnalistike> (дата обращения: 03.12.2025)

13. Мультимедийная журналистика: уч. для вузов под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 413 с.

14. Цифровая журналистика: технология, смыслы, особенности деятельности : сборник материалов Студенческих научных чтений (Екатеринбург, 25 апреля 2024 г.) / общ. ред. В. Ф. Олешко ; сост. Р. Л. Исхаков. Екатеринбург : Изд. центр деп. «Фак. журналистики» УГИ УрФУ, 2024. 246 с. URL: https://journalrgi.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_16477/news/Sbornik.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

15. Симакова С. И. Инфографика в журналистике: медиаэстетический код. М.: Аспект Пресс, 2019. 118 с.

References

1. Simakova S. I. The visual turn in mass communications: a monograph. Moscow: Flinta, 2017. 304 p.

2. Messaris P. Visual Persuasion: The Role of Images in Advertising. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1997. 304 p.

3. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Emotions in visual communication. Moscow: UNITY-DANA, 2020. 352 p.

4. Emotions and Digital Journalism: The Role of Visual Content in Audience Engagement / Ed. by T. Witschge et al. // Digital Journalism. 2023. Vol. 11, № 5. P. 789–812. DOI: 10.1080/21670811.2023.2186789

5. Kolesnichenko A.V. Strategies of multimedia in modern online media. St. Petersburg: Peter, 2022. 240 p.

6. Newman E. J., Garry M., Bernstein D. M. Nonprobative photographs (or words) inflate truthiness // Psychonomic Bulletin & Review. 2012. Vol. 19, № 5. P. 969–974. DOI: 10.3758/s13423-012-0292-0

7. Pandey A., Manivannan A., Nov O. Understanding Data Visualization Trust // Proceedings of the 2023 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '23). 2023. Article No. 286. P. 1–14. DOI: 10.1145/3544548.3580669

8. Simakova S.I. Infographics as a way of visualizing journalistic content // Sign: a problematic field of media education. 2015. No. 1 (15). pp. 34-40.

9. Bashkatov L. M. Actual problems of visual journalism in the digital environment // Media Studies. 2020. No. 4. pp. 22-38.

10. Prokhorova E. N. Features of visual representation of materials in modern media [Electronic resource] // Word in science. 2023. Special. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vizualnogo-predstavleniya-materialov-v-sovremennyh-media> (date of request: 12/01/2025).

11. Shevchenko V. E. Visual content as a trend in modern journalism // Bulletin of the Moscow University. Episode 10: Journalism. 2014. No. 1. pp. 40-57.

12. Alekseeva E. A. Legal and ethical problems of big data visualization in news social journalism [Electronic resource] // Humanitarian Vector, 2025. Vol. 20. No. 3. pp. 53-65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-i-eticheskie-problemy-vizualistiki-bolshih-dannyh-v-novostnoy-sotsialnoy-zhurnalistike> (date of request: 03.12.2025)

13. Multi-media journalism: a textbook for universities under the general editorship of A. G. Kachkaeva, S. A. Shomova; National research. University of Higher School of Economics, Moscow, ed. House of the Higher School of Economics, 2017. 413 p.

14. Digital journalism: technology, meanings, features of activity : a collection of materials from Student scientific readings (Yekaterinburg, April 25, 2024) / general editorship by V. F. Oleshko ; comp. by R. L. Iskhakov. Yekaterinburg : Publishing Center of dep. "Fac. journalism" UGI UrFU, 2024. 246 p. URL: https://journal.uirfu.ru/fileadmin/user_upload/site_16477/news/Sbornik.pdf (date of request: 12/01/2025).

15. Simakova S. I. Infographics in journalism: a media aesthetic code. Moscow: Aspect Press, 2019. 118 p.

УДК 316.77:391

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.021

*Воронежский государственный техниче-
ский университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman,
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: saskuridina@ya.ru :*

*студент 4 курса направления «Журнали-
стика»
Райм А.С.
Россия, г. Воронеж
e-mail: raym.a@list.ru*

*The faculty of journalism,
Fourth-year student
Raym A.S.
Russia, Voronezh
e-mail: raym.a@list.ru*

С.А. Скуридина, А.С. Райм

РОССИЙСКИЕ МЕДИАПЛОЩАДКИ И ФОРМАТЫ ОБСУЖДЕНИЯ КОСТЮМА

В статье рассматривается место костюма персонажа в современной российской медиасреде, где визуальное решение фильма, сериала или экранизации становится ведущим фактором позитивной/негативной оценки. Особое внимание уделяется различию между культурными изданиями, отраслевыми медиа, онлайн-журналами, блогосферой, видеоплатформами и социальными сетями, поскольку каждая из этих площадок вырабатывает собственный способ разговора о костюме: от профессионального анализа до эмоциональной реакции зрителя. Авторами представлены современные форматы обсуждения костюмов: профессиональная и зрительская рецензия; аналитическая статья; интервью с художниками по костюмам, режиссерами, стилистами, историками моды и культурными комментаторами; подборки, рейтинги и списки, которые, несмотря на кажущуюся простоту, играют важную роль в формировании массового восприятия; пост, заметка, сторис, короткий комментарий в социальных сетях или мессенджерах, обеспечивающие наибольшую скорость реакции и вовлечения. На материале экранных версий «Евгения Онегина», «Преступления и наказания» и фильма «Пророк. История Александра Пушкина» показано, что костюм в медиасфере выполняет не только декоративную, но и интерпретационную функцию, участвуя в формировании канонического или переосмысленного образа персонажей. Сделан вывод о том, что обсуждение костюма становится одним из устойчивых форматов современной визуальной журналистики и медиакритики, выступая как самостоятельный объект культурной интерпретации и активного общественного обсуждения, свидетельствующего, насколько сильно современная медиасфера ориентирована на визуальные формы культуры и как именно отдельная художественная деталь может превращаться в полноценный медиаповод.

Ключевые слова: медиaplошадки, костюм, кино, экранизация, медиасфера, визуальная культура, медиакритика, цифровые медиа.

S.A. Skuridina, A.S. Raym

RUSSIAN MEDIA PLATFORMS AND FORMATS FOR DISCUSSING COSTUME

The article examines the place of character costume in the contemporary Russian media environment, where the visual design of a film, series, or screen adaptation becomes the leading factor in positive/negative evaluation. Particular attention is paid to the differences between cultural publications, industry media, online magazines, the blogosphere, video platforms, and social networks, as each of these platforms develops its own way of discussing costume: from pro-

fessional analysis to the emotional reaction of the viewer. The authors present modern formats for discussing costumes: professional and audience reviews; analytical articles; interviews with costume designers, directors, stylists, fashion historians, and cultural commentators; selections, ratings, and lists, which, despite their apparent simplicity, play an important role in shaping mass perception; a post, note, story, or short comment on social networks or instant messengers, which ensure the greatest speed of reaction and engagement. Based on the screen versions of Eugene Onegin, Crime and Punishment, and the film The Prophet. The book "The History of Alexander Pushkin" demonstrates that costume in the media serves not only a decorative but also an interpretive function, contributing to the formation of canonical or reimagined images of characters. It concludes that the discussion of costume is becoming one of the stable formats of contemporary visual journalism and media criticism, serving as an independent object of cultural interpretation and active public debate, demonstrating how strongly the contemporary media sphere is oriented toward visual forms of culture and how a single artistic detail can become a fully-fledged media event.

Keywords: media platforms, costume, cinema, screen adaptation, media sphere, visual culture, media criticism, digital media.

В современной медиасреде обсуждение визуальной составляющей кино, сериалов и экранизаций занимает всё более заметное место. Это обусловлено тем, что изобретение кинематографа стало эпохальным моментом, который привел к изменениям, связанным с восприятием мира: «возникает универсальный язык, господствующий над шестью тысячами диалектов нашего земного шара... язык странный, который мы ассимилируем зрением, а не слухом» [1; с. 45.] По мнению С. Эйзенштейна, кинематограф способен «...сверстать в обобщенный облик человека и то, что он видит; человека и то, что его окружает; человека и то, что он собирает вокруг себя...» [2; с. 89].

Рассматривая специфику киноиндустрии и кинопроката в современной России, отмечает, что самыми крупными телепроектами начала века стали многосерийные фильмы-экранизации: «Идиот» по роману Ф.М. Достоевского режиссера В. Бортко (продюсер Валерий Тодоровский, телеканал «Россия», 2003), «Мастер и Маргарита» по роману М.А. Булгакова того же В. Бортко (продюсеры А. Златопольский, В. Тодоровский, телеканал «Россия», 2005) и «Доктор Живаго» по роману Б. Пастернака (режиссер А. Прошкин, продюсеры Ю. Мороз и Р. Дишдишян, «Централ Партнершип, 2006), «Гибель империи» и «Достоевский» (режиссер В. Хотиненко, продюсер Л. Верещагин, Первый канал и студия «ТРИТЭ»), «Жизнь и судьба» (режиссер С. Урсуляк, Первый канал ТВ, продюсер К. Эрнст) и др.» [3; с. 131]. На наш взгляд, популярность приведенных кинопостановок обусловлена их визуальной составляющей, в которой важное место занимает костюм персонажа.

Несмотря на мнение о том, что «в телекино скромные по бюджетам сериалы при правдиво выстроенных сюжетах способны зачастую опережать по рейтингам дорогостоящие костюмные постановки» [4; с. 684-686], отметим, что костюм, участвующий в визуализации персонажа, в настоящее время перестает восприниматься исключительно как вспомогательная часть художественного оформления и становится самостоятельным объектом анализа, интерпретации и обсуждения в различных сегментах медиасферы [5], [6], [7].

Говоря о площадках обсуждения костюма в России, необходимо отметить, что они различаются по степени профессиональности, по жанровой структуре высказывания и по типу аудитории. Условно можно выделить несколько основных групп. К первой группе относятся культурные и общественно-политические издания, в которых тема костюма чаще всего включается в общий разговор о фильме, сериале или экранизации. В рамках рецензии или аналитической статьи костюм рассматривается как один из элементов художественной формы.

Вторая группа площадок – профессиональные и отраслевые издания, связанные с кино, модой, дизайном, театром, культурной индустрией и визуальными практиками. Здесь костюм рассматривается уже более детально и нередко становится центральным объектом анализа. Профессиональный подход предполагает внимание к силуэтам, тканям, историческим источникам, символике цвета, взаимодействию костюма с телом актера.

Третью группу составляют онлайн-медиа и цифровые журналы, в которых обсуждение костюма строится в соответствии с законами сетевой коммуникации. Для них характерны оперативность, визуальная насыщенность, клиповая структура подачи, ориентация на широкий круг читателей и активное использование иллюстративного материала.

Следующей значимой площадкой выступает блогосфера. В российском медиaproстранстве именно блогеры нередко задают эмоциональный и оценочный тон обсуждения визуальных решений фильма. Заметное место среди площадок занимают видеоплатформы. Видео как формат особенно эффективен при обсуждении костюма, поскольку позволяет показать детали, остановить кадр, приблизить ткань, разобрать силуэт, сопоставить референсы.

Наряду с разнообразием площадок, важным является и разнообразие форматов обсуждения. Одним из наиболее традиционных форматов остается рецензия. В ней костюм обычно рассматривается как часть эстетического решения фильма. Вторым значимым форматом выступает аналитическая статья. В отличие от рецензии, она позволяет рассмотреть костюм более подробно и тематически. Третий формат – интервью с художниками по костюмам, режиссерами, стилистами, историками моды и культурными комментаторами. Четвертый формат – подборки, рейтинги и списки. Несмотря на внешнюю простоту, они играют важную роль в формировании массового восприятия. Заголовки вроде «лучшие костюмы года», «самые спорные образы экранизаций», «фильмы, где костюмы важнее сюжета» делают тему костюма доступной широкой аудитории и задают иерархию внимания. Пятый формат – пост, заметка, сторис, короткий комментарий в социальных сетях или мессенджерах. Именно эти формы обеспечивают наибольшую скорость реакции и вовлечения. В них костюм обсуждается через впечатление, эмоцию, иронию, визуальную ассоциацию или сравнение.

Обращение к экранизации романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в контексте обсуждения площадок и форматов представляется особенно продуктивным, поскольку именно этот текст существует в российской культуре как произведение, заранее окруженное устойчивыми визуальными ожиданиями. Костюм в данном случае оказывается не второстепенной деталью постановки, а одной из наиболее заметных форм интерпретации романа [8].

Обращаясь к фильму-опере 1958 года, необходимо отметить, что его костюмная система воспринимается как более каноническая. Наиболее выразительной деталью здесь становится знаменитый малиновый берет Татьяны. В данном случае медийно значимой оказывается не просто вещь, а момент зрительного узнавания.

Рис. 1. Татьяна Ларина в фильме-опере «Евгений Онегин» (1958), сцена петербургского бала

Совершенно иначе идет обсуждение фильма С. Андреасяна «Онегин» 2024 года. Уже после премьеры стало заметно, что костюмы стали одной из немногих сторон картины, на которые обратили внимание не только критики, но и зрители. Так, в материале «РБК Life» говорится, что главный акцент фильма смещен на «внешний лоск и шарм» [9]. Наиболее заметным в картине 2024 года оказывается образ Татьяны, поскольку именно через него яснее всего читается стремление создателей к визуальной драматургии костюма. Именно этот переход от простоты к подчеркнутой статусности оказался одной из наиболее обсуждаемых линий фильма в цифровом пространстве.

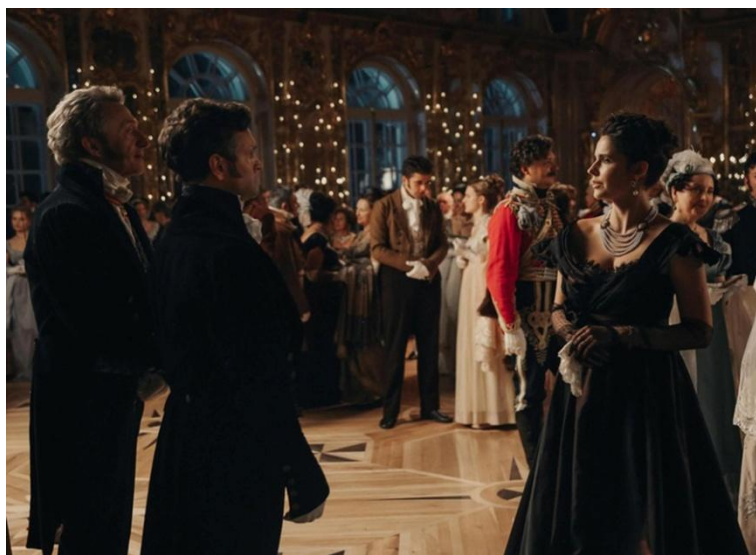

Рис. 2. Татьяна Ларина после замужества, фильм «Онегин» (2024), сцена бала

Сопоставление двух экранных версий романа в стихах «Евгений Онегин» позволяет увидеть, что костюм в медиасфере обсуждается по двум основным моделям. В случае с фильмом 1958 года он работает как средство подтверждения канона. В случае с фильмом 2024 года на первый план выходит уже зрелищность костюмного ряда, его способность производить сильное впечатление, провоцировать оценку, сравнение и спор.

Обращение к экранизациям романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» представляется особенно показательным, поскольку костюмная деталь оказывается связана с философской напряженностью произведения. Для медиасферы данный материал также значим по тому, что любые попытки визуально прочесть Достоевского почти неизбежно вызывают спор, а костюм в таком споре становится одним из наиболее наглядных аргументов.

В фильме Л. Кулиджанова «Преступление и наказание» 1969 года костюмное решение подчинено задаче предельного приближения к психологической атмосфере романа, и потому внешний облик Раскольникова стремится к соответствию с обликом героя в романе Ф.М. Достоевского: темное длинное пальто, плохо сидящий пиджак, распахнутый ворот, небрежно повязанный шарф и общая неустроенность силуэта создают впечатление о человеке, который словно выпадает из социальных норм и существует на грани физического и нравственного распада.

Показательно и то, что медиапамять об этой экранизации во многом закрепляет именно такой тип восприятия.

Рис.3. Родион Раскольников в фильме Л. Кулиджанова «Преступление и наказание» (1969)

Совершенно иной характер имеет медийная жизнь киноадаптации В. Мирзоева «Преступление и наказание», вышедшей в 2024 года. Уже на этапе промокампании проект стал обсуждаться через серию персонажных постеров, опубликованных «Кинопоиском». Особенно заметным предметом обсуждения стал образ Раскольникова в исполнении Ивана Янковского. Рецензия «КиноТВ», вышедшая накануне премьеры, акцентировала внимание на том, что герой появляется в кадре в красном худи и бежевом тренче, причем именно этот костюмный набор сразу маркирует перенос сюжета в современный городской контекст [10].

Не менее активно обсуждалась и цветовая драматургия костюма, что для разговоров о классических экранизациях вообще не слишком типично. В ряде материалов обращается внимание на переход от красного худи к желтому, а затем к зеленому, и такая смена трактуется как визуальное выражение агрессии, безумной решимости и последующего мнимого успокоения героя. При этом наблюдается контраст между одеждой Раскольникова и одеждой Черта, неожиданно для зрителя появившегося в сериале В. Мирзоева: «Выбор режиссёра обусловлен стремлением создать Чёрта, который был бы одновременно узнаваемым для современной аудитории и глубоко укоренённым в психологической реальности героев» [11; с. 54]. В данном случае костюм уже не просто помогает обозначить социальный статус персонажа, но становится частью автономной системы экранных символов, которая активно считывается и пересказывается медиа, то есть выходит далеко за пределы обычной характеристики одежды.

В медиасфере костюм персонажей «Преступления и наказания» обсуждается не как второстепенная художественная деталь, а как один из важнейших признаков экранной интерпретации романа. В случае классической экранизации 1969 года он поддерживает репутацию фильма как глубокого и канонического прочтения Ф.М. Достоевского, а в случае сериала 2024 года превращается в отдельный медиаповод, вокруг которого строятся рецензии, новости, fashion-наблюдения и пользовательские споры.

Рис. 4. Родион Раскольников в сериале В. Мирзоева «Преступление и наказание» (2024)

Фильм «Пророк. История Александра Пушкина» Ф. Умарова, вышедший в 2025 году, занимает особое место, поскольку в данном случае речь идет не о буквальной экранизации художественного произведения, а о воспроизведении жизни поэта. В материале «РБК Стиль» фильм был представлен как «музыкальная биография» [12], а «Кинопоиск» в публикациях о съемках и о последующем цифровом релизе неоднократно подчеркивал, что создатели сознательно работают на стыке исторического материала и современной зрительской чувствительности. Отметим неоднозначные отзывы зрителей [13].

Рис. 5. Кадр из фильма «Пророк. История Александра Пушкина»

Если обратиться к мужским образам, то центральной фигурой становится Пушкин в исполнении Юры Борисова. Медийные материалы вокруг фильма позволяют увидеть, что костюм поэта строится не как музейно нейтральный комплект исторической одежды, а как подвижная система знаков. Не менее выразительно устроены и второстепенные мужские костюмы, прежде всего образы Дантеса, Николая I и Жуковского. На рисунке 5 хорошо видно, что в фильме костюм работает не как нейтральный фон исторического действия, а как способ организовать саму зрелищность кадра.

Особенно заметным объектом обсуждения в медиасфере стали женские костюмы, поскольку именно через них фильм наиболее отчетливо демонстрирует баланс между исторической цитатой и стилизацией. При этом именно женские костюмы чаще других становились в медиаматериалах поводом для полярных оценок. В случае «Пророка» именно костюм оказался наиболее заметным носителем этой конфликтности, так как он мгновенно выносит интерпретацию на поверхность и делает ее предметом массового обсуждения.

После выхода картины костюмы героев были вынесены в отдельное публичное пространство: сначала на станции метро «Воробьевы горы» была открыта экспозиция с костюмами главных персонажей [14], о чем писали ГодЛитературы.РФ [15] и другие издания. Затем во «Всероссийском музее А.С. Пушкина» в Санкт-Петербурге была открыта отдельная выставка костюмов героев фильма, где рядом с самими предметами были размещены кадры из картины, что позволило зрителю сопоставить материальный объект, экранный образ и историческую музейную среду [16].

Рис. 6. Костюм героя фильма на выставке на станции «Воробьевы горы»

Таким образом, площадки и форматы обсуждения костюма в России образуют многоуровневую медиасистему, в которой взаимодействуют профессиональная критика, отраслевые медиа, цифровые издания, блоги, социальные сети, видеоплатформы и мессенджерные каналы. Костюм в этой системе выступает не просто как декоративная составляющая фильма, а как самостоятельный объект культурной интерпретации и активного общественного обсуждения, свидетельствующего, насколько сильно современная медиасфера ориентирова-

на на визуальные формы культуры и как именно отдельная художественная деталь может превращаться в полноценный медиаповод.

Библиографический список

1. Базен А. Что такое кино?. Сборник статей [Пер. с фр.]. М.: Искусство, 1972. 383 с.
2. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения в 6 т.. Т. 5. М.: Искусство, 1968. 599 с.
3. Кириллова Н.Б. Медиакультура и основы медиаменеджмента. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 184 с.
4. Основы продюсерства: аудиовизуальная сфера / Под ред. Г.П.Иванова, П.К.Огурчикова, В.И.Сидоренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.
5. Райм А.С., Скуридина С.А. Костюм как средство создания атмосферы эпохи (на материале экранизаций романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» //Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы V Международной научной конференции. Воронеж, 2024. С. 279-284.
6. Райм А.С., Скуридина С.А. Костюм в экранизациях романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Дали Даля: сборник статей Международной научно-практической конференции 21-23 мая 2024 г. «Далевские чтения», посвящённой 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина / Отв. ред. д. фил. н. И.И. Чумак-Жунь. Белгород: ООО «Эпицентр», 2024. С.101-106.
7. Скуридина С.А., Райм А.С. Наименование костюмов в экранизациях романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов. Выпуск 37 / Воронежский государственный университет. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2024. С. 109-119.
8. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства / Ю. М. Лотман. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
9. «Онегин»: обзор экранизации романа от Сарика Андреасяна. Что хорошего в неудачном фильме по Пушкину с Виктором Добронравовым. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/65e985c69a7947aee7976941?ysclid=mpw4d1ox6o932338586> (дата обращения – 1.12.2025).
10. Зархина Е. «Преступление и наказание»: Раскольников идёт убивать процентщицу в эпоху хипстерства. URL: <https://kinotv.ru/read/retsenzii/prestuplenie-i-nakazanie-raskolnikov-idyet-ubivat-protsentshchitsu-v-epokhu-khipsterstva/?ysclid=mpw4pf4s5h212615564> (дата обращения – 1.12.2025).
11. Королева А.С., Скуридина С.А. Образ Черта в медиаинтерпретации В. Мирзоева «Преступление и наказание» по мотивам Ф.М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 4 (59). С. 52-59.
12. В Москве прошла премьера фильма «Пророк. История Александра Пушкина». URL: <https://style.rbc.ru/impressions/67ab350f9a794748d4eb72d6> (дата обращения – 1.12.2025).
13. «Пророк. История Александра Пушкина»: рецензии. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1346361/reviews/?ysclid=mpw5iydb2a577011104> (дата обращения – 1.12.2025).
14. Костюмы главных героев фильма «Пророк. История Александра Пушкина» можно увидеть на станции «Воробьёвы горы». URL: <https://mosmetro.ru/news/details/6322?ysclid=mpw64dtxu9805720891> (дата обращения – 1.12.2025).
15. Выставка костюмов из фильма «Пророк. История Александра Пушкина» открылась на станции «Воробьёвы горы». URL:

<https://godliterary.ru/articles/2025/02/10/vystavka-kostiumov-iz-filma-prorok-istoriia-aleksandra-pushkina-otkrylas-na-stancii-vorobevy-gory?ysclid=mpw65mc7s2260773269> (дата обращения – 1.12.2025).

16. Выставка костюмов героев фильма «Пророк. История Александра Пушкина». URL: https://www.museumpushkin.ru/vystavki1/vremennye_vystavki/vystavka_kostyumov_geroev_filma_prorok_istoriya_aleksandra_pushkina1.html?ysclid=mpw633mhc462078601 (дата обращения – 1.12.2025).

References

1. Bazin, A. What is Cinema? A Collection of Articles [Translated from French]. Moscow: Iskusstvo, 1972. 383 p.

2. Eisenstein, S.M. Selected Works in 6 Volumes. Vol. 5. Moscow: Iskusstvo, 1968. 599 p.

3. Kirillova, N.B. Media Culture and the Foundations of Media Management. Yekaterinburg: Ural University Press, 2014. 184 p.

4. Fundamentals of Production: The Audiovisual Sphere / Ed. by G.P. Ivanov, P.K. Ogurchikov, V.I. Sidorenko. Moscow: UNITY-DANA, 2003.

5. Raim, A.S., Skuridina, S.A. Costume as a Means of Creating the Atmosphere of an Era (Based on Film Adaptations of A.S. Pushkin's Novel in Verse "Eugene Onegin" // Linguocultural Universals in the World Space. Proceedings of the V International Scientific Conference. Voronezh, 2024. pp. 279-284.

6. Raim A.S., Skuridina S.A. Costume in Film Adaptations of A.S. Pushkin's Novel in Verse "Eugene Onegin" // Dali Dalya: A Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference "Dal Readings" held May 21-23, 2024, dedicated to the 225th Anniversary of A.S. Pushkin's Birth / Ed. by Doctor of Philological Sciences I.I. Chumak-Zhun. Belgorod: ООО "Epicenter", 2024. pp. 101-106.

7. Skuridina S.A., Raim A.S. Costume Designations in Film Adaptations of A.S. Pushkin's Novel in Verse "Eugene Onegin" // Materials on Russian-Slavic Linguistics: International Collection of Scientific Papers. Issue 37 / Voronezh State University. Voronezh: VSU Publishing House, 2024. pp. 109-119.

8. Lotman, Yu. M. Conversations about Russian Culture. Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility / Yu. M. Lotman. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1994. 399 pp.

9. "Onegin": A Review of the Film Adaptation by Sarik Andreasyan. What's Good About the Failed Pushkin Film Starring Viktor Dobronravov. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/65e985c69a7947aee7976941?ysclid=mpw4d1ox6o932338586> (accessed 1.12.2025).

10. Zarkhina E. "Crime and Punishment": Raskolnikov Goes to Kill a Pawnbroker in the Age of Hipsterism. URL: <https://kinotv.ru/read/retsenzii/prestuplenie-i-nakazanie-raskolnikov-idyet-ubivat-protshchitsu-v-epokhu-hipsterstva/?ysclid=mpw4pf4s5h212615564> (accessed 1.12.2025).

11. Koroleva, A.S., Skuridina, S.A. The Image of the Devil in V. Mirzoev's Media Interpretation of "Crime and Punishment" Based on F.M. Dostoevsky // Current Issues in Contemporary Philology and Journalism. 2025. No. 4 (59). Pp. 52-59.

12. The film "The Prophet: The Story of Alexander Pushkin" premiered in Moscow. URL: <https://style.rbc.ru/impressions/67ab350f9a794748d4eb72d6> (accessed 1.12.2025).

13. "The Prophet: The Story of Alexander Pushkin": reviews. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1346361/reviews/?ysclid=mpw5iydb2a577011104> (accessed 1.12.2025).

14. Costumes of the main characters from "The Prophet: The Story of Alexander Pushkin" can be seen at the Vorobyovy Gory station. URL:

<https://mosmetro.ru/news/details/6322?ysclid=mpw64dtxu9805720891> (accessed December 1, 2025).

15. An exhibition of costumes from the film "The Prophet: The Story of Alexander Pushkin" has opened at the Vorobyovy Gory station. URL: <https://godliterary.ru/articles/2025/02/10/vystavka-kostiumov-iz-filma-prorok-istoriia-aleksandra-pushkina-otkrylas-na-stancii-vorobevy-gory?ysclid=mpw65mc7s2260773269> (accessed December 1, 2025).

16. An exhibition of costumes from the film "The Prophet: The Story of Alexander Pushkin." URL: https://www.museumpushkin.ru/vystavki1/vremennye_vystavki/vystavka_kostyumov_geroev_filma_prorok_istoriya_aleksandra_pushkina1.html?ysclid=mpw633mhc462078601 (accessed 1.12.2025).

УДК 070 + 791.61

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.022

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: bugakovanb@yandex.ru

студент 4 курса
направления «Журналистика»
Рыцарев М.Д.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

4th year student of Journalism
Rytsarev M.D.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова, М.Д. Рыцарев

ЖУРНАЛИСТСКИЕ МЕТОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КИНО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ 1970–1990-Х ГОДОВ

В статье анализируется трансформация журналистских методов в игровом кино СССР 1970–1990-х годов. Под журналистикой авторы понимают профессиональную творческую деятельность по сбору, анализу, созданию и периодическому распространению общественно значимой информации, формирующей представления аудитории о социальной действительности. Определения «фильм», «художественный (игровой) фильм», «документальный (неигровой) фильм» и «кинолетопись» рассматриваются на основе действующих официальных формулировок, позволяющих методологически различать художественную интерпретацию и хроникально-документальную фиксацию. Показано, что репортажность, интервьюирование, наблюдение и фактография в художественном кино функционируют не как буквальное подражание СМИ, а как способы конструирования эффекта присутствия и доверия, организации повествования и выдвижения социальной проблематики. Аргументация строится на сопоставлении теории журналистской деятельности и жанровых форм с анализом утверждённого корпуса фильмов: «Двадцать дней без войны», «Мой друг Иван Лапшин», «Репортаж с линии огня», «Нежность к ревущему зверю», «Работа над ошибками»; в качестве дополнительного источника привлечен фильм «Астенический синдром», выступающий в рамках исследования индикатором перестроечного расширения тематических и стилевых границ. Исследование показало, что журналистские методы применимы как инструмент киноведческого анализа и могут быть использованы для описания достоверности, авторской позиции и связи кино с социальной реальностью в позднесоветской культуре. Авторы приходят к заключению, что репортажность и наблюдение дают эффект присутствия и социальную конкретику, интервью может быть не эпизодом, а драматургическим каркасом, хроника/кинолетопись и документальный стиль проявляются как этика свидетельства и как сюжет о миссии фиксации, фактография и работа с источниками реализуются как авторская стратегия подготовки и как сюжет расследования/поиска.

Ключевые слова: кино, советское кино, художественное кино, журналистские методы, жанры.

N.B. Bugakova, M.D. Rytsarev

JOURNALISTIC METHODS IN FEATURE CINEMA: THEORETICAL FOUNDATIONS AND SPECIFICS OF USE IN SOVIET CULTURE OF THE 1970S–1990S

The article analyzes the transformation of journalistic methods in Soviet feature cinema of the 1970s–1990s. By journalism, the authors understand the professional creative activity of collecting, analyzing, producing, and periodically disseminating socially significant information that shapes the audience's perception of social reality. The definitions of "film", "feature film", "documentary (non-fiction) film", and "film chronicle" are examined on the basis of current official formulations, which allow for a methodological distinction between artistic interpretation and chronicle-documentary recording. It is shown that reportage techniques, interviewing, observation, and fact-checking in feature cinema function not as a literal imitation of mass media, but as ways of constructing an effect of presence and trust, organizing the narrative, and highlighting social issues. The argumentation is built on comparing the theory of journalistic activity and genre forms with an analysis of an established corpus of films: *"Twenty Days Without War"*, *"My Friend Ivan Lapshin"*, *"Report from the Line of Fire"*, *"Tenderness for the Roaring Beast"*, *"Rough Cut"*; the film *"The Asthenic Syndrome"* is used as an additional source, serving in the study as an indicator of the perestroika-era expansion of thematic and stylistic boundaries. The study has shown that journalistic methods are applicable as a tool for film studies analysis and can be used to describe authenticity, the author's position, and the connection between cinema and social reality in late Soviet culture. The authors conclude that reportage and observation provide an effect of presence and social concreteness; the interview can serve not merely as an episode but as a dramaturgical framework; chronicle/film chronicle and documentary style manifest as an ethics of witnessing and as a narrative about the mission of recording; fact-checking and work with sources are realized as an authorial strategy of preparation and as an investigative/search plotline.

Keywords: cinema, Soviet cinema, feature cinema, journalistic methods, genres.

Предлагаемое исследование призвано рассмотреть способность базовых журналистских методов получения и предоставления информации (в частности, наблюдение, интервьюирование, репортажная фиксация, хроникальность, фактографичность) реализовываться в языке игрового (художественного) кино, где они начинают работать как художественные приёмы, влияющие на достоверность, этику изображения и социальную проблематику произведения. Исследование опирается на официальные определения видов фильмов (включая разграничение игрового/документального и понятие «кинолетописи») и на современные отечественные знания по теории журналистики и медиапрактикам.

Материалом исследования послужил корпус советских фильмов/телефильмов, где журналистика присутствует не как фон, а как структурный принцип повествования: интервью как сюжетный каркас; репортаж и кинохроника как модель «свидетельства»; документарная подготовка и «фактура времени» как эстетика; журналистское расследование как драматургия поиска источников.

Цель настоящей статьи – выявить, какие журналистские методы и формы оказываются продуктивными для художественного кино и как меняется их функция в контексте советской культуры 1970–1990-х. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: определить базовые понятия (журналистика; фильм/игровой фильм; документальность/кинолетопись); описать механизм «перевода» журналистских методов в киноязык; на материале утверждённого корпуса примеров показать, какие методы являются структурообразующими; объяснить специфику позднесоветского применения (идеология, цензура, реализм, социальная проблематика).

Объектом исследования выступает художественное кино СССР 1970–1990-х; предмет – журналистские методы как приёмы построения экранной достоверности и социального высказывания.

В работе применялись методы сравнительно-типологического анализа (соотношение жанровых форм журналистики и киноприёмов), структурно-семиотического чтения повествовательных рамок (интервью/репортаж/хроника как организация рассказа), контекстуального анализа позднесоветских институциональных условий кинопроизводства и проката.

Научная новизна данной работы заключается в уточнении понятия «журналистский метод» применительно к игровому кино: он понимается не как «жанр фильма про журналистов», а как набор процедур свидетельствования (наблюдение, опрос/интервью,

хроникальная фиксация, фактографическая проверяемость), которые в художественном фильме становятся эстетическими и этическими регуляторами достоверности.

Отметим, что в современной науке существует ряд работ, в которых рассматриваются журналистские методы в художественном кино. Так, например, Е.Б. Футерман, исследуя феномены гибридизации экранного документа [1], показывает, что сам документальный фильм находится на стыке журналистики и кинематографии, а современный экранный документ активно использует постановочность, актерскую игру и другие художественные приемы. Это подтверждает продуктивность междисциплинарного подхода к изучению журналистских методов в художественном кино: граница между документальной фиксацией и художественной интерпретацией становится проницаемой, что особенно актуально для советского кино 1970–1990-х годов, где документализация была важной стилиевой тенденцией.

В работе О. Косачевой [2] анализируются методы сбора информации в документальных фильмах, свойственные тележурналисту: наблюдение, работа с документами, интервью. Автор приходит к выводу, что документальное кино более независимо от бюджетных ограничений и общественного признания, поэтому спектр освещаемых в нем проблем шире, а выразительные средства богаче. При этом современные создатели исторических драм часто стилизуют игровые фильмы под документальные, превращая их в хронику сменяющих друг друга фактов, что не всегда оправдано. Этот вывод напрямую соотносится с задачами нашего исследования: в советском кино 1970–1990-х годов наблюдалась обратная тенденция – обогащение художественного повествования журналистскими методами (репортажностью, интервью, включением хроники), что создавало эффект достоверности и актуальности.

В статье А. Гусева и М. Шабаева [3] подчеркивается разница между киноведческим и журналистским подходами к анализу фильмов: киноведение – наука, не замечающая времени, тогда как кинокритика существует «здесь и сейчас», фиксируя актуальные кинопроцессы. Первичная задача и той, и другой – «вскрыть устройство фильма», но методы различны. Это различие значимо для настоящей статьи: использование журналистских методов в художественном кино требует от исследователя владения как киноведческим инструментарием (анализ драматургии, изобразительных средств), так и пониманием журналистской специфики (работа с фактом, интервью как метод сбора и организации материала).

Исторический аспект становления кинокритики как особой области журналистики рассматривается в работе Л.П. Саенковой-Мельницкой [4], где исследуется формирование кинокритического опыта в периодике начала 1920-х годов и осмысление художественного потенциала кинематографа в СМИ. Это позволяет проследить генезис интереса журналистики к кино, который к 1970–1990-м годам трансформировался во взаимное проникновение методов.

Исследование А.А. Лапатановой и Л.И. Беловой [5] посвящено языковым особенностям формирования образа журналиста в кинематографе. Авторы анализируют, насколько правдиво характеризует журналистику современное (на момент написания) художественное кино, описывая речевые портреты журналистов как фанатиков своего дела, ставящих работу во главу угла и готовых на любые жертвы ради сенсации. В работе разбираются такие фильмы, как «Фрост против Никсона» (2008), «Свой человек» (1999), «Плутводство» (1997), демонстрирующие различные коммуникативные стратегии журналистов. Хотя эти примеры относятся к зарубежному и более позднему кино, предложенная методология анализа речевых стереотипов и коммуникативных уловок может быть адаптирована для исследования советских фильмов 1970–1990-х годов, где образ журналиста (или персонажа, использующего журналистские методы) также был значимым.

Хотя прямое исследование журналистских методов в советском художественном кино 1970–1990-х годов в найденных источниках представлено фрагментарно, значительный

материал содержится в работах по медиаобразованию и анализу советских фильмов этого периода. В исследовании, посвященном репрезентации школы и вуза в советском кино эпохи «застоя» (1969–1985) [6], анализируются фильмы «Переступи порог» (1970), «Дневник директора школы» (1975), «Идущий следом» (1984) и другие. Хотя основное внимание уделено образу учителя, методология исследования – герменевтический анализ с учетом медийных агентств, технологий, языков и репрезентаций – может быть применена и к анализу журналистских методов в этих же фильмах (например, включение элементов интервью, документальной хроники, репортажных съемок).

Таким образом, обзор существующих в настоящее время трудов по рассматриваемой теме показывает, что при наличии работ по отдельным аспектам (кинокритика как журналистика, гибридизация документального и игрового, образ журналиста в кино), системного исследования именно журналистских методов (репортажности, интервьюирования, наблюдения, фактографии, работы с источниками) как инструмента построения художественного повествования в советском кино 1970–1990-х годов не обнаружено. Большинство исследований либо сосредоточены на документальном кино, либо анализируют кинокритику как область журналистики, либо рассматривают зарубежный кинематограф. Настоящее исследование призвано восполнить пробел, сформировавшийся в рассмотрении фильмов, и предлагает теоретическое обоснование и конкретный анализ применения журналистских методов в художественных фильмах позднесоветского периода (включая заявленный корпус: «Двадцать дней без войны», «Мой друг Иван Лапшин», «Репортаж с линии огня», «Нежность к ревущему зверю», «Работа над ошибками», «Астенический синдром»).

Современное энциклопедическое определение фиксирует журналистику как профессиональную творческую деятельность по сбору, анализу, созданию, редактированию и периодическому распространению актуальной общественно значимой информации среди массовой аудитории через каналы массовой коммуникации. Подчеркивается, что создаваемая журналистами информация формирует у аудитории представления о социальной действительности и влияет на общественное мнение и ценностные ориентиры.

Из этого следует важный для киноведения вывод: журналистские методы (как процедуры работы с действительностью) содержат внутренний критерий доказательности и «присутствия» – обязанность показать событие так, чтобы оно воспринималось как социально значимое и проверяемое, даже если оно подано в авторской манере. В учебной традиции этот комплекс вопросов систематизируется, в частности, в работах Е.В. Ахмадулина [7], С.Г. Корконосенко [8] и др.

В рамках данной статьи понятие «журналистский метод» трактуется с прикладной точки зрения: как устойчивый способ добычи/структурирования факта (наблюдение; интервьюирование; репортажная фиксация; работа с документом и фактом) и как способ предъявления результата аудитории (эффект присутствия, хроникальная логика, фактографическая плотность).

Для корректного разграничения художественной интерпретации и документальной фиксации используем следующие определения: «фильм» понимается как аудиовизуальное произведение, создаваемое в разных формах (в том числе хроникально-документальной и художественной) и предназначенное для восприятия с помощью технических устройств; при этом «художественный (игровой) фильм» – это фильм, созданный средствами актёрской игры и имеющий в основе сюжет, воплощённый в сценарии и интерпретируемый режиссёром-постановщиком. Тем самым «интерпретация» в игровом кино выступает формально неизбежной: режиссёр организует материал (сюжет, пространство, актёрскую игру, монтаж), и даже если он стремится к максимальной достоверности, достоверность будет достигаться не прямой фиксацией, а художественными средствами. Именно в этой зоне – между интерпретацией и доказательностью – журналистские методы оказываются

востребованы: они дают кино механизмы «обоснования доверия» (почему зритель верит показанному), но при этом сохраняют возможность авторского высказывания.

В рассматриваемых фильмах журналистское начало проявляется не только на уровне профессии героев, но и в самой логике построения материала, организации повествования и способах создания достоверности. Так, в фильме «Двадцать дней без войны» (1976, Алексей Герман) используется репортажность, наблюдение и фактографическая оптика военного корреспондента: главный герой является фронтовым журналистом, а изображение тыла выстраивается через его взгляд как наблюдателя, фиксирующего детали повседневности, интонации времени и своеобразные информационные «сводки» жизни. В картине «Мой друг Иван Лапшин» (1984, Алексей Герман) ключевое значение приобретает документальная подготовка и установка на «проверяемую фактуру», благодаря чему художественная ткань фильма сближается с логикой фактографического исследования: достоверность здесь основана на изучении документов, свидетельств и бесед с представителями эпохи. В фильме «Репортаж с линии огня» (1984, Леон Сааков) журналистское измерение выражено через форму кинорепортажа и хроникальную организацию действия, поскольку сюжет сосредоточен на фигуре фронтового кинооператора и на серии визуальных «портретов фронтовиков», где важнейшую роль играет свидетельство как профессиональная и нравственная миссия. В картине «Нежность к ревущему зверю» (1982, Владимир Попков, Станислав Третьяков) интервью становится драматургическим каркасом повествования: материал выстраивается как рассказ, данный журналисту, а биография и опыт героя подаются в форме свидетельства, возникающего в процессе разговора. В фильме «Работа над ошибками» (1988, Андрей Бенкендорф) на первый план выходит журналистское расследование, опирающееся на поиск источников, документов и показаний свидетелей прошлого: герой прямо обозначен как молодой журналист, а структура фильма строится вокруг поиска рукописей репрессированного писателя, что придаёт сюжету черты исследовательской работы. Наконец, в «Астеническом синдроме» (1989, Кира Муратова) журналистское начало проявляется уже не в конкретной профессиональной роли, а в публицистичности и социальной диагностике эпохи: фильм становится острым высказыванием о позднесоветской действительности, фиксируя кризис общественного сознания и моральную усталость времени. Таким образом, во всех перечисленных фильмах журналистика выступает не тематическим фоном, а важным принципом структурирования художественного материала, влияющим на композицию, способ подачи фактов, тип героя и общую стратегию авторского высказывания.

Репортажный принцип в журналистике связан с передачей информации «с места событий» и обязанностью корреспондента сообщать о происходящем аудитории, сохраняя установку на беспристрастное информирование. В кино репортажность чаще всего проявляется не как буквальная имитация телерепортажа, а как способ выстраивания зрения: камера и драматургия «прикреплены» к наблюдателю, который собирает значимые детали среды, жесты, микрособытия – так, словно они предназначены для последующего сообщения/очерка.

В фильме «Двадцать дней без войны» выбор героя-фронтового журналиста задаёт именно такую оптику: он возвращается в тыл и воспринимает «мирную жизнь» как странную и непривычную реальность, требующую фиксации – через бытовые детали, информационные сообщения и атмосферу времени; при этом в официальных описаниях прямо закреплена его профессия (фронтовой журналист) и тыловой маршрут (Ташкент) как пространство наблюдения. Выбор этого фильма оправдан тем, что журналист здесь – не декоративная роль, а механизм «настройки достоверности»: зритель видит войну «отсутствующей» (через двадцать дней отпуска), но ощущает её присутствие через репортажно-наблюденческую плотность тыла.

Интервью в широком методологическом смысле – это форма получения информации, при которой интервьюер фиксирует ответы участника (респондента); в энциклопедической традиции такой формат рассматривается как один из базовых способов опросного получения данных. Для кино ключевым становится не «опрос» как таковой, а интервью как модель организации материала: личный опыт превращается в структуру рассказа, в которой частное свидетельство претендует на общественную значимость.

Именно поэтому центральным примером выступает фильм «Нежность к ревущему зверю»: в основе сюжета лежит рассказ-интервью, сообщенный журналисту лётчиком-испытателем, а далее на этой основе разворачиваются испытания, демонстрируются психологические и жизненные проблемы героев. Такой выбор оправдан методологически: здесь интервью – не эпизод, а «каркас» повествования, где журналистская форма становится способом легитимации опыта (почему именно этот опыт достоин рассказа) и способом соединения факта (испытания) с человеческой драмой.

Официальное определение документального (неигрового) фильма фиксирует его хроникально-документальную или публицистическую форму и принцип опоры на съёмки подлинных событий и лиц; отдельно выделяется «кинолетопись» как регулярные съёмки документальных сюжетов, отражающих особенности времени и места и рассчитанные на перспективное производство фильма. В художественном кино хроника может присутствовать буквально (как вставки), но чаще структурно: как логика «свидетельства», когда главной ценностью становится факт фиксации, а не эффект драматического вымысла.

Репортаж с линии огня особенно показателен, потому что сам фокус сюжета – работа фронтового кинооператора/киножурналиста: в официальной аннотации отмечено, что герой «постоянно на передовой» и как «талантливый киножурналист» создаёт серию портретов фронтовиков. Выбор фильма обоснован тем, что он демонстрирует «хроникальную этику» в чистом виде: камера (внутри сюжета) выступает инструментом доказательства и исторической памяти, а не только художественным средством.

Фактографический идеал в журналистике связан с процедурой проверки и опоры на источники; в кино он может быть перенесён как стратегия подготовки (исследование документов) и как стратегия повествования (сюжет поиска источника). В учебной традиции журналистская деятельность описывается через связку профессиональных обязанностей, творческого процесса и жанровой системы, что важно для переноса в кино: «как добыт факт» становится частью смысла. Так, в фильме «Мой друг Иван Лапшин» это выражено через установку на достоверность: очевидна большая подготовительная работа режиссёра, изучение документов о работе уголовного розыска и беседы с милиционерами той эпохи. Выбор фильма оправдан тем, что здесь «журналистский метод» проявляется не через персонажа-журналиста, а через авторскую позицию: режиссёр действует как исследователь факта, а зритель получает эффект «документально проверенной» среды.

Другой тип фактографии – сюжет расследования – демонстрирует фильм «Работа над ошибками»: герой обозначен как молодой журналист, занятый поиском рукописей репрессированного писателя; в описании присутствуют элементы «полевой работы» (диктофон, поиск людей, восстановление цепочки сведений). Выбор фильма оправдан тем, что журналистика здесь задаёт драматургию: конфликт строится вокруг доступа к источнику и сохранности материала, а не вокруг «чисто личной» интриги.

Для позднесоветского кино принципиально важно, чтобы художественная интерпретация и «документальная правда» существовали внутри управляемой отрасли. На уровне механики кинематографии исследования описывают многоступенчатую систему планирования и проката, где в 1970-е годы центральный аппарат определял, «кто, что, где и когда» будет смотреть на экранах; управление связывалось и с тематическим планированием, и с институциональной ролью Госкино СССР, при этом подчёркивалось, что над отраслью стояла партийная инстанция. Ситуация не сводится к «запретам», но задаёт

логику допустимого реализма: социальная проблематика и «журналистская прямота» могли усиливаться или смягчаться в зависимости от конъюнктуры и управленческих решений.

Характеристика 1970-х как периода усиленной цензурной жёсткости в публичной образовательной среде формулируется прямо: отмечается, что «ножницы цензуры были наточены особенно остро», многие фильмы «легли на полку», а вышедшие распространялись ограниченно. Для нас в рамках данного исследования это означает следующее: журналистские методы в игровом кино могли выполнять компромиссную функцию – говорить о болезненном через форму свидетельства, через социальную наблюдательность и фактографию, не превращая высказывание в прямую публицистику.

В этой связи фильм «Двадцать дней без войны» (1976, режиссёр Алексей Герман) удобен как пограничный кейс: по официальным описаниям герой – фронтовой журналист, а важная часть действия связана с тем, что в тылу снимают фильм по его военным очеркам. В логике статьи это означает «двойное свидетельство»: (а) журналист фиксирует войну словом, (б) кино фиксирует войну, фиксируя журналиста и перерабатывая его материал. Такой «мета-уровень» позволяет художественному фильму говорить о реальности через механизм медиа-производства, что типологически сближает кино с журналистскими практиками, не растворяя его в документалистике.

Лента «Мой друг Иван Лапшин» демонстрирует другой ответ на позднесоветские требования: ставка делается на доказательность фактуры (документы, свидетельства людей эпохи), т.е. кино осваивает журналистскую установку на проверку источника как часть эстетики. Фильм задаёт модель анализа социальной реальности прошлого через процедуру почти исследовательской реконструкции, формируя доверие к показанному как к исторически проверенному, а не просто убедительно сыгранному.

Фильм «Репортаж с линии огня» важен как способ формирования образа профессии и как метод соблюдения этики хроники: кинооператор/киножурналист в пределах сюжета превращает войну в серию портретов, т.е. производство изображения осмыслено как общественно значимая миссия. Этот пример показывает журналистику внутри кино и одновременно выводит проблему ответственности свидетельства (что считать достойным фиксации, как сохранять человеческое измерение в хронике).

Фильм «Нежность к ревущему зверю» встраивает журналистику в повествование самым прямым образом: интервью становится формой памяти и способом вынести частную историю в публичное пространство. Методологическая ценность кейса заключается в демонстрации того, что интервью может быть не жанром ТВ, а универсальной структурой легитимации опыта (говорит очевидец, а журналист делает рассказ социально значимым).

Работа над ошибками репрезентирует перестроечный сдвиг к теме памяти, репрессий и восстановления утраченного текста: журналист становится фигурой поиска, а «материал» (рукопись, свидетельства) – объектом драматургической борьбы. Сюжетная логика совпадает с логикой журналистского расследования: добыча источника, проверка, сохранение, ответственность за публикацию/восстановление.

Обращаясь к рассмотрению фильма «Астенический синдром», отметим, что ранние фильмы Киры Муратовой «положили на полку», один был урезан цензурой, и только фильм 1989 года вышел в том виде, как хотела режиссёр, и принёс мировое признание. Для настоящей статьи этот пример важен, так как даёт понять, что журналистские методы получают возможность проявляться в более жёсткой и прямой форме именно при ослаблении прежних ограничений.

Таким образом, журналистские методы в художественном кино СССР 1970–1990-х выступают технологией доверия: они регулируют, как фильм обосновывает право говорить о социальной реальности и каким образом связывает частное свидетельство с общественным смыслом. На материале проанализированных фильмов показано, что репортажность и наблюдение дают эффект присутствия и социальную конкретику (журналист как «оптика»

фиксации среды); интервью может быть не эпизодом, а драматургическим каркасом – формой легитимации опыта и организацией памяти; хроника/кинолетопись и документальный стиль проявляются как этика свидетельства и как сюжет о миссии фиксации; фактография и работа с источниками реализуются как авторская стратегия подготовки (документы, беседы, реконструкция) и как сюжет расследования/поиска; позднесоветские стратегии (тематическое планирование, управленческий контроль, цензурная инерция 1970-х) влияют на то, насколько прямо кино может быть «публицистичным», и почему в ряде случаев журналистские формы становятся «обходным» способом говорить о сложности реальности. Предложенный в работе алгоритм позволяет анализировать художественный фильм через вопросы, характерные для журналистики: кто является «свидетелем» (точка наблюдения), как добыт факт (источник/интервью/документ), как упакован факт (репортажность/хроника/публицистичность), где проходит граница между интерпретацией и доказательностью.

Библиографический список

1. Футерман Е.Б. Феномены гибридизации экранного документа на границе видов кино // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. С. 97-99.
2. Kosachova O. Representation Features of Historical Truth in Fiction and Documentary Cinematography, TV Reporter's Skills // Media Education (Mediaobrazovanie). 2021. Vol. 17. No 4. P. 632-644. DOI: 10.13187/me.2021.4.632.
3. Гусев А., Шабаетв М. Кинокритика: два лица одного явления // Журнал «Журналист». 2023. URL: <https://jrnlst.ru/2023/08/18/144042/> (дата обращения: 30.03.2026).
4. Саенкова-Мельницкая Л.П. Кинокритика в контексте формирования нового эстетического опыта начала 1920-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2023. № 2. С. 37-44.
5. Лапатанова А.А., Белова Л.И. Языковые особенности формирования образа журналиста в кино // Язык. Культура. Коммуникации. 2016. № 1.
6. Юренев Р.Н. Краткая история советского кино. М.: Бюро пропаганды советского киноискусства (Союз кинематографистов СССР), 1979. 234 с.
7. Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистики: учебник и практикум. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 358 с.
8. Корконосенко С.Г. Основы журналистской деятельности: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 293 с.

References

1. Futterman E.B. Phenomena of Hybridization of Screen Documentary at the Border of Film Types // Digital Journalism: Technologies, Meanings and Features of Creative Activity: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Ural University Press, 2025. P. 97-99.
2. Kosachova O. Representation Features of Historical Truth in Fiction and Documentary Cinematography, TV Reporter's Skills // Media Education (Mediaobrazovanie). 2021. Vol. 17. No 4. P. 632-644. DOI: 10.13187/me.2021.4.632.
3. Gusev A., Shabaev M. Film Criticism: Two Faces of One Phenomenon // Zhurnal "Zhurnalist". 2023. URL: <https://jrnlst.ru/2023/08/18/144042/> (accessed: 30.03.2026).

4. Saenkova-Melnitskaya L.P. Film Criticism in the Context of the Formation of a New Aesthetic Experience in the Early 1920s // Journal of the Belarusian State University. Journalism. 2023. No. 2. P. 37-44.
5. Lapatanova A.A., Belova L.I. Linguistic Features of the Formation of the Image of a Journalist in Cinema // Language. Culture. Communication. 2016. No. 1.
6. Yurenev R.N. A Brief History of Soviet Cinema. Moscow: Bureau for the Promotion of Soviet Cinema Art (Union of Filmmakers of the USSR), 1979. 234 p.
7. Akhmadulin E.V. Fundamentals of Journalism Theory: Textbook and Workshop. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 358 p.
8. Korkonosenko S.G. Fundamentals of Journalistic Activity: Textbook for Universities. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 293 p.

УДК 316.77:004.738.5

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.023

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: elshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23*

*студент 4 курса
направления «Журналистика»
Сабина Д.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: darjasabinina@yandex.ru*

*4th year student
of Journalism
Sabinina D.A.
Russia, Voronezh
e-mail: darjasabinina@yandex.ru*

*студент 4 курса
направления «Журналистика»
Гаврилова В.С.
Россия, г. Воронеж
e-mail: victorious2004@mail.ru*

*4th year student
of Journalism
Gavrilova V.S.
Russia, Voronezh
e-mail: victorious2004@mail.ru*

Е.О. Кузьминых, Д.А. Сабина, В.С. Гаврилова

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИМИДЖА АРТИСТА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР КОММУНИКАЦИИ С АУДИТОРИЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

В статье рассматриваются особенности формирования и трансформации имиджа бренда артиста в условиях развития социальных медиа. Актуальность исследования обусловлена изменением медиапространства, в котором социальные медиа выступают не только каналом распространения контента, но и средой активного взаимодействия с аудиторией. Также в работе анализируются теоретические подходы к понятию имиджа и его соотношению с категорией бренда, уточняется структура имиджа и выделяются его ключевые компоненты. Особое внимание уделяется специфике социальных медиа как среды формирования имиджа, включая их интерактивность, алгоритмическую природу и влияние пользовательского контента. На основе проведённого анализа выявляются основные механизмы и инструменты формирования имиджа бренда артиста, а также обосновывается роль аутентичности, многоканальности и стратегической гибкости в построении устойчивой коммуникации с аудиторией. Предлагается обобщённая модель формирования имиджа в социальных медиа, учитывающая как управляемые, так и неконтролируемые факторы. Результаты исследования позволяют расширить представления о процессах формирования имиджа в цифровой среде и могут быть использованы при разработке коммуникационных стратегий в музыкальной индустрии.

Ключевые слова: имидж артиста, личный бренд, коммуникация, контент-стратегия, комьюнити.

E.O. Kuzminykh, D.A. Sabinina, V.S. Gavrilova

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ARTIST'S IMAGE AS A KEY FACTOR IN COMMUNICATION WITH THE AUDIENCE IN SOCIAL MEDIA

The article examines the features of the formation and transformation of an artist's brand image in the context of the development of social media. The relevance of the study is due to the changing media landscape, where social media serves not only as a channel for content distribution but also as a platform for active engagement with the audience. The article also analyzes theoretical approaches to the concept of image and its relationship to the brand category, clarifies the structure of image, and identifies its key components. Special attention is given to the specific features of social media as an environment for image formation, including their interactivity, algorithmic nature, and the influence of user-generated content. Based on the analysis, the main mechanisms and tools for shaping an artist's brand image are identified, and the role of authenticity, multi-channel communication, and strategic flexibility in building sustainable communication with the audience is substantiated. A generalized model for shaping an image in social media is proposed, taking into account both controlled and uncontrolled factors. The research results expand our understanding of image formation processes in the digital environment and can be used in the development of communication strategies in the music industry.

Keywords: artist image, personal brand, communication, content strategy, community

Социальные медиа, ставшие базовым ресурсом сетевого взаимодействия, сегодня можно рассматривать как самостоятельный сегмент средств массовой коммуникации. Их ключевая особенность заключается не только в передаче информации, но и в формировании среды для интерактивного и непрерывного обмена пользовательским контентом, а также выстраивания социальных отношений. Трансформация медиaprостранства, начавшаяся в конце 1990-х – начале 2000-х годов под влиянием цифровизации, распространения интернета и развития социальных сетей напрямую затронула музыкальную индустрию: традиционные каналы распространения музыкального творчества постепенно отошли на второй план, уступив место прямым коммуникациям с аудиторией. Однако новая медиасреда формирует не только дополнительные возможности, но и ряд вызовов, среди которых – перенасыщенность контента и алгоритмическая зависимость его распространения. По данным исследования *Listening In: Insights on music discovery and engagement* (Creative Australia, 2025), 66% респондентов открывают для себя новую музыку и новых исполнителей именно через социальные медиа [9], что подтверждает их ключевую роль в современной музыкальной коммуникации. В этих условиях особую значимость приобретает не только сам музыкальный продукт, но и способы его представления, включая формирование имиджа артиста.

В подобных условиях современный артист перестаёт соответствовать традиционному представлению об исполнителе, превращаясь в полноценный коммуникационный проект. Его имидж и позиционирование напрямую определяют характер взаимодействия с публикой, уровень лояльности и траекторию профессионального развития. В условиях цифровой медиасреды границы между творцом и аудиторией постепенно стираются. В результате артист становится центром коммуникационной экосистемы, включающей социальные медиа, стриминговые платформы, офлайн-мероприятия и фанатские сообщества.

Цель статьи заключается в выявлении ключевых факторов формирования и трансформации имиджа артиста в условиях развития социальных медиа и определении их влияния на характер коммуникации с аудиторией.

В современной научной литературе имидж рассматривается как междисциплинарное явление, формирующееся на пересечении социальной психологии, коммуникации и культурологии. Как отмечает В.В. Белобрагин, в рамках социально-психологического подхода имидж определяется как «образ-представление, формируемый в сознании аудитории и оказывающий влияние на её восприятие и поведение» [2]. При этом подчеркивается его коммуникативная природа: имидж выступает не только в качестве результата восприятия, но и как инструмент целенаправленного воздействия.

Современные исследования уточняют, что имидж носит конструктивный характер и формируется в процессе отбора и интерпретации значимых характеристик объекта. Так, в статье «Имидж и репутация бренда в цифровой среде: оценка и развитие» автор отмечает, что имидж представляет собой «совокупность представлений и ассоциаций, возникающих у целевых аудиторий» [1; с. 12]. Это позволяет рассматривать его как динамическую категорию, способную изменяться под влиянием медиасреды и коммуникационных стратегий.

В структуре имиджа выделяются несколько взаимосвязанных компонентов. Он включает когнитивные, аффективные, поведенческие и социально-символические элементы, формирующие целостное восприятие объекта, об этом говорят А.В. Германчук и Н.О. Мизяева в своей статье об имидже бренда [3]. Когнитивный компонент связан с рациональными представлениями аудитории об объекте – знаниями, характеристиками и ассоциациями, формирующими его узнаваемость; аффективный отражает эмоциональное отношение, включая симпатию, доверие или, напротив, отторжение; поведенческий проявляется в готовности зрителя к конкретным действиям – потреблению контента, поддержке, участию в коммуникации; а социально-символический связан с интерпретацией имиджа в контексте ценностей, норм и культурных кодов, позволяя аудитории соотносить себя с объектом или дистанцироваться от него. Такая модель отражает не только рациональное знание об объекте, но и эмоциональное отношение, а также готовность слушателя к взаимодействию с ним.

В условиях цифровизации происходит трансформация механизмов формирования имиджа. А.С. Андриенко подчеркивает, что в онлайн-среде он формируется не только за счёт контролируемых коммуникаций, но и через пользовательский контент, отзывы и сетевые обсуждения. Автор также говорит о том, что «формирование имиджа выходит за рамки контролируемых корпоративных сообщений и во многом определяется пользовательским контентом, комментариями, отзывами и обсуждениями в социальных сетях» [1; с.13]. Это существенно снижает степень управляемости имиджа и усиливает роль аудитории как активного участника коммуникационного процесса.

В этой связи понятие имиджа всё чаще рассматривается в контексте бренда. В современных научных исследованиях подчеркивается, что личный бренд артиста представляет собой интеграцию образа, ценностей и коммуникационной стратегии, направленной на формирование устойчивой связи с аудиторией. Об этом пишет и Д.А. Тарасов, акцентируя внимание на важности индивидуальной проработки имиджа для конкретного человека, без «копирования» других артистов. По его словам, «подражание, то есть копирование бренда или образа личности, может вызывать негативные реакции. Попытки быть похожим на известную личность или стандарт обычно не приводят к хорошему результату, так как люди относятся к таким копиям критично». [7] Эта мысль особенно значима в контексте музыкальной индустрии, где аутентичность и уникальность образа становятся ключевыми условиями формирования устойчивого имиджа бренда. При этом имидж выступает как воспринимаемая часть бренда – то, как он интерпретируется публикой. По мнению А.С. Андриенко, в цифровой среде бренд и имидж становятся ключевыми нематериальными активами, влияющими на доверие, интерес потребителя и конкурентоспособность [1]. А В.В. Сыропятов подчеркивает, что формирование бренда в социальных медиа напрямую связано с использованием интерактивных инструментов, пользовательского контента и эмоционально насыщенных коммуникаций. Исследователь упоминает, что важнейшими элементами данного процесса выступают «создание вирусного и эмоционального контента, управление взаимодействием с лидерами мнений и пользовательским контентом, а также контроль репутации бренда в цифровом пространстве» [6], что позволяет формировать устойчивую эмоциональную связь с аудиторией и повышать ценность бренда.

Сегодня особое значение приобретает феномен «цифрового имиджа», который формируется в результате постоянного присутствия артиста в медиапространстве и его взаимодействия с поклонниками через цифровые платформы, об этом говорит в своей статье В.В. Бе-

лобрагин. В отличие от традиционного имиджа, он характеризуется высокой степенью изменчивости, интерактивности и зависимостью от сетевых практик аудитории. В этих условиях имидж становится процессом, а не статичным результатом, и требует постоянной адаптации к изменениям медиасреды.

Обобщая рассмотренные подходы, можно сделать вывод, что имидж и бренд находятся в отношениях взаимодополнения: имидж отражает воспринимаемую сторону бренда, тогда как бренд включает более широкую систему значений, ценностей и стратегий. В контексте музыкальной индустрии целесообразно использовать понятие «имидж бренда артиста», позволяющее учитывать как визуально-коммуникативные характеристики, так и стратегические аспекты позиционирования. В условиях социальных медиа именно имидж бренда становится ключевым инструментом формирования устойчивой коммуникации со слушателем.

В структуре имиджа бренда артиста особое место занимает имя, под которым он представлен в медиaprостранстве, – псевдоним. В научной литературе он рассматривается как важный инструмент публичной самопрезентации, используемый различными категориями творческих деятелей, включая музыкальных исполнителей. Так, О. Р. Демидова подчеркивает, что «псевдоним есть опосредованное разнообразными факторами самопоименование в противовес именованию извне и в соответствии с представлением личности о самой себе, т.е. о собственной идентичности», что позволяет рассматривать его как важный инструмент конструирования публичного образа творца [4].

Псевдоним непосредственно связан с процессом самоидентификации и выступает как форма «самонаименования», отражающая представление субъекта о собственной идентичности и желаемом позиционировании. Это позволяет рассматривать его как инструмент конструирования имиджа, через который артист транслирует аудитории определённую версию себя. При этом псевдоним выполняет функцию своеобразной «маски», позволяющей выстраивать публичный образ, отличающийся от повседневной идентичности. Как подчёркивается в исследовании, его использование связано с осознанным выбором и может быть направлено как на создание принципиально новой репрезентации, так и на акцентирование отдельных характеристик личности.

Например, сценическое имя может усиливать ассоциации с определённой эстетикой, жанром или ценностной системой его носителя. Так, лаконичные и легко запоминающиеся псевдонимы чаще используются для формирования высокой узнаваемости в цифровой среде, тогда как более символически нагруженные имена могут транслировать концептуальность, индивидуальность и художественную идею. В музыкальной индустрии творческое имя нередко сопровождается целостной визуальной системой: стилем оформления обложек, цветовой палитрой, шрифтовыми решениями, символическими элементами и сценическим образом.

В этом контексте имя становится частью более широкой структуры бренда артиста и активно функционирует в медиaprостранстве. Оно закрепляется в коммуникации с аудиторией, участвует в формировании устойчивых ассоциаций и выступает маркером присутствия исполнителя в цифровой среде. В совокупности с визуальной составляющей – стилем публикаций, эстетикой фото- и видеоконтента, символическими кодами и узнаваемыми деталями образа – псевдоним формирует целостное восприятие артиста как бренда. Поэтому такое название следует рассматривать как важный элемент имиджа бренда исполнителя, выполняющий не только идентификационную, но и стратегическую функцию, связанную с формированием, закреплением и трансляцией образа в условиях современной медиасреды.

Перейдем к рассмотрению практических механизмов формирования имиджа бренда артиста в среде социальных медиа. В настоящее время именно социальные медиа выступают ключевой площадкой, на которой происходит не только трансляция образа, но и его постоянная корректировка в процессе взаимодействия со слушателем.

В условиях онлайн пространства формируется противоречие между необходимостью стратегического управления имиджем и ограниченной возможностью его полного контроля. С одной стороны, имидж требует целенаправленного конструирования и поддержания целостности, с другой – его восприятие всё в большей степени определяется пользовательским контентом, алгоритмами платформ и паттернами пользовательской активности. Данное противоречие определяет специфику формирования имиджа бренда артиста в социальных медиа и требует разработки гибких коммуникационных стратегий.

Как отмечается в современных исследованиях, в частности об этом в своей статье говорят В. Е. Шмакова и Н. А. Карнаухова, «современные социальные медиа часто используют современные когнитивные алгоритмы машинного обучения для персонализации контента для каждого пользователя» [8], что определяет их алгоритмическую природу и оказывает непосредственное влияние на формирование имиджа артиста. В отличие от традиционных медиа, здесь зритель выступает не только получателем, но и соавтором контента, что усиливает его влияние на восприятие медийной личности. В данном контексте формирование имиджа бренда исполнителя осуществляется через совокупность взаимосвязанных элементов, включающих визуальный, вербальный и поведенческий уровни коммуникации. Эти компоненты соотносятся с ранее обозначенной структурой имиджа и реализуются через конкретные инструменты цифровой среды. Так, визуальный уровень представлен оформлением контента, стилистикой образа и эстетикой публикаций, формирующих узнаваемость и ассоциативный ряд. К данному уровню можно отнести цветовую палитру публикаций, повторяющиеся визуальные коды, особенности сценического образа, типографику афиш, стилистику фотосессий и видеоконтента. Все эти элементы способствует закреплению устойчивых ассоциаций с артистом в сознании аудитории.

Вербальный уровень включает особенности коммуникации с поклонниками – язык, тональность, речевые паттерны, которые обеспечивают идентификацию и эмоциональную близость. В качестве примеров можно выделить характерные речевые обороты, повторяющиеся формулы обращения к подписчикам, устойчивые фразы, слоганы, авторскую манеру подписей к публикациям, а также специфический стиль общения в комментариях и историях. Так, использование доверительной разговорной интонации, обращений от первого лица и эмоционально окрашенной лексики способствует формированию ощущения личного контакта с человеком.

Поведенческий уровень проявляется в формате взаимодействия: регулярность публикаций, реакция на комментарии, участие в обсуждениях и форматах обратной связи. К нему относятся частота выхода контента, участие артиста в прямых эфирах, ответы на сообщения подписчиков, публикация закулисных материалов, проведение опросов, и других интерактивных форматов, позволяющих поддерживать устойчивую коммуникацию с аудиторией.

Существенную роль в формировании имиджа играет пользовательский контент, который, как отмечает ранее упомянутый А.С. Андриенко, становится одним из ключевых факторов восприятия бренда в цифровой среде [1]. Комментарии, репосты, фанатские интерпретации и обсуждения формируют дополнительный слой имиджа, не контролируемый напрямую артистом, но оказывающий значительное влияние на его репутацию.

Важным элементом современной коммуникационной стратегии является аутентичность. В условиях цифровой среды поклонники стремятся к восприятию кумира как «реального» субъекта, а не исключительно сконструированного образа. Об этом пишет Д.А. Тарасов, отмечая что «бренд артиста – это долгосрочная и динамичная работа по созданию имиджа. Он должен быть искренним и отражать личность артиста, чтобы привлечь лояльную аудиторию и поддерживать ее интерес на протяжении длительного времени» [7]. Это требует от исполнителя баланса между стратегическим конструированием имиджа и сохранением элементов спонтанности и искренности в коммуникации.

Одновременно с этим возрастает значение многоканальности как принципа построения коммуникации. Как отмечается в работах, посвящённых цифровому маркетингу, эффективный бренд формируется при условии присутствия в различных медиаканалах, каждый из которых выполняет специфическую функцию [6]. Социальные медиа обеспечивают оперативное взаимодействие и вовлечение, стриминговые платформы – доступ к контенту, а офлайн-активности – усиление эмоциональной связи с аудиторией.

Особое место в системе создания имиджа занимает процесс формирования комьюнити. Вовлечённая аудитория способна выступать самостоятельным фактором продвижения бренда, усиливая его присутствие в медиaprостранстве. Комьюнити формирует устойчивые связи между участниками, способствует распространению контента и закреплению ценностных ориентиров, ассоциируемых с артистом.

При этом активное участие заинтересованных людей имеет двойственный характер. С одной стороны, оно способствует росту узнаваемости и усилению имиджа, с другой – повышает риск искажения образа за счёт интерпретаций и критики, распространяемых в интернете. В этом контексте управление имиджем требует постоянного мониторинга реакции зрителей и адаптации коммуникационной стратегии.

Важнейшим инструментом такого управления выступает аналитика. Современные цифровые платформы, такие как Вконтакте, предоставляют широкий спектр метрик, позволяющих оценивать вовлечённость, охваты и поведенческие характеристики аудитории: количество просмотров, охват публикаций, число комментариев, репостов, сохранений, среднее время просмотра видео и динамику прироста подписчиков. Использование аналитических данных позволяет своевременно корректировать стратегию позиционирования и повышать эффективность коммуникации. Как отмечает В.В. Сыропятов, «комплексная система аналитики и ключевых показателей эффективности (KPI) является неотъемлемой частью успешной цифровой стратегии бренда» [6].

В условиях высокой динамичности медиасреды особую значимость приобретает гибкость стратегии позиционирования. Изменение алгоритмов платформ – например, приоритет рекомендаций коротких вертикальных видео в ленте VK или усиление алгоритмической выдачи клипов и рекомендательного контента, появление новых форматов контента, таких как истории, клипы, прямые эфиры, подкасты и интерактивные опросы, а также трансформация пользовательских практик, то есть способов потребления и распространения контента аудиторией (скроллинг коротких видео, участие в челленджах, создание мемов, репосты в сообществах и использование аудиофрагментов в пользовательских роликах), требуют от создателей контента способности адаптироваться, не разрушая при этом целостность имиджа бренда.

Особенности социальных медиа как среды формирования имиджа бренда артиста обусловлены их технологической и коммуникационной природой. В отличие от традиционных каналов массовой коммуникации, они функционируют на основе интерактивности, алгоритмического распределения контента и высокой скорости его распространения. В статье «Роль социальных медиа в формировании бренда: сравнительный анализ классических и современных платформ» отмечается, что именно эти характеристики определяют специфику формирования и трансформации имиджа в цифровой среде [8].

Одной из ключевых особенностей социальных медиа является алгоритмический принцип распространения контента. Видимость публикаций определяется не только активностью автора, но и реакцией аудитории – количеством просмотров, лайков, комментариев, репостов, сохранений и временем удержания внимания. В результате имидж артиста оказывается зависимым от пользовательской активности, что усиливает значение вовлечённости как показателя эффективности коммуникации. Особенно ярко данная зависимость проявляется в экосистеме Вконтакте, где алгоритмы ленты и рекомендательных сервисов существенно влияют на охваты публикаций. В профессиональной среде и среди самих исполнителей нередко отмечается снижение предсказуемости

охватов: даже при наличии сформированной аудитории публикации могут не достигать значительной части подписчиков. Так, формирование имиджа артиста в цифровой среде оказывается связано не только с содержательной концепцией бренда, но и с технической логикой функционирования платформы. Артисту приходится адаптировать собственную коммуникационную стратегию под алгоритмические требования: смещать акцент в сторону коротких вертикальных видео, повышать регулярность публикаций, усиливать визуальную выразительность контента и учитывать показатели удержания внимания в первые секунды просмотра. В этом смысле имидж формируется не только в логике брендинга, но и в логике алгоритмической видимости.

Не менее важной характеристикой является эффект вирусности, при котором отдельные элементы контента способны стремительно распространяться за счёт сетевых взаимодействий пользователей. В контексте музыкальной индустрии это приводит к тому, что отдельные фрагменты творчества – например, короткие видео, припевы или аудиофрагменты – могут становиться популярнее самого артиста, формируя фрагментарное восприятие его имиджа. Показательным примером в российском цифровом медиапространстве может служить вирусное распространение трека «Fendi» исполнителя Rakhim, который получил широкую известность прежде всего благодаря массовому использованию его аудиофрагмента в коротких видео: в русскоязычном сегменте было создано более 3,2 млн роликов с данным звуком, после чего композиция вошла в число самых популярных треков во «ВКонтакте».]

В данном случае внимание аудитории концентрировалось преимущественно на коротком запоминающемся фрагменте и его вирусном воспроизведении в пользовательском контенте, что способствовало узнаваемости самого звука в большей степени, чем формированию целостного образа артиста, и тем самым иллюстрирует фрагментарное восприятие имиджа исполнителя в социальных медиа.

Существенное влияние на формирование имиджа оказывает доминирование коротких форматов контента. Распространение вертикальных видео и визуально насыщенных публикаций изменяет способы восприятия информации аудиторией, формируя условия для развития клипового мышления как следствия ускоренного и фрагментарного потребления контента. Как отмечает В.В. Сыропятов, это приводит к необходимости адаптации коммуникационных стратегий под новые форматы, в которых особую роль играют визуальная выразительность и скорость передачи смыслов [6]. В практическом аспекте это проявляется в использовании тизеров релизов, фрагментов репетиций, закулисного контента, эмоциональных обращений к аудитории и коротких нарративных видео, где ключевой смысл должен быть считан в течение первых секунд просмотра.

Ещё одной важной особенностью социальных медиа является эффект постоянного присутствия артиста в медиапространстве. Коммуникация перестаёт быть эпизодической и приобретает непрерывный характер, формируя у людей ощущение доступности и близости. Это способствует укреплению эмоциональной связи со слушателем, однако одновременно повышает требования к регулярности контента и согласованности транслируемого образа. В условиях современной платформенной логики особенно важным становится поддержание устойчивого коммуникационного ритма: регулярные публикации в ленте, постоянное присутствие в историях, видео под «трендовые звуки», короткие обращения и интерактивные форматы. Для артиста это означает необходимость не просто периодически напоминать о себе, а поддерживать ощущение постоянного присутствия в информационном поле аудитории. Пользователи получают возможность не только наблюдать за деятельностью публичной личности, но и непосредственно участвовать в коммуникации, влияя на её содержание и направление через комментарии, реакции, опросы, использование треков в собственных видео, участие в челленджах и обсуждение новых песен.

Анализ теоретических подходов и практических механизмов формирования имиджа артиста в социальных медиа позволяет выделить последовательную систему действий по построению его личного бренда. Прежде всего, необходимо определить концептуальное ядро образа: зафиксировать ключевые ценности, целевую аудиторию и желаемое позиционирование, ответив на вопросы о том, какой образ должен формироваться в восприятии аудитории. Далее следует разработка ви-

зуально-коммуникативной системы, включающей сценический образ, стилистику контента и единые элементы оформления, обеспечивающие узнаваемость. Параллельно выстраивается вербальная стратегия, предполагающая выбор тональности общения, характерных речевых паттернов и форм взаимодействия с аудиторией.

Следующим этапом является организация регулярной контент-активности, ориентированной на сочетание информационных, развлекательных и персонализированных материалов, позволяющих одновременно транслировать образ и поддерживать вовлечённость зрителей. Особое внимание уделяется интерактивным форматам – ответам на комментарии, прямым трансляциям и другим формам обратной связи, способствующим формированию эффекта диалога. На этом этапе важным элементом выступает мониторинг пользовательской реакции, включающий анализ показателей вовлечённости и интерпретацию обратной связи, что позволяет своевременно корректировать стратегию.

Наконец, формирование имиджа требует обеспечения согласованности всех каналов коммуникации и гибкости в адаптации к изменениям медиасреды, включая новые форматы контента и алгоритмические особенности платформ. Таким образом, процесс построения имиджа бренда артиста в социальных медиа представляет собой не разовое действие, а непрерывную управляемую деятельность, сочетающую стратегическое планирование и оперативную реакцию на поведение аудитории.

Подводя итог, стоит отметить, что трансформация медиaprостранства и усиление роли социальных медиа приводят к переосмыслению процессов формирования имиджа артиста, превращая его из статичного образа в динамическую и многокомпонентную систему. Если ранее имидж формировался преимущественно в рамках контролируемых каналов массовой коммуникации, то в современных условиях он становится результатом постоянного взаимодействия артиста, аудитории и алгоритмических механизмов цифровых платформ. Проведённый анализ показал, что имидж бренда артиста в социальных медиа формируется на пересечении стратегического позиционирования, визуальной коммуникации, управляемых артистом элементов и внешних факторов, обусловленных реакцией аудитории и цифровой медиасредой.

Ключевой фактор эффективного взаимодействия с аудиторией – формирование и развитие артиста, его непрерывный поиск ответов на вопросы: «кто я и кем я хочу быть?». Личный бренд, построенный на аутентичности и стратегическом позиционировании, создаёт эмоциональную связь и доверие. Многоканальность, аналитика и гибкость позволяют масштабировать влияние, сохраняя персонализированный подход. Построение комьюнити и вовлечение людей превращают слушателей в активных участников творческого процесса.

Библиографический список

1. Андриенко А.С. Имидж и репутация бренда в цифровой среде: оценка и развитие // Экономика и бизнес: теория и практика. 2026. №2. С. 12-18. (дата обращения: 02.04.2026)
2. Белобрагин В.В. Социальная психология управления имиджем в музыкальной индустрии как новое научное направление (теоретический анализ) / В.В. Белобрагин // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. №8 (146). URL: <https://research-journal.org/archive/8-146-2024-august/10.60797/IRJ.2024.146.40> (дата обращения: 01.04.2026)
3. Германчук А. Н., Мизяева Н. О. Имидж бренда: структура и влияние коммуникационного контента [Электронный ресурс] // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. Т. 10. № 12. URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2025_12_v10_a32/ (дата обращения: 04.04.2026)
4. Демидова О. Р. Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма. 2017. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-psevdonim-kak-fenomen-kultury> (дата обращения: 02.04.2026).

5. Демидова О. Р. Литературный псевдоним как феномен культуры // Парадигма. 2017. №26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-psevdonim-kak-fenomen-kultury> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Сыропятов В. В. Роль цифрового маркетинга и социальных сетей в построении ценности бренда [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. 2024. № 3 (91). С. 88–91. URL: <https://m-economy.ru/art.php?nArtId=7832> (дата обращения: 04.04.2026).
7. Тарасов Д.А. Понятие «личного бренда артиста» и его составляющие // Материалы XVI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: https://scienceforum.ru/2024/article/2018036745?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 13.04.2026).
8. Шмакова В. Е., Карнаухова Н. А. Роль социальных медиа в формировании бренда: сравнительный анализ классических и современных платформ [Электронный ресурс] // НАУКА Journal. 2024. № 4. URL: <https://na-journal.ru/4-2024-sociologiya/11330-rol-socialnyh-media-v-formirovanii-brenda-sravnitelnyi-analiz-klassicheskikh-i-sovremennyh-platform> (дата обращения: 01.04.2026).
9. Listening In: Insights on music discovery and engagement [Электронный ресурс] / Creative Australia. 2025. URL: https://creative.gov.au/sites/creative-australia/files/documents/2025-06/ACA_302776_Listening%20In%20Report_Listening%20and%20Discoverability_FA%20Web.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

References

- 1.Andrienko A.S. Brand image and reputation in the digital environment: assessment and development // Economics and Business: theory and practice. 2026. No. 2. Pp. 12-18. (accessed: 04/02/2026)
- 2.Belobragin V.V. Social psychology of image management in the music industry as a new scientific direction (theoretical analysis) / V.V. Belobragin // International Scientific Research Journal.2024. No. 8 (146). URL: <https://research-journal.org/archive/8-146-2024-august/10.60797/IRJ.2024.146.40> (date of request: 04/01/2026)
- 3.Germanchuk A. N., Mizyaeva N. O. Brand image: structure and influence of communication content [Electronic resource] // Economics and management: problems, solutions. 2025. Vol. 10. No. 12. URL: https://s-lib.com/issues/eiu_2025_12_v10_a32/ (date of request: 04/04/2026)
- 4.Demidova O. R. Literary pseudonym as a cultural phenomenon // Paradigm. 2017. No.26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-psevdonim-kak-fenomen-kultury> (date of reference: 04/02/2026).
- 5.Demidova O. R. Literary pseudonym as a cultural phenomenon // Paradigm. 2017. No.26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-psevdonim-kak-fenomen-kultury> (date of request: 04/04/2026).
- 6.Syropyatov V. V. The role of digital marketing and social networks in building brand value [Electronic resource] // Problems of modern economics. 2024. No. 3 (91). Pp. 88-91. URL: <https://m-economy.ru/art.php?nArtId=7832> (date of request: 04/04/2026).
- 7.Tarasov D.A. The concept of the "personal brand of an artist" and its components // Proceedings of the XVI International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum" URL: https://scienceforum.ru/2024/article/2018036745?utm_source=chatgpt.com (accessed: 04/13/2026).
- 8.Shmakova V. E., Karnaukhova N. A. The role of social media in brand formation: a comparative analysis of classical and modern platforms [Electronic resource] // НАУКА Journal. 2024.

No. 4. URL: <https://na-journal.ru/4-2024-sociologiya/11330-rol-socialnyh-media-v-formirovanii-brenda-sravnitelnyi-analiz-klassicheskikh-i-sovremennyh-plattform> (date of request: 04/01/2026).

9. Listening In: Insights on music discovery and engagement [Электронный ресурс] / Creative Australia. 2025. URL: https://creative.gov.au/sites/creative-australia/files/documents/2025-06/ACA_302776_Listening%20In%20Report_Listening%20and%20Discoverability_FA%20Web.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.024

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
PhD in Philology,
Associate Professor, Department of
Russian Language
and Intercultural Communication
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh
email: saskuridina@ya.ru*

*студент 4 курса
направления «Журналистика»
Русявый И.А.
Россия, г. Воронеж
e-mail: igorryus20005@gmail.com*

*The faculty of journalism,
Fourth-year student
Rusiavyi I.A.
Russia, Voronezh
e-mail: igorryus20005@gmail.com*

С.А. Скуридина, И.А. Русявый

ЭЛЕКТРОННАЯ МУЗЫКА 1990-Х ГОДОВ В РЕЦЕПЦИИ РОССИЙСКИХ СМИ

Настоящая статья посвящена изучению роли российских средств массовой информации в формировании публичного образа электронной музыки в 1990-е годы – в период радикальной трансформации отечественного медиапространства и массового проникновения западных субкультур в постсоветское общество. Материалом исследования послужили печатные издания, радиоматериалы и телевизионные проекты 1990-х, а также вторичные источники – воспоминания участников медиасцены, критические публикации и энциклопедические статьи. В ходе анализа было рассмотрено функционирование различных типов СМИ в качестве посредников между электронной субкультурой и широкой аудиторией. Выявлены ключевые медиаплатформы, определявшие характер освещения жанра: специализированные журналы «Птюч» и «ОМ», радиостанции «Европа Плюс», «Maximum», «Станция 106,8 FM» и «Радио Рекорд», а также телеканал MTV Россия. Установлено, что медийный образ электронной музыки формировался неравномерно: специализированная пресса и радио опережали телевидение как по времени появления, так и по глубине погружения в субкультурный контекст. Отмечена устойчивая западноцентричность освещения, при которой отечественная электронная сцена систематически оказывалась на периферии редакционного внимания. Выявлено, что наиболее значимые медиапроекты десятилетия – «Птюч» и «Станция 106,8 FM» – функционировали не только как информационные платформы, но и как самостоятельные субкультурные институты, формировавшие идентичность аудитории. В итоге освещение электронной музыки в российских СМИ 1990-х может быть рассмотрено как динамичный процесс, в котором субкультурный андеграунд постепенно трансформировался в элемент молодёжного мейнстрима, отражая тем самым более широкие социокультурные противоречия эпохи.

Ключевые слова: электронная музыка, музыкальная индустрия, рецепция СМИ, субкультурный андеграунд, медиаплатформы.

S.A. Skuridina, I.A. Rusiavyi

ELECTRONIC MUSIC OF THE 1990S IN RUSSIAN MASS MEDIA

This article is devoted to the study of the role of Russian mass media in shaping the public image of electronic music in the 1990s - a period marked by the radical transformation of the national media landscape and the widespread penetration of Western subcultures into post-Soviet society. The research material includes print publications, radio broadcasting, and television projects of the decade, as well as secondary sources such as memoirs of media scene participants, critical publications, and encyclopedic articles. The analysis examines the functioning of various types of media

as intermediaries between the electronic subculture and a broader audience. Key media platforms that defined the nature of the genre's coverage were identified, including the specialized magazines *Ptyuch* and *OM*, the radio stations *Europa Plus*, *Maximum*, *Station 106.8 FM*, and *Radio Record*, as well as the television channel *MTV Russia*. It has been established that the media image of electronic music was formed unevenly: specialized press and radio preceded television both in terms of emergence and in the depth of engagement with the subcultural context. A persistent Western-centric bias in coverage has been noted, whereby the domestic electronic scene was systematically relegated to the periphery of editorial attention. The study reveals that the most significant media projects of the decade - *Ptyuch* and *Station 106.8 FM* - functioned not only as information platforms but also as independent subcultural institutions that contributed to shaping audience identity. Ultimately, the coverage of electronic music in Russian media of the 1990s can be understood as a dynamic process in which the subcultural underground gradually transformed into an element of the youth mainstream, thereby reflecting broader sociocultural contradictions of the era.

Keywords: electronic music, music industry, media reception, subcultural underground, media platforms.

1990-е годы стали для России временем беспрецедентного культурного открытия. Вместе с рыночными реформами и снятием информационных барьеров в страну хлынул поток западной массовой и субкультурной продукции, в том числе электронная музыка – техно, хаус, транс, драм-н-бейс и эмбиент. В данный период XX века в Россию усилился поток культурной информации из-за рубежа, который коснулся и электронной музыки. Вместе с ней поступала информация о формах её потребления, которых в России до этого не существовало – рейвах и клубных вечеринках [1].

Этот процесс протекал в условиях медиасреды, переживавшей собственную трансформацию: советская пресса уступала место независимым изданиям, государственное телевидение конкурировало с новыми коммерческими каналами, а в FM-диапазоне появлялись первые частные радиостанции. Именно в этом контексте формировалось медийное освещение электронной музыки – явления, которое одновременно стало субкультурным, коммерческим и политическим феноменом.

Для понимания специфики освещения жанра в СМИ, необходимо учитывать, в каком положении находилась отечественная электронная сцена. Бурные, яркие и предельно противоречивые 90-е были непростым временем для русскоязычной музыкальной сцены, в особенности для некоммерческой. Ситуация была тяжелой для любого достойного артиста – элементарно не хватало аудитории, способной их понять и поддержать финансово, способствуя таким образом дальнейшему развитию [2].

Российские исполнители находились в заведомо проигрышном положении относительно западных коллег: что бы российский артист ни делал сам, он получал второсортный продукт [3]. Этот культурный комплекс неполноценности во многом определил и редакционную политику изданий, которые предпочитали писать о западных диджеях и клубах, а не о скромных отечественных сценах.

Тем не менее, внутренняя сцена существовала и развивалась. В клубной атмосфере разница между импортными и отечественными треками не воспринималась, но на сегодняшний слух российская электронная продукция 90-х довольно сильно отличается от западной [3]. Среди жанров, звучавших в московских клубах, были джангл, техно, хаус, транс, брейк-бит.

Ключевой фигурой в медийной истории российской электронной музыки стал журнал «Птюч». «Птюч» – глянцевого молодёжный журнал, издававшийся в России с 1994 по 2003 год. Журнал освещал рейв-культуру, пропагандировал электронную танцевальную музыку в жанре техно, а также описывал современные тенденции в искусстве, литературе и моде [4].

Молодежь тех времен прозвала «Птюч» «библией рейва». Его создатели пытались распространить данную музыкальную культуру в России. Кроме того, журнал был частью одноимённого клуба, который быстро стал одним из самых прогрессивных мест Москвы. В журнале публиковались интервью с диджеями, заметки из путешествий по тусовкам и клубам разных стран, разговоры с молодыми дизайнерами и просто модными людьми [5].

Издание отличалось принципиальным отказом от конформизма. Откровенность, наивность, «неформатность» были визитной карточкой «Птюча» [4]. Редакция делала журнал для себя и своих друзей – с душой и с чётким пониманием интересов читателя [5]. За два года журнал достиг тиража в 80 000 экземпляров.

Важна и культурно-просветительская функция издания, «Птюч» ответственен, как минимум, за представление стране техно и популяризацию советской андеграундной поэзии [6]. Таким образом, электронная музыка подавалась не в изоляции, а как часть широкого авангардного дискурса.

Главным конкурентом «Птюча» был журнал «ОМ», занимавший более широкую и менее радикальную нишу. Во второй половине 1990-х годов «ОМ» был законодателем вкуса в одежде, музыке, кино и развлечениях. По утверждению членов редакции, от рецензий на музыкальные релизы зависели продажи компакт-дисков на «Горбушке» (Московский рынок мультимедийных товаров) [7]. Это свидетельствует о реальной рыночной власти музыкальной журналистики того времени.

Несмотря на то, что «ОМ» не был целиком музыкальным изданием, он уделял музыке много полос. Журнал стал очень популярным и приобрёл культовый статус [6], превратившись в один из немногих источников сведений об актуальной культурной повестке [7].

Принципиальное различие двух изданий состояло в характере их читательской аудитории и редакционной стратегии. «Птюч» отличался ярким провокационным стилем материалов, тогда как «ОМ» был более респектабельным, умеренным и коммерчески выверенным, рассчитанным не столько на богему и субкультурное сообщество, сколько на формирующийся городской средний класс [4].

Вместе с тем, оба издания объединяла общая миссия – формирование нового культурного языка, в котором электронная музыка занимала центральное место. Оба журнала не то чтобы создали рейв-движение в России, но имели к нему прямое отношение [5]. Именно через их страницы широкая аудитория узнавала о диджеях, рейвах, клубах и международной электронной сцене – в эпоху, когда интернета как источника информации ещё практически не существовало.

До появления специализированного музыкального вещания электронная музыка лишь эпизодически попадала на телеэкран. Ключевым медийным проводником новой музыки стала программа «МузОбоз» под управлением Ивана Демидова – передача, которую современники описывали как «MTV, запертое в получасовые рамки». Она рассказывала о модной западной и отечественной музыке и не имела аналогов в тогдашнем эфире. Именно «МузОбоз» в начале 90-х формировал у массовой аудитории базовые представления о мировых музыкальных тенденциях, в том числе электронных.

Однако системного присутствия в телевизионном эфире электронная музыка в первой половине десятилетия так и не получила. Единичные появления клипов носили скорее случайный характер и не отражали реального масштаба развивавшейся клубной культуры. Основные телеканалы ориентировались на широкую аудиторию с устойчивыми вкусовыми предпочтениями, и экспериментальные жанры крайне редко вписывались в их форматные рамки.

Ещё до появления «MTV Россия» отдельные телевизионные проекты предпринимали попытки создать специализированное музыкальное вещание. Канал «2x2» в начале 90-х транслировал музыкальные клипы в круглосуточном формате, а BIZ-TV под управлением Бориса Зосимова позиционировал себя как коммерческое музыкальное телевидение. Эти проекты сформировали аудиторию и инфраструктуру, необходимую для последующего прихода полноценного музыкального канала, хотя электронная музыка и в них занимала периферийное место.

Поворотным моментом в телевизионном освещении жанра стало появление «MTV Россия». «MTV Россия» начал эфирное вещание 25 сентября 1998 года. В эфире музыкального

канала ставили не только популярную музыку, но и открывали для зрителей исполнителей, которых ранее не ставили на радио и которые, тем более, не могли попасть на телеэкраны [8].

Редакционная философия канала принципиально отличала его от конкурентов. Руководство «MTV Россия» стремилось не просто обслуживать вкусы аудитории, а «подтягивать» их, превратив канал в «некое социальное явление» [8]. В сравнении с каналом «Муз-ТВ», в чьём эфире доминировали песни российских исполнителей, «MTV Россия» привлек зрителей наличием клипов достаточно радикальных по меркам отечественного телеэфира российских и зарубежных исполнителей [8].

Примечательно, что канал появился лишь в конце десятилетия на пике популярности рейв-культуры в России. К тому моменту клубная сцена уже была сформирована без какого-либо участия телевидения. MTV, таким образом, не породило интерес к электронной музыке, но закрепило его в глазах массовой аудитории и зафиксировало жанр как часть молодёжного направления.

Параллельно с трансформацией прессы и телевидения в России в 1990-е годы формировался совершенно новый радиоландшафт. Первой коммерческой музыкальной радиостанцией стала «Европа Плюс», начавшая вещание в 1990 году. У российских слушателей появилась возможность слушать западную поп-музыку [9]. С первого дня «Европа Плюс» транслировала собственную программу и фактически сформировала стандарты коммерческого радиовещания в СССР, а затем и в России [10].

Для электронной музыки появление коммерческого FM-радио открыло принципиально новые возможности. Хотя основной формат «Европы Плюс» тяготел к поп-музыке, именно эта станция ввела в российский эфир танцевальные хиты западного производства, знакомя широкую аудиторию с хаусом и евро-денсом в их коммерческих вариантах. Само звучание – пульсирующие биты, синтезаторные мелодии, бесконечные ремиксы – постепенно становилось привычным фоном городской жизни.

Радио «Maximum», появившееся в начале 90-х, первоначально ориентировалось на рок-аудиторию, однако со временем расширило форматные рамки в сторону танцевальной музыки. В 1994 году в эфире зазвучали русскоязычная и танцевальная музыка, что привлекло к станции новую аудиторию [11].

Показательно, что редакционная стратегия «Maximum» строилась на осознанном дистанцировании от массового поп-формата: руководство станции понимало, что прямая конкуренция с «Европой Плюс» бессмысленна, и делало ставку на более продвинутую аудиторию. Это создавало нишу, в которой электронная музыка могла звучать не как экзотика, а как органичная часть молодёжного радиоэфира.

Подлинным прорывом в истории российского радиовещания стало появление «Станции 106,8 FM», первой российской радиостанции, целиком посвящённой танцевальной и альтернативной электронной музыке. Станция начала вещание 28 октября 1995 года в FM-диапазоне [12].

Идея проекта родилась буквально на танцполе: Владимир Месхи, один из создателей станции, описывал замысел так: «Берём диджеев, вертушки – электронная музыка звучит сутки напролёт в радиоэфире» [13]. Концепция была революционной для своего времени. Вместо традиционных ведущих были диджеи, вместо попсового формата играла андеграундная электроника.

28 октября 1995 года «Станция» вышла в эфир, это был один из самых дерзких экспериментов в истории российского радиовещания. Здесь круглые сутки звучала андеграундная электронная музыка: транс и хаус, хардкор и эмбиент, даб, джангл, драм-энд-бейс, диджеи ставили с виниловых пластинок что угодно и когда угодно [13]. Постепенно эфирная сетка обогатилась легендарными программами: «Орбитальная Станция», «Дети подземелья»,

«Модель для сборки» и «Шторм». В эфире радиостанции зазвучали совершенно не характерные для российского вещания того времени стили: хардкор, джангл, эйсид и транс [12].

«Станция» сыграла роль, сопоставимую по значимости с ролью «Птюча» в прессе: оба медиапроекта формировали не просто информационное пространство, но целостную субкультурную среду, в которой электронная музыка существовала как образ жизни, а не просто как жанр. «Станция» значительно повлияла на формирование российской электромузыкальной сцены и культуры, дала толчок развитию и популяризации диджеинга [12].

Символически и финал проекта: «Станция» прекратила существование 30 сентября 2001 года, когда на её частоте зазвучало «Русское радио-2» [14]. Это закрытие стало своеобразным символом конца рейв-эпохи, коммерческое радио окончательно вытеснило андеграундный эксперимент.

Процесс радиопопуляризации электронной музыки не ограничивался Москвой. В Санкт-Петербурге существовало «Радио Рекорд», начавшее вещание на волне 106,3. Изначально станция работала в формате европейских хитов, но через несколько лет перешла на электронный формат. «Рекорд» стал первым танцевальным радио на северо-западе России и одним из наиболее активных организаторов рейвов [9]. Это свидетельствует о том, что медийное освещение электронной музыки постепенно распространялось за пределы столицы, хотя Москва по-прежнему оставалась главным центром формирования дискурса.

Как видим, анализ медийного образа электронной музыки 1990-х способствовал выявлению нескольких характерных тенденций.

Западноцентричность – большинство материалов в прессе и на телевидении были посвящены западным исполнителям и клубам – Берлину, Лондону, Ибице. Отечественная сцена освещалась по остаточному принципу. Это отражало реальное неравенство сцен, но одновременно воспроизводило и усугубляло культурную иерархию.

Субкультурная избирательность – на почве общих пристрастий к электронной музыке люди начали кооперироваться и менять пространство вокруг себя [1]. СМИ, посвящённые электронной музыке, обслуживали прежде всего уже сложившееся сообщество, а не широкую аудиторию. «Птюч» намеренно придерживался закрытости и элитарности.

Связь с образом жизни – журнал «Птюч» ассоциировался с образом жизни модной молодёжи, посещающей ночные клубы, увлечённой современным искусством, авангардной литературой, авторским кино [4]. Электронная музыка подавалась не как отдельный жанр, а как элемент целостного жизненного стиля.

Провокация как метод – в 1994 году начал выходить журнал «Птюч», который считался главным идеологическим вестником новой культуры и рейв-культуры в частности. Большую часть полос журнала занимали статьи о музыке. При этом характерной чертой редакционной стратегии была намеренная работа с темами и языком, находившимися за пределами допустимого в публичной культуре, что само по себе становилось жестом культурного освобождения.

В 1990-е годы российские СМИ сыграли ключевую, хотя и противоречивую роль в становлении электронной музыки как культурного феномена. Специализированные журналы – прежде всего «Птюч» и «ОМ» – сформировали язык описания новой культуры, создали информационную среду для клубного сообщества и задали систему ценностей, в которой электронная музыка воспринималась как авангард, а не развлечение. Телевидение, особенно после появления «MTV Россия» в 1998 году, вынесло жанр в массовую аудиторию, пусть и в более коммерциализированном виде.

Медийное освещение электронной музыки отражало общее состояние российского общества той эпохи: одновременно восторженное и растерянное, западно-ориентированное и ищущее собственной идентичности, свободное и хаотичное. Именно через СМИ электронная музыка перестала быть сугубо клубным явлением и превратилась в часть публичного культурного дискурса постсоветской России.

Библиографический список

1. Плотников К.Д. Электронная музыка в контексте культурной жизни России в 90-е гг. XX века // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. 2017. №2/3 (21). С. 189-193.
2. Бухарин А. Тайные сокровища русской электроники 90-х // НИУ ВШЭ, Design School. URL: <https://design.hse.ru/news/3031> (дата обращения – 2.01.2026).
3. Горохов А. От пост-панка до IDM (1985–2000) // Goethe-Institut Russland. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/mag/20672092.html> (дата обращения – 2.01.2026).
4. Птюч // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/ptiuch-4882a5> (дата обращения – 2.01.2026).
5. Сереженко И.С. Трансформация молодежных изданий после распада СССР (на примере «Птюч» // Лучшая студенческая статья 2020. сборник статей XXIX Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2020. С. 187-191.
6. Краткая история пост-советской музыкальной прессы // НИУ ВШЭ, Design School. URL: <https://design.hse.ru/news/2992> (дата обращения – 2.01.2026).
7. ОМ (журнал) // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/om-zhurnal-199dad> (дата обращения – 2.01.2026).
8. Больше чем просто канал. 25 лет назад началось вещание «MTV Россия» // РБК Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6512ac889a79476d0f28fc3f> (дата обращения – 2.01.2026).
9. Радио в 1990-е годы // История российской рекламы. URL: <https://reklama.school/90s/7-3> (дата обращения – 2.01.2026).
10. Европа Плюс: история радиостанции // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/ruwiki/Европа_Плюс (дата обращения – 2.01.2026).
11. Радио Maximum // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/ruwiki/1114481 (дата обращения – 2.01.2026).
12. Станция 106,8 FM // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic_nsf/ruwiki/294991 (дата обращения – 2.01.2026).
13. История радио «Станция» глазами его создателей и диджеев // Афиша Daily. URL: https://daily.afisha.ru/archive/volna/archive/muzsmi_station/ (дата обращения – 2.01.2026).
14. Померанцева Н. «По большому счету, мы со своей музыкой были никому не нужны, кроме наших слушателей» – Илья Бачурин вспоминает, как создавалась «Станция 106,8 FM». URL: <https://thereminder.ru/lyudi/po-bolshomu-schetu-my-so-svoej-muzykoj-byli-nikomune-nuzhny-krome-nashix-slushatelej-ilya-bachurin-vspominaet-kak-sozdavalas-stanciya-1068-fm> (дата обращения – 2.01.2026).

References

1. Plotnikov K.D. Electronic Music in the Context of Russian Cultural Life in the 1990s // Human in the World of Culture. Regional Cultural Studies. 2017. No. 2/3 (21). Pp. 189–193.
2. Bukharin A. The Hidden Treasures of Russian Electronic Music of the 1990s // HSE University, Design School. URL: <https://design.hse.ru/news/3031> (accessed: January 2, 2026).
3. Gorokhov A. From Post-Punk to IDM (1985–2000) // Goethe-Institut Russland. URL: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/kul/mag/20672092.html> (accessed: January 2, 2026).
4. Ptuch // Great Russian Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/c/ptiuch-4882a5> (accessed: January 2, 2026).
5. Serezhenko I.S. Transformation of Youth Magazines after the Collapse of the USSR (Case Study of “Ptuch”) // Best Student Article 2020. Proceedings of the 29th International Research Competition. Penza, 2020. Pp. 187–191.

6. A Brief History of the Post-Soviet Music Press // HSE University, Design School. URL: <https://design.hse.ru/news/2992> (accessed: January 2, 2026).

7. OM (Magazine) // Great Russian Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/c/om-zhurnal-199dad> (accessed: January 2, 2026).

8. More Than Just a Channel: 25 Years Since MTV Russia Began Broadcasting // RBC Life. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6512ac889a79476d0f28fc3f> (accessed: January 2, 2026).

9. Radio in the 1990s // History of Russian Advertising. URL: <https://reklama.school/90s/7-3> (accessed: January 2, 2026).

10. Europa Plus: History of the Radio Station // Akademik. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/Европа_Плюс (accessed: January 2, 2026).

11. Radio Maximum // Akademik. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1114481> (accessed: January 2, 2026).

12. Stantsiya 106.8 FM // Akademik. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/294991> (accessed: January 2, 2026).

13. The History of Radio Stantsiya Through the Eyes of Its Creators and DJs // Afisha Daily. URL: https://daily.afisha.ru/archive/volna/archive/muzsmi_station/ (accessed: January 2, 2026).

14. Pomerantseva N. “By and Large, No One Needed Our Music Except Our Listeners”: Ilya Bachurin Recalls the Creation of Stantsiya 106.8 FM. URL: <https://thereminder.ru/lyudi/po-bolshomu-schetu-my-so-svoej-muzykoj-byli-nikomu-ne-nuzhny-krome-nashix-slushatelej-ilya-bachurin-vspominaet-kak-sozdavalas-stanciya-1068-fm> (accessed: January 2, 2026).

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.025

Белгородский государственный национальный исследовательский университет *Belgorod State National Research University*

аспирант кафедры журналистики института общественных и массовых коммуникаций

Быстрова А.А.

Россия, г. Белгород

Тел.: +79102218898

e-mail: Inastyabystrova1@mail.ru

Postgraduate student of the Department of Journalism Institute of Social Sciences and Mass Communications

Bystrova A.A.

Russia, Belgorod

Tel.: +79102218898

e-mail: Inastyabystrova1@mail.ru

А.А. Быстрова

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ НОВЫЕ МЕДИА: АНАЛИЗ КОНТЕНТА И СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ

В статье рассматривается трансформация просветительской среды под влиянием новых цифровых технологий, которая привела к возникновению феномена образовательных новых медиа. В работе автор отмечает, что современный этап развития просветительской среды характеризуется не просто переносом традиционных учебных материалов в цифровой формат, а формированием принципиально новой коммуникационной среды, функционирующей вне институциональных рамок школ и университетов. В работе обосновывается тезис о смене вертикальной модели коммуникации «коммуникатор – реципиент» на горизонтальную структуру сотворчества, где аудитория становится не просто потребителем контента, но и полноценным ее производителем. На основе анализа практик просветительских проектов («Arzamas», «Сеанс», «Синема Рутин», «Чтиво», «РИА Новости») в работе систематизируются инновационные инструменты новых медиа, такие как: мультимедийность, интерактивность, графические особенности верстки, сторителлинг, микрообучение, геймификация и иммерсивные технологии. Особое внимание уделяется синтезу адаптационных механизмов, отвечающих запросам современной аудитории, характеризующейся клиповым мышлением, и стратегиям удержания внимания для обеспечения глубины осмысления материала. Обосновывается вывод о том, что эффективность просветительских проектов в новых медиа достигается за счет синтеза адаптации к особенностям современной аудитории с сохранением научной достоверности и глубины контента. В заключении автор формулирует определение просветительских новых медиа, а также резюмирует, что образовательные новые медиа представляют собой не просто дополнение к традиционной системе, а качественно новый этап в эволюции просвещения, требующий дальнейшего осмысления с точки зрения цифровой гигиены, этики и долгосрочного когнитивного воздействия контента.

Ключевые слова: новые медиа, образовательные новые медиа, медиаинструментарий, просвещение, интернет-журналистика, общество, культура.

А.А. Bystrova

EDUCATIONAL NEW MEDIA: CONTENT ANALYSIS AND SPECIALIZED TOOLS

This article examines the transformation of the educational environment under the influence of new digital technologies, which has led to the emergence of the phenomenon of educational new media. The author notes that the current stage of development of the educational environment is characterized not simply by the transfer of traditional educational materials to digital formats, but by the emergence of a fundamentally new communication environment operating outside the institutional frameworks of schools and universities. The paper substantiates the thesis that the vertical "communicator-recipient" communication model is shifting to a horizontal structure of co-creation, where the audience becomes not just a consumer of content but also a full-fledged producer. Based on an analysis of educational projects (Arzamas, Seance, Cinema Rutin, Chtivo, RIA Novosti), the paper systematizes innovative new media tools, such as multimedia, interactivity, graphic layout features, storytelling, microlearning, gamification, and immersive technolo-

gies. Particular attention is paid to the synthesis of adaptive mechanisms that meet the needs of a modern audience characterized by clip-based thinking, and to attention-sustaining strategies to ensure deep comprehension of the material. The conclusion is that the effectiveness of educational projects in new media is achieved through a synthesis of adaptation to the characteristics of a modern audience while maintaining the scientific credibility and depth of the content. In conclusion, the author formulates a definition of "educational new media" and summarizes that educational new media represent not simply an addition to the traditional system, but a qualitatively new stage in the evolution of education, requiring further consideration in terms of digital hygiene, ethics, and the long-term cognitive impact of content.

Keywords: new media, educational new media, media toolkit, education, online journalism, society, culture.

Сегодняшняя трансформация медиапространства под активным влиянием новых цифровых технологий привела к фундаментальным изменениям в способах производства, распространения и потребления знаний практически из всех сферах нашей жизни [1; с. 8-14; 2; с. 155-163]. Если на рубеже XX–XXI веков доминирующим трендом был перевод уже имеющегося образовательного контента с бумаги на цифровые источники (перенос учебников в PDF-формат, запись видеолекций и пр.) [3; с. 111], то современный этап развития характеризуется возникновением принципиально новой цифровой среды – образовательных новых медиа, активно функционирующих на различных цифровых платформах, каналах, ресурсах и пр.

Причем данный феномен вызвал рост объемов образовательного контента в информационном поле вне институциональных рамок (школ и университетов), а это значит, что институциональные системы образования утратили статус единственного источника к сертифицированному знанию. В свою очередь формирование альтернативной образовательной среды – в виде блогов экспертов, открытых сообществ в мессенджерах и социальных сетях, платформ массовых открытых онлайн-курсов нового поколения и пр. – влияет на сам процесс получения знаний современного человека: в любое время суток, используя любой гаджет (важно только наличие интернета на нем) и пр.

Также важно отметить, что в отличие от традиционной дидактики, где коммуникация строится по модели «коммуникатор – реципиент» (больше вертикальный формат взаимодействия), в новых образовательных медиа формируется горизонтальная структура взаимодействия, так называемый *co-creation* (сотворчество), где потребитель контента одновременно является и его производителем, а сам процесс познания приобретает характер открытого, социально опосредованного и непрерывного диалога [4; с. 9]. Это – еще одна важная парадигма в сфере просветительских медиа.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что образовательные новые медиа являются важным медийным ресурсом [5; с. 449-467], который представляет собой качественно новый этап в эволюции просветительской среды. Это значит, что анализируемый нами сегмент медиа перестает быть просто дополнением к традиционной образовательной системе, он уже по праву может считаться доминирующим инструментом среди аудитории в процессе получения знаний, умений и новых навыков. Речь идет не просто о переносе традиционных учебных материалов в цифровую среду, а о формировании принципиально новой коммуникационной системы, отвечающей запросам общества, которая, по мнению исследователей, включает в себя «новые скорости передачи данных, использование искусственного интеллекта, ... революцию в образовательных форматах и пр.» [6; с. 67].

Несмотря на то, что мы порой встречаемся с утверждениями о некоей стагнации и даже кризисе просветительской журналистики (см., например: [7; с. 15]), однако, по нашему мнению, данный сегмент медиа находится в стадии активного развития и приобретения существенно новых черт, форматов и жанровых особенностей, включая специализированный инструментарий для создания и распространения просветительского контента, позволяющего обеспечить персонализацию материалов для аудитории в целях образования и просвещения.

Рассмотрим каждый аспект подробнее и проанализируем его особенности.

Основная инновационная черта контента в сфере образовательных новых медиа, отличающая его от привычных для нас традиционных учебных материалов и пособий, это мультимедийность, которая подразумевает под собой особый способ комбинирования вербальных и невербальных инструментов для создания контента. Интеграция текста, инфографики, аудио, видео, анимации и интерактивных элементов позволяет задействовать различные каналы восприятия, что способствует лучшему усвоению информации и удержанию интереса к ней со стороны аудитории.

В качестве примера приведем онлайн-проект, посвященный истории культуры "Arzamas". На данном образовательном ресурсе регулярно реализуются разнообразные проекты, которые отличаются характерными для новых медиа инновационными чертами. Например, спецпроект «Путеводитель по благотворительной России XIX века: кто и как помогал городам и их жителям», представляющий из себя инфографику в виде тематических активных точек с названиями городов Российской империи (от Петербурга до Иркутска), нажав на которые можно подробно погрузиться в рассказ об том или ином месте: прослушать подкаст, прочитать текст и ознакомиться с иллюстрациями (Рис. 1).

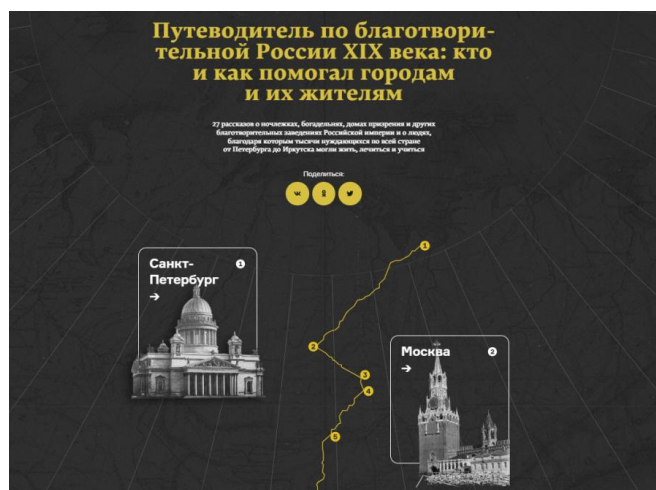

Рис. 1. Интерактивная публикация «Путеводитель по благотворительной России XIX века: кто и как помогал городам и их жителям» на ресурсе "Arzamas"

Это дает возможность заинтересовать аудиторию и глубже погрузить ее в заявленную тему, которая достаточно сложна для восприятия, если изучать ее, например, посредством только традиционных пособий или учебников. Отдельный интерес вызывает верстка анализируемого нами контента, которая позволила изобразить материал в виде карты с тематическими карточками знаковых сооружений городов. Этот инструмент создает интерактив и делает контент интересным и запоминающимся [8].

Не менее важным и действенным инструментом в новых медиа из сферы просвещения является сторителлинг – это «метод последовательного изложения истории, создающий в итоге эффект вовлеченности, сиюминутности и причастности к описываемому событию у читателя/зрителя... Кроме того, этим термином можно обозначить неформальный способ передачи опыта, знания, инсайдерской информации» [9; с. 146].

Показательным примером является проект «Советская кибернетика в историях и картинках» (Рис. 2). Безусловно, рассказать о том, каким образом зарождалась и развивалась советская кибернетика в текстовом формате достаточно сложно, поэтому журналисты прибегли к такому инструменту, как визуальный сторителлинг – в простой анимационной форме, с большим количеством интерактивных картинок авторы последовательно раскрыли заявленную тему.

Рис. 2. Сторителлинг «Советская кибернетика в историях и картинках» на ресурсе "Arzamas"

Необходимо отметить грамотно подобранные цвета материала – преимущественно черный и красный, которые также помогают погрузить аудиторию в тематику публикации и сделать материал более атмосферным, эмоционально переживаемым.

В целом, говоря о визуальной инструментари, необходимо отметить и то, что новые медиа активно «подстраиваются» под особенности современной аудитории. В связи с этим нас особенно интересует такой инструмент, как выделение важных смысловых блоков в материале посредством специфической верстки. Это означает, что дизайн и верстка выполняют не только эстетическую, но и навигационную функцию. Крупные заголовки, подзаголовки, врезки и выносные цитаты создают своеобразный «скелет» текста. Пробегая по нему взглядом, аудитория может быстро оценить структуру материала, выделить ключевые тезисы и принять решение, стоит ли углубляться в чтение. Таким образом, верстка становится мостом между поверхностным сканированием информации и глубоким ее пониманием.

Этот прием достаточно часто использует журнал «Сеанс» на своей онлайн-платформе. В качестве примера приведем публикацию от 03.03.2026 «Добро пожаловать, или – «Посторонний» Франсуа Озона», где авторы на белом фоне выделяют особо важные цитаты или фразы жирным красным шрифтом, который сразу же бросается в глаза при изучении материала (Рис. 3). При этом это выглядит стильно и лаконично, поддерживает общую стилистику всей публикации и в целом верстки сайта.

Рис. 3. Выделение главных «смысловых точек» при помощи верстки и графических инструментов в публикации «Добро пожаловать, или – «Посторонний» Франсуа Озона» на ресурсе «Сеанс»

Однако стремление к лаконичности и визуальной чистоте может нести в себе и определенные риски. Например, монохромная эстетика независимого журнала о кинематографе «Синема Рутин», будучи яркой отличительной чертой их бренда, одновременно предъявляет высокие требования к качеству самого контента и фотоматериалов. При отсутствии цветовых акцентов, отвлекающих и направляющих внимание читателя, смысловая нагрузка на текст и изображение многократно возрастает. Любая визуальная или содержательная «слабость» становится очевидной.

Еще одной особенностью контента новых медиа из сфер просвещения и образования и его специфическим инструментом является доминирование принципа микрообучения, который подразумевает под собой подачу информации небольшими, логически завершенными порциями (например, короткие видео до 5-7 минут, карточки, подкасты и пр.). Это соответствует особенностям клипового мышления, которым отличаются современные «люди экрана» [10; с. 67], и позволяет интегрировать обучение в повседневную жизнь человека, не нагружая его большим объемом новой информации из интересующей его сферы.

Например, журнал «Чтиво» имеет официальные аккаунты в различных социальных сетях, в том числе и «ВКонтакте», где журналисты ведут целый раздел с короткими подкастами (15-20 минут), где рассказывают интересные факты из сферы культуры, науки и пр. (Рис. 4). Это простой и понятный способ подачи информации, что удобно и практично для современной аудитории, т.к. прослушать подкаст можно независимо от местонахождения, времени суток и пр., главное условие – наличие интернета, чтобы загрузить контент.

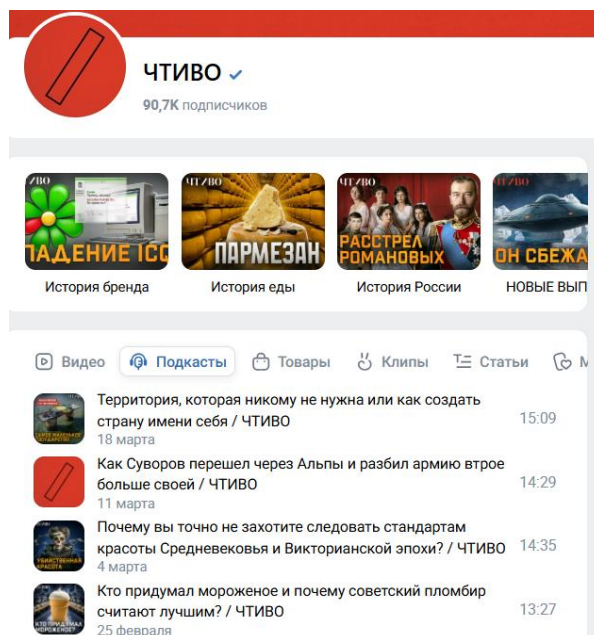

Рис. 4. Рубрика подкастов «Чтиво» на их официальной странице ВКонтакте

К тому же нельзя забывать, что современная аудитория отличается важной особенностью – наличием клипового мышления, порожденного активным потоком информации из самых разнообразных сфер нашей жизни, «...образы, которые остаются в мыслях только на короткий промежуток времени, практически сразу исчезают и заменяются новыми» [10; с. 67], а это, в свою очередь, создает проблему для средств массовой информации – как сделать свой контент не только полезным, легко усваиваемым, но и запоминающимся. В рамках решения данного вопроса на помощь журналистам приходит еще один медиаинструмент – отличительная верстка, которая уже была рассмотрена нами выше, и особенности цветового решения в материале.

Например, «Синема Рутин» – независимый журнал о кинематографе, который придерживается лаконичных цветов в верстке своего интернет-ресурса. Основные цвета портала черный и белый, единственные цветовые акценты, которые мы можем встретить в их ленте – это фотографии к материалам, при этом мы видим, что они не яркие или цветные, а черно-белые. Этот феномен является характерной чертой «Синема Рутин» и отличает его от других просветительских медиа. Подобные визуальные и графические инструменты используют и другие интернет-медиа, например, ранее упомянутый журнал «Сеанс».

Не менее важным в практике просветительских новых медиа является использование инструментов геймификации (баллы, тесты, рейтинговые таблицы, сюжетные миссии). Исследователи отмечают, что «геймификация в образовании является технологией, позволяющей в доступной, наглядной, гибкой, привлекательной, легкой для восприятия и запоминания форме доводить до обучающегося любого возраста информацию...» [11; с. 30]. Игровые механики нацелены на повышение мотивации, вовлеченности, формирование устойчивых учебных привычек аудитории, а также «... на расширение контекста, тематики изучаемых вопросов» [12; с. 125]. Причем геймификация работает и на уровне поведенческой психологии, поощряя регулярную активность аудитории.

Данный инструмент достаточно часто использует, в частности, «Arzamas». В качестве показательного примера приведем тематическую игру на данной платформе «От и до: расставьте Романовых в правильном порядке», в которой предлагается хронологически верно расположить всех представителей династии Романовых (Рис. 5).

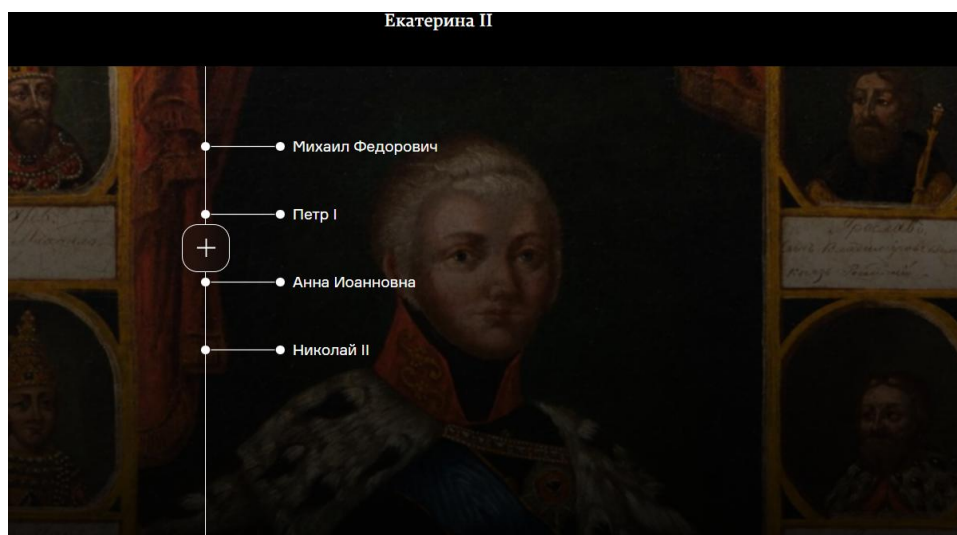

Рис. 5. Геймификация в материале «От и до: расставьте Романовых в правильном порядке» на ресурсе "Arzamas"

С точки зрения образовательной механики этот кейс реализует классический прием «упорядочивания», который превращает сухое заучивание дат в увлекательный вызов, то есть аудитория не просто пассивно потребляет контент, а становится активным участником процесса верификации знаний, что значительно повышает уровень запоминания материала.

Еще одним важным инструментом является использование иммерсивных технологий (виртуальной, дополненной и смешанной реальности). Как отмечает А.А. Гаврилова, «... преимущество иммерсивных технологий перед другими каналами коммуникации проявилось в способности правдоподобно имитировать реальность и создавать интерактивное поле, вовлекающее зрителя в мультимедийную или трансмедийную среду экранного повествования» [13; с. 13]. Действительно, если экранные медиа (кино, телевидение, интерфейсы ПК) создавали дистанцию между субъектом восприятия и объектом, то иммерсивные технологии устраняют эту дистанцию, помещая пользователя внутрь медийного контента. Вспомним, что

согласно концепции М. Маклюэна, медиа являются продолжением человека [14]. В данном случае VR- и AR-технологии выступают продолжением не только зрительного и слухового аппарата, но и ощущения тела в пространстве.

Например, «РИА Новости» при помощи иммерсивных технологий создали VR-проект «Слепые в большом городе» – «...это уникальный личный опыт и репортаж в формате виртуальной реальности. Подробная реконструкция того, как ощущают окружающий мир незрячие и слабовидящие люди. Вам предстоит оказаться в теле главных героев проекта Анатолия, Евгения и Марии, людей со слепотой. Ориентироваться на ощупь, на слух и по памяти. Использовать трость, подсказки посторонних людей и слушать звуки города». (VR-проект «Слепые в большом городе» – <https://ria.ru/20190130/1550092823.html?ysclid=mn0s5kyqab986599009> (дата обращения: 20.03.2026))

При помощи очков VR-реальности и приложения, скаченного на телефон, аудитория может «прожить» те самые эмоции, которые ощущают люди с ограниченными возможностями. Это интересный яркий пример использования иммерсивных технологий для развития эмпатии и антропологического просвещения.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, мы можем сформулировать следующее определение просветительских новых медиа – это сегмент интернет-журналистики, в котором образовательный контент реализуется вне традиционной институциональной среды посредством адаптации к особенностям современной аудитории при сохранении научной достоверности и глубины контента. Комплексный анализ современных просветительских интернет-медиа демонстрирует нам, что их контент строится на тонком балансе между учетом специфических особенностей «человека экрана» и стремлением сохранить глубину и качество транслируемого знания из сферы просвещения. Учитывая это, с одной стороны, анализируемые нами новые медиа вынуждены адаптироваться к клиповому мышлению, отличающему современного человека, используя геймификацию, интерактивность, облегченную визуальную навигацию для привлечения и удержания внимания аудитории и иные рассмотренные нами инструменты, с другой стороны, они активно применяют эти же инструменты для решения обратной задачи – удержания аудитории внутри качественного контента достаточно долго, чтобы осуществился процесс осмысления и запоминания.

В свою очередь игровые механики, проанализированные нами, мотивируют к повторению и проверке себя, продуманная верстка структурирует сложный материал, а уникальный визуальный стиль формирует привычку и лояльность к онлайн-изданию. В этом синтезе адаптации образования для широкой аудитории и принципиальности, развлекательности и научной достоверности, и заключается «формула эффективности» просветительских проектов в эпоху новых медиа.

В заключение заметим, что новые медиа сегодня превратились в мощный инструмент просвещения, который стирает грань между университетской наукой и массовой культурой, делая знания доступными для всех. Однако эффективность этого инструмента напрямую зависит от того, насколько удастся совмещать точность фактов с креативными форматами, не забывая о подлинных образовательных потребностях людей. В связи с этим дальнейшее развитие данного сегмента будет связано с поиском все более органичных способов интеграции образовательного контента в повседневные цифровые практики аудитории, в том числе с использованием технологий дополненной реальности, которая становится нашей повседневной реальностью. Помимо этого, просветительские новые медиа по-новому ставят проблему цифровой гигиены и развития критического мышления у аудитории. Исследования в этой области должны быть сфокусированы и на разработке критериев оценки качества образовательного контента и на этических аспектах его использования.

Библиографический список

1. Вартанова Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Меди@льманах. 2022. № 2 (109). С. 8-14.
2. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Русский язык в цифровой реальности // Современные вопросы модернизации высшей школы: материалы Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 17 марта 2021 года). Белгород: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Белгородский университет кооперации, экономики и права», 2021. С. 155-163.
3. Пастюк М.В. Образование в условиях дигитализации: как дать людям возможность полноценно существовать в век цифровизации? // Наука и образование сегодня. 2019. № 2 (37). С. 111-112.
4. San Cornelio G., Gomez Cruz E. Co-creation and participation as a means of innovation in new media: an analysis of creativity in the photographic field // Int. J. Commun. 2014. 8. P. 1-20.
5. Полонский А.В., Быстрова А.А. Сетевые просветительские СМИ как один из сегментов современной российской интернет-журналистики: особенности медиаконтента // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2025. Т. 44. № 3. С. 449-467.
6. Шарков Ф.И., Абишева В.Т., Лучина М.А., Потапчук В.А., Рамазанова Ж.С. Новые коммуникационные тренды в образовании: цифровые технологии и искусственный интеллект // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 3. С. 67-86.
7. Чутчева А.В., Витвинчук В.В., Лаврищева М.С. Трансформация просветительской журналистики в условиях функционирования новых медиа // Меди@льманах. 2021. № 2 (103). С. 14-24.
8. Архипова Н.А. Эволюция информационных технологий СМИ в контексте социокультурных процессов эпохи // Культура и цивилизация (Донецк). 2025. № 2 (24). С. 57-65.
9. Анюхина А.М. Феномен мультимедийного лонгрида и digital storytelling в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2 (24). С. 146-150.
10. Купчинская М.А., Юдалевич Н.В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14). С. 66-71.
11. Иванова С.В., Иванов О.Б. Геймификация как новый значимый элемент современного образовательного пространства // Вестник Московского университета. 2022. № 3. С. 24-37.
12. Чередниченко Л.В., Лапко А.В. Формы представления контента в просветительских медиа (на примере просветительского медиапроекта Arzamas) // Litera. 2021. № 5. С. 115-131.
13. Гаврилова А.А. Иммерсивные технологии в современной журналистике // Медиасреда. 2022. № 1. С. 12-15.
14. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man // MIT Press. 1994. 355 p.

References

1. Vartanova E.L. On the Consequences of Digital Transformation of the Media Environment // Medi@lmanakh. 2022. No. 2 (109). P. 8-14.
2. Polonsky A.V., Glushkova V.G. The Russian Language in Digital Reality // Modern Issues of Higher Education Modernization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Belgorod, March 17, 2021). Belgorod: Autonomous Non-Profit Higher Education Institution "Belgorod University of Cooperation, Economics, and Law", 2021. P. 155-163.
3. Pastyuk M.V. Education in the Context of Digitalization: How to Enable People to Live Fully in the Age of Digitalization? // Science and Education Today. 2019. No. 2 (37). P. 111-112.
4. San Cornelio G., Gomez Cruz E. Co-creation and participation as a means of innovation in new media: an analysis of creativity in the photographic field // Int. J. Commun. 2014. 8. P. 1-20.

5. Polonsky A.V., Bystrova A.A. Network Educational Media as One of the Segments of Modern Russian Internet Journalism: Features of Media Content // *Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics*. 2025. Vol. 44. No. 3. P. 449-467.

6. Sharkov F.I., Abisheva V.T., Luchina M.A., Potapchuk V.A., Ramazanova Zh.S. New Communication Trends in Education: Digital Technologies and Artificial Intelligence // *Communicology*. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 67-86.

7. Chutcheva A.V., Vitvinchuk V.V., Lavrishcheva M.S. Transformation of Educational Journalism in the Context of New Media Functioning // *Medi@lmanakh*. 2021. No. 2 (103). P. 14-24.

8. Arkhipova N.A. Evolution of Information Technologies in the Media in the Context of the Era's Sociocultural Processes // *Culture and Civilization (Donetsk)*. 2025. No. 2 (24). P. 57-65.

9. Anyukhina A.M. The Phenomenon of Multimedia Longreads and Digital Storytelling in Network Media // *Znak: The Problem Field of Media Education*. 2017. No. 2 (24). P. 146-150.

10. Kupchinskaya M.A., Yudalevich N.V. Clip Thinking as a Phenomenon of Modern Society // *Business Education in the Knowledge Economy*. 2019. No. 3 (14). P. 66-71.

11. Ivanova S.V., Ivanov O.B. Gamification as a New Significant Element of the Modern Educational Space // *Bulletin of Moscow University*. 2022. No. 3. P. 24-37.

12. Cherednichenko L.V., Lapko A.V. Forms of Content Presentation in Educational Media (Based on the Educational Media Project Arzamas) // *Litera*. 2021. No. 5. P. 115-131.

13. Gavrilova A.A. Immersive Technologies in Modern Journalism // *Mediasreda*. 2022. No. 1. P. 12-15.

14. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man* // MIT Press. 1994. 355 p.

ЯЗЫК СМИ **LANGUAGE OF MASS MEDIA**

УДК 130.2.569

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.026

*Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского
Д-р. пед. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории педагогики
Грицай Л.А.
Россия, г. Ярославль,
e-mail: usan82@gmail.com*

*Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky
The chair of theory and history of pedagogy
Doctor of Pedagogical Sciences,
associate professor
Gritsai L.A.
Russia, Yaroslavl,
e-mail: usan82@gmail.com*

Л.А. Грицай

ЦИФРОВАЯ АГРЕССИЯ В КОММЕНТАРИЯХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НА ПЛАТФОРМЕ ДЗЕН: ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ, ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу цифровой агрессии в пользовательских комментариях на платформе Дзен, рассматриваемой как современная медиакоммуникационная среда, обладающая специфическими условиями формирования и трансляции дискурсивных практик, что позволяет выявить структурные и функциональные параметры агрессивного поведения в цифровых сообществах. Цель исследования заключается в выявлении причин, форм проявления и коммуникативных особенностей цифровой агрессии в комментариях пользователей, а также в определении факторов, способствующих воспроизводству деструктивных коммуникационных стратегий; в ходе работы были применены методы контент-анализа, описательно-аналитический метод, дискурс-анализ и сравнительно-сопоставительный подход, что позволило классифицировать типологию цифровой агрессии, определить мотивационные механизмы ее возникновения и выявить ее функциональные эффекты в рамках онлайн-взаимодействия. Исследование опирается на современные концепции медийной агрессии и токсичного интернет-поведения, раскрывающие специфику анонимности, разорванных социальных связей и сниженной ответственности, что формирует психологические условия для агрессивной коммуникации; полученные результаты демонстрируют, что цифровая агрессия на платформе Дзен проявляется в разнообразных дискурсивных формах, включая прямые вербальные оскорбления, саркастическую агрессию, троллинг, хейтерскую активность, провокационные оценочные суждения и скрытые формы унижения, которые функционально могут быть направлены как на дискредитацию автора публикации, так и на психологическое доминирование над другими пользователями. Помимо индивидуальных факторов агрессии выявлены предпосылки, связанные с архитектурой цифровой платформы и спецификой медиапотребления, что свидетельствует о необходимости комплексного подхода к профилактике агрессивных коммуникаций. Практическая значимость исследования связана с возможностью оптимизации модерационных практик и внедрения стратегий по снижению уровня токсичности цифровой коммуникации на медийных платформах.

Ключевые слова: цифровая агрессия, медиакоммуникации, пользовательские комментарии, Дзен, токсичность, троллинг, хейт, речевая агрессия.

L.A. Gritsai

DIGITAL AGGRESSION IN USER COMMENTS ON THE ZEN PLATFORM: FEATURES OF COMMUNICATION, CAUSES AND FORMS OF MANIFESTATION

The article is devoted to the analysis of digital aggression in user comments on the Zen platform, considered as a modern media communication environment with specific conditions for the formation and transmission of discursive practices, which makes it possible to identify the structural and functional parameters of aggressive behavior in digital communities. The purpose of the study is to identify the causes, forms of manifestation and communicative features of digital aggression in user

comments, as well as to identify factors contributing to the reproduction of destructive communication strategies.; In the course of the work, the methods of content analysis, descriptive analytical method, discourse analysis and comparative approach were applied, which made it possible to classify the typology of digital aggression, determine the motivational mechanisms of its occurrence and identify its functional effects in the framework of online interaction. The research is based on modern concepts of media aggression and toxic Internet behavior, revealing the specifics of anonymity, severed social ties and reduced responsibility, which creates psychological conditions for aggressive communication.; The results obtained demonstrate that digital aggression on the Zen platform manifests itself in a variety of discursive forms, including direct verbal insults, sarcastic aggression, trolling, hateful activity, provocative value judgments and hidden forms of humiliation, which can functionally be aimed both at discrediting the author of the publication and at psychological domination over other users. In addition to individual aggression factors, prerequisites related to the architecture of the digital platform and the specifics of media consumption have been identified, which indicates the need for an integrated approach to the prevention of aggressive communications. The practical significance of the study is related to the possibility of optimizing moderation practices and implementing strategies to reduce the toxicity of digital communication on media platforms.

Keywords: digital aggression, media communications, user comments, Zen, toxicity, trolling, hate, speech aggression.

Цифровая коммуникация в современном медиaprостранстве характеризуется масштабированием интерактивных форм взаимодействия, что способствует появлению новых коммуникативных феноменов, среди которых одно из важных мест занимает цифровая агрессия, поскольку она оказывает непосредственное влияние на качество медиадискурса и формирование социокультурных представлений аудитории. Исходя из этого, актуальность исследования обусловлена значительным увеличением числа агрессивных комментариев в пользовательских средах, что наблюдается вне зависимости от политического контекста и фиксируется даже в дискурсе культурно-ориентированных публикаций. Цель представленного исследования заключается в выявлении причин, особенностей и форм проявления цифровой агрессии в пользовательских комментариях на платформе Дзен. Степень разработанности проблемы свидетельствует о наличии научного интереса к феномену цифровой агрессии, что отражено в работах таких исследователей, как Дж. Сулер [1], анализирующий эффект онлайн-разобщения, С. Филлипс [2] и Р. Бауман [3], рассматривающие механизмы интернет-троллинга, а также отечественных авторов, включая работы Н.В. Никоновой, А.С. Петровой, Д.Т. Рашидовой [4], И.В. Васениной, Т.Н. Кухтевич [5], С.А. Рыбиной [6], Е.В. Щетининой, С.С. Бредихина [7], Н.И. Ивановой, Т.М. Никаевой [8], О.В. Сидоревич-Стахновой [9], Е.В. Грязновой, Е.М. Кочневой, В.С. Рыбкиной [10], П.А. Тарановой, К.В. Голездренко [11], К.С. Бернгардт [12], Н.А. Карабань, А.В. Дикаревой [13], А.Л. Печенеговой [14], И.Л. Лукашковой, М.Н. Сулимовой [15], Д.С. Кострюкова, Н.К. Саквы, Е.Ю. Поздняковой [16], изучающих речевую агрессию и конфликтные коммуникации. Методологическая база исследования включает контент-анализ, дискурс-анализ, описательно-аналитический метод, структурно-функциональный подход и элементы психологической интерпретации цифрового поведения, что позволяет комплексно рассматривать феномен агрессивных коммуникаций в медиасреде.

Цифровая агрессия в современном научном дискурсе определяется нами как совокупность вербальных и невербальных коммуникативных действий пользователя, реализуемых в электронной среде с целью нанесения психологического ущерба адресату посредством оскорблений, угроз, дискредитации, провокации и иных форм коммуникативного насилия. При этом данное явление концептуально связано с более широким понятием речевой агрессии, понимаемой лингвистами как использование языковых средств для выражения враждебности и негативных оценок по отношению к реальному или предполагаемому оппоненту.

Таким образом, цифровая агрессия может быть интерпретирована как разновидность речевой агрессии, реализующаяся в условиях электронного коммуникативного пространства, характеризующегося специфическими технологическими, социокультурными и психолингвистическими атрибутами, которые трансформируют традиционные механизмы речевого взаимодействия, расширяя масштабы, формы и интенсивность агрессивного воздействия. Исследователи речевой агрессии указывают, что она осуществляется посредством лексических, грамматических, стилистических и интонационных средств языка и выступает проявлением вербальной враждебности субъ-

екта по отношению к объекту коммуникации [4, с. 415], а в цифровой среде эти средства дополняются контекстуальными эффектами асинхронности, анонимности и дистанции, которые усиливают деструктивный потенциал коммуникативных актов. И.В. Васенина и Т.Н. Кухтевич подчеркивают, что Интернет формирует собственные законы и правила взаимодействия, внутри которых возникают интолерантные сетевые сообщества и распространяются материалы враждебного характера [5, с. 121], что позволяет рассматривать цифровую агрессию как компонент более широкой системы цифрового девиантного поведения.

Анализ научных источников свидетельствует о том, что цифровая агрессия является глобальным и устойчивым явлением, фиксируемым в различных типах интернет-платформ и социальных сетей во всех странах, что связано с универсальностью технологических предпосылок и типовых моделей сетевой социализации, так, исследователи отмечают, что по мере расширения цифровой среды агрессия в интернете становится все более привычным явлением [6, с. 98], формируя новую норму коммуникации, в рамках которой значительная часть пользователей допускает агрессивные высказывания, не соотнося их с нравственными и правовыми императивами. Е.В. Щетинина и С.С. Бредихин рассматривают онлайн-агрессию как фактор, имеющий серьезные последствия для психологического и социального благополучия пользователей, фиксируя ее распространение в результате анонимности, социальной дистанции и фрустрации [7, с. 69]. При этом парадокс состоит в том, что в условиях реального межличностного общения большинство людей все еще руководствуется правилами речевого этикета, поддерживает вежливость и сдержанность, тогда как в цифровом пространстве пользователи в силу анонимности и отсутствия прямых социальных санкций позволяют себе оскорбления и грубую лексику, что подтверждается лингвистическими и психолого-педагогическими исследованиями. Н.И. Иванова и Т.М. Никаева показывают, что в интернет-дискуссиях пользователи активно используют негативно-оценочную лексику, прямые оскорбления, инвективы, просторечную стилистику, сарказм и переходы на личности [8, с. 2834], что демонстрирует смещение коммуникативных норм при переходе в виртуальную среду. О.В. Сидоревич-Стахнова подчеркивает, что интернет-пространство выступает почвой для проявления агрессии в силу почти полной анонимности и безнаказанности, однако причины агрессивных настроений имеют и социальный характер, выходящий за пределы цифровой среды [9, с. 95], что коррелирует с психолого-педагогическими наблюдениями о трансформации поведения в условиях цифровой культуры [10, с. 107].

Научные источники фиксируют также разнообразие форм цифровой агрессии, представленных как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях: в частности, П.А. Таранова и К.В. Голездренко включают в понятийный аппарат сетевой агрессии такие формы, как троллинг, кибербуллинг, флейминг и киберагрессия, рассматривая их через призму вербальных способов выражения агрессии [11, с. 342]. К.С. Бернгардт также выделяет флейминг, троллинг, хейтинг, киберсталкинг и кибербуллинг в качестве специфических форм проявления агрессии в сети, анализируя их коммуникативные намерения [12, с. 14]. Н.А. Карабань и А.В. Дикарева обращают внимание на новые формы агрессивного поведения, специфичные для виртуального дискурса, такие, как флейм и флуд, и связывают их с особенностями форумных и комментаторских жанров [13, с. 5].

Особого внимания заслуживает троллинг как форма цифровой агрессии, которая реализуется в виде провокативных реплик с целью вызвать эмоциональный конфликт. Теоретическое описание данной формы дает А.Л. Печенегова, определяя троллинг как конфликтный коммуникативный акт, направленный на провокацию оппонента посредством оппозиционных высказываний, перехода на личности и высмеивания [14, с. 49]. Кибербуллинг представляет собой систематическое преследование или унижение пользователя посредством электронных каналов, тогда как хейтинг выражается в публичном выражении ненависти в комментариях, а флейминг предполагает агрессивные дискуссии между несколькими участниками, приводящие к эскалации конфликта и социальному заражению агрессией, механизм

которого описан Е.В. Щетининой и С.С. Бредихиным через повторение и алгоритмическую фильтрацию контента [7, с. 75].

Причины распространения цифровой агрессии включают сочетание индивидуально-личностных и средовых компонентов, что подтверждается междисциплинарными исследованиями, например, С.А. Рыбина выделяет такие предикторы, как интернет- и смартфон-зависимость, тревожность, снижение уровня эмпатии, когнитивные искажения и онлайн-деиндивидуацию [6, с. 100], что согласуется с данными психологической науки о снижении саморегуляции в условиях цифровой среды. И.Л. Лукашкова и М.Н. Сулимова фиксируют структурную многогранность феномена интернет-агрессии и связывают ее с особенностями виртуальной коммуникации, провоцирующими рост агрессивности [15, с. 90]. И.В. Васенина и Т.Н. Кухтевич обращают внимание на существование интолерантных сетевых сообществ, воспроизводящих модели враждебности [5, с. 122], что согласуется с моделью социального заражения агрессией. Социологические исследования подтверждают, что восприятие агрессивного контента нормализуется среди молодежи, что фиксируют Д.С. Кострюков, Н.К. Саква и Е.Ю. Позднякова: опрос показал привыкание пользователей к агрессивной коммуникации и неоднозначность в оценке агрессии как нарушения правил общения [16, с. 128].

Рассмотрим систематизацию основных видов цифровой агрессии в виде Таблицы 1.

Таблица 1

Систематизация основных видов цифровой агрессии

Вид цифровой агрессии	Краткое описание	Основные цели агрессора	Типичные проявления
Троллинг	Провоцирование эмоциональной реакции и конфликтов в дискуссии	Создание конфликта, дестабилизация общения, получение внимания	Провокативные реплики, высмеивание, оппозиционные высказывания, переход на личности
Флейминг	Обмен грубыми и оскорбительными сообщениями между несколькими участниками	Эскалация конфликта, доминирование в дискуссии	Вербальные атаки, оскорбления, угрозы, резкие эмоциональные выпады
Хейтинг	Высказывание ненависти и неприязни к объекту (персоне, группе, явлению)	Дискредитация, унижение, выражение ненависти	Оскорбления, негативные оценки, враждебная лексика
Кибербуллинг	Систематическое преследование и унижение жертвы в цифровой среде	Психологическое давление, социализация через доминирование	Оскорбления, угрозы, травля, публикация компромата
Киберсталкинг	Навязчивое наблюдение и преследование в сети	Контроль, запугивание, давление	Слежка через соцсети, повторные нежелательные контакты, сбор данных
Флуд	Массовая публикация мало-содержательных сообщений	Заглушение дискуссии, вывод темы из логического русла	Поток однотипных сообщений, спам-комментарии
Инвективное комментирование	Использование оскорбительной и сниженной лексики по отношению к адресату	Унижение, дискредитация, выражение сильных эмоций	Бранная лексика, грубость, сарказм, переход на личности
Алгоритмически усиленная агрессия	Тиражирование агрессивного контента через алгоритмы рекомендаций	Увеличение видимости агрессии, социальное заражение	Рекомендации токсичных дискуссий, распространение негативного контента
Анонимно маскированная агрессия	Агрессия, реализуемая под защитой анонимности	Отсутствие социальной ответственности, снятие самоконтроля	Анонимные оскорбления, грубая критика

Таким образом, теоретический анализ научных источников выявляет, что цифровая агрессия представляет собой сложный междисциплинарный феномен, включающий лингвистические, психологические, социокультурные и медийные аспекты; ее формы многообразны и варьируют-

ся от единичных оскорбительных комментариев до систематического преследования и провоцирования конфликтов; ее распространенность носит глобальный характер и усугубляется спецификой цифровой коммуникации, нарушающей привычные нормы речевой этики и усиливающей дисингибирующие эффекты сети.

В рамках эмпирического исследования были изучены комментарии пользователей на канале «Нескучные истории Людмилы Грицай», размещенном на платформе Дзен (https://dzen.ru/liudmila_gritsay), который по состоянию на момент анализа охватывает аудиторию, превышающую 111 тысяч подписчиков и формирует тематическую направленность на культурно ориентированные материалы, посвященные вопросам исторического знания, феноменологии современной культуры, описанию интересных биографий и социально-значимых событий в российском обществе, что позволяет характеризовать данный канал как пример медиаресурса, ориентированного на просветительскую и культурно-коммуникативную деятельность. Для целей исследования был осуществлен контент-анализ 1200 пользовательских комментариев, идентифицированных по признакам речевой агрессии, при этом комментарии к публикациям, затрагивающим политическую повестку хотя бы частично, были сознательно исключены из выборки с целью фокусирования внимания на агрессивном поведении пользователей в нейтральных и культурных тематических сферах. Таким образом, анализ проводился на материале публикаций, относящихся к темам истории, искусства, кино и современных аудиовизуальных продуктов, что позволило выявить специфику агрессивной коммуникации за пределами политически поляризованных дискуссий.

Результаты исследования демонстрируют, что около 40 процентов агрессивных комментариев были направлены на дискредитацию автора канала и содержали стратегии прямых оскорблений, включающих уничижительные формы обращения на «ты», деструктивные гендерно-окрашенные номинации и ярлыки, такие как «авторша», «дура», «бездарь», «идиотка», что указывает на использование стратегий дегуманизации и снижения социального статуса собеседника с целью провоцирования эмоциональной реакции.

Анализируемая подгруппа комментариев демонстрирует, что целью агрессора являлось формирование у автора чувства уязвимости и обиды, а также создание негативного эмоционального фона внутри дискуссии, что соответствует моделям коммуникации, описанным в теориях токсичного взаимодействия и интернет-троллинга. Еще одна значимая часть агрессивных комментариев включала выражение жесткого несогласия с позицией автора канала, особенно в контексте патриотической интерпретации отечественной истории и культуры, причем данные комментарии включали попытки дискредитации ценностных установок аудитории, утверждения о бесперспективности государственной и культурной идентичности, сопровождаемые использованием язвительных сравнений современных событий с историческими периодами и наличием речевых актов, направленных на разрушение позитивного отношения к изучаемым культурным феноменам. Для этой группы также характерны оскорбительные номинации, однако их прагматическая направленность не только редуцирует субъектность автора, но и стремится оказать идеологическое воздействие на аудиторию, формируя среду ценностного конфликта.

Дополнительно была выделена группа комментариев, направленных не на автора, а на других участников дискуссии, где цифровая агрессия проявлялась либо в форме прямых межличностных оскорблений, либо в форме жесткого конфронтационного несогласия, имеющего целью подрыв позиции собеседника и навязывание собственной интерпретационной модели, исходя из этого, данный вектор агрессии позволяет говорить о формировании конфликтных коммуникационных микросред, в которых пользователи реализуют стратегии доминирования и самоутверждения посредством вербальной деструкции.

Отдельный аспект анализа включает предположение о том, что часть агрессивных комментариев могла быть сгенерирована ботами или координированными аккаунтами, что соответствует современным представлениям о гибридной природе цифровой коммуникации, в которой сочетаются органические и искусственно создаваемые элементы дискурса. Доля подобного контента не

поддается точному определению в рамках текущего исследования, однако теоретически может иметь двойную мотивацию: с одной стороны, агрессия может выступать инструментом манипулятивного воздействия на мнение аудитории, с другой стороны, она может носить личностный характер, служа способом компенсации фрустрации, эмоциональной разрядки или подтверждения собственной значимости за счет унижения другого субъекта.

Платформа Дзен в пользовательском восприятии и экспертном анализе нередко рассматривается как среда с высоким уровнем агрессивных коммуникационных практик, что объясняется сочетанием низкого порога входа, относительной анонимности, отсутствия сильного модерационного барьера и высокой поляризации тем: среди форм цифровой агрессии, зафиксированных в ходе исследования, можно выделить прямые оскорбления, негативные оценочные суждения, саркастическую агрессию, троллинг, хейтерскую активность, провокационный флейминг, а также скрытую агрессию, выраженную в иронических комментариях с унижительной коннотацией. Данные формы коррелируют с типологией цифровой агрессии, выделяемой в медиакоммуникационных исследованиях, что подтверждает репрезентативность полученных данных.

Поскольку удаление агрессивных комментариев или внесение в черный список их авторов с блокированием возможности дальнейшего комментирования является реактивной тактикой, ограниченной рамками конкретного канала, возникает вопрос о разработке стратегий профилактического и системного характера, которые могли бы снизить уровень цифровой агрессии. К числу таких стратегий относятся: формирование алгоритмически поддерживаемых модерационных систем с возможностью фильтрации комментариев по признакам токсичности, развитие инструментов автоматического предупреждения пользователя о недопустимости речевого акта до момента публикации, внедрение систем верификации аккаунтов, создание образовательных проектов по цифровой этике, а также развитие медийной культуры аудитории через медиапросветительские инициативы. Дополнительно возможны исследования паттернов агрессии с целью прогнозирования вспышек токсичности и адаптивного управления коммуникацией на уровне платформы.

Рассмотрим данные стратегии с помощью Таблицы 2.

Таблица 2

Основные стратегии борьбы с цифровой агрессией, их механизм действия, уровень применения и ожидаемые результаты

Стратегия	Механизм реализации	Уровень применения	Ожидаемый эффект
Алгоритмическая фильтрация токсичных комментариев	Использование моделей анализа тональности, ключевых слов и контекста для автоматического блокирования либо скрытия агрессивных сообщений	Платформа	Снижение видимости и распространения агрессивного контента, уменьшение нагрузки на модераторов
Предварительное предупреждение пользователя	Вывод уведомления о недопустимости агрессивных формулировок перед публикацией комментария	Платформа	Снижение импульсивной агрессии, формирование поведенческих норм
Верификация и идентификация аккаунтов	Ужесточение правил регистрации (например, привязка номера телефона) и визуальное выделение проверенных аккаунтов	Платформа	Снижение уровня анонимной агрессии и троллинга, повышение ответственности
Расширенная модерация	Введение штатных либо краудсорсинговых модераторов, фильтрующих деструктивные комментарии	Платформа и отдельные каналы	Стабилизация дискурса, снижение токсичности обсуждений
Образовательные проекты по цифровой этике	Создание контента, объясняющего правила сетевой коммуникации, культуру дискуссии и последствия агрессивного пове-	Внешняя среда и платформа	Повышение медийной грамотности аудитории, снижение нормализации цифровой

	дения		агрессии
Внутрисоциальные санкции и регламенты	Введение правил поведения, санкций за нарушение, временных ограничений на публикации	Платформа и каналы	Формирование нормы допустимого поведения, превентивное воздействие
Внедрение инструментов саморегуляции для авторов	Возможность отключать комментарии, вводить фильтры по ключевым словам, ограничивать доступ к дискуссии	Отдельный канал	Защита автора и аудитории, снижение эмоционального ущерба
Аналитический мониторинг конфликтов	Выявление паттернов агрессии и вспышек токсичности с использованием статистических методов	Платформа	Прогнозирование конфликтов, адаптивное управление
Психологические сервисы поддержки	Социальные проекты или партнерства, предоставляющие поддержку жертвам цифровой агрессии	Внешняя среда	Снижение негативных последствий агрессии и укрепление устойчивости пользователей

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует устойчивую распространенность цифровой агрессии в тематически нейтральных сегментах медиакоммуникации и позволяет утверждать, что феномен агрессивных комментариев не является исключительно политически обусловленным, а представляет собой следствие более глубоких психосоциальных процессов, усугубляемых структурой онлайн-коммуникации. Результаты анализа фиксируют как индивидуально мотивированные, так и потенциально координированные формы цифровой агрессии, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований в области медиакоммуникаций и разработки комплексных стратегий по снижению уровня токсичности цифрового дискурса.

Проведенное исследование позволяет заключить, что цифровая агрессия в пользовательских комментариях на платформе Дзен представляет собой сложный многокомпонентный коммуникативный феномен, детерминированный сочетанием технологических, психологических и социокультурных факторов, проявляющийся в разнообразных дискурсивных формах от прямых оскорблений до скрытых провокаций, при этом выполняющий функции эмоциональной разрядки, самоутверждения и идеологической конфронтации. Результаты анализа подтверждают, что цифровая агрессия формирует токсичную коммуникационную среду, затрудняющую конструктивное взаимодействие и требующую системного внедрения профилактических и модерационных стратегий, направленных на снижение уровня деструктивного поведения и повышение качества медиадискурса.

Библиографический список

1. Suler J. The Online Disinhibition Effect // *CyberPsychology and Behavior*. 2004. Vol. 7. Iss. 3. P. 321–326.
2. Phillips S. *This Is Why We Can't Have Nice Things: Mapping the Relationship Between Online Trolling and Mainstream Culture*. Cambridge : MIT Press, 2015. 256 p.
3. Bauman R. *Verbal Art as Performance*. Prospect Heights : Waveland Press, 1984. 160 p.
4. Никонова Н.В., Петрова А.С., Рашидова Д.Т. Речевая агрессия: формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. Т. 15. № 2. С. 413–418.
5. Васенина И.В., Кухтевич Т.Н. Языковая агрессия в Интернете — вызов нравственным императивам // *Высшее образование в России*. 2014. № 4. С. 121–125.
6. Рыбина С.А. Факторы цифровой среды, стимулирующие проявление агрессивности личности // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2025. Т. 8. № 6. С. 98–105.

7. Щетинина Е.В., Бредихин С.С. Распространение онлайн-агрессии: факторы и механизмы // Россия: общество, политика, история. 2023. № 2(7). С. 68–83.
8. Иванова Н.И., Никаева Т.М. Проявление речевой агрессии в интернет-комментариях (на примере форума «Кому за...», входящего в состав портала «УКТ.RU») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 9. С. 2833–2837.
9. Сидоревич-Стахнова О.В. Агрессия в сети как социальный феномен // Коммуникации. Общество. Духовность: материалы XXIV международной научно-практической конференции. Ухта : УГТУ, 2024. С. 94–97.
10. Грязнова Е.В., Кочнева Е.М., Рыбкина В.С. Агрессия как феномен цифровой культуры: актуальность психолого-педагогических исследований // Глобальный научный потенциал. 2022. № 2(131). С. 107–109.
11. Таранова П.А., Голездренко К.В. Приёмы выражения речевой агрессии в Интернете // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов: материалы Всероссийской с международным участием студенческой научной конференции: в 2 ч. / отв. ред. О.В. Кублицкая. Ч. 2. СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2023. С. 342–344.
12. Бернгардт К.С. Специфика проявления речевой агрессии в интернет-комментариях // Новые горизонты русистики. 2022. № 17. С. 9–17.
13. Карабань Н.А., Дикарева А.В. Речевая агрессия в интернет-общении // Филология: научные исследования. 2018. № 2. С. 1–8.
14. Печенегова А.Л. Троллинг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации школьников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 4(216). С. 48–56.
15. Лукашкова И.Л., Сулимова М.Н. Феномен агрессии в интернет-коммуникации: причины и особенности проявления // Медиафера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве: сборник научных статей VII Международной научно-методической конференции / редколлегия: С.В. Венидиктов (отв. ред.) [и др.]. Могилёв: МИ МВД Республики Беларусь, 2020. С. 89–95.
16. Кострюков Д.С., Саква Н.К., Позднякова Е.Ю. О речевой агрессии в сети Интернет (на материале анкетирования) // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул: АГТУ им. И.И. Ползунова, 2024. С. 124–131.

References

1. Suler J. The Online Disinhibition Effect // *CyberPsychology and Behavior*. 2004. Vol. 7. Iss. 3. P. 321–326.
2. Phillips S. *This Is Why We Can't Have Nice Things: Mapping the Relationship Between Online Trolling and Mainstream Culture*. Cambridge: MIT Press, 2015. 256 p.
3. Bauman R. *Verbal Art as Performance*. Prospect Heights : Waveland Press, 1984. 160 p.
4. Nikonova N.V., Petrova A.S., Rashidova D.T. Verbal Aggression: Forms and Spheres of Functioning. Cultural and National Specificity of Manifestation // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2022. Vol. 15. Iss. 2. P. 413–418.
5. Vasenina I.V., Kukhtevich T.N. Linguistic Aggression on the Internet as a Challenge to Moral Imperatives // *Higher Education in Russia*. 2014. Vol. 4. P. 121–125.
6. Rybina S.A. Factors of the Digital Environment Stimulating the Manifestation of Personal Aggressiveness // *International Journal of Medicine and Psychology*. 2025. Vol. 8. Iss. 6. P. 98–105.
7. Shchetinina E.V., Bredikhin S.S. The Spread of Online Aggression: Factors and Mechanisms // *Russia: Society, Politics, History*. 2023. Vol. 2(7). P. 68–83.
8. Ivanova N.I., Nikaeva T.M. Manifestation of Verbal Aggression in Internet Comments // *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2021. Vol. 14. Iss. 9. P. 2833–2837.

9. Sidorevich-Stakhnova O.V. Aggression on the Internet as a Social Phenomenon // *Communications. Society. Spirituality: Proceedings of the 24th International Scientific and Practical Conference*. Ukhta State Technical University, 2024. P. 94–97.

10. Gryaznova E.V., Kochneva E.M., Rybkina V.S. Aggression as a Phenomenon of Digital Culture: Relevance of Psychological and Pedagogical Research // *Global Scientific Potential*. 2022. Iss. 2(131). P. 107–109.

11. Taranova P.A., Golezdrenko K.V. Techniques of Expressing Verbal Aggression on the Internet // *Topical Issues of Science: A Student Perspective: Proceedings of the All-Russian (with International Participation) Student Scientific Conference: In 2 Parts / ed. by O.V. Kublitskaya. Part 2*. St.-Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2023. P. 342–344.

12. Bergardt K.S. Specific Features of Verbal Aggression in Internet Comments // *New Horizons of Russian Studies*. 2022. Vol. 17. P. 9–17.

13. Karaban N.A., Dikareva A.V. Verbal Aggression in Internet Communication // *Philology: Scientific Research*. 2018. Vol. 2. P. 1–8.

14. Pechenegova A.L. Trolling as a Form of Verbal Aggression in Schoolchildren's Internet Communication // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2021. Iss. 4(216). P. 48–56.

15. Lukashkova I.L., Sulimova M.N. The Phenomenon of Aggression in Internet Communication: Causes and Features of Manifestation // *Media Sphere and Media Education: Specificity of Interaction in the Modern Sociocultural Space: Collection of Scientific Articles of the 7th International Scientific and Methodological Conference / ed. by S.V. Venidiktov et al*. Mogilev: Ministry of Internal Affairs Institute of the Republic of Belarus, 2020. P. 89–95.

16. Kostryukov D.S., Sakva N.K., Pozdnyakova E.Yu. On Verbal Aggression on the Internet (Based on Survey Data) // *Modern Humanitarian Scientific Knowledge: A Multidisciplinary Approach: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Barnaul: Altai State Technical University named after I.I. Polzunov, 2024. P. 124–131.

УДК 303.483:811.111

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.027

Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации
Старший преподаватель кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин, русского и иностранных языков
Мифтахова О.В.
Россия, Луганск, тел. +79592074700
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru

Lugansk Academy of the Investigative Committee of Russian Federation
The chair of humanities, social and economic disciplines, Russian and foreign languages
Senior lecturer Miftakhova O.V.
Russia, Lugansk, tel. +79592074700
e-mail: olga_miftakhova@mail.ru

О.В. Мифтахова

ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА КАК КОМПОНЕНТА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

В данной статье рассматриваются и анализируются тактико-стратегические механизмы аргументативной политической коммуникации в американском политическом пространстве. Американский аргументативный политический дискурс представляет собой специфическую форму коммуникации, цель которой – либо закрепить определённые убеждения у целевой аудитории, либо скорректировать уже имеющиеся установки. В процессе аргументации ораторы задействуют как логически обоснованные, так и апеллирующие к чувствам доводы для подкрепления своих тезисов. Специфика американского аргументативного дискурса проявляется в его структурных элементах, применяемых стратегиях и тактиках, используемых выразительных средствах и жанровых воплощениях. Данные характеристики неразрывно связаны с политической культурой Соединённых Штатов, где аргументация выступает ключевым механизмом воздействия на общественное мнение, нацеленным на формирование или корректировку мировоззренческих установок. Аргументация рассматривается как коммуникативная деятельность, которая представляет собой комплекс языковых средств, используемых для воздействия на разум и поведение, а также как особый тип дискурса, характеризующийся особой коммуникативной и специфической последовательностью речевых актов. Коммуникативная задача аргументативного дискурса состоит в обосновании взглядов и представлений, убеждении (разубеждении) партнера по коммуникации в истине, либо в прагматической приемлемости определенных высказываний. Глобальная цель аргументативного дискурса состоит в преодолении расхождений во мнениях при помощи правильно выбранных стратегий и тактик аргументации. В большой степени успешность акта аргументации зависит от адекватно выстроенной структуры аргументативного дискурса. В статье приводятся примеры тактик и стратегий, реализующих аргументативный дискурс США, анализируются высказывания ведущих американских политических деятелей – президента, вице-президента, государственного секретаря. Также рассматриваются лексическая наполненность высказываний в контексте аргументативных особенностей политической коммуникации и частично когнитивные механизмы, отражающие мышление человека в политическом дискурсе в широком смысле и в аргументативном дискурсе в более узком смысле.

Ключевые слова: политический дискурс, аргументативный дискурс, политическая коммуникация, адресант, тактики и стратегии аргументативного дискурса, реципиент.

O.V. Miftakhova

TACTICAL AND STRATEGIC CHARACTERISTICS OF ARGUMENTATIVE DISCOURSE AS A COMPONENT OF AMERICAN POLITICAL COMMUNICATION

This article examines and analyzes the tactical and strategic mechanisms of argumentative political communication in the American political space. American argumentative political discourse is a specific form of communication whose purpose is either to reinforce certain beliefs in the target audience or to correct existing attitudes. During argu-

mentation, speakers employ both logical and emotional arguments to support their points. The specific features of American argumentative discourse are manifested in its structural elements, the strategies and tactics employed, the expressive means employed, and the genres employed. These characteristics are inextricably linked to the political culture of the United States, where argumentation serves as a key mechanism for influencing public opinion, aimed at shaping or correcting ideological attitudes. Argumentation is viewed as a communicative activity, which represents a complex of linguistic means used to influence reason and behavior, and as a special type of discourse characterized by a distinct communicative and specific sequence of speech acts. The communicative task of argumentative discourse consists of substantiating views and ideas, convincing (or disconvincing) a communicative partner of the truth, or the pragmatic acceptability of certain statements. The overall goal of argumentative discourse is to overcome differences of opinion through the use of appropriately chosen argumentation strategies and tactics. The success of an argumentative act largely depends on an adequately constructed structure of argumentative discourse. This article provides examples of tactics and strategies that implement argumentative discourse in the United States and analyzes the statements of leading American political figures—the president, vice president, and secretary of state. The lexical content of statements in the context of the argumentative features of political communication and, in part, the cognitive mechanisms that reflect human thinking in political discourse in a broad sense and in argumentative discourse in a narrower sense are also considered.

Key words: political discourse, argumentative discourse, political communication, addressee, tactics and strategies of argumentative discourse, recipient.

Изучение политического дискурса остается актуальным, поскольку это вид прикладной языковой деятельности, структурированный текстами, концептами, направленный на реализацию политических процессов. Политический дискурс играет значительную роль в формировании общественного мнения. Исследование политической коммуникации позволяет понять механизмы воздействия языка на политическую культуру и социальную динамику.

Общими чертами политического дискурса разных стран являются его цель, функции, лексические особенности, тактики и стратегии реализации, особенности восприятия аудитории. В то же время уникальность политического дискурса каждой страны заключается в политических, исторических, культурных чертах государства. Это проявляется в специфике выбора лексики, речевых тактик и стратегий, акцентах, поведенческих аспектах по линии адресант-адресат.

Американский политический дискурс представляет собой разновидность институционального общения, целью которого является завоевание, удержание и легитимация власти посредством языка. К особенностям американского политического дискурса относят патриотическую направленность, идею исключительности американской нации, культ индивидуализма, влияние медиа-сферы, экспрессивность и эмотивность.

Среди функций американского политического дискурса можно выделить воздействующую, манипулятивную, аргументативную, эмотивную.

Аргументативный политический дискурс – разновидность политического дискурса, в котором в качестве аргументационной базы используются как рациональные, так и эмоциональные аргументы. Политический дискурс – более широкое понятие, в то время как аргументативный политический дискурс – часть политического дискурса, направленная на обоснование мнений и преодоление разногласий. Как правило, аргументативный политический дискурс задействует такие механизмы, как использование ссылок на авторитеты, использование аллюзий, цитат, исторических фактов, применение иллюстраций. Изучением аргументативного политического дискурса занимались как отечественные, так и зарубежные исследователи. Особую роль необходимо отнести Хаиму Перельману, бельгийскому ученому, который разработал теорию аргументативного дискурса в направлении неориторики. Он занимался выявлением и анализом техник, которые ведут к убеждению как результату. Перельман выделил два вида аргументов: аргументы, имеющие отношение к действительности, претендующие на одобрение универсальной аудитории, и аргументы, имеющие отношение к предпочтительному, нуждающиеся в одобрении локальной аудитории, поскольку затрагивают конкретных слушателей [1; с. 112].

Над прагма-диалектической теорией аргументации работали Франс Хендрик ван Еемерин и Роб Гроотендорст, рассматривающие аргументацию как форму целенаправленной коммуникатив-

ной деятельности, направленную на конструктивное решение разногласий с помощью дискуссии [2].

Способы убеждения адресата выявляли В. Кеннеди, Т. Рорер. Они изучали использование политиками интертекстуальных метафор [3].

Н.С. Рядовая изучала аргументативные стратегии и специфику функционирования аргументативных стратегий в политическом дискурсе в зависимости от интенций, риторического стиля, говорящего и политических традиций, к которым он принадлежит [4].

Следует также отметить труды Е.А. Огневой, которая предложила термин «аргументативный аттрактор» и рассматривает его как доминантную единицу модели политического дискурса [5].

Сама по себе аргументация является стратегией политического дискурса, поскольку к аргументации прибегает любой политический деятель, когда ему нужно завоевать поддержку населения. Но и у аргументативного политического дискурса имеются свои тактики и стратегии.

К *тактикам* аргументативного политического дискурса относят:

- компаративный анализ, когда адресант сопоставляет факты, события, результаты, адресат воспринимает это как убедительные аргументы, т.к. информация подкрепляется статистическими данными, цифрами;

- демонстрация фактов и конкретных примеров;

- указание на перспективу, когда создается образ предполагаемого результата при условии принятия конкретных мер;

- обоснование оценки;

- альтернативная интерпретация проблемы;

- указание на путь решения проблемы.

Среди *стратегий* можно выделить:

- стратегию убеждения;

- стратегию ориентации;

- стратегию легитимизации;

- стратегию интеграции.

Д.А. Бокмельдер отмечает, что стратегия убеждения является ключевой в политической коммуникации. При стратегии ориентации адресант представляет аудитории свое видение будущего развития событий. Стратегия легитимизации помогает оправдать в глазах аудитории правильность решения, принятого адресантом. Стратегия интеграция призвана продемонстрировать принадлежность оратора аудитории [6, с.7].

Можно выделить иные тактики и стратегии аргументативного политического дискурса. Например, Е.И. Шейгал выделяет стратегию вуалирования, О.Л. Михалева – стратегию на повышение.

Ввиду того, что аргументация представляет собой неотъемлемую часть речевого воздействия, среди особенностей аргументативного дискурса необходимо выделить средства, реализующие саму аргументацию: лексические, стилистические, композиционные.

Часто риторика политиков метафорична, они прибегают к помощи языковых средств, использующихся с учетом когнитивных механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека [7, с. 136]. Такие языковые средства относятся к когнитивной политической лексике. Когнитивный подход предполагает изучение ментальных структур дискурса, клишированных представлений о мире политики и иных аспектов, связанных с когнитивными процессами [8, с. 95]. К когнитивной лексике политического дискурса относят:

- метафоры, отражающие специфику человеческого мышления и познания, сопоставляющая неопознанное с познанным;

- политические концепты – стереотипные ментальные схемы-образы, интерпретации, образующие общее дискурсивное пространство, именуемое концептуальным доменом;

- когнитивно-речевые стратегии, отвечающие за выбор необходимых коммуникативных действий и языковых средств для реализации продуктивного общения;
- лексические единицы с положительными и отрицательными коннотациями, цель которых заключается в эмоциональном воздействии на аудиторию.

Далее мы рассмотрим, какие лексические средства, тактики и стратегии аргументативного дискурса применяются американскими политиками.

Пример 1. Некоторые высказывания Дональда Трампа из исполнительного приказа от 29.01.2026 г. Addressing threats to the United States by the Government of Cuba [9].

I find that the policies, practices, and actions of the Government of Cuba constitute an unusual and extraordinary threat, which has its source in whole or substantial part outside the United States, to the national security and foreign policy of the United States [9]. // Я считаю, что политика, практика и действия правительства Кубы представляют собой необычную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике Соединённых Штатов, источник которой полностью или частично находится за пределами Соединённых Штатов.

В данном тезисе Трамп обозначил проблему угрозы Кубы Соединённым Штатам, реализовав тактику обвинения. Такая тактика – один из речевых способов реализации коммуникативной стратегии «игры на понижение», цель которой заключается в дискредитации оппонента. Эпистемическая модальность, представленная выражением *I think/Я думаю*, характеризует степень уверенности адресанта в собственной правоте и достоверности подаваемой аудитории информации. Предложение развернутое, насыщенное, содержит повторы. Эмоциональности общему фону высказывания придают эпитеты *unusual* и *extraordinary* в словосочетании *необычная и чрезвычайная угроза*. Эпитеты интенсивно применяются в политическом дискурсе как средство выражения оценочного отношения к предмету или явлению. Здесь эпитет употреблен с отрицательной коннотацией с целью создания образа врага.

The Government of Cuba has taken extraordinary actions that harm and threaten the United States. The regime aligns itself with – and provides support for – numerous hostile countries, transnational terrorist groups, and malign actors adverse to the United States, including the Government of the Russian Federation (Russia), the People's Republic of China (PRC), the Government of Iran, Hamas, and Hezbollah [9]. // Правительство Кубы предприняло экстраординарные действия, которые наносят ущерб Соединённым Штатам и представляют для них угрозу. Режим поддерживает многочисленные враждебные Соединённым Штатам страны, транснациональные террористические группировки и злонамеренные субъекты, в том числе правительство Российской Федерации (России), Китайскую Народную Республику (КНР), правительство Ирана, ХАМАС и Хезболлу.

Далее аргументативный дискурс разворачивается в плоскости применения тактик обоснования проблемы и демонстрация фактов, примеров. Если говорить о стратегии, можно сделать вывод, что данное высказывание подкреплено стратегией на повышение: наблюдается сплошная эскалация, злонамеренность Кубы по отношению к США усиливается, к Кубе добавляются другие страны, которых объединяет враждебность по отношению к США. Ключевым концептом выступает *угроза (threat)* и ее дериват *threaten (угрожать)*. Абзац наполнен негативно маркированной лексикой: *harm (нанести ущерб)*, *threaten (представлять угрозу)*, *regime (режим)*, *hostile (враждебный)*, *terrorist groups (террористические группировки)*, *malign actors (злонамеренные субъекты)*, *Hamas (Хамас)*, *Hezbollah (Хезболла)*. Необходимо сказать о наличии бинарной оппозиции «хороший-плохой», характерной для аргументативного политического дискурса. На стороне добра по понятным причинам выступает страна адресанта – США, антагонистом являются правительства России, Кубы, Китая, Ирана. Удивляет факт безапелляционного причисления указанных стран к террористическим группировкам. В целом, политические выступления Трампа в последнее время изобилуют агрессивными высказываниями в адрес неугодных, чрезмерно эмоциональны, безапелляционны.

Пример 2. Марко Рубио, государственный секретарь США, выступивший в новостной программе с заявлениями, которые впоследствии были опубликованы на сайте Белого дома в январе 2026 года под названием *This is our hemisphere – and President Trump will not allow our security to be threatened* [10] // *Это наше полушарие – и президент Трамп не допустит, чтобы нашей безопасности что-то угрожало*

There's not a war. We are at war against drug trafficking organizations – not a war against Venezuela [10] // *Это не война. Мы ведём войну против наркоторговцев, а не против Венесуэлы.*

В данном высказывании реализуются стратегии ориентации и легитимизации, когда решение США оправдано борьбой с наркоторговцами. Концептуальное значение имеет существительное *war* (*война*), которое дважды употребляется с частицей отрицания *not*. В действительности возникает ощущение парадоксальности: это не война, но это война.

The first steps are securing what's in the national interest of the United States and also beneficial to the people of Venezuela, and those are the things that we're focused on right now. No more drug trafficking. No more Iran, Hezbollah presence there. No more using the oil industry to enrich all our adversaries around the world. // *Первые шаги направлены на обеспечение того, что отвечает национальным интересам Соединённых Штатов, а также приносит пользу народу Венесуэлы, и именно на этом мы сосредоточены сейчас. Больше никакого наркотрафика. Больше никакого присутствия Ирана и «Хезболлы» там. Больше никакого использования нефтяной промышленности для обогащения всех наших противников по всему миру.*

Аргументативный дискурс Марко Рубио выстроен последовательно и логично, с учетом национальных интересов США. Анафора в предложениях с *no more* иллюстрирует убежденность в правильности принятого решения и отстаивания своих позиций. Хотя речь идет о политической интервенции, а адресант является интервентом, убеждающим аудиторию в правомочности совершаемых им действий.

It's running policy – the policy with regards to this. We want Venezuela to move in a certain direction because not only do we think it's good for the people of Venezuela, it's in our national interest [10] // *Это текущая политика – политика в отношении этого вопроса. Мы хотим, чтобы Венесуэла двигалась в определённом направлении, потому что это не только хорошо для народа Венесуэлы, но и отвечает нашим национальным интересам.*

Здесь наблюдается и тактика указания на перспективу, и тактика указания на путь решения проблемы, также демонстрируется стратегия ориентации, легитимизации и интеграции. Местоимения *we, our* демонстрирует принадлежность оратора аудитории, показывая общую вовлеченность и заинтересованность в принятом решении.

Пример 3. Джей Ди Вэнс, вице-президент США, высказавшийся на Республиканском национальном съезде в июле 2024 года.

My message to you, my fellow Republicans, is we love this country and we are united to win [10] // *Я хочу сказать вам, мои дорогие республиканцы, что мы любим эту страну и мы едины в своём стремлении победить.*

В высказывании Вэнса присутствует стратегия интеграции, в лексическом плане поддерживающая дискурсообразующий концепт *unity* (*единство*). Идея единения, общности целей американского народа и президента США часто актуализируется в публичных выступлениях и политической коммуникации многих политических деятелей США. Коннотативно маркированная лексика, например, *we love this country, we are united to win, my fellow Republicans* вызывает положительные ассоциации у аудитории и влияет на ее восприятие информации.

When Donald Trump rose to his feet in that Pennsylvania field, all of America stood with him [11] // *Когда Дональд Трамп поднялся на ноги на том поле в Пенсильвании, вся Америка была с ним.*

Данное высказывание также иллюстрирует концепт единства, выраженный фразой *all of America stood with him* (*вся Америка была с ним*). Этот пример транслирует стратегию ин-

теграции, служит убедительным аргументом и сигналом не только для американской нации, но и для мировой политики.

America is not just an idea. It is a group of people with a shared history and a common future. It is, in short, a nation [12] // Америка – это не просто идея. Это группа людей с общей историей и общим будущим. Короче говоря, это нация.

В этом высказывании содержится контртезис на слова Байдена о том, что США – это идея. Выраженная метафорически идея единства способствует конструированию специфических ментальных схем интерпретации действительности. Стратегия на повышение убеждает оратора и аудиторию в состоятельности и величии своей нации: *America is ... an idea, a group of people, a nation* / Америка – это ... идея, группа людей, нация.

Аргументативный дискурс представляет собой неотъемлемую часть политического дискурса. Его цель заключается в том, чтобы убедить адресата в истинности своего суждения и заставить его принять это мнение. Для яркости и эмотивности аргументативного дискурса нередко оратор прибегает к помощи слов-символов, концептов, когнитивной метафоре, разнообразным средствам художественной выразительности. Достижение коммуникативной цели реализуется благодаря стратегиям и тактикам аргументативного политического дискурса.

Библиографический список

1. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation / Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
2. Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst. Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective / Routledge, 2016. 252 p.
3. Metaphors, Visual Blends and the Ideology of Information Technology [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/313900316_Metaphors_Visual_Blends_and_the_Ideology_of_Information_Technology/, свободный (дата обращения – 02.04.2026).
4. Рядовая Н.С. Сопоставительный анализ аргументативных стратегий политического дискурса в кризисной ситуации (на материале речей президентов США и России): автореф. на соиск. ученой степени канд. фил. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, М., 2013. 28 с.
5. Огнева Е. А. Аргументативные аттракторы в дискурсе Д. Трампа (на материале триумфальной речи по случаю победы на президентских выборах) [Электронный ресурс]. URL: <http://scipress.ru/philology/articles/argumentativnye-atractory-v-diskurse-d-trampa-na-materiale-triumfalnoj-rechi-po-sluchayu-pobedy-na-prezidentskikh-vyborakh.html>, свободный (дата обращения – 14.12.2025).
6. Бокмельдер Д.А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: автореф. на соиск. ученой степени канд. фил. наук: 10.02.04 – германские языки, Иркутск, 2000. 23 с.
7. Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134 – 140.
8. Очерки по современной политической метафорологии: монография / под ред. А.П. Чудинова. Екатеринбург, 2013. 176 с.
9. Addressing threats to the United States by the government of Cuba [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/01/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-cuba/>, свободный (дата обращения – 02.02.2026).
10. RUBIO: This Is Our Hemisphere – and President Trump Will Not Allow Our Security to be Threatened [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/articles/2026/01/rubio-this-is->

[our-hemisphere-and-president-trump-will-not-allow-our-security-to-be-threatened/](#), свободный (дата обращения – 06.02.2026).

11. 'Joe must go': JD Vance leads attack on Biden as he takes RNC stage to promote Trump [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-independent.com/news/world/americas/us-politics/jd-vance-speech-rnc-2024-trump-b2581708.html>, свободный (дата обращения – 06.02.2026).

12. Read the Transcript of J.D. Vance's Convention Speech [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/17/us/politics/read-the-transcript-of-jd-vances-convention-speech.html>, свободный (дата обращения – 06.02.2026).

References

1. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. *The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation* / Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.

2. Frans H. van Eemeren, Rob Grootendorst. *Argumentation, Communication, and Fallacies: A Pragma-dialectical Perspective* / Routledge, 2016. 252 p.

3. Metaphors, Visual Blends and the Ideology of Information Technology [Electronic resource]. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/313900316_Metaphors_Visual_Blends_and_the_Ideology_of_Information_Technology/, free. – (date of access: 02.04.2026).

4. Ryadovaya N.S. Comparative analysis of argumentative strategies of political discourse in a crisis situation (based on the speeches of the presidents of the USA and Russia): abstract of a dissertation for the degree of Cand. of Phil. Sciences: 10.02.20 – comparative-historical, typological and comparative linguistics, Moscow, 2013. 28 p.

5. Ogneva E. A. Argumentative attractors in the discourse of D. Trump (based on the triumphal speech on the occasion of his victory in the presidential elections) [Electronic resource]. – Access mode: <http://scipress.ru/philology/articles/argumentativnye-atractory-v-diskurse-d-trampa-na-materiale-triumfalnoj-rechi-po-sluchayu-pobedy-na-prezidentskikh-vyborakh.html>, free (date of access: 12/14/2025).

6. Bokmelder D. A. Strategies of persuasion in politics: discourse analysis based on modern English: author's abstract for the degree of Cand. of Phil. Sciences: 10.02.04 – Germanic languages, Irkutsk, 2000. 23 p.

7. Baranov A. N. Political metaphors of a journalistic text: possibilities of linguistic monitoring // *Language of the media as an object of interdisciplinary research: a tutorial* / ed. M. N. Volodin. Moscow: Moscow State University Press, 2003. pp. 134–140.

8. *Essays on modern political metaphorology: Monograph* / edited by A.P. Chudinov. Ekaterinburg, 2013. 176 p.

9. Addressing threats to the United States by the government of Cuba [Electronic resource]. Access mode: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/01/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-cuba/>, free (date of access: 02.02.2026).

10. RUBIO: This Is Our Hemisphere – and President Trump Will Not Allow Our Security to be Threatened [Electronic resource]. Access mode: <https://www.whitehouse.gov/articles/2026/01/rubio-this-is-our-hemisphere-and-president-trump-will-not-allow-our-security-to-be-threatened/>, free (date of access: 06.02.2026).

11. 'Joe must go': JD Vance leads attack on Biden as he takes RNC stage to promote Trump [Electronic resource]. Access mode: <https://www.the-independent.com/news/world/americas/us-politics/jd-vance-speech-rnc-2024-trump-b2581708.html>, free (date of access: 06.02.2026).

12. Read the Transcript of J.D. Vance's Convention Speech [Electronic resource]. Access mode: <https://www.nytimes.com/2024/07/17/us/politics/read-the-transcript-of-jd-vances-convention-speech.html>, free (date of access: 06.02.2026).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.028

*Тольяттинский государственный
университет,
доктор филологических наук,
профессор кафедры «Филология, лингвоэк-
пертология и медиакоммуникации»
Соколова М.Г.
Россия, г. Тольятти,
тел. +79649741851
e-mail: msok71@mail.ru*

*Tolyatti State University
Dr. Sc. (Philology)
Professor of the Department philology,
linguoexpertology and media communication
Sokolova M.G.
Russia, Togliatti,
тел. +79649741851
e-mail: msok71@mail.ru*

М.Г. Соколова

**ТЕКСТ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
ИТОГИ VIII ВСЕРОССИЙСКОЙ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ТЕКСТ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ,
КОММУНИКАТИВНЫЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ»**

M.G. Sokolova

**TEXT IN THE FOCUS OF MODERN LINGUISTICS: RESULTS OF THE VIII ALL-
RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
"TEXT: LINGUISTIC, LITERARY, COMMUNICATIVE
AND METHODOLOGICAL ASPECTS"**

С 16 по 17 апреля 2026 г. в Тольяттинском государственном университете состоялась VIII Всероссийская с международным участием научная конференция «Текст: лингвистический, литературоведческий, коммуникативный и методический аспекты», посвященная 75-летию со дня основания Тольяттинского государственного университета. Конференция объединила исследователей из различных регионов России и зарубежья, что обеспечило широкий научный диалог и междисциплинарный характер обсуждения проблем текста. В рамках мероприятия была организована работа 7 секций по актуальным научным направлениям: лингвистические проблемы текста; поэтика и интерпретация художественного текста; текст в аспекте межкультурной коммуникации; медиатекст в системе массовых коммуникаций; теория и практика лингвистической экспертизы текста; проблемы изучения и преподавания русского языка как иностранного; текст в аспекте методики изучения иностранных языков и культур.

В данной статье освещаются результаты исследований, обсуждавшихся на заседании секции «Лингвистические проблемы текста: научно-теоретический аспект». Наиболее отчетливо в прозвучавших докладах прослеживалось несколько ключевых проблем: методология лингвистического эксперимента, функционирование перфектных форм в древнерусских текстах, описание лексических семантик разного типа, взаимодействие языка и новых техноло-

гий, языковая креативность в нейминге, семиотика визуальных компонентов и активные языковые процессы в медиатекстах, анализ художественного текста с позиций разных научных парадигм, изучение интертекстуальности в дискурсивных практиках, новые технологии изучения русского языка.

Работа секции открылась выступлением доктора филологических наук, профессора кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ М.Г. Соколовой «Коннотативная семантика отфитонимных производных слов со значением лица», в котором рассматривались способы выражения интенсивных, оценочных, эмотивных, образных, функционально-стилистических компонентов коннотативной семантики отфитонимных антрополоксем в русском языке [1]. Особое внимание уделено словообразовательным средствам, метафорической мотивации, видам эмотивной оценочности анализируемых языковых единиц [2]. Полученные результаты расширяют представления о семантических механизмах коннотации и вносят вклад в системно-функциональное описание образных полей растительной лексики [3], [4].

Заведующий кафедрой филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ, кандидат филологических наук, доцент О.Д. Паршина в докладе «Настоящая провинция: выражение семантики эталонности репрезентантами семантического поля «Провинция» описала обозначенную семантику на основании анализа коллокаций репрезентантов семантического поля «Провинция» (провинция, глубинка, глушь, глухомань, захолустье, периферия, регион) с прилагательными эталонности [5], [6]. Среди полученных результатов отмечаются представления носителей русского языка о провинциальной территории страны, мотивирующие семантику эталонности [7].

Проблемы оценочной семантики были подняты старшим преподавателем кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ В.С. Бычковой в работе «Оценочные свойства лексемы «провинциал»: номинация лица как прагема». На основе анализа лексикографического портрета слова и текстов печатных СМИ выявляются прагматические особенности употребления данной лексемы в различных лексико-семантических вариантах [8], [9]. Автор приходит к выводу о сложности семантико-прагматической структуры лексемы «провинциал», включающей две формы оценочности [10], [11], [12].

Вопросы взаимодействия языка и новых технологий затронуты в исследовании доктора педагогических наук, доцента кафедры теории и истории педагогики факультета социального управления Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского Л.А. Грицай «Лингвистические особенности сгенерированного с помощью искусственного интеллекта текста», посвященного описанию лексических, синтаксических, композиционных, семантических, прагматических различий сгенерированного с помощью искусственного интеллекта текста в сопоставлении с авторским медиатекстом. Выделенные особенности сгенерированных текстов интерпретируются ученым с позиций текстолингвистики, когнитивной лингвистики и психолингвистики.

Р.С. Давыдова, преподаватель кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций и аспирант ТГУ, в выступлении «Окказиональные прагматонимы – фиктонимы в пищевой промышленности: анализ ассоциативных реакций в рамках экспериментального исследования» обращается к проблемам языковой креативности и нейминга в пищевой промышленности [13], [14]. На основе экспериментальных методов раскрываются особенности восприятия искусственно созданных обозначений товаров носителями языка [15]. Проведенный эксперимент позволяет сделать заключение о том, что визуализация прагматонимов в составе креолизованного текста снимает полисемию прагматонима и делает образ продукта в сознании покупателей более понятным и запоминающимся [16].

Тему визуально-вербального взаимодействия с психолингвистических позиций продолжил доклад кандидата филологических наук, преподавателя Анкарского университета Ф.У. Дюльгер «Особенности ассоциативного восприятия цвета шрифта на постерах к филь-

мам носителями русского языка». В работе выявляются и систематизируются образные ассоциации, связанные с восприятием цвета у носителей русского языка. Полученные результаты подтверждают прагматическую значимость визуальных элементов в структуре медиатекста.

Цвет как семиотический ресурс в современных медиатекстах является предметом исследования в работе кандидата филологических наук, доцента кафедры английского языка и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета С.В. Мичугиной «Полиmodalность цветообозначений в медиатекстах: стратегии взаимодействия вербальных и визуальных модусов». Автором проанализированы стратегии взаимодействия вербальных цветообозначений и цвета как визуального кода в рекламных и кинематографических текстах; выявлены функции цвета в зависимости от культурного контекста и жанровой специфики медиатекста [17]. Особое внимание уделено переводческим аспектам передачи цветовых кодов [18].

Методологическим аспектам лингвистических исследований посвящен доклад кандидатов филологических наук, научных сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН А.Е. Журавлёвой и Е.В. Корпечковой «Проблемы составления текстов лингвистических экспериментов». Авторы систематизируют требования к экспериментальным материалам на примере изысканий в области орфоэпии и предлагают рекомендации по обеспечению валидности результатов [19]. Данные рекомендации связаны с учетом особенностей восприятия респондентами текстов лингвистических экспериментов, а также лингвистических и экстралингвистических факторов при их составлении [20].

И.А. Измestьева, доктор филологических наук, профессор кафедры «Филология, лингвоэкспертология и медиакоммуникации» ТГУ в исследовании «Особенности перфектных форм в «Хожении за три моря Афанасия Никитина» раскрыла проблему возникновения на русской почве новых перфектных форм [21]. Проведенный анализ показал, что с помощью перфектных форм со вспомогательными глаголами есми и есмя передается актуальность сообщения в настоящий момент времени, точность и выразительность описания путешествия [22].

Активные словообразовательные процессы в медиапространстве отражены в совместном докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации В.Е. Замальдинова и курсанта факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации А.И. Нарышева «Новообразования суффиксоидного характера в текстах интернет-СМИ как средство выражения оценки». Авторы провели комплексное описание продуктивных моделей словообразования и пришли к выводам о том, что рассматриваемые неологизмы обладают оценочностью, акцентируют внимание адресата чаще всего на негативной информации, отражают процессы, происходящие в социально-политической сфере общества [23], [24].

В пленарном выступлении доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета Л.В. Калининой «Художественный текст как источник изучения семантики неуловимого (на примере сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь»)» раскрывается имплицитная семантика неуловимого как средство иронической характеристики главного персонажа [25], [26].

Художественный текст в аспекте изучения тропов и стилистических фигур на уроках русского языка в старших классах стал объектом исследования в работе магистранта Самарского государственного социально-педагогического университета М.В. Михайловой «Средства авторской модальности в прозе В.В. Набокова при углубленном изучении русского языка в старших классах», выполненной под научным руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Са-

марского государственного социально-педагогического университета Е.П. Иванян [27], [28]. Авторы обосновывают методическую ценность текстов писателя для углубленного освоения средств художественной выразительности [29], [30].

Н.Н. Немич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» г. Сызрань, в докладе «Образ Эльдорадо в русской поэзии XIX–XX веков: лингвопоэтический аспект» представила метафорические модели репрезентации образа Эльдорадо [31] и трансформации данного культурного концепта в поэтическом дискурсе [32].

М.Н. Запорожец, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы МБУ «Школа № 47» г. Тольятти, в работе «Особенности употребления относительных прилагательных в тексте типа описание портрета на материале художественного стиля» предложила анализ переносно-метафорических значений относительных прилагательных, определила их роль в текстообразовании [33].

Проблема интертекстуальности раскрывается в выступлении преподавателя кафедры «Филология, лингвоэкспертология и медиакommunikации» ТГУ Д.Р. Резникова «Прецедентные феномены «Гулистан» и «березовый ситец» в стихотворении Т.Ю. Кибирова «Шаганэ». Автор рассматривает функционирование прецедентных единиц на денотативном и коннотативном уровнях их значения с учетом контекста и интертекстуальных связей [34].

В совместном докладе преподавателя английского языка Ростовского технологического техникума сервиса Е.М. Жуковой и доктора культурологии, доцента Передовой инженерной школы Южного федерального университета Ю.В. Рьжова «Библеизмы в современном политическом дискурсе и их потенциал для актуализации традиционных ценностей» описываются когнитивные механизмы воздействия библейских аллюзий в политической коммуникации, способы введения библейских единиц в политический текст, их трансформация и адаптация к современным социальным реалиям.

Методические аспекты изучения текста представлены в исследованиях учителя МБОУ г. Тольятти «Школа №1 имени Виктора Носова» А.П. Акимовой и старшего преподавателя кафедры русского литературоведения Бухарского государственного педагогического института Н.Н. Розиковой. А.П. Акимова в докладе «Использование элементов геймификации на уроках русского языка в 5-7 классах как способа повышения учебной мотивации» выделяет универсальные элементы геймификации, доказавшие эффективность в практике их применения на уроках русского языка в 5–7-х классах. В работе Н.Н. Розиковой «Текст как средство формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся» рассматриваются теоретико-методические особенности лингвистического, коммуникативного, структурно-смыслового и лингвостилистического анализа художественного текста в аспекте интерпретации культурной информации [35].

В заключение отметим, что результаты работы секции отражают устойчивое развитие лингвистики текста и обозначают перспективы дальнейших исследований в условиях современной коммуникативной среды. Доклады продемонстрировали расширение исследовательского поля лингвистики текста, охватывающего как традиционные направления, так и новые подходы, связанные с развитием цифровых технологий и медиакommunikации.

Библиографический список

1. Соколова М.Г. Фитонимы со значением лица: эмотивно-оценочный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31. № 3. С. 158-166. DOI 10.18287/2542-0445-2025-31-3-158-166.

2. Соколова М.Г., Смоленкова П.А. Фитонимы как репрезентанты растительной словообразовательной метафоры в русском языке // Наука и культура России. 2025. Т. 1. С. 165-169.

3. Соколова М.Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII-XX веков : системно-функциональный подход : монография. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2020. 183 с.

4. Тарасенко Д.Ю., Соколова М.Г., Паршина О.Д. Символические функции наименований цветов в аспекте сопоставления поэтических идиостилей // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 9. С. 339-345. DOI 10.24422/MCITO.2018.9.16685.

5. Паршина О.Д. Семантические роли номинации «глушь» в категоризации пространства русской провинции // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XIV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 10 марта 2023 года. Т. 14. СПб : Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 217-221.

6. Паршина О.Д. Лексема «глухомань» как пейоративная номинация русской провинции // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 4(55). С. 763-773. DOI 10.34680/2411-7951.2024.4(55).

7. Parshina O.D., Gurova I.V., Gudkova S.A. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for “province” lexical unit. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences : Proceedings of the International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), Samara, October 21–23, 2021. Vol. 119. Samara, 2021. P. 220-227.

8. Бычкова В.С. Образ провинциала в текстах СМИ: субстантивная сочетаемость номинации лица // Социальные коммуникации в цифровую эпоху : Сборник тезисов I Национальной междисциплинарной научно-практической конференции, Тольятти, 28–29 ноября 2024 года. М. : Спутник+, 2025. С. 90-92.

9. Бычкова В.С. Особенности адъективной сочетаемости номинации «провинциал» в текстах средств массовой информации // Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли : Материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 30 октября 2024 года. Самара: Научно-технический центр, 2024. С. 246-254.

10. Бычкова В.С. Провинциал vs провинциалка: семантико-прагматический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 9. С. 2851-2859.

11. Бычкова В.С., Паршина О.Д. Роль лексико-семантических процессов в формировании значений номинации провинциал // Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2025. С. 11-16.

12. Бычкова В.С. Средства интенсификации пейоративной оценки номинации «провинциальчик» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 4(55). С. 753-762.

13. Давыдова Р.С. Графикация как способ образования прагматонимов -фиктонимов пищевой промышленности // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве : Материалы VI Международной научной конференции, Воронеж, 16–18 апреля 2025 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. С. 20-23

14. Давыдова Р.С. Образование по конкретному образцу как вид окказионального словообразования прагматонимов - фиктонимов пищевой промышленности. Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2025. С. 17 – 21.

15. Давыдова Р.С. Тенденции номинации в сфере прагматонимов детского питания. Наука молодых: сборник статей участников XVII Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 426 – 428.

16. Давыдова Р.С. Характеристика тенденций окказионального словообразования прагматонимов - фиктонимов пищевой промышленности. Ономастика Поволжья : сборник материалов XXIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Астрахань, 2025. С. 360 – 363.

17. Мичугина С.В. Субъективное и объективное в восприятии и категоризации цветообозначений // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 310-316. DOI 10.20916/2071-9639-2016-25-310-316.

18. Мичугина С.В. Термины цвета как маркеры этно- и социокультурной идентичности в глобальном мире // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур : сборник материалов XVIII Междунар. науч.-практ. конф., 23 декабря 2025 года / науч. ред. М.А. Дрога. Белгород: Эпицентр, 2026. С. 330-333.

19. Журавлёва А.Е., Корпечкова Е.В. Особенности акцентуации кратких имен прилагательных с приставкой не- // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. № 1. С. 192-199.

20. Журавлёва А.Е. Современные тенденции в произношении групп согласных // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 1. С. 13-19.

21. Измestьева И.А. Отражение временных форм в «Хожении за три моря Афанасия Никитина» // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты: VI Международная научная конференция: сборник материалов / под ред. Г.Н. Тараносовой, И.А. Измestьевой. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2019. С. 17-24.

22. Измestьева И.А. Из истории падения редуцированных гласных: монография. Тольятти: ТГУ, 2008. 151 с.

23. Замальдинов В.Е. Интернациональные словообразовательные морфемы как отражение социокультурных реалий // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания: (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2016 года. Нижний Новгород : Деком, 2016. С. 292-296.

24. Замальдинов В.Е. Новообразования-гибриды в текстах современной медиакommunikации // Медиалингвистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 210-219.

25. Калинина Л.В. Актуальная лексика 2020 года в свете семантики неуловимого. // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 150-154.

26. Калинина Л.В. Лексема неуловимый и перцептуальное пространство наблюдателя // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : Сб. науч. трудов. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2023. С. 68-77.

27. Иванян Е.П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4(25). С. 59-62.

28. Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвозекологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта, Москва, 24–25 ноября 2017 года / Н.Б. Самсонов (отв. ред.). М. : Московский государственный областной университет, 2017. С. 331-333.

29. Иванян Е.П., Айрян З.Г. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 133-150.

30. Иванян Е.П., Иванова П.С. Сравнение ольфакторного модуса перцепции в современной художественной литературе и парфюмерном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 6. С. 1725-1731.

31. Немич Н.Н. Лингвистические исследования ирреальных топонимов // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: Материалы VI Международной научной конференции, Воронеж, 16–18 апреля 2025 года. Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2025. С. 47–50.

32. Немич Н.Н. Образ Эльдорадо в художественном дискурсе: семантика и функции // Семантика. Функционирование. Текст: межвузовский сборник научных трудов. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2025. С. 147–152.

33. Запорожец М.Н. Особенности функционирования прилагательного медный в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина». URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/11/04/osobennosti-funktsionirovaniya-prilagatel'nogo-mednyu-v> (дата обращения: 15.04.2026).

34. Резников Д.Р. Прецедентные феномены в раннем творчестве Т.Ю. Кибирова (на примере стихотворения «Шаганэ») // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета : Материалы конференции, Нижневартовск, 05–06 апреля 2022 года. Т. 7 / под общей ред. Д.А. Погоняшева. Нижневартовск: Нижневартковский государственный университет, 2022. С. 470–475.

35. Розикова Н.Н. Лингвокультурологические особенности художественного текста // Вестник Ургенчского государственного педагогического института. 2025. № 1. С. 114–118.

References

1. Sokolova M.G. Phytonyms with the meaning of a person: emotive-evaluative and linguocultural aspects. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2025. Vol. 31. No. 3. Pp. 158–166. DOI: 10.18287/2542-0445-2025-31-3-158-166.

2. Sokolova M.G., Smolenkova P.A. Phytonyms as representatives of plant word-formation metaphor in the Russian language. Nauka i kul'tura Rossii. 2025. Vol. 1. Pp. 165–169.

3. Sokolova M.G. Evolution of constituents of figurative fields of dendronyms in Russian poetry of the 18th–20th centuries: a system-functional approach: monograph. Tolyatti, Tolyatti State University publ., 2020. 183 p.

4. Tarasenko D.Yu., Sokolova M.G., Parshina O.D. Symbolic functions of flower names in the aspect of comparing poetic idiostyles. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept». 2018. No. 9. Pp. 339–345. DOI: 10.24422/MCITO.2018.9.16685.

5. Parshina O.D. Semantic roles of the nomination “glush” in categorizing the space of the Russian province. In: Capital and provinces: relations between the center and regions in Russian history: Proceedings of the XIV All-Russian scientific conference, St. Petersburg, March 10, 2023. Vol. 14. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University publ., 2023. Pp. 217–221.

6. Parshina O.D. The lexeme “glukhomany” as a pejorative nomination of the Russian province. Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. No. 4(55). Pp. 763–773. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.4(55).

7. Parshina O.D., Gurova I.V., Gudkova S.A. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for “province” lexical unit. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences : Proceedings of the International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), Samara, October 21–23, 2021. Vol. 119. Samara, 2021. Pp. 220–227.

8. Bychkova V.S. The image of a provincial in media texts: substantive combinability of person nomination. In: Social communications in the digital era: Proceedings of the I National interdisciplinary scientific-practical conference, Tolyatti, November 28–29, 2024. Moscow, Sputnik+ publ., 2025. Pp. 90–92.

9. Bychkova V.S. Features of adjectival combinability of the nomination “provincial” in mass media texts. In: Traditions and innovations in the development of linguistic and methodological

thought: Proceedings of the International scientific-practical conference, Samara, October 30, 2024. Samara, Scientific and Technical Center publ., 2024. Pp. 246–254.

10. Bychkova V.S. Provincial vs provincialska: semantic-pragmatic aspect. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2022. Vol. 15. No. 9. Pp. 2851–2859.

11. Bychkova V.S., Parshina O.D. The role of lexical-semantic processes in the formation of the meaning of the nomination “provincial”. In: *Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers*. Kirov, Raduga-PRESS publ., 2025. Pp. 11–16.

12. Bychkova V.S. Means of intensifying the pejorative evaluation of the nomination “provintsial’chik”. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. No. 4(55). Pp. 753–762.

13. Davydova R.S. Graphixation as a way of forming pragmatonyms–fictonyms in the food industry. In: *Linguocultural universals in the global space: Proceedings of the VI International scientific conference, Voronezh, April 16–18, 2025*. Voronezh, Voronezh State Technical University publ., 2025. Pp. 20–23.

14. Davydova R.S. Formation by a specific model as a type of occasional word formation of pragmatonyms–fictonyms in the food industry. In: *Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers*. Kirov, Raduga-PRESS publ., 2025. Pp. 17–21.

15. Davydova R.S. Trends in nomination in the field of baby food pragmatonyms. In: *Science of the young: Proceedings of the XVII All-Russian scientific-practical conference*. Arzamas, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod publ., 2025. Pp. 426–428.

16. Davydova R.S. Characteristics of trends in occasional word formation of pragmatonyms–fictonyms in the food industry. In: *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XXIII International scientific conference “Onomastics of the Volga Region”*. Astrakhan, 2025. Pp. 360–363.

17. Michugina S.V. Subjective and objective in perception and categorization of color terms. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2016. No. 25. Pp. 310–316. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-310-316.

18. Michugina S.V. Color terms as markers of ethno- and sociocultural identity in the global world. In: *Language as a factor of integration of educational systems and cultures: Proceedings of the XVIII International scientific-practical conference, December 23, 2025*. Belgorod, Epitsentr publ., 2026. Pp. 330–333.

19. Zhuravleva A.E., Korpechkova E.V. Features of stress in short adjectives with the prefix *ne-*. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 2025. No. 1. Pp. 192–199.

20. Zhuravleva A.E. Modern trends in the pronunciation of consonant clusters. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. Vol. 44. No. 1. Pp. 13–19.

21. Izmestyeva I.A. Reflection of tense forms in “The Journey Beyond Three Seas” by Afanasy Nikitin. In: *Text: philological, sociocultural, regional and methodological aspects: Proceedings of the VI International scientific conference*, ed. by G.N. Taranosova, I.A. Izmestyeva. Tolyatti, TSU publ., 2019. Pp. 17–24.

22. Izmestyeva I.A. From the history of the fall of reduced vowels: monograph. Tolyatti, TSU publ., 2008. 151 p.

23. Zamal’dinov V.E. International word-formation morphemes as a reflection of sociocultural realities. In: *Scientific heritage of B.N. Golovin in the light of current problems of modern linguistics: Proceedings of the International scientific conference, Nizhny Novgorod, September 28–30, 2016*. Nizhny Novgorod, Dekom publ., 2016. Pp. 292–296.

24. Zamal’dinov V.E. Hybrid neologisms in texts of modern media communication. *Medialingvistika*. 2022. Vol. 9. No. 3. Pp. 210–219.

25. Kalinina L.V. Relevant vocabulary of 2020 in the light of the semantics of the elusive. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2021. No. 3(46). Pp. 150–154.

26. Kalinina L.V. The lexeme “elusive” and the perceptual space of the observer. In: Problems of conceptualization of reality and modeling of the linguistic worldview. Kirov, Interregional Center for Innovative Technologies in Education publ., 2023. Pp. 68–77.
27. Ivanyan E.P. Vocabulary and phraseology of punishment in Russian discourse: toward problem statement. *Baltiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*. 2018. Vol. 7. No. 4(25). Pp. 59–62.
28. Ivanyan E.P. Metaphors of pedagogical speech: a linguo-ecological aspect. In: Rational and emotional in the Russian language: Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 85th anniversary of Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Professor of Moscow State Regional University, professor Pavel A. Lekan. Moscow, November 24–25, 2017 / ed. by N.B. Samsonov. Moscow, Moscow State Regional University publ., 2017. Pp. 331–333.
29. Ivanyan E.P., Ayryan Z.G. The poem “Razdan” by G. Alishan: multiplicity of meanings, interpretations, translations. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 12. Pp. 133–150.
30. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Comparison of the olfactory mode of perception in modern fiction and perfume internet discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1725–1731.
31. Nemich N.N. Linguistic research of surreal. In: Linguistic and cultural universals in the world space: Proceedings of the VI International Scientific Conference, Voronezh, April 16-18, 2025. Voronezh: Voronezh State Technical University publ., 2025. Pp. 47-50.
32. Nemich N.N. The image of Eldorado in artistic discourse: semantics and functions. In: *Semantics. Functioning. Text: interuniversity collection of scientific papers*. Kirov: Raduga PRESS publ., 2025. Pp. 147-152.
33. Zaporozhets M.N. Features of the functioning of the adjective “mednyi” in M. Gorky’s novel “The Life of Klim Samgin”. URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/11/04/osobennosti-funktsionirovaniya-prilagatelno-mednyy-v> (accessed – 15.04.2026).
34. Reznikov D.R. Precedent phenomena in the early works of T.Yu. Kibirov (on the example of the poem “Shagane”). In: Proceedings of the XXIV All-Russian student scientific-practical conference of Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, April 5–6, 2022. Vol. 7 / ed. by D.A. Pogonyshchev. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University publ., 2022. Pp. 470–475.
35. Rozikova N.N. Linguocultural features of a literary text. *Vestnik Urgenchskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2025. No. 1. Pp. 114–118.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.029

*СФ ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат филологических наук,
доцент, заместитель заведующего кафедрой
филологии и межкультурной коммуникации
Лысова О.Ю.
Россия, г. Самара,
тел. +79063386498
e-mail: olgha_lysova@mail.ru*

*MCU Samara Campus,
Ph.D. in Philology
associate professor deputy head of the
Department of Philology and Intercultural
Communication
O.Yu. Lysova
Russia, Samara,
тел. +79063386498
e-mail: olgha_lysova@mail.ru*

*Самарский государственный
социально-педагогический университет,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, культуры
речи и методики их преподавания*

*Осипова Н.Д.
Россия, г. Самара,
тел. +79171129514
e-mail: osipova@sgspu.ru*

*Samara State University of Social Sciences
and Education
Ph.D. in Philology
associate professor of the Department of
Russian Language, Speech Culture and
Teaching Methodology
Osipova N.D.
Russia, Samara,
tel. +79171129514
e-mail: osipova@sgspu.ru*

О.Ю. Лысова, Н.Д. Осипова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Е.П. ИВАНЯН

O.Yu. Lysova, N.D. Osipova

TOPICAL ISSUES IN THE STUDY AND TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE: METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE E.P. IVANYAN SCIENTIFIC SCHOOL

Традиционный методологический семинар научной школы доктора филологических наук, профессора Е.П. Иванян «Динамические процессы в лексике и грамматике» по теме «Актуальные вопросы изучения и преподавания русского языка» состоялся 4 марта 2026 г. в Самарском государственном социально-педагогическом университете. В научном мероприятии приняли участие преподаватели, сотрудники и аспиранты вузов самарского региона: Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Самарского филиала Московского государственного городского педагогического университета (СФ МГПУ), филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» г. Сызрани (филиал ВУНЦ ВВС «ВВА»), Вольского военного института материального обеспечения (ВВИМО).

Методологический семинар научной школы, который традиционно проходит три раза в год, посвящен актуальным вопросам лингвистики в сфере изучения специфики бытования

языковых единиц в различных типах современного русского дискурса и языковых маркеров русской языковой картины мира.

Доклад Е.П. Иванян «Изучение семантики и прагматики языковых единиц на разных уровнях образования», открывший заседание семинара, был посвящен активно разрабатываемой в научной школе проблеме исследования семантики и прагматики языковых единиц в лингвистической русистике, см., напр. [1] и возможности внедрения результатов по названной теме в практике вузовского преподавания.

Е.П. Иванян рассказала об особенностях авторского электронного курса, внедренного в электронно-информационную образовательную среду СГСПУ. Основой электронного курса явились труды исследователя по теории эвфемии [2; 3; 4] и другие семантические изыскания [5]. Магистранты, обучающиеся по направлению подготовки «Педагогическое образование», получают важный инструмент, оптимально учитывающий многие нюансы педагогического дискурса [6]. Выступление Е.П. Иванян плавно перешло в профессиональную дискуссию необходимости в вузе практико-ориентированных электронных курсов, сопряженного сосуществования научного диалога по актуальным вопросам филологии с практикой преподавания её на разных уровнях образования [7; 8].

Д.фил.н., профессор кафедры «Русский язык, литература и лингвокриминалистика» ТГУ М.Г. Соколова в докладе «Фитонимные метафоры «растение – человек»: эмотивно-оценочный компонент» рассмотрела семантику фитонимных метафор «растение – человек» в эмотивно-оценочном аспекте. Выявлены образы сравнения фитонимных метафор, номинирующих лицо, определяющих эмотивную окраску данных единиц; представлена классификация видов эмотивной окраски, см. напр. [9; 10]. При обращении к Национальному корпусу русского языка и лексикографическим данным установлены сферы функционирования фитонимных метафор в различных типах дискурсов.

Д.фил.н., профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации СГСПУ А.М. Ключина представила доклад на тему «Семантическое пространство крайностей в системе образов романа М.Салтыкова-Щедрина “Господа Головлевы”». Работа выполнена в русле научных изысканий автора, см. [11; 12]. Новизна исследования заключается в применении концепции семантического пространства к анализу художественного текста: впервые система образов романа рассматривается через призму бинарных оппозиций, формирующих особую смысловую структуру произведения. Детально проанализированы образы членов семьи Головлевых (Арины Петровны, Иудушки, Степана, Павла и др.) как воплощения различных граней нравственного распада. Особое внимание уделено языковым единицам, репрезентирующим семантику крайности в речевой характеристике персонажей, описании бытовых деталей, подчеркивающих проявление крайности их состояний и поступков.

В докладе к.фил.н., заведующего кафедрой филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ О.Д. Паршиной были представлены результаты исследования параметрических прилагательных с семантикой нормы в сочетании с репрезентантами семантического поля «Провинция». Одной из особенностей прагматики указанных репрезентантов [13; 14], ср. также [15] автор считает их способность сочетаться с параметрическими именами прилагательными со значением нормы. В результате анализа определено, что наиболее частотными являются сочетания с прилагательными *обычный* и *типичный*, коллокации с другими прилагательными можно отнести к малочастотным и единичным. Параметрическая семантика нормы у данных прилагательных формируется в процессе сравнения объектов, в результате чего возникает либо отождествление свойств объектов, либо их противопоставление.

К.фил.н., заведующий кафедрой дошкольного образования СГСПУ И.В. Гурова представила доклад на тему «Неодериват жабогадюкинг в русском дискурсе». Охарактеризованы семантические и грамматические особенности, а также синтагматика неодеривата *жабогадюкинг*, областью бытования которого являются публицистический и разговорный стили.

Выявлены способы введения лексемы в текст: 1) толкование слова – комментарий сигнификативного аспекта семантики производной единицы; 2) употребление неогерматива в качестве повторной номинации; 3) рассуждения о происхождении, строении слова [16] и др.

В совместном выступлении И.В. Гуровой и к.фил.н., доцента кафедры дошкольного образования СГСПУ Н.В. Гонновой представлен опыт организации в вузе олимпиад по культуре речи для разных групп участников: обучающихся 10-11 классов общеобразовательных школ; студентов учреждений среднего профессионального образования; студентов высших учебных заведений; молодых педагогов дошкольного образования и учителей начальных классов [17; 18]. Приведены примеры олимпиадных заданий («Блицтурнир», «Анализ педагогических высказываний», «Буклет о культуре речи», «Орфографический марафон “Я русский”» и др.), критерии и показатели их оценивания.

В докладе «Природно-ландшафтный код русской культуры и семантика фразеологизмов» к.фил.н., доцент кафедры филологии и межкультурной коммуникации СФ МГПУ О.Ю. Лысова дала краткое лингвокультурологическое описание компонентов указанного кода. Исследователь отметила, что при изучении реализации природно-ландшафтного кода культуры во фразеологии возможно выявление семантико-символического содержания ключевых компонентов, описание межъязыковых параллелей, а также воссоздание фрагментов русской фразеологической картины мира [19; 20].

В докладе к.фил.н., руководителя кафедры русского языка и литературы ГБОУ СОШ «ОЦ «Южный город» С.И. Симоновой «Н.В. Гоголь: у истоков эвфемизации в русской прозе» была освещена специфика средств эвфемизации в художественном творчестве Н.В. Гоголя. Основное внимание было сосредоточено на периодах его творчества, системе средств метонимизации заменяющих наименований [21], показано, что в художественном пространстве данного мастера слова процесс эвфемизации можно характеризовать как лингвокультурную универсалию, см. [22].

К.фил.н., доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Н.Д. Осипова в докладе «Формирование гражданской ответственности студентов средствами дисциплины “Педагогическая риторика”» поделилась опытом работы с убеждающей речью в рамках риторической подготовки будущих педагогов [23].

В выступлении к.фил.н., доцент кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» Н.Н. Немич освещена проблема семантико-прагматических функций невыразимого как лингвистической категории, обеспечивающей репрезентацию перцептивно-оценочных значений [24] в структуре современного газетного дискурса. На материале газетных текстов анализируются конститuentы семантики невыразимого [25], выполняющие роль маркеров сенсорных модусов перцепции, ср. [26]. Представлены выводы о роли семантики невыразимого в формировании языковой картины мира и возможности расширения выразительных средств языка для выражения сенсорного опыта человека.

Доклад старшего преподавателя кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ В.С. Бычковой был посвящен описанию средств вербальной репрезентации интеллектуальной оценки образа провинциала [27; 28]. Рассмотрены единицы разных языковых уровней (словообразовательного, лексико-фразеологического, морфологического и синтаксического), репрезентирующие признак интеллектуальной градуированности.

Ассистент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ М.С. Агафонцев в докладе «Расширение семантического объема лексики и фразеологии русского языка с семантикой нанесения вреда» предпринял попытку описать явление расширения лексемы *проект* в современном русском языке. Установлено, что денотативное значение лексемы в настоящее время дополняется в связи с экстралингвистическими факторами, ср. [29; 30; 31], среди которых развитие деловой индустрии, медиакоммуникаций, появление грантовой поддержки в различных сферах деятельности человека.

В докладе преподавателя кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ, аспиранта Р.С. Давыдовой представлены результаты экспериментального исследования ассоциативного восприятия окказиональных прагматонимов-фиктонимов. Проанализированы реакции респондентов как на словесное обозначение товарных наименований, так и на креолизованные тексты – комбинации вербального и визуального компонентов, представленных на упаковках товаров. Полученные данные позволяют глубже понять механизмы формирования потребительского восприятия бренда и могут быть полезны в лингвистической экспертизе нейминга, а также при создании дизайна упаковки [32; 33].

Преподаватель кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ, аспирант Д.Р. Резников представил выступление на тему «Прецедентные феномены как метафорическое отождествление в стихотворении Т.Ю. Кибирова “Песнь о Ленине”». В выступлении отражено исследование путей реализации прецедентных феноменов в поэтическом тексте [34; 35] как метафорической конструкции в поэме Т.Ю. Кибирова «Песнь о Ленине». Рассмотрены взаимодействие эксплицитного и имплицитного уровней текста, особенности семантической трансформации и прагматический эффект высказывания. Проанализированы механизмы смыслообразования при взаимодействии различных текстовых пластов: от ломоносовского «высокого штиля» до современной поэтической интерпретации.

Соискатель кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Е.Н. Полякова выступила с докладом «Номинации внебрачного ребенка в молодежной литературе 1920-х гг.: особенности функционирования», отражающим многолетнее исследование номинаций внебрачных родственных связей [36; 37]. Показано, что состав семантического поля в молодежной литературе 1920-х гг. демонстрирует влияние экстралингвистических факторов: языкового табу, патриархальной парадигмы ценностей, гуманистических идеалов, новой социальной политики формирующегося государства, направленной на «уравнивание» рожденных в браке и вне его и др. Употребление исследуемых языковых единиц ограничено социально-историческим контекстом. Номинации внебрачного ребенка в литературе 1920-х гг. выступают в качестве одного из средств социальной идентификации.

Аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ А.Н. Баранов в докладе «Образ-сравнение дендронима “липа” в русской поэзии» рассмотрел дендроним *липа* в качестве образа-сравнения в русской поэзии XIX–XX веков с точки зрения семантики и символики. Определена частотность употребления дендронима поэтами XIX–XX веков. Отмечено, в качестве каких образов-сравнений и образов-символов используется данный дендроним; выявлено, как менялось восприятие образа липы в русской поэзии в зависимости от исторической эпохи и литературных направлений писателей.

Доклад аспиранта М.Р. Мирошниченко был посвящен анализу омокомплекса *того* в координатах лингвоаксиологии. Рассмотрена связь семантики *того* с категорией оценки, понятием нормы и оппозицией «своё-чужое», закреплённой в культурной и мифопоэтической традиции [38]. Показано, что отрицательные лексико-семантические варианты слова *того* соотносятся с зоной отклонения от должного, а местоименная природа омокомплекса обуславливает реализацию оценки в функции замещения и тенденцию к снижению категоричности высказывания [39].

В докладе преподавателя кафедры русского языка ВВИМО, аспиранта Г.Н. Агровой «О христианстве и язычестве в стихах Б. Ахмадулиной, содержащих дендроним *ель* и его дериваты» рассматривается формирование семантической параллели «христианство-язычество» в стихотворениях Б. Ахмадулиной [40], характеризуется авторская интерпретация персонифицированного образа ели [41].

Методологический семинар является важной площадкой для профессионального диалога и обмена опытом между представителями вузов Самарского региона, что способствует развитию научных связей и укреплению педагогического сообщества. Подобные мероприя-

тия подчеркивают роль научной школы как центра методологической поддержки молодых ученых и ведущих специалистов в области языкознания.

Библиографический список

1. Айрян З.Г., Иванян Е.П. Стихотворение Г. Алишана «Раздан»: поливариантность смыслов, интерпретаций, переводов // Научный диалог. 2020. № 12. С. 133–150.
2. Иванян Е.П. Бытовые эвфемизмы в русском, польском и английском языках (на материале эвфемизмов туалетной темы): монография / Е.П. Иванян, Х. Кудлинская-Стемпень, И.Н. Никитина. Москва : Флинта, 2013. 208 с.
3. Иванян Е.П. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы / Е.П. Иванян, Х. Кудлинская-Стемпень, И.Н. Никитина. Москва: Флинта, 2013. 167 с.
4. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е.П. Иванян. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2022. 121 с.
5. Иванян Е.П. Семантика еды в лингвистических изысканиях: результаты и перспективы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1–4. С. 795–797.
6. Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмо-циональное в русском языке. сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почётного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. Отв. ред. Н.Б. Самсонов. 2017. С. 331–333.
7. Иванян Е.П., Белкина Ю.А. Научная коммуникация как способ организации и презентации региональной науки в виртуальном пространстве // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2–4. С. 857–860.
8. Иванян Е.П., Кочетова Н.Г., Иванова П.С. Лаборатория лингвистических смыслов: международные конкурсы студенческой декламации // Русистика без границ. 2020. Т. 4. № 2. С. 123–127.
9. Соколова М.Г. Динамика образа клена в лирике С.А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границ. 2017. Т. 1. № 4. С. 35–40.
10. Соколова М.Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII–XX веков: системно-функциональный подход. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2020. 183 с.
11. Ключина А.М. Проявление крайности в образах персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK222.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).
12. Ключина А.М. Проявление крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 6. С. 1849–1855.
13. Паршина О.Д., Иванян Е.П. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века // Научный диалог. 2020. № 8. С. 123–140.
14. Паршина О.Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3859–3868.
15. Иванян Е.П. К вопросу о проприальных единицах Российской провинции // Наука и культура России. 2022. Т. 1. С. 119–122.
16. Гурова И.В. Лингвистические феномены в синхронии и диахронии: региональный методологический семинар научной школы профессора Е.П. Иванян // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. №4 (59). С. 185–194.
17. Гоннова Н.В. Формирование культуры речи будущего учителя начальных классов // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 10. С. 181–187.

18. Гурова И.В., Гоннова Н.В. Современные подходы к филологическому образованию обучающихся на уровнях дошкольного, начального общего и основного общего образования // Артемовские чтения «Продуктивное обучение: опыт и перспективы»: материалы XV Международной научной конференции. Отв. ред. Л.В. Лысогорова. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2023. С. 46–52.

19. Лысова О.Ю. Внутренняя форма слова в отечественном языкознании XX-XXI веков: обзор становления и употребления термина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 9. С. 2870–2876.

20. Лысова О.Ю. Внутренняя форма фразеологизмов русского языка: семантический аспект. Монография / Под общей редакцией Е.П. Иванян. Самара: издательство «Инсома-пресс», 2023. 192 с.

21. Айтасова С.И. Особенности метонимизации смягчающих наименований в творчестве Н.В. Гоголя // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. Материалы седьмой международной научно-практической конференции. 2012. С. 19–24.

22. Симонова С.И. Эвфемизация как лингвокультурная универсалия творчества Н.В. Гоголя // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции. Воронеж., 2025. С. 257–260.

23. Осипова Н.Д. Лингвистический кружок «Язык и мир» как форма работы в рамках дисциплины «Педагогическая риторика» в вузе // Русистика без границ. 2024. Т. 8. № 1. С. 96–102.

24. Немич Н.Н. Репрезентанты семантики невыразимого как маркеры передачи эмоций и чувств // Методологические и лингводидактические аспекты изучения языка и речи: Материалы V всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2023. С. 79–88.

25. Немич Н.Н. Репрезентация ольфакторной лексики в современном газетном тексте // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 2(57). С. 200–210.

26. Иванян Е.П., Иванова П.С. Сравнение ольфакторного модуса перцепции в современной художественной литературе и парфюмерном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 6. С. 1725–1731.

27. Бычкова В.С. Взаимоотношения центра и регионов, вербализованные в языковой паре «москвич–провинциал» // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всероссийской научной конференции. Выпуск 14. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 222–225.

28. Бычкова В.С. Образ типичных провинциала / провинциалки в текстах СМИ // Пушкинские чтения – 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: Материалы XXIX Международной научной конференции. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 330–335.

29. Иванян Е.П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4(25). С. 59–62.

30. Агафонцев М.С. Характеристика лексики и фразеологии наказания в семейном дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 10–19.

31. Агафонцев М.С. Виды переносного значения в основе фразеологизмов семантики физического наказания индивидуума // Русистика без границ. 2025. Т. 9, № 1. С. 15–24.

32. Давыдова Р.С. Графиксация как способ образования прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной конференции. Воронеж, 2025. С. 20–23.

33. Давыдова Р.С. Тенденции номинации в сфере прагматонимов детского питания // Наука молодых: Сборник статей участников XVII Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2025. С. 426–428.

34. Резников Д.Р., Паршина О.Д. Прецедентные имена советских государственных деятелей в поэтических текстах Т.Ю. Кибирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 12. С. 4289–4296.

35. Резников Д.Р. Прецедентные феномены в текстах произведений А.В. Кивинова «Обнесенные ветром» и «Целую, Ларин» // Поволжский педагогический вестник. 2024. Т. 12. № 2(43). С. 87–94.

36. Полякова Е.Н. Лингвоцинизация микрополя «последствия внебрачных половых отношений» в дискурсе 1920-х годов как отражение аксиологических ориентиров общества начала XX века // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием для молодых ученых. Отв. ред. Р.Р. Лукманова. Уфа, 2018. С. 239–248.

37. Полякова Е.Н. Лексикографический портрет лексемы бастард // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. №3. URL: <https://sflk-mn.ru/PDF/07FLSK325.pdf> (дата обращения: 29.03.2026).

38. Мирошниченко М.Р. Актуальные вопросы изучения местоимений и местоименных слов в лингвистической русистике // Наука молодых : Сборник статей участников XVII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию педагогического образования в Арзамасе, Арзамас, 20–21 ноября 2024 года. Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 441–444.

39. Мирошниченко М.Р. Развитие идей В.В. Бабайцевой в изучении функциональных омонимов: современное состояние научной области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 2. С. 470–479.

40. Агрова Г.Н. Параллель христианство – язычество в лирике Б. Ахмадулиной, содержащей дендроним ель и его дериваты // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2025. С. 57–64.

41. Агрова Г.Н. Ольфакторный модус перцепции в поэзии Ю. Мориц, посвящённый ёлке // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: сб. ст. XVI Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения проф. В.Ф. Киприянова. Владимир, 2025. С. 34–40.

References

1. Ivanyan, E.P., Ayryan, Z.G. G. Alishan's poem «Hrazdan»: Polyvariety of Meanings, Interpretations, Translations. Nauchnyi dialog. 2020. No. 12. Pp. 133–150.

2. Ivanyan E.P. Everyday euphemisms in Russian, Polish and English (based on toilet-related euphemisms): monograph / E.P. Ivanyan, H. Kudlinskaya-Stempen, I.N. Nikitina. Moscow: Flinta, 2013. 208 p.

3. Ivanyan E.P. Multilingual Dictionary of Toilet-Related Euphemisms / E.P. Ivanyan, H. Kudlinskaya-Stempen, I.N. Nikitina. Moscow: Limited Liability Company «FLINTA». 2013. 167 p.

4. Ivanyan E.P. Euphemisms of the Russian language: Special course: study guide / E.P. Ivanyan. Moscow: Limited Liability Company «FLINTA». 2022. 121 p.

5. Ivanyan E.P. Semantics of food in linguistic research: results and prospects // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17, No. 1-4. Pp. 795–797.

6. Ivanyan E.P. Metaphors of pedagogical speech: linguoecological aspect // Rational and emotional in the Russian language. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Professor of the Moscow State Regional University, Doctor of Philology, Professor Pavel Alexandrovich Lekant. N.B. Samsonov (ed.). 2017. Pp. 331–333.
7. Ivanyan E.P., Belkina Yu.A. Scientific communication as a way of organizing and presenting regional science in virtual space // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 15(2-4). Pp. 857–860.
8. Ivanyan E.P., Kochetova N.G., Ivanova P.S. Laboratory of linguistic meanings: international competitions of student recitation // Russian studies without Borders. 2020. Vol. 4. No. 2. Pp. 123–127.
9. Sokolova M.G. The dynamics of the image of a maple in Sergei Yesenin's lyrics: linguistic and poetic aspect // Russian studies without Borders. 2017. Vol. 1. No. 4. Pp. 35–40.
10. Sokolova M.G. Evolution of constituents of figurative fields of dendronyms in Russian poetry of the XVIII-XX centuries: system-functional approach: monograph. Tolyatti, TSU publ., 2020. 183 p.
11. Klyushina A.M. The manifestation of extremes in the characters of F.M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov» // The World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2022. Vol. 13, No. 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK222.pdf>
12. Klyushina A.M. The manifestation of extremes in Russian linguoculture: an analytical review // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 6. Pp. 1849–1855.
13. Parshina O.D., Ivanyan E.P. Axiology of the phenomenon of the province in the Russian mass media of the beginning of the XXI century // Scientific dialogue. 2020. No. 8. Pp. 123–140.
14. Parshina O.D. The Russian Outback: A Linguistic Explication of Provincial Semantics // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. No. 15(12). Pp. 3859–3868.
15. Ivanyan E.P. On the issue of proprietary units of the Russian province // Science and Culture of Russia. 2022. No. 1. Pp. 119–122.
16. Gurova I.V. linguistic phenomena in synchrony and diachrony: regional methodological seminar of the scientific school of professor E.P. Ivanyan // Actual issues of modern philology and journalism. 2025. No. 4(59). Pp. 185–194.
17. Gonnova N.V. Formation of speech culture of future primary school teachers // Siberian Pedagogical Journal. 2007. No. 10. Pp. 181–187.
18. Gurova I.V., Gonnova N.V. Modern approaches to philological education of students at the levels of preschool, primary general and basic general education // Artemov readings «Productive learning: experience and prospects»: materials of the XV International scientific conference. Ed. L.V. Lysogorova. Samara: Scientific and Technical Center LLC, 2023. Pp. 46–52.
19. Lysova O.Y. The internal form of the word in Russian linguistics of the XX-XXI centuries: a review of the formation and use of the term // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15. Iss. 9. Pp. 2870–2876.
20. Lysova O.Y. The internal form of phraseological units of the Russian language: a semantic aspect. The monograph / Under the general editorship of E.P. Ivanyan. Samara: publishing house «Insoma-press», 2023. 192 p.
21. Aitasova S.I. Features of metonymization of mitigating names in the works of N.V. Gogol // Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects. Proceedings of the Seventh international scientific and practical conference. 2012. Pp. 19–24.
22. Simonova S.I. Euphemization as a linguocultural universal in the works of N.V. Gogol // Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference. Voronezh. 2025. Pp. 257–260.

23. Osipova N.D. Linguistic circle «Language and the World» as a form of work within the framework of the discipline «Pedagogical Rhetoric» at the university // Russian studies without Borders. 2024. No. 8(1). Pp. 96–102.

24. Nemich N.N. Representatives of the semantics of the inexpressible as markers of the transmission of emotions and feelings // Methodological and linguodidactic aspects of the study of language and speech: Proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation. Samara: Samara State Social and Pedagogical University, 2023. Pp. 79–88.

25. Nemich N.N. Representation of olfactory vocabulary in a modern newspaper text // Actual issues of modern philology and journalism. 2025. No. 2(57). Pp. 200–210.

26. Ivanyan E.P., Ivanova P.S. Simile of Olfactory Mode of Perception in Modern Fiction and Perfume Internet Discourse // Philology. Theory & Practice. 2021. Vol. 14. Iss. 6. Pp. 1725–1731.

27. Bychkova V.S. Relations between the center and regions, verbalized in the language pair «Muscovite – provincial» // The Capital and the Provinces: the Relationship between the Center and the Regions in the History of Russia: materials of the XIV All-Russian scientific conference. Iss. 14. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2023. Pp. 222–225.

28. Bychkova V.S. The image of a typical provincial man / woman in media texts // Pushkin Readings – 2024. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: Proceedings of the XXIX International Scientific Conference. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2024. Pp. 330–335.

29. Ivanyan E.P. Vocabulary and Phraseology of Punishment in Russian Discourse: Towards the Question // Baltic Journal of the Humanities. 2018. 7 (4-25). Pp. 59–62.

30. Agafontsev M.S. Characteristics of the Lexicon and Phraseology of Punishment in Family Discourse // Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2024. No. 28(4). Pp. 10–19.

31. Agafontsev M.S. Types of Figurative Meaning at the Basis of Phraseologisms Denoting the Semantics of Physical Punishment of an Individual // Russian studies without Borders. 2025. No. 9(1). Pp. 15–24.

32. Davydova R.S. Grafixation as a way of forming pragmatonyms – ficonyms of the food industry // Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Conference. Voronezh. 2025. Pp. 20–23.

33. Davydova R.S. Nomination trends in the field of baby food pragmatonyms. Science of the Young: Collection of articles by participants of the XVII All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of pedagogical education in Arzamas, Arzamas, November 20-21, 2024. Arzamas: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. 2025. Pp. 426–428.

34. Reznikov D.R., Parshina O.D. Precedent names of Soviet statesmen in the poetic texts of T. Yu. Kibirov // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. No. 16(12). Pp. 4289–4296.

35. Reznikov D.R. Precedent phenomena in the texts of A.V. Kivinov's works «Windswept» and «Kisses, Larin» // Volga Region Pedagogical Bulletin. 2024. No. 12(2-43). Pp. 87–94.

36. Polyakova E.N. Linguinization Microfield «Consequences of Extramarital Sex» in the Dis-course of the 1920s as a Reflection of Axiological Landmarks of Society at the Beginning of the XX century // Priorities of Modern Philological Science in Understanding Multicultural space. Ufa, 2018. Pp. 239–248.

37. Polyakova E.N. Lexicographic Portrait of the Lexeme «Bastard» // The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies. 2025. No. 16(3). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK325.pdf>

38. Miroshnichenko M.R. Current Issues in the Study of Pronouns and Pronominal Words in Linguistic Russian Studies // Science of the Young: Collection of Articles by Participants of the

XVII All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Pedagogical Education in Arzamas, Arzamas, November 20–21, 2024. Arzamas: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. 2025. Pp. 441–444.

39. Miroshnichenko M.R. Development of V.V. Babaytseva's ideas in the study of functional homonyms: the current state of the scientific field // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2025. No. 18(2). Pp. 470–479.

40. Agrova G.N. Parallel Christianity – Paganism in the Lyrics of B. Akhmadulina Containing the Dendronim Spruce and Its Derivatives // Semantics. Functioning. Text. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Kirov: LLC Izdatelstvo Raduga-PRESS. 2025. Pp. 57–64.

41. Agrova G.N. Olfactory mode of perception in the poetry of J. Moritz, dedicated to the Christmas tree // Language categories and units: syntagmatic aspect: collection of articles of the XVI International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of prof. V.F. Kipriyanov. Vladimir. 2025. Pp. 34–40.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2026.61.2.030

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: bugakovanb@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor the Depart-
ment of Russian Language and cross-
cultural communication
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: bugakovanb@yandex.ru*

Н.Б. Бугакова

**ИТОГИ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»
(Воронеж, ВГТУ, 15–17 апреля 2026 года)**

N.B. Bugakova

**RESULTS OF THE VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«LINGUISTIC AND CULTURAL UNIVERSALS IN THE GLOBAL SPACE»
(Voronezh, VSTU, April 15-17, 2026)**

С 15 по 17 апреля 2026 года на базе кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета прошла VII Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве». Мероприятие было приурочено к юбилею ВГТУ и собрало исследователей из России, стран ближнего и дальнего зарубежья, включая Азербайджан, Беларусь, Вьетнам, Египет, Индонезию, Казахстан, Китай, Македонию и Того. Организационный комитет возглавили доктор филологических наук, профессор Н.Б. Бугакова и доктор филологических наук, заведующий кафедрой С.А. Скуридина.

Конференция продемонстрировала широту тематического спектра современной лингвистики и межкультурной коммуникации, объединив пленарные доклады, работу четырёх секций и круглый стол с участием приглашённого эксперта.

Открытие конференции и пленарное заседание задали высокий академический тон всему мероприятию. Доклады, представленные ведущими учёными, охватили несколько ключевых направлений. И.А. Меркулова обратилась к лингвогеографии, рассмотрев номинации пресной воды на лингвистической карте Европы. Г.Ф. Ковалев представил исследование эволюции фольклорного образа от мифологии Бабы-Яги до современных анекдотических форм. О.Ю. Алейников проанализировал дискурс сочинительства в ранних рассказах А. Платонова 1920-х годов. А.Б. Бушев затронул актуальную проблему обыденных представлений носителей языка о своей речи, возникающих в интернет-дискуссиях [1]. Л.Н. Верховых представила анализ воронежских топонимов и микропонимов с компонентом *белый*, выявив особенности их структуры и семантики [2]. Международный аспект был подчёркнут докладом Е.С. Обуховой об особенностях перевода имён собственных на македонский язык в современной детской литературе. Завершила пленарное заседание Е.А. Попова, рассмот-

ревшая африканские антропонимы как коннотонимы русской лингвокультуры.

Секция «Актуальные проблемы современной лингвистики» объединила широкий круг вопросов – от словообразования до лингводидактики. А.К. Баркалова проанализировала аббревиацию в социальных подсистемах; О.С. Варенова – структурно-семантическую организацию документных номинаций. Е.А. Гейн рассмотрела астионим *London* как прецедентную метафору в СМИ. Заметный блок составили доклады по методике преподавания: Т.И. Жаркова исследовала роль творческой деятельности в формировании поликультурной языковой личности [3]; Е.В. Колпакова размышляла об использовании искусственного интеллекта на уроках РКИ; Нгуен Минь Дык (Ханой) – о применении ChatGPT для визуализации лексики. Региональная ономастика была представлена докладами Д.Н. Канищева и В.К. Шиловских. Теоретическую ценность имели выступления Е.И. Колесниковой, О.П. Фесенко и П. Чесноковой. Значительное внимание было уделено переводу (Нурангиз Али гызы Керимова, Баку) и медиалингвистике (С.А. Попов о медиатизации топонимов, Н.С. Суббота о конструировании негативного образа в комментариях).

Секция «Слово в пространстве текста» была посвящена филологическому анализу художественного текста. Н.Б. Бугакова представила доклад о ключевых женских антропонимах в модели ономастического творчества А. Платонова [4]. В этом же ряду – доклад М.А. Лаптевой о лингвокультуре *Воронеж* в творчестве писателей XIX века [5] и доклад С.А. Скуридиной о родственно-антропонимическом коде романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди». Широко были представлены исследования поэтики русских классиков: А.В. Вохминцева [6], исследовавшая семантический сдвиг в лексемах с корнем *rod* у Ф.М. Достоевского, В.В. Вязовская, обратившаяся к бестиарным мотивам у Н.С. Лескова, Е.О. Кузьминых, исследовавшая семантику имён в пасхальном хронотопе рассказа Л.А. Андреева, О.В. Сулемина, анализирующая страшное пространство в святочных рассказах А.П. Чехова. Отдельного внимания заслуживают доклады, посвящённые современной литературе и переводческому наследию (С.В. Сахневич, Москва), а также работе с прецедентными текстами в аудитории РКИ (Нгуен Минь Дык). Завершили секцию исследования ономастических систем зарубежной литературы (Е.А. Статкевич о «Гарри Поттере», О.С. Шурупова о цветowych прилагательных у А. Лиханова).

Секция «Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы» была посвящена актуальной проблематике медиадискурса. Студенческие доклады под руководством опытных наставников охватили широкий спектр тем: от истории цифровых технологий в образовании до специфики новостных материалов на портале «Военное обозрение». Были рассмотрены образ семьи в коммерческой рекламе, конструирование образа Африки в массмедиа, роль социальных сетей в распространении новостей, освещение деятельности микрофинансовых организаций и демографической ситуации [7]. Отдельные доклады касались влияния подкастов, психосоматических реакций на медиасреду, ретро-стиля в рекламе [8], тенденций развития ток-шоу [9], эвфемизации в бьюти-журналистике и эволюции феномена тревожности в СМИ. Интерес вызвали выступления о невербальных маркерах в корпоративной коммуникации (Н.С. Самойленко, Москва), фотографии как медиуме памяти [10] и креативных техниках создания заголовков (В.С. Смагина).

Секция «Мир глазами молодых» предоставила площадку для начинающих исследователей – студентов и магистрантов. Диапазон тем впечатляет: от анализа классических текстов [11] до современных медиафеноменов [12]. Были представлены диалектологические наблюдения, исследования ономастики и эргонимии, работы по медиапродвижению. Завершили секцию выступления по киноадаптациям [13], визуальной поэме, анимационной эстетике и социокультурному восприятию зарубежной литературы.

VII Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» подтвердила свой высокий статус как представительная площадка для обмена научными результатами в области лингвистики, межкультурной коммуникации, медиаиссле-

дований и методики преподавания языка. Организаторам удалось создать продуктивную научную среду, объединившую маститых учёных, молодых исследователей и практиков медиасферы. Тематическое разнообразие докладов, география участников и актуальность обсуждаемых проблем позволяют говорить о значительном вкладе конференции в развитие современной лингвокультурологии и смежных дисциплин.

Материалы конференции будут опубликованы в сборнике научных работ по итогам конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве», которая проводится кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации ежегодно. Подобная периодичность обусловлена интересом к актуальной тематике конференции, большим количеством интересных докладов, которые представляются на конференцию учеными из разных городов России и других стран.

Библиографический список

1. Бушев А.Б. Обыденные представления людей о своем языке в интернет-дискуссии // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 8-15.

2. Верховых Л.Н. Воронежские микротопонимы с компонентом белый: особенности структуры и семантики // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 15-21.

3. Жаркова Т.И. Творческая деятельность как инструмент формирования поликультурной языковой личности студента неязыкового вуза // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 25-29.

4. Бугакова Н.Б. Ключевые женские антропонимы в модели ономастического творчества А. Платонова // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 296-300.

5. Лаптева М.А. Лингвокультурема ВОРОНЕЖ в творчестве писателей и поэтов 19 века // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 323-326.

6. Вохминцева А.В. Семантический сдвиг в лексемах с корнем-доминантой РОД в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 300-303.

7. Бугакова Н.Б., Карманов Е.М. Роль СМИ в формировании общественного мнения и восприятии демографической ситуации // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 148-152.

8. Овсепян Г.А., Новикова М.В. Скрытая реклама как инструмент маркетинга в современной российской индустрии // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 228-232.

9. Попова Ю.С., Павличенко В.А. Тенденции развития жанра ток-шоу на современном российском телевидении // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 232-242.

10. Саратова М.В. Фотография как медиум памяти: теоретические аспекты изучения // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 261-267.

11. Скуридина С.А., Скуридина Е.Д. Семантический потенциал рассказа И.А. Бунина «Лапти» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 335-338.

12. Бородина М.М., Кузьминых Е.О. Косплей-фотография как способ визуализации медиаобраза молодежной субкультуры // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 142-148.

13. Хугаев И.И., Воронова Т.А. Социокультурные основы восприятия российской аудиторией киноадаптаций трилогии Д.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве: материалы VII Международной научной конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2026. С. 286-291.

References

1. Bushev A.B. Everyday ideas of people about their language in online discussions // Linguistic universals in the global space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 8-15.

2. Verkhovyykh L.N. Voronezh microtoponyms with the component white: features of structure and semantics // Linguistic universals in the global space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 15-21.

3. Zharkova T.I. Creative activity as a tool for developing a multicultural linguistic personality of a student of a non-linguistic university // Linguistic universals in the global space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 25-29.

4. Bugakova N.B. Key female anthroponyms in the model of onomastic creativity of A. Platonov // Lingvocultural universals in the world space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 296-300.

5. Lapteva M.A. Lingvocultureme VORONEZH in the works of writers and poets of the 19th century // Lingvocultural universals in the world space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 323-326.

6. Vokhmintseva A.V. Semantic Shift in Lexemes with the Dominant Root ROD in F.M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov" // Lingvocultural Universals in the World: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 300-303.

7. Bugakova N.B., Karmanov E.M. The Role of the Media in Shaping Public Opinion and Perception of the Demographic Situation // Lingvocultural Universals in the World: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 148-152.

8. Ovsepyan G.A., Novikova M.V. Hidden Advertising as a Marketing Tool in Modern Russian Industry // Lingvocultural Universals in the World: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 228-232.

9. Popova Yu. S., Pavlichenko V. A. Trends in the Development of the Talk Show Genre on Contemporary Russian Television // Linguistic Universals in the Global Space: Proceedings of the

VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 232-242.

10. Saratova M. V. Photography as a Memory Medium: Theoretical Aspects of the Study // Linguistic Universals in the Global Space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 261-267.

11. Skuridina S. A., Skuridina E. D. Semantic Potential of I. A.'s Story. Bunin's "Lapti" // Lingvocultural universals in the global space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 335-338.

12. Borodina M.M., Kuzminykh E.O. Cosplay photography as a way of visualizing the media image of a youth subculture // Lingvocultural universals in the global space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2026. pp. 142-148.

13. Khugaev I.I., Voronova T.A. Sociocultural foundations of the perception of the film adaptations of J.R.R. Tolkien's trilogy "The Lord of the Rings" by the Russian audience // Lingvocultural universals in the global space: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Voronezh: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Voronezh State Technical University", 2026. P. 286-291.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц. **Сноски не допускаются.**

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer

Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 2 (61) 2026

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 30.06.2026. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 29,5. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 28 экз. Заказ № 102
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84